Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Акишин Сергей Юрьевич

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА А. А. ДМИТРИЕВСКОГО В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ (1884–1907 гг.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ДМИТРИЕВСКОГО В КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ 37

1.1. А. А. Дмитриевский и Киевская духовная академия 37
1.2. Лекционные курсы по церковной археологии и литургике в Киевской духовной академии: источники для реконструкции, структура и содержание 58
1.3. А. А. Дмитриевский как организатор науки в КДА. Студенты и профессор 96
1.4. А. А. Дмитриевский как человек. Личная жизнь ученого 117

ГЛАВА 2. НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ДМИТРИЕВСКОГО В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ 140

2.1. Командировки А. А. Дмитриевского за границу и их результаты. Научные работы ученого 1884–1907 гг. 142
2.2. Признание заслуг А. А. Дмитриевского. Получение степени доктора церковной истории 180
2.3. Деятельность А. А. Дмитриевского в научных и просветительных обществах 198
2.4. А. А. Дмитриевский в пространстве научной коммуникации 230

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 250

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 256

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 257

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение биографий и научного наследия знаковых фигур научно-образовательного пространства России имеет важное значение как для выяснения путей научного развития идей, концепций, взглядов и оценки вклада в науку конкретного ученого, так и для понимания чаяний и устремлений научной среды, без чего невозможен полноценный научный поиск и решение многих стоящих перед наукой проблем. Это становится особенно очевидно сегодня, когда государство, научное сообщество, общество в целом ищут новые формы организации науки и новые образовательные модели, способные наиболее адекватно отвечать на вызовы современности. В этой связи, имеет большой потенциал и перспективу обращение к биографии и наследию выдающегося ученого XIX — первой трети XX века, почетного члена всех четырех духовных академий, члена-корреспондента Императорской академии наук Алексея Афанасьевича Дмитриевского.

А. А. Дмитриевский родился в Астраханском крае 11 марта 1856 г. Начальное и среднее образование он получил в местных духовных училище и семинарии, а высшее — в Казанской духовной академии, где слушал лекции выдающихся профессоров, в числе которых был замечательный специалист в области литургики — Н. Ф. Красносельцев. Под руководством последнего Алексей Афанасьевич написал кандидатскую работу, посвященную истории богослужения в Русской Церкви в XVI в., и на полтора года остался в родной alma mater в качестве приват-доцента. Систематическая работа под руководством Николая Фомича и определила, вероятно, научные интересы и специализацию А. А. Дмитриевского.

Защитив в конце 1883 г. магистерскую диссертацию, А. А. Дмитриевский в марте 1884 г. перешел на службу в Киевскую духовную академию, в которой вплоть до 1 декабря 1907 г. преподавал литургику и церковную археологию. Выйдя на пенсию в конце 1907 г., А. А. Дмитриевский до 1918 г. включительно проработал в должности секретаря Императорского православного палестинского

общества. В задачи ученого входила не только организация работы канцелярии Общества, но и ревизия различных его учреждений в Сирии и Палестине. Кроме того, Алексей Афанасьевич вел довольно активную общественную деятельность, состоя членом различных обществ Петербурга/Петрограда.

Спасаясь в начале 1919 г. от голода и безработицы, А. А. Дмитриевский возвращается на короткое время к себе на родину в Астрахань, где становится профессором и проректором новообразованного государственного университета. Проректор — второе лицо в университете после ректора, потому по должности Алексею Афанасьевичу приходилось совмещать несколько аспектов работы и исполнять обязанности отсутствовавшего по разным причинам на протяжении практически целого года ректора.

Весной 1922 г. А. А. Дмитриевский в качестве члена Комиссии по отделению Церкви от государства принимал участие в кампании по изъятию церковных ценностей из храмов различных конфессий Астраханского края. В его обязанности входило оценивать тот или иной предмет церковной старины с точки зрения его важности для русских истории и культуры. Итогом этой деятельности стал арест, содержание под стражей в течение 6-ти месяцев, суд и освобождение в октябре того же года.

В 1923 г. А. А. Дмитриевский вернулся в Петроград, где сотрудничал с различными организациями: Русско-византийской историко-словарной комиссией при Академии наук, преподавал в Богословско-пастырском училище и на Высших Богословских курсах, занимался активной научной деятельностью, не имея практически никакой надежды и шансов увидеть плоды своих трудов в печати. Умер ученый 10 августа 1929 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Значение общественной, научной и педагогической деятельности А. А. Дмитриевского трудно переоценить. Ученый оставил глубокий след в нескольких областях науки, создав фундаментальные описания литургических рукописей восточных библиотек и исследования по истории русского присутствия в Святой Земле и на Афоне, по истории Астраханского края и ее выдающихся творцов.

Некоторые из этих трудов до сих пор ждут издания и своего вдумчивого исследователя.

Наиболее значимым для гуманитарной науки был киевский период (1884–1907) жизни А. А. Дмитриевского, когда появились его многочисленные фундаментальные труды. Благодаря многократным командировкам в восточные и западноевропейские книжные собрания, где Алексей Афанасьевич работал над систематическим описанием литургических рукописей на греческом и славянском языках, он издал внушительное число важных для истории православного богослужения памятников, легших в основу как его собственных исследований, так и работ его учеников по Киевской духовной академии.

Между тем, хотя в архивах и отделах рукописей нашей страны, Украины и Грузии сохранился большой пласт источников, касающихся как жизненного пути и деятельности А. А. Дмитриевского, так и целый ряд неопубликованных его работ, системно научным и комплексным изучением киевского периода жизни ученого не занимался никто из исследователей.

Степень научной разработанности темы. Историография работ, посвященных А. А. Дмитриевскому непосредственно, либо в связи с другими, более общими, сюжетами может быть разделена по хронологическому принципу на 2 периода: 1) с 1950-х по начало 1990-х гг. — исследования, появившиеся в советское время, и 2) с начала 1990-х гг. по наше время.

В середине XX в. появилось сразу две работы, имеющих некоторое значение для изучения жизни и изысканий Алексея Афанасьевича в области литургики. В 1955 г. голландский исследователь Габриэль ван Аалст опубликовал в журнале «Het Christelijk Oosten» статью[1], представляющую собой сокращенное содержание докторской диссертации об изысканиях А. А. Дмитриевского в области литургики, которую автор защитил в одном из папских институтов Рима. Собственно говоря, его исследование — одна из первых работ в мировой науке, отражающая с максимально возможной для того времени полнотой жизненный

[1] *Aalst G., van.* A. A. Dmitrievsky (1856–1929): Biographische gegevens en zijn liturgische leer vooral over het liturgisch typikon // Het Christelijk Oosten. Nijmegen,1955. T. 7. P. 29–37, 212–225; 1956. T. 8. P. 163–176.

путь ученого и обзор его научного наследия. Во время подготовки этой работы он обнаружил в библиотеке парижского Института византийских исследований подаренный Дмитриевским Северьену Салавиллю машинописный экземпляр курса лекций ученого, прочтенных на Высших богословских курсах в Ленинграде, к которому был приплетен составленный при участии самого Алексея Афанасьевича библиографический список его опубликованных и находящихся в рукописях работ. Этот список позволил Габриэлю Аалсту выявить наиболее важные в историко-литургическом отношении исследования А. А. Дмитриевского и проанализировать их в своей работе. Однако анализ этот оказался довольно поверхностным и не позволил автору сделать серьезные выводы. Тем не менее, в 1960 г. в журнале «Восточная христианская периодика» он опубликовал обнаруженную им полную библиографию трудов ученого, познакомив тем самым западного читателя с Дмитриевским не только как с литургистом, но и специалистом в других областях знания[2]. Публикация полной библиографии с переводом каждой библиографической позиции на немецкий язык дала в руки западных ученых прекрасный материал, свидетельствующий о том, насколько плодотворна была научная деятельность известного всему миру профессора, которого ранее знали лишь по его монументальному трехтомнику «Описание рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока». Однако публикация этого перечня работ ученого не дала сколько-нибудь заметных результатов и сдвигов в изучении его жизни и наследия на Западе.

Параллельно с работой Г. Аалста, в 1960-е гг. в Московской духовной академии также пробуждается интерес к наследию русских литургистов: преподаватели предложили студентам ряд тем для написания кандидатских диссертаций, посвященных биографиям и наследию русских литургистов М. Н. Скабаллановича, Н. Ф. Красносельцева, И. Д. Мансветова и А. А. Дмитриевского. Тема об Алексее Афанасьевиче была выбрана профессорским стипендиатом священником Львом Махно, который в 1967 г. представил в совет Академии 5-

[2] *Aalst G., van.* Die Bibliographie des russischen Liturgisten A. A. Dmitrievsky // OCP. 1960. Vol. 26. P. 108–140.

томный отчет о проведенном исследовании[3]. В первом томе «Отчета» о. Лев впервые в русской историографии представил наиболее полный обзор жизни и основных сочинений ученого, использовав для этого некоторые материалы из архива А. А. Дмитриевского[4], хранящегося в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград)[5]. Увы, киевскому периоду жизни А. А. Дмитриевского в этой работе было отведено лишь несколько страниц. Написанное без соответствующей критики используемых источников и часто без отсылок к источникам, это исследование, тем не менее, внесло определенный вклад в русскую историческую науку, поскольку впервые достаточно подробно была рассмотрена биография А. А. Дмитриевского и систематизировано его наследие. Тем не менее, Л. Махно использовал далеко не весь потенциал архива. Объясняется это в первую очередь тем, что во время написания отчета еще не был полностью описан и систематизирован фонд Алексея Афанасьевича; исследователям он был доступен лишь в предварительной описи, выполненной в 30-х гг. В. Н. Бенешевичем. Во 2–5 томах стипендиатского отчета священник Лев Махно воспроизвел в современной орфографии ряд крупных и значимых сочинений А. А. Дмитриевского, рассеянных по различным периодическим изданиям, либо вообще недоступных, либо доступных лишь в столичных библиотеках. Какого-либо хотя бы поверхностного анализа этих работ проведено не было. Да это и сложно было сделать Л. Махно, не владеющему соответствующим исследовательским инструментарием и не специализировавшемуся в академии в области литургики.

Из этого отчета автор не стал публиковать ничего кроме библиографического списка опубликованных работ А. А. Дмитриевского, изданного Л. Махно в 4 томе журнала «Богословские труды» за 1968 г.[6] Эта публикация не была сопровождена предисловием, потому читателю остается только гадать, что положено было в основу ее составления и издания. Скорее всего, Л. Махно пользовался тем же

---

[3] *Махно Л., свящ.* Обзор литургических трудов профессора А. А. Дмитриевского: Стипендиатский отчет по кафедре литургики / МДА. Загорск, 1967. Ркп.
[4] Фонд 253 (архив А. А. Дмитриевского).
[5] Ныне — Российская национальная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург).
[6] *Махно Л., свящ.* Список трудов проф. А. А. Дмитриевского в порядке их публикации // БТ. 1968. Сб. 4. С. 95–108.

источником, что и Габриэль Аалст — библиографическим списком работ А. А. Дмитриевского, составленным учениками ученого в 1927 г. и так же сохранившемся в пяти экземплярах в его архивном фонде[7]. Лев Махно не просто опубликовал этот список, но постарался выверить отсылки на место издания и указал точные страницы, на которой располагалась в печатном издании та или иная статья ученого. Впрочем, этот список изобилует многими неточностями, что позволяет подчеркнуть необходимость издания полной библиографии трудов А. А. Дмитриевского.

В том же томе «Богословских трудов» появился еще ряд работ, посвященных А. А. Дмитриевскому. В первую очередь хотелось бы указать на статью эмигранта Б. И. Сове о Дмитриевском как «Русском Гоаре» и создателе школы русской литургики[8]. В этой довольно внушительной по своим размерам статье автор рассмотрел весь жизненный путь Алексея Афанасьевича и определил круг его учеников. Достаточно подробно Борис Иванович рассмотрел и время преподавания А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии. Но проблема в том, что для реконструкции биографии ученого этого времени Б. И. Сове использовал исключительно опубликованные источники, такие как, например, протоколы или извлечения из протоколов совета Казанской и Киевской духовных академий, потому его реконструкция во многом фрагментарна, не дает желаемой полноты и порой имеет серьезные изъяны и ошибки. Однако долгое время это действительно фундаментальное исследование было единственным полным изложением биографии Алексея Афанасьевича.

Таким образом, рассмотрев все исследования, посвященные биографии и наследию А. А. Дмитриевского и написанные до открытия для пользователей его архивного фонда, приходится констатировать, что некоторые из них хотя и носят системный характер, однако порой до невозможности поверхностны. Информация «перекочевывала» из одного сочинения в другое, для реконструкции

---

[7] Библиографический список трудов печатных и находящихся в рукописях профессора А. А. Дмитриевского // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 108. 64 л. Машинопись.

[8] *Сове Б. И.* Русский Гоар и его школа // БТ. 1968. Сб. 4. С. 37–84.

отдельных моментов биографии использовались опубликованные источники, не могущие дать в силу своей специфики ни глубины, ни подробности, так необходимой для выяснения деталей и в целом всей картины.

Принципиально иная ситуация с изучением биографии и наследия А. А. Дмитриевского складывается в начале 70-х годов. Огромное значение в этом вопросе имела подготовка полного описания фонда Алексея Афанасьевича, хранящегося ныне в Российской национальной библиотеке. Как мы уже отмечали выше, первоначально фонд был разобран и систематизирован известным византинистом и канонистом В. Н. Бенешевичем в 30-х гг. XX в.; им была проведена колоссальная работа: различные разрозненные фрагменты исследований Дмитриевского Владимир Николаевич объединял в одно дело и потом надписывал своей рукой. Поэтому позднейшему описателю фонда, В. Ф. Петровой, оставалось только уже систематизированный материал расположить в соответствующем порядке и присвоить каждому делу номер; результатом этой работы стала подготовка детальной описи фонда к 1 декабря 1970 г.

После приведения фонда в порядок, его материалы заинтересовали западноевропейских ученых. Так, в первой половине 70-х гг. итальянский ученый-литургист испанского происхождения Михаил (Мигель) Арранц, прибыв по приглашению ректора Ленинградской духовной академии в Ленинград для чтения лекций, довольно внушительное время проводил в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки, где работал с указанным фондом. Результатом его ознакомления с разделом описи, посвященным литургике, стала публикация в 1974 г. в журнале «Orientalia Christiana Periodica» статьи[9] о судьбе рукописного наследия А. А. Дмитриевского, в которой автор, ныне покойный, не только выполнил краткое описание фонда ученого, но и предпринял изыскания на предмет выявления неопубликованных материалов в его архиве. К примеру, автором была обнаружена часть материалов для 4 тома «Описания литургических рукописей», так и не увидевшего свет. Несомненно, статья была прогрессивной и

[9] *Arranz M.* Les archives de Dmitrievsky dans la bibliothèque d'Etat de Leningrad // Orientalia Christiana Periodica. Vol. 40 (1974). P. 61–83.

давала новую информацию. Будь другая ситуация в стране с доступом в библиотеки иностранных граждан, или если бы студенты духовных академий были готовы работать в архивах, то, конечно же, биография и неопубликованное наследие А. А. Дмитриевского были бы давным-давно тщательно изучены. Однако вместо этого мы видим имена двух-трех советских ученых (например, Б. Л. Фонкич) и всего лишь двух европейских ученых в листах использования той или иной рукописи (Бернар Флюзен и недавно умерший Жильбер Дагрон), которые, прочитав работу М. Арранца, обращались к фонду Алексея Афанасьевича в поисках новой и актуальной для них информации, не касающейся, правда, биографии самого А. А. Дмитриевского. Так, например, нам известно, что готовящееся под руководством Ж. Дагрона и вышедшее недавно новое издание Обрядника императора Константина Багрянородного должно было учитывать чтения А. А. Дмитриевским отдельных мест этого византийского трактата и его комментарий Обрядника[10].

Тем не менее, после публикаций о Дмитриевском 50–70-х гг. XX в. в изучении его жизни и наследия наблюдается некоторое «затишье». Лишь в 1994 г. интерес к научной деятельности историка-литургиста вновь пробуждается, но теперь уже внимание привлекает другая область его интересов — работы по истории Палестины и православного Востока, а также биографии церковных деятелей. Последовал ряд публикаций работ ученого, не увидевших свет при его жизни: так, например, в 1994 г. Ф. Б. Поляков и Б. Л. Фонкич опубликовали очерк А. А. Дмитриевского о коллекционерах рукописей и старопечатных книг[11], снабдив его небольшим предисловием, в котором коснулись истории создания текста сочинения.

В 1995 г. была дана «новая жизнь» и статье-обзору М. Арранца об архиве Дмитриевского. В это время группа ученых во главе с выдающимся византинистом современности И. П. Медведевым начала активную и трудоемкую

[10] Подробнее см.: Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies / *eds. G. Dagron, B. Flusin, D. Feissel.* Paris, 2020. (Corpus fontium historiae byzantinae 52/1-5).

[11] *Дмитриевский А. А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / *публ. с коммент. Ф. Б. Поляков, Б. Л. Фонкич* // Byzantinorussica. 1994. Т. 1. С. 165–197.

работу по выявлению и изучению фондов русских византинистов, хранящихся в петербургских архивохранилищах. Фонд А. А. Дмитриевского был сочтен настолько сложным, что было решено отложить на время написание отдельного очерка об этом фонде, а пока что ограничиться переводом на русский язык статьи М. Арранца, который и был выполнен И. П. Медведевым и опубликован в сборнике «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге»[12].

Начиная с 2000-х годов отмечается большой интерес и спрос на работы Дмитриевского, посвященные православному Востоку. Так, к двухтысячелетию христианства, в 2000 г. в рамках проекта «Россия в Святой Земле» был издан ряд работ и документов А. А. Дмитриевского, связанных с его деятельностью в должности секретаря Императорского православного Палестинского общества[13]. Однако эти работы были изданы без какого-либо тщательного изучения их, без детального комментария и научных предисловий.

Приятным исключением из этого ряда стала публикация в 2004 г. важной работы А. А. Дмитриевского, посвященной истории исправления богослужебных книг при патриархе Никоне и др. патриархах. Проектом независимо друг от друга занимались А. Г. Кравецкий[14] в России и О. Б. Страхова[15] — в США. Оба издания снабжены предисловиями и критическим аппаратом. К сожалению, подготовленная А. Г. Кравецким к публикации книга Дмитриевского по качеству уступает изданию Страховой: в первом, встреченном, к слову сказать, весьма

---

[12] *Арранц М.* А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия / пер. с фр. И. П. Медведев // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–133.

[13] Записка секретаря ИППО А. А. Дмитриевского о научной деятельности [Православного палестинского] общества // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 350–356; Отношение Совета ИППО к управляющему подворьями общества в Палестине П. И. Ряжскому [май 1913 г.] // Там же. С. 680; Отношение Канцелярии ИППО управляющему подворьями общества в Иерусалиме П. И. Ряжскому [23 декабря 1913 г.] // Там же. С. 685–686; Очерк жизни и деятельности архим. Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока / *Подгот. текста: архим. Иннокентий (Просвирнин), игум. Сергий (Данков), С. П. Аникина; Предисл.: Н. Н. Лисовой* // Там же. Т. 2. С. 379–543; то же в: Богословские труды. Сб. 36. М., 2001. С. 57–175.

[14] *Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Подготовка текста и публикация А. Г. Кравецкого. М., 2004. 160 с.

[15] *Страхова О. Б.* «Русский Гоар» А. А. Дмитриевский и его статья об исправлении Служебника в Москве в XVII и XVIII вв. // Palaeoslavica XII/2 (2004). P. 47–197.

благосклонно специалистами[16], присутствует большое число опечаток и неверных прочтений тех или иных мест рукописи. Издание О. Б. Страховой выполнено на высочайшем уровне и с блестящим критическим аппаратом, что позволяет его считать лучшей публикацией сочинения Алексея Афанасьевича.

2000-е годы дали очень много в плане изучения жизненного пути и литературного наследия А. А. Дмитриевского: здесь можно упомянуть исследования, как непосредственно посвященные Дмитриевскому, так и работы, где упоминается его имя в той или иной связи[17]. Среди первых работ особое значение имеют исследования Л. А. Герд [18], занимающейся изучением деятельности Дмитриевского в ИППО и в качестве старосты Барградской Александро-Невской церкви Петербурга. Ту же тематику, но иные сюжеты затрагивают исследования Н. Н. Лисового[19], который помимо всего прочего последние несколько лет активно занимался переизданием работ Алексея Афанасьевича, посвященных русской Палестине и истории ИППО и снабженных порой весьма обширными предисловиями[20].

---

[16] См., напр.: *Желтов М. С.* Рецензия на книгу: Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Подготовка текста и публикация А. Г. Кравецкого. М., 2004 // Вестник ПСТГУ I: Богословие и философия [Труды кафедры Литургического богословия]. М., 2005. Вып. 14. С. 191–195.

[17] *Ульяновский В. И.* Церковно-археологический музей при КДА: борьба идей — Петров и Дмитриевский // Проблемы славяноведения. Брянск, 2002. Вып. 4. С. 121–146; *Герд Л. А.* Переписка В. Н. Хитрово в архивном фонде А. А. Дмитриевского // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 66–74; *Акентьев К. К.* Следы дрезденского списка (А 104) Типика константинопольской Св. Софии в архиве А. А. Дмитриевского // http://byzantinorossica.org.ru/sources/papers/dresden104.pdf [Электронный ресурс]; *Акентьев К. К.* Дрезденский список Типика константинопольской Св. Софии (Cod. Dresden A 104). Реконструкция текста по материалам архива А. А. Дмитриевского // http://byzantinorossica.org.ru/sources/dmitrievskii/dresden104.djvu [Электронный ресурс]; *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского Богословского Института // Минувшее: Исторический альманах. М.-СПб., 1998. Вып. 24. С. 484–549; *Бовкало А. А.* Литургика в Петрограде после 1918 г. // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 393–400.

[18] *Герд Л. А.* А. А. Дмитриевский как староста Николо-Александровской Барградской церкви в Петербурге // Родное и вселенское: к 60-летию Н. Н. Лисового: [сб. статей]. М., 2006. С. 105–123; *Она же.* Дмитриевский А. А. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 429–435; *Она же.* А. А. Дмитриевский: между наукой и церковной политикой // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 190–202 (исследование представляет собой переработанную и дополненную статью из Православной энциклопедии);

[19] *Лисовой Н. Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре Секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 6–35.

[20] *Лисовой Н. Н.* А. А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 6–78; *Он же.* Люди Русской Палестины в изображении А. А. Дмитриевского // Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины / сост. Н. Н. Лисовой. М.; СПб., 2010. С. 5–18; *Он же.* Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода. М.: Индрик, 2016. С. 337–380.

Отдельным, совсем частным аспектам деятельности Алексея Афанасьевича посвящены исследования И. П. Медведева[21], Н. Ю. Суховой[22], А. Г. Грушевого[23], К. И. Лобовиковой[24], П. Г. Рогозного[25], Л. Б. Вольфцун[26], диак. Василия Писцова[27], Р. К. Эльмуратова[28], А. Г. Абулгазиевой и А. А. Абрамцовой[29].

Довольно любопытны с точки зрения постановки вопроса размышления Е. В. Романцовой[30], попытавшейся философски осмыслить разнообразную деятельность А. А. Дмитриевского. Как нам представляется, эту попытку следует признать неудачной, а выводы ошибочными по причине недостаточной репрезентативности использованных для исследования источников. К ее исследованию примыкает и работа А. П. Глазкова[31], посвященная философскому значению наследия А. А. Дмитриевского. Однако автору настоящих строк сама

---

[21] *Медведев И. П.* Материалы к истории рукописных собраний Санкт-Петербурга // Православный Палестинский сборник. Вып. 98. СПб., 1998. С. 132–138.

[22] *Сухова Н. Ю.* «Ваш приезд всколыхнул наше духовное общество» (о последнем посещении А. А. Дмитриевским Киева в 1926 г.) // Церковь. Богословие. История. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.) Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2014. С. 238–243; *Она же.* Корпорация Киевской духовной академии в 1926–1929 гг. (по письмам членов корпорации А. А. Дмитриевскому) // Труды Киевской духовной академии. № 21. Киев, 2014. С. 105–119; *Она же.* А. А. Дмитриевский и ученики: проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX — начало XX в.) // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.) Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2015. С. 583–595. См. также ее вводные статьи к изданию переписки А. А. Дмитриевского.

[23] *Грушевой А. Г.* Императорское православное палестинское общество в кризисные годы (1905–1910 гг.) (к вопросу об интерпретации «Доклада секретаря» 10 октября 1908 г.) // Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» (г. Астрахань, 19 апреля 2018 г.) / отв. ред. и сост.: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, А. П. Глазков. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. С. 55–73; *Он же.* Императорское православное палестинское общество в кризисные годы: 1905–1910 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 8. М.: Индрик, 2018. С. 108–122

[24] *Лобовикова К. И.* А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна: Неск. штрихов к биографии ученого // Мир русской византинистики: Материалы архивов С.-Петербурга / Ред.: И. П. Медведев. СПб., 2004. С. 241–255;

[25] *Рогозный П. Г.* «Пред нашими взорами совершился суд над историей»: (Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.] // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 30. СПб., 2007. С. 447–455;

[26] *Вольфцун Л. Б.* «Мнение» профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. // Там же. С. 476–486;

[27] *Писцов В., диак.* К истории послереволюционного периода жизни и деятельности проф. Дмитриевского // http://bogoslov.ru/text/293749.html [Электронный ресурс]

[28] *Эльмуратов Р. К.* Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского и их значение для российской литургической науки // Сборник студенческих работ. 2009. М.: ПСТГУ, 2009. С. 57–68.

[29] *Абулгазиева А. Г., Абрамцова А. А.* Деятельность А.А. Дмитриевского по сохранению астраханских памятников церковной архитектуры в годы гражданской войны // Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции… С. 12–15.

[30] *Романцова Е. В.* Философское осмысление историко-религиозных, политических и педагогических взглядов А. А. Дмитриевского // Астраханский меридиан: альманах. Вып. 1. Духовная традиция: региональные исследования. Астрахань, 2010. С. 60–70.

[31] *Глазков А. П.* Философское значение научного наследия А.А. Дмитриевского // Свет Православия. 2015. № 5 (231). С. 12–14.

постановка вопроса кажется несколько неуместной или, по крайней мере, преждевременной. Думается, для начала должно быть проведено исследование, оценивающее в целом вклад Дмитриевского в ту или иную область гуманитарного знания, и только потом можно будет попытаться дать философски целостное объяснение концепций и мировоззрения Алексея Афанасьевича.

Оживлению интереса к личности и наследию А. А. Дмитриевского в последние годы способствовало, вероятно, выполненное в 2009 г., к 80-летию со дня кончины ученого, переиздание на диске полного собрания сочинений ученого, опубликованных им прижизненно[32].

В 2016 г. вышло первым изданием и в 2021 г. — вторым монографическое исследование астраханского краеведа А. С. Маркова, посвященное биографии А. А. Дмитриевского. Книга написана в жанре популярного рассказа и ориентирована на массового читателя. Хотя автор и использовал некоторые документы из личного архива А. А. Дмитриевского, хранящегося в ОР РНБ, круг его источников достаточно узок, потому воссоздаваемый им образ далек от полноты и рельефности[33]. Киевскому периоду жизни А. А. Дмитриевского Александр Сергеевич уделяет совсем мало внимания (с. 15–17, 31–37 1-го изд.), концентрируясь, в основном на личной жизни ученого, охарактеризованной пишущим настоящие строки в частном письме.

Автором этих строк с 2007 г. по настоящее время также разрабатывался целый ряд вопросов, связанных с изучением биографии и наследия А. А. Дмитриевского. В первую очередь следует упомянуть работы, посвященные реконструкции различных периодов жизненного пути и деятельности А. А. Дмитриевского[34]; ряд исследований автора касается реконструкции судьбы

---

[32] Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. СПб.: Аксион эстин, 2009. (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). CD.

[33] Марков А. С. Жизнь и труды Алексея Дмитриевского. Астрахань, 2016. 196 с.; 2-е изд. Астрахань, 2021. 220 с.

[34] Акишин С. Ю. Дмитриевский А. А. как литургист // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2007. С. 435–437; Он же. Биография профессора А. А. Дмитриевского и характеристика его научной деятельности // Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. СПб.: Аксион эстин, 2009. (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). CD (1,96 п. л.); Он же Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труди Київської Духовної

архива и библиотеки[35], образа ученого как человека[36], его профессионального взаимодействия с коллегами (в том числе работающими в его исследовательской области) и эпистолярных контактов[37]. Определенное внимание уделено истории создания, анализу и введению в научный оборот отдельных сочинений А. А.

Академії. 2011. № 15. С. 249–267; Он же. Преподавательская деятельность профессора А. А. Дмитриевского на Высших Богословских курсах Ленинграда // Труди Київської Духовної Академії. 2012. № 17. С. 251–278; Он же. Деятельность профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) // Труды Киевской Духовной Академии. 2014. № 20. С. 233–266; Акишин С. Ю., Бурега В. В. Дмитриєвський Олексій Афанасійович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1. Киев: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 458–463; Акишин С. Ю. Биография профессора А. А. Дмитриевского (1856–1929) и обзор его письменного наследия // Дмитриевский А. А. Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. (Источники и исследования по истории русской богословской науки; кн. 1). С. 9–81; Он же. Участие А. А. Дмитриевского в организации уставных богослужений в ленинградском Богословско-пастырском училище // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 78. С. 119–138; Он же. Переписка проф. А. А. Дмитриевского с женой А. И. Дмитриевской как источник по истории Предсоборного Присутствия // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (7). С. 41–50; Он же. Деятельность профессора А.А. Дмитриевского в Астраханском государственном университете (1919–1922 гг.) // Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» (г. Астрахань, 19 апреля 2018 г.) / отв. ред. и сост.: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, А. П. Глазков. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. С. 8–11; Он же. Принципы правки профессором А. А. Дмитриевским текстов Постной Триоди в контексте дискуссии о богослужебном языке на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Собор и соборность: К столетию начала новой эпохи / [отв. ред. А. В. Анашкин]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 241–254; Работа А. А. Дмитриевского в Русско-византийской комиссии РАН и его контакты с Византологической комиссией Всеукраинской академии наук // Античная древность и Средние века. 2018. Вып. 46. С. 272–287; Он же. Профессор А. А. Дмитриевский как преподаватель литургики в Киевской духовной академии: источники, структура курса, отзывы студентов // Труди Київської Духовної Академії. 2020. № 32. С. 307–341; Он же. Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский как преподаватель церковной археологии: источники и структура курса // Труди Київської Духовної Академії. 2020. № 33. С. 255–274.

[35] Акишин С. Ю. К вопросу о судьбе архива и библиотеки профессора А. А. Дмитриевского // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 118–127.

[36] Акишин С. Ю. Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги П. П. Кудрявцева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3 (23). С. 167–196; Он же. «Это был человек глубоко преданный науке и прямо влюбленный в свою литургику»: профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги В. П. Рыбинского // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 264–286; Он же. Образ профессора А. А. Дмитриевского в переписке Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 284–294.

[37] Акишин С. Ю. Об одном нереализованном проекте издания Литургической хрестоматии // Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. С. 18–28; Он же. Эпистолярные контакты профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского и схимонаха Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне Матфея (Ольшанского). Рецензия на кн.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон. Письма 1886–1911. М.: Изд-во Индрик, 2017. 512 с. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 345–361; Он же. Красносельцев Николай Фомич // Православная энциклопедия. Т. 38. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2015. С. 433–438; Он же. Мансветов Иван Данилович // Православная энциклопедия. Т. 43. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2016. С. 363–366; Он же. Акишин, С. Ю., Старков П. И., свящ. Переписка И. С. Бердникова с русскими учеными и учениками по Казанской духовной академии (1870–1914 гг.) // Церковь. Богословие. История: материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2019. С. 369–381.

Дмитриевского и его учителя Н. Ф. Красносельцева[38]. Благодаря этому удалось доказать наличие неразрывной связи между учителем и учеником, которая демонстрировалась не только в единстве применяемой исследовательской методологии, но и в зависимости учебных программ и лекционных курсов.

Таким образом, рассмотрев все более-менее крупные исследования, посвященные личности А. А. Дмитриевского и созданные после открытия доступа к его архивному фонду отметим, что качество исследований улучшилось и выводы стали более фундированными. Однако по-прежнему существуют определенные лакуны, без восполнения которых невозможно судить об Алексее Афанасьевиче как ученом и как человеке.

Изучение биографии и наследия выдающегося русского ученого А. А. Дмитриевского имеет хотя и многолетнюю, однако не богатую историографическую традицию. К настоящему времени появилось несколько десятков разных по содержанию работ, основывающихся как на работах предыдущих исследователей и опубликованные материалы, так и на архивных источниках из фонда Алексея Афанасьевича. Работы, созданные до 1974 г.,

---

[38] Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике, читанные студентам Казанской духовной академии в 1880/1881 учебном году / вступ. ст., публ. и прим. С. Ю. Акишина, диак. А. В. Щепёткина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 210–278; Акишин, С. Ю., Терехов, М. А. История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А. А. Дмитриевского // Церковь. Богословие. История: материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург: Информ.-издат. отдел ЕДС, 2014. С. 15–20; Акишин С. Ю. Об авторстве «Дневника воспитанника Астраханской духовной семинарии» (ОР РНБ. Ф. 253. Д, 782): А. А. Нартов или А. А. Дмитриевский? // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 218–224; Он же.Лекционный курс приват-доцента А. А. Дмитриевского по истории богослужения в Русской Церкви // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. / отв. ред. А. Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2017. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 36). С. 323–329; Он же. Источники для реконструкции лекционного курса по литургике профессора А. А. Дмитриевского, прочитанного студентам Киевской духовной академии в 1884–1907 гг. // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 356–361; Он же. «Новая манера/методология» профессора А. А. Дмитриевского для исследования истории богослужебных чинов: на материале неопубликованных работ // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39). С. 432–438; Об авторстве «Дневника воспитанника Астраханской духовной семинарии» (ОР РНБ. Ф. 253. Д, 782): А. А. Нартов или А. А. Дмитриевский? // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 218–224.

21. Акишин, С. Ю., Щепеткин А. В., диак. Лекционные курсы по литургике приват-доцента А. А. Дмитриевского в Казанской духовной академии // Дмитриевский А. А. Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. (Источники и исследования по истории русской богословской науки; кн. 1). С. 83–101 (0,9 п. л. / 0,5).

основываются исключительно на опубликованных источниках, отчего становится практически невозможной полнота изложения того или иного вопроса или сюжета биографии, что существенно обедняет в целом научные построения и делает необоснованными выводы исследователей.

Современные исследования, созданные после систематизации и описания архивного фонда А. А. Дмитриевского, написаны уже на качественно ином уровне, хотя касаются, в основном, частных вопросов. До сих пор остаются неизученными такие периоды жизни А. А. Дмитриевского как казанский, киевский и астраханский. Исследователи обходят своим вниманием научное наследие А. А. Дмитриевского, которое очень велико и оценить которое можно лишь после тщательного изучения истории создания того или иного исследования, его функционирования и вписанности в научный дискурс того времени и, наконец, оценив результаты научной деятельности ученого и актуальности его выводов для современной науки. По большому счету, это возможно только после скрупулезного изучения всех периодов жизни А. А. Дмитриевского и его научного, в том числе, и неопубликованного наследия.

Исходя из оценки степени научной разработанности темы исследования, можно сформулировать **цель** настоящей работы, которая состоит в реконструкции биографии, преподавательской, научной и общественной деятельности видного ученого А. А. Дмитриевского в киевский период его жизни (1884–1907 гг.).

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач:**

– охарактеризовать вехи биографии ученого в киевский период его жизни;

– выявить и систематизировать источники для реконструкции, структуру и содержание преподаваемых А. А. Дмитриевским в Киевской духовной академии дисциплин;

– сформировать образ А. А. Дмитриевского как человека, преподавателя и организатора науки в Киевской духовной академии;

– провести анализ экспедиционной деятельности ученого, осветив отдельные события научных командировок и их результаты;

– охарактеризовать историю создания, содержание наиболее важных исследований ученого и выделить тематические направления его работ;

– показать вовлеченность и погруженность А. А. Дмитриевского в общероссийскую научную среду, охарактеризовав деятельность ученого в различных научных и просветительных обществах.

Объектом исследования настоящей работы является научная биография историка, педагога и общественного деятеля Алексея Афанасьевича Дмитриевского как яркого представителя отечественной науки и образования.

Предметом исследования стала преподавательская, научно-педагогическая и общественная деятельность А. А. Дмитриевского в киевский период его жизни.

Хронологические рамки исследования определяются временем преподавания А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии, с 1884 по 1907 гг., когда Алексей Афанасьевич вполне сформировался как ученый, преподаватель и общественный деятель. Это время наибольших успехов ученого. В силу того, что работа посвящена изучению деятельности конкретной исторической личности, жизнь которой имеет известные крайние границы — год рождения 1856 и кончины — 1929, мы позволим себе несколько расширить хронологические рамки. Для удобства определим основные периоды жизни А. А. Дмитриевского: 1) 1856–1878 гг. — первый астраханский период, связанный с воспитанием и получением среднего образования в Астраханских духовных училище и семинарии; 2) 1878–1884 гг. — казанский период жизни ученого, связанный с его обучением, защитой магистерской диссертации и первым преподавательским опытом в Казанской духовной академии; 3) 1884–1907 гг. — киевский период жизни А. А. Дмитриевского, который связан с преподаванием в Киевской духовной академии, научными командировками и в целом представляет собой наиболее результативное для науки время его жизни; 4) 1907–1918 гг. — первый петербургский период жизни ученого, связанный с его работой и деятельностью на посту секретаря Императорского православного палестинского общества; 5) 1918–1923 гг. — второй астраханский период жизни, связанный с преподаванием и заниманием различных должностей в Астраханском

государственном университете; 6) 1923–1929 гг. — второй петербургский (петроградский/ленинградский) период биографии, связанный с очень сложным временем не только для ученого, но и для всей страны, и его сотрудничеством с разными научными и образовательными учреждениями Петрограда/Ленинграда. Необходимость расширения хронологических рамок исследования обусловлена тем, что многие события жизни и деятельности А. А. Дмитриевского имели как свое основание в предыдущие периоды его жизни, так и повлияли на другие периоды биографии ученого.

Источниковой базой исследования служит комплекс различных исторических документов как опубликованных, так и неопубликованных, хранящихся в различных архивных собраниях России и Франции и вводимых в значительной своей части в научный оборот впервые.

Автором изучены материалы 10 архивов, общее количество изученных архивных дел составляет 135 единиц хранения. Прежде характеристики использованных источников по их видам, кратко укажем на основные архивные собрания, в которых отложились материалы по нашей теме исследования.

1) При написании работы первостепенное значение имели материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в котором хранится основная часть личного архива А. А. Дмитриевского (ф. 253), насчитывающая 933 единицы хранения, и фонды других лиц, в которых отложились документы, связанные с деятельностью ученого. Среди документов архивного фонда ученого — документы служебной деятельности, черновики и чистовики опубликованных и неопубликованных научных его работ, переписка А. А. Дмитриевского с различными лицами и материалы родственников и иных лиц. Хранящиеся в фонде документы в достаточной степени полно характеризуют служебную деятельность ученого. Определенное значение имели и материалы фондов иных учреждений и лиц, также хранящиеся в ОР РНБ (например, фонд И. В. Помяловского (ф. 608)).

2) Вторая часть архива А. А. Дмитриевского хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 214). Здесь представлены, как правило,

материалы третьих лиц, позволяющие восполнить информацию о круге общения ученого и его интересах. В этом же архивном собрании определенное значение для работы имели фонды различных учреждений и лиц: Канцелярии II отделения Академии наук (Отделение русского языка и словесности) (ф. 9), Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ф. 133), В. Н. Бенешевича (ф. 192), А. Ф. Бычкова (ф. 764), С. А. Жебелева (ф. 729), Н. П. Кондакова (ф. 115), В. И. Ламанского (ф. 35), В. В. Латышева (ф. 110), Х. М. Лопарева (ф. 107), Н. Я. Марра (ф. 800), Н. К. Никольского (ф. 247), Ф. И. Успенского (ф. 116).

3) При написании диссертации были использованы материалы ф. 120 Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, где отложились делопроизводственные документы канцелярии Императорского православного палестинского общества, позволяющие с определенной степенью подробности охарактеризовать работу А. А. Дмитриевского на посту секретаря Общества и обстоятельства его отставки. Определенное значение имеют письма А. А. Дмитриевского сотруднику Общества Владимиру Дмитриевичу Юшманову (1870 — после 1939).

4) В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах нескольких учреждений отложились учебные программы преподаваемых дисциплин, послужные и формулярные списки А. А. Дмитриевского, благодаря которым можно получить точное представление о продвижении ученого по карьерной лестнице, его наградах и местоположении в табели о рангах. Это, прежде всего, фонды Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796) и рукописей Синода (ф. 834), фонд Учебного комитета (ф. 802).

5) Для диссертационного исследования имели большое значение материалы различных фондов Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), в которых отложились источники личного происхождения, дающие представление о А. А. Дмитриевском как ученом и человеке. Это, прежде всего, подарочный фонд (ф. 178), фонды архим. Леонида (Кавелина) (ф. 148) и российского филолога А. И. Успенского (ф. 434).

6) Выдающееся значение для конструирования источниковой базы исследования имел Архив Библиотеки Московской духовной академии (г. Сергиев Посад), в котором сохранились документы личного происхождения из собраний профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева и ректора Киевской духовной семинарии протоиерея Сергия Афонского. Документы фонда проливают определенный свет на последние годы жизни А. А. Дмитриевского и судьбу личных архива и библиотеки ученого, но в связи с нашей темой обращение к этому фонду позволило выявить и использовать 2 важных, неизвестных до настоящего времени свидетельства о А. А. Дмитриевском как человеке.

7) При написании работы были использованы материалы Государственного архива Республики Татарстан (г. Казань), в котором хранится архивное собрание Казанской духовной академии (ф. 10). Материалы фонда содержат делопроизводственную и учебно-методическую документацию, характеризующую время обучения А. А. Дмитриевского в этом учебном заведении и его деятельность в качестве приват-доцента по кафедре церковной археологии и литургики. Кроме того, в архиве находится научная корреспонденция профессора КазДА И. С. Бердникова, добавляющая определенные черты к характеристике А. А. Дмитриевского как ученого и человека.

8) Определенное значение имели и материалы, отложившиеся в личном фонде академика Грузинской академии наук К. С. Кекелидзе. Здесь в первую очередь следует назвать эпистолярные источники, дающие новую информацию о биографии А. А. Дмитриевского в последнее десятилетие его жизни. Кроме того, указанные источники проливают свет на характер взаимоотношений учителя и ученика.

9) Большой пласт документов, связанных с киевским периодом жизни ученого, отложился в фондах Киевской духовной академии и ее профессоров. В настоящее время фонд КДА разделен на 2 части и находится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (ИР НБУВ) и в

Центральном государственном историческом архиве Украины (ЦГИАУК). Нами документы этих фондов, ввиду их удаленности и малодоступности, использовались ограниченно.

10) Достаточно интересны частью опубликованные, частью не введенные в научный оборот письма афонским монахам, отложившиеся в Архиве Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Из изданных писем ученого первостепенное значение для нас имеет корреспонденция со схимонахом Матфеем (Ольшанским, о не см. ниже). Некоторые интересные детали путешествий ученого и его жизни в Киеве почерпнуты нами из двух писем ученого иеросхимонаху Агафодору (Буданову)[39], четырех архимандриту Макарию (Сушкину), четырех иеросхимонаху Павлу (Дурневу) и одного иеросхимонаху Нафанаилу (Кобелеву)[40].

Изученные в диссертационной работе источники можно разделить на несколько групп:

1) Законодательные источники. В этой группе источников для нас первостепенное значение имели уставы духовных академий 1869[41] и 1884 гг.[42], определявшими жизнь высших духовных учебных заведений, с которыми была связана преподавательская и научная деятельность А. А. Дмитриевского в 1884–1907 гг.

2) *Сочинения А. А. Дмитриевского*. Алексей Афанасьевич оставил после себя обширное письменное наследие, которое использовалось нами не только для характеристики научных результатов деятельности ученого, но и как источник, проливающий свет на отдельные элементы его биографии[43]. Опубликованные

---

[39] АРПМА. А-1750. Оп. 40. Д. 30, докум. 1750 (Письма А. А. Дмитриевского схииеромонаху Агафадору (Буданову)).

[40] Письма А. А. Дмитриевского этим корреспондентам объединены в одно дело: АРПМА. А-1815. Оп. 41. Д. 775, докум. 1815 (Письма ученого А. А. Дмитриевского 1888 и 1912 годов).

[41] Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий [30 мая 1869 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1873. Т. XLIV. Отд. 1. № 47154. С. 545–556; Приложение. С. 424–426.

[42] Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий [20 апреля 1884 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1887. Т. IV. № 2160. С. 232–243; Приложение. С. 143.

[43] Махно Л., свящ. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 94–107; Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Русские писатели-богословы — исследователи богослужения и церковного искусства: библиографический указатель / сост. А. С. Чистякова, Н. С. Степанова, О. В. Курочкина. М., 2004. С. 30–46; уточненный список трудов ученого см.: Акишин

сочинения А. А. Дмитриевского, легшие в основу диссертационного исследования, можно разделить на несколько тематических групп: 1) публикации текстов и описания рукописных собраний различных библиотек; 2) исследования по литургике и церковной археологии; 3) речи, выступления, некрологи, отчеты; 4) работы по истории православного Востока и российского присутствия в Палестине; 5) публицистические сочинения; 6) рецензии и отзывы на монографии, кандидатские и магистерские сочинения студентов Киевской духовной академии. Все опубликованные при жизни автора работы к 80-летию со дня смерти ученого были переизданы нами на CD[44].

Сюда же могут быть отнесены отклики на исследования А. А. Дмитриевского, опубликованные в виде рецензий, либо в виде библиографических заметок или самостоятельных статей.

Это, в первую очередь, статья итальянского ученого Антонио Пальмьери «Обзор изданий исследований по литургике и церковному пению», опубликованная в специализированном римском издании[45]. В своем исследовании А. Пальмьери (кстати сказать, именно он назвал Алексея Афанасьевича «Русским Гоаром») касается исключительно литургических исследований А. А. Дмитриевского. При создании статьи автор ставил перед собой исключительно информативную цель — рассказать западным литургистам о работах их российского коллеги, потому описание Пальмьери лишено критических рассуждений, хотя содержание основных работ русского литургиста передано достаточно полно.

К этой общей работе примыкают рецензии на отдельные сочинения Дмитриевского видных российских ученых XIX — начала XX вв. Первостепенное

С. Ю. Библиография трудов проф. А. А. Дмитриевского в порядке их публикации // Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. СПб.: Аксион эстин, 2009. (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). CD. С. 1–23.

[44] Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. СПб.: Аксион эстин, 2009. (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). CD.

[45] *Palmieri A.* Le opera liturgiche del prof. Dmitrievsky // Rassegna Gregoriana. Roma, 1907. VI. № 11–12. Col. 522–528.

значение в этом ряду имеют рецензии[46] на наиболее важные исследования А. А. Дмитриевского его учителя по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева. Ценность этих полноценных обзоров того или иного труда ученого в том, что написаны они научным руководителем и коллегой «по цеху», который не стеснялся критически относиться к работам своего ученика, высказывал свои соображения относительно тех или иных наблюдений ученого и указывал на немногочисленные ошибки. Увы, сам Алексей Афанасьевич относился к критике Николая Фомича очень болезненно и после каждой рецензии обрушивался на Н. Ф. Красносельцева с контркритикой, правда, в письмах, не решаясь печатно выступать против своего учителя.

Некоторый интерес представляют рецензии на книгу «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока», представленную Дмитриевским в 1896 г. в совет Казанской духовной академии на соискание ученой степени доктора церковной истории. Как свидетельствуют источники, к диссертации Алексея Афанасьевича в Академии отнеслись скептически и первоначально намеченные самим соискателем рецензенты отказались от рецензирования. В итоге, оценивали работу по большому счету неспециалисты в литургике: ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий) и профессор кафедры церковной археологии и литургики В. А. Нарбеков [47] . Оба хотя и имели опыт преподавания литургики, однако самостоятельных исследований в этой области не проводили и потому

---

[46] *Красносельцев Н. Ф.* [Рец. на диссертацию А. А. Дмитриевского «Богослужение в Русской Церкви в XVI в. (Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств) // Протоколы заседаний совета КазДА за 1882 г. Казань, 1882. С. 334–338; *Он же.* Рец. на кн. А. А. Дмитриевского «Патмосские очерки. Из поездки на о. Патмос летом 1891 года. Киев, 1894» // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 3–4. С. 723–732; *Он же.* Рец. на книгу А. А. Дмитриевского «Евхологион IV в. Серапиона, еп. Тмуитского. Киев, 1894» // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. 1894. Т. IV. С. 127–128; *Он же.* Рец. на кн. А. А. Дмитриевского «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во св. Иерусалиме IX–X вв.» // ВВ. 1895. Т. 2. Вып. 4. С. 632–655; *Он же.* Рец. на кн. А. А. Дмитриевского «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1» // ВВ. 1897. Т. IV. Вып. 3–4. С. 587–615.

[47] *Нарбеков В. [А.]* Отзыв о книге доцента Киевской духовной академии А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895», представленной на соискание ученой степени доктора церковной истории // Протоколы заседаний совета Казанской духовной Академии за 1896 г. Казань, 1897. С. 263–297; *Антоний [Храповицкий], архим.* Отзыв о сочинении А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы» // Там же. С. 297–300.

осмысленных критических замечаний высказать не смогли. Тем не менее, именно за эту работу А. А. Дмитриевский будет позже назван «Русским Гоаром»[48].

3) Делопроизводственные источники. Эта группа источников включает в себя опубликованную и неизданную документацию, связанную с деятельностью сразу нескольких образовательных и общественных учреждений: Казанской, Киевской, Санкт-Петербургской и Московской духовных академий, Императорского православного палестинского общества и Астраханского государственного университета. В ряду опубликованных документов первостепенное значение имели издававшиеся духовными учебными заведениями протоколы заседаний Совета и отчеты о деятельности в приложениях к академическим журналам. Из неопубликованных документов интерес представляют различные протоколы заседаний и отчеты о деятельности комиссий, функционировавших в учебных заведениях, и проч. Изучение этих источников позволило выяснить ряд важных деталей научно-педагогической, административной и общественной деятельности А. А. Дмитриевского.

В качестве важной подгруппы делопроизводственных источников можно назвать *учебно-методические документы.* К этому виду источников мы относим документацию, связанную, с одной стороны, с организацией учебного процесса (расписания занятий и экзаменов, ведомости переводных экзаменов), с другой — его содержанием. В последнюю категорию входят программы и лекционные курсы по читавшимся А. А. Дмитриевским в Казанской и Киевской духовных академиях литургике и церковной археологии.

4) Источники личного происхождения. А. А. Дмитриевский состоял в переписке с сотнями учреждений и лиц, благодаря чему на основании изучения эпистолярных источников можно получить дополнительные сведения как об уже известных науке событиях биографии ученого, так и неизвестных. Последние несколько лет исследователи активно изучают и публикуют эпистолярий А. А. Дмитриевского, — в основном, конечно же, письма, адресованные ему разным

[48] Яков Гоар — основоположник научного изучения литургики. Издатель важнейших текстов византийского Евхология.

лицам. Более всех в этой области значим вклад профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н. Ю. Суховой, опубликовавшей в разных периодических изданиях уже несколько комплектов писем. Издаваемые в свет письма обладают большим информативным потенциалом и позволяют реконструировать отдельные элементы биографии А. А. Дмитриевского, его личную жизнь, деятельность в различных комиссиях, процесс и историю создания им того или иного исследования и проч. В период с 2013 по 2017 гг. Н. Ю. Суховой были опубликованы несколько комплектов писем из архивного фонда Алексея Афанасьевича. Это, в первую очередь, письма Д. И. Богдашевского (в будущем — епископа Василия) [49], прот. Н. С. Гроссу [50], П. П. Кудрявцева [51], прот. В. Д. Прилуцкого [52], прот. К. С. Кекелидзе [53], Н. Н. Пальмова [54], В. П. Рыбинского [55], протоиереев Алексия и Александра Глаголевых [56], свящ. А. Жураковского [57], прот. Н. Виноградова [58], прот. И. Н. Королькова [59]. В 2017 г. в издательстве «Индрик» рабочей группой была опубликована взаимная переписка А. А. Дмитриевского с афонским схимонахом Матфеем (Ольшанским),

---

[49]«Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней…» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 75–107; 6 (55). С. 87–110; «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А. А. Дмитриевского…» (письма киевлян к А. А. Дмитриевскому)) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 1 (7). С. 222–232.

[50]*Сухова Н. Ю.* «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир…» (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) // ТКДА. 2014. № 20. С. 188–231.

[51]«Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии…» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.)) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 377–423.

[52]«Союзом боязни связуем…» (Письма протоиерея Василия Прилуцкого к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1908–1927 гг.)) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 1 (9). С. 113–148.

[53] Письма протоиерея Корнелия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому / *вступ. ст. Н. Ю. Суховой и В. В. Буреги; публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // ТКДА. 2015. № 22. С. 131–173.

[54]Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А. А. Дмитриевского и Н. Н. Пальмова / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 164–241.

[55] Письма Владимира Петровича Рыбинского к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // ТКДА. 2016. № 24. С. 171–182.

[56]«Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А. А. Дмитриевского…» С. 233–239.

[57]Там же. С. 240.

[58] «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви и духовной науки…» (Письма протоиерея Николая Виноградова к А. А. Дмитриевскому) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 1 (13). С. 121–209.

[59]«А я по-прежнему пишу, не взирая на лица и злые времена…» (переписка Алексея Афанасьевича Дмитриевского и протопресвитера Иоанна Королькова (1904–1928 гг.)) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 129–201.

представляющая собой важный источник для реконструкции некоторых событий жизни Алексея Афанасьевича и его путешествий в книжные собрания православного Востока и Запада[60]. Помимо изданных писем, в работе нами были привлечены и неопубликованные эпистолы самого А. А. Дмитриевского и его корреспондентов, хранящиеся в различных архивных собраниях.

Определенный интерес представляют и письма, написанные знакомыми или коллегами Алексея Афанасьевича, но адресованные другим корреспондентам. В них нередко упоминается его имя и обсуждаются особенности характера ученого. Например, значимой для нашей темы была взаимная переписка учителей А. А. Дмитриевского по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова[61].

Важным источником для реконструкции образа А. А. Дмитриевского служат мемуары о нем, составленные его учениками или коллегами по Киевской духовной академии. Здесь следует упомянуть специально посвященные А. А. Дмитриевскому воспоминания П. П. Кудрявцева[62] и В. П. Рыбинского[63], Ф. Н. Иванова[64], епископа Гавриила (Чепура)[65] и др.

К этим памятникам эпохи примыкают краткие, но очень выразительные воспоминания ученика А. А. Дмитриевского Н. Д. Успенского о знакомстве с ученым, его преподавательской деятельности на Высших богословских курсах в Ленинграде и жизни в советской России[66]. Поскольку Н. Д. Успенским был

---

[60] *Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим.* Русская наука и Афон. Письма. 1886–1911. М., 2017. Рец. на изд. см.: *Акишин С. Ю.* Эпистолярные контакты профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского и схимонаха Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне Матфея (Ольшанского). Рецензия на кн.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон. Письма 1886–1911. М.: Изд-во Индрик, 2017. 512 с. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 345–361.

[61] Бердников И. С. Письма Н. Ф. Красносельцеву // НИОР РГБ. Ф. 178. Д. 3296. 329 л.; Красносельцев Н. Ф. Письма к И. С. Бердникову // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101, 1103.

[62] *Акишин С. Ю.* Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги П. П. Кудрявцева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3 (23). С. 167–196 (комментированное издание воспоминаний см. на с.: 183–196).

[63] Акишин С. Ю. «Это был человек глубоко преданный науке и прямо влюбленный в свою литургику»: профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги В. П. Рыбинского // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 264–286.

[64] [Иванов Ф. Н.] Лучшая лекция // Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 13. Отд. неоф. С. 371–374.

[65] Гавриил (Чепур), еп. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. Т. 3: Р–Я. С. 449.

[66] *Успенский Н. Д.* Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // БТ. 1968. Сб. 4. С. 85–89.

выбран жанр воспоминаний, то это его освободило от полного изложения жизни ученого в указанное время, а киевский период, свидетелем которого Николай Дмитриевич не был, в воспоминаниях обходится молчанием.

5) Прижизненные статьи о А. А. Дмитриевском и некрологи. Статьи, касающиеся А. А. Дмитриевского и напрямую ему посвященные, стали появляться уже при его жизни. Первая публикация этого типа, не самая важная по значению, — небольшой очерк астраханского протоиерея и преподавателя семинарии Николая Ивановича Летницкого, написанный в 1904 г. как отклик на избрание А. А. Дмитриевского членом-корреспондентом Императорской академии наук[67]. Очерк носил популярный характер и преследовал одну простую задачу — еще раз напомнить астраханцам об их выдающемся земляке, родившемся и проведшем в Астраханском крае первые 20 лет своей жизни. Кроме биографической части автор приводит еще и список основных работ Алексея Афанасьевича, иногда по ходу кратко характеризуя их содержание, впрочем, без всякой критики. Несмотря на то, что работа написана еще при жизни А. А. Дмитриевского, хотя она и отражает основные вехи жизни ученого, тем не менее она очень кратка. По этой работе можно получить только самые общие сведения.

К этому очерку примыкает небольшая статья анонимного автора, опубликованная в Православной богословской энциклопедии в 1910 г. [68] В дореволюционное время, при подготовке той или иной статьи, посвященной какому-либо ученому, составители обращались к героям своих исследований с запросом биографической информации и списка основных работ, и потом уже на основании этого материала писали статью. Так, вероятно, было и в случае со статьей о А. А. Дмитриевском. По-крайней мере она содержит пускай и краткую, но безупречную по точности информацию биографического характера.

Несмотря на то, что А. А. Дмитриевский был видным отечественным ученым, членом-корреспондентом Академии наук, с которой была связана его

---

[67] *Летницкий Н. И.* Новый член корреспондент Академии Наук, ординарный проф. Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский // Астраханские ЕВ. 1904. №. 24 (отд. отт.: Астрахань, 1904).
[68] Православная богословская энциклопедия. Т. IV. Петроград, 1904. С. 1105–1108.

деятельность в киевский и в последний период жизни, после смерти ученого в изданиях Академии некрологов не появилось. Академик Сергей Александрович Жебелев составил в память об ученом некролог озаглавленный «Памяти проф. А. А. Дмитриевского»[69], однако опубликован он не был. Тем не менее, этот некролог имеет интересные детали, характеризующие биографию ученого, и в нашей работе был использован.

Методология и методы. С 1980-х гг. интеллектуальная история под влиянием истории социальной взяла определенный вектор на переориентацию с господствовавшей до тех пор истории идей на историю интеллектуалов. Это, в общем, и справедливо: всматриваясь в жизнь одного человека можно делать выводы об обществе и социальной среде, в которых он действует и на которые оказывает влияние. Результатом этого процесса стало появление в исторической науке нового приоритетного направления — исследование биографий выдающихся исторических личностей и т. н. «акторов»[70], которые вместе влияют на исторический процесс на разных его уровнях, становятся творцами истории. Взаимодействие же интеллектуальной истории и биографического метода породило новый жанр исследований, который можно лаконично сформулировать как «интеллектуальная биография». Несмотря на определенную традицию применения подходов интеллектуальной истории и биографического метода, насчитывающую уже несколько десятилетий, в науке до сих пор нет исчерпывающего и четкого представления, что же конкретно следует понимать под интеллектуальной биографией. Вслед за Л. П. Репиной мы склонны понимать интеллектуальную биографию не просто как реконструкцию жизненного пути того или иного деятеля, но как всеобъемлющее историческое исследование «непрерывного движения индивида по своему жизненному пути и его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном

[69] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 14. 8 л. (автограф и машинопись).
[70] Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 8.

пространстве»[71]. Кроме того, для нас имеет важное значение такое понятие, как «научная биография», предполагающая совокупное изучение 1) биографии личности с вниманием на основных вехах жизненного пути человека, его образовании, семье, характере и личной жизни; 2) профессиональной биографии с остановкой на месте ученого в академическом сообществе; 3) библиографической биографии, предполагающей анализ трудов автора с точки зрения истории их создания, источников и методологии исследования; 4) ситуационной биографии или биографии среды[72].

Российскими учеными накоплен определенный опыт и сформулированы взгляды на проблематику биографических исследований, который обобщает в своих методологических разработках П. А. Алипов. Он выделяет в биографических исследованиях следующие важные элементы: 1) изучение изменений воззрений «индивида по основополагающему предмету его непосредственной творческой или научной деятельности»; 2) сконцентрированность на внутреннем и внешнем контексте, «в которых протекало становление теорий и концепций изучаемого персонажа»; 3) возможное «углубленное рассмотрение отдельных этапов биографии индивида», если они «имеют ключевое значение в процессе его общего идейного развития»[73]. Таким образом, теоретико-методологические основы диссертационного исследования будут опираться на синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа[74].

В основе диссертационного исследования лежат принципы историзма, системности и объективности, позволившие провести комплексное исследование совокупности преподавательской, научной и общественной деятельности А. А. Дмитриевского. Из методов исторического исследования, использованных в диссертации, следует назвать историко-биографический, историко-генетический и

---

[71] *Репина Л. П.* Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 102.
[72] Там же. С. 103.
[73] *Алипов П. А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы Всероссийской научной конференции (РГГУ, 15–16 июня 2011 г.). М., 2011. С. 18–19.
[74] Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 358.

историко-сравнительный методы. Первый, *историко-биографический метод*, использован нами при анализе источников для определения этапов жизненного пути А. А. Дмитриевского и, в особенности, событийного наполнения киевского периода его жизни. Второй метод, *историко-генетический* с принципом историзма во главе [75], по определению И. Д. Ковальченко, способствует последовательному раскрытию «свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения», а также «позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности» [76]. Применение этого метода позволило нам хронологически описать основные этапы жизни А. А. Дмитриевского и его профессионального развития, проанализировать истоки его научных взглядов и мировоззрения. Третий — *сравнительно-исторический метод* — позволяет «вскрывать сущность изучаемых явлений» и «проводить сравнения в пространстве и времени» [77], благодаря чему стало возможным объяснить причинно-следственные связи между различными событиями в жизни А. А. Дмитриевского и сравнить его научные установки с установками его коллег.

При анализе источников по теме диссертации и научных работ А. А. Дмитриевского использован *метод анализа и синтеза исторических источников* [78]. Применение этого метода позволило выделить в изучаемых источниках наиболее важную информацию.

Основные определения диссертации.

Литургика — учебная дисциплина, преподававшаяся в духовных учебных заведениях дореволюционной России и изучающая комплекс вопросов, связанных с историей, смысловым содержанием и практическим отправлением культовых богослужебных чинопоследований.

---

[75] Теория и методология истории: учебник для вузов / *отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин*. Волгоград: Учитель, 2014. С. 387–394.
[76] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 184.
[77] Там же. С. 187.
[78] Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / *Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова*. М., 2015. С. 40–84.

Церковная археология — учебная дисциплина, преподававшаяся в высших духовных учебных заведениях дореволюционной России и изучающая происхождение архитектурных форм культовых зданий и их внутреннее, в том числе живописное, убранство и оформление.

Литургист — ученый-специалист, не только преподающий литургику, но и активно занимающийся разработкой научных вопросов, связанных с ее содержанием.

Научная новизна. В диссертационном исследовании впервые в русской отечественной науке на материале архивных источников и научной литературы проведено комплексное изучение преподавательской, научной и общественной деятельности А. А. Дмитриевского в киевский период жизни ученого. Известные до настоящего времени лишь рамочно события жизни А. А. Дмитриевского были наполнены эвристически важным содержанием, неизвестные же элементы биографии нашли должное освещение. На основании изучения эпистолярных и прочих источников выполнена реконструкция истории создания наиболее важных сочинений А. А. Дмитриевского и сделаны выводы об их актуальности для современной науки. Изучены и введены в научный оборот программы преподавания и лекционные курсы А. А. Дмитриевского по дисциплинам, читавшимся в Киевской духовной академии. Выявлены наиболее важные для развития науки работы, не увидевшие света при жизни автора.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Становление А. А. Дмитриевского как самостоятельного исследователя и преподавателя неразрывно связано с деятельностью его учителя в Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева, под руководством которого он научился работать со сложным рукописным материалом, написал кандидатское сочинение и магистерскую диссертацию, и после перехода на службу в Киевскую духовную академию прислушивался к советам своего учителя.

2. А. А. Дмитриевским от Н. Ф. Красносельцева была воспринята не только методология научного исследования, но и структура преподаваемых дисциплин, от которой он, фактически, не отходил все время своей деятельности в Киевской

духовной академии. Знакомство с многообразным литургическим материалом позволило А. А. Дмитриевскому лишь уточнить, расширить и дополнить соответствующие разделы своих лекционных курсов.

3. Наиболее значима для науки археографическая деятельность А. А. Дмитриевского в крупных книжных собраниях всего мира по выявлению, сбору, описанию и введению в научный оборот большого числа важных для истории византийской и русской литургической традиций памятников X–XIX вв. Их последовательное изучение нашло свое отражение в многочисленных фундаментальных работах как самого ученого, так и его учеников. Именно на этой основе стало возможным бурное развитие литургики на Западе в XX–XXI вв.: ни одно исследование по истории византийского и русского богослужений не обходится без ссылок на работы А. А. Дмитриевского и его учеников.

4. Для высшей духовной школы на дореволюционном этапе ее существовании не было характерно научное руководство работами студентов. Однако деятельность А. А. Дмитриевского не вписывается в это правило: ученый много и упорно работал со студентами, пишущими у него семестровые сочинения и работы на соискание степени кандидата богословия. А. А. Дмитриевский руководил занятиями студентов на всех этапах подготовки работы: от выбора темы, формирования плана исследования и определения круга источников и литературы, до рецензирования работы, а для наиболее выдающихся исследований — помощи при их переработке в магистерские диссертации и последующем оппонировании на защите. Такого рода подход позволил ученому подготовить ряд первоклассных специалистов в области литургики и церковной археологии, и создать свою научную школу, полноценное развитие которой было прервано революцией 1917 г.

5. А. А. Дмитриевский использовал все, доступные в его время средства научной коммуникации. Он состоял в переписке со множеством ученых и принимал достаточно активное участие в деятельности различных научных и просветительных обществ дореволюционной России, делая на их заседаниях многочисленные доклады в рамках своих научных интересов. Эта

саморепрезентация способствовала росту известности ученого, признанию его заслуг, привлечению к различного рода научным и просветительским проектам и, в конце концов, его карьерному продвижению в качестве церковного политика.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Выводы, сделанные в результате изучения биографии, преподавательской, научной и общественной деятельности А. А. Дмитриевского могут послужить базой для дальнейших исследований как в области изучения истории духовного и светского образования в России, так и истории преподавания и содержания литургики и церковной археологии. Результаты проведенного исследования существенно дополняют, конкретизируют и уточняют ранее известные факты биографии А. А. Дмитриевского. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке лекционных специальных курсов по истории высшего богословского образования в Российской империи и интеллектуальной культуре.

Степень достоверности результатов исследования. Исследование основано на общенаучных принципах и методологии научного исследования. Источниковая база исследования, включающая комплекс опубликованных и неопубликованных источников, достаточно репрезентативна, что может служить гарантом достоверности проведенного исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре истории России департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Основные положения работы были апробированы на различных конференциях: Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.); Краеведческих чтениях из цикла «Живая память» (Астрахань, 19 марта 2014 г.); III Международной научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.); IV Международной научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.); Краеведческих чтениях, посвященных 160-

летию со дня рождения выдающегося русского ученого-литургиста А. А. Дмитриевского и 120-летию Астраханского отделения Императорского Православного Палестинского общества (Астрахань, 10–11 марта 2016 г.); V Международной научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.); IV Межрегиональной научно-практической конференции «Церковь и государство в дискурсе столетия (1917–2017 гг.)» (Оренбург, 21 февраля 2017 г.); III Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященной памяти академика РАН Н. Н. Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.); Международной научной конференции «Собор и соборность: к столетию начала новой эпохи» (Москва, 13–16 ноября 2017 г.); VI Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.); III Дмитриевских чтениях: Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» (Астрахань, Астраханский государственный университет, 19 апреля 2018 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «VIII Уральские археографические чтения» (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 11–13 октября 2018 г.); XXII Всероссийской научной сессия византинистов России «Византийское “содружество”: традиции и смена парадигм» (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 24–28 сентября 2019 г.); VIII Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург,6–9 февраля 2020 г.); Конференции, посвященной 150-летию со дня рождения и 65-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) (Санкт-Петербург, 5 ноября 2020 г.); IV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 90-летию академика Н. Н. Покровского (Новосибирск, 9–11 ноября 2020 г.).

Результаты исследования изложены в 30 научных публикациях автора общим объемом 31,75 п. л., в том числе 5 в изданиях, включенных в перечень ВАК. Часть работ, общим объемом 7,55 п. л. написана в соавторстве, личная доля участия автора — 2,15 п. л.

Структура диссертации отвечает общей логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, и списка сокращений.

ГЛАВА 1. ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ДМИТРИЕВСКОГО В КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

1.1. А. А. Дмитриевский и Киевская духовная академия

Прежде чем перейти непосредственно к изучению деятельности А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии (далее — КДА), необходимо несколько слов сказать о предыстории, а, точнее, о получении ученым степени магистра богословия. Именно получение этой степени открывало выпускникам духовных академий возможность полноценно занимать какую-нибудь академическую кафедру в должности доцента.

Как один из лучших выпускников Казанской духовной академии (далее — КазДА), А. А. Дмитриевский был оставлен в ней приват-доцентом при кафедре церковной археологии и литургики, которую с 1871 по 1889 г. занимал его учитель, Николай Фомич Красносельцев. Должность приват-доцента молодой выпускник исполнял с сентября 1882 по март 1884 г., преподавая два спецкурса, которых не было в учебном плане церковно-практического отделения ни до А. А. Дмитриевского, ни после него: «История богослужения в Русской Церкви» и «История богослужебных книг» [1]. В самом начале 1882/1883 уч. г. А. А. Дмитриевский подал в совет на рассмотрение свою магистерскую диссертацию, переработанную из кандидатского сочинения[2].

11 декабря 1883 г. в открытом заседании Совета КазДА под председательством архиепископа Казанского и Свияжского Палладия (Раева), в присутствии всех ординарных и экстраординарных профессоров академии и всех желающих [3] состоялась публичная защита А. А. Дмитриевским магистерской

[1] Лекционные курсы по этим дисциплинам опубликованы: *Дмитриевский А. А.* Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. 612 с.: цв. ил.
[2] Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1882 год. Казань, 1882. С. 211.
[3] Д*митриевский А. А.* Способы определения времени написания рукописей… С. 75.

диссертации на тему «Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Часть 1-я»[4]. Алексей Афанасьевич произнес пространную защитную речь[5], в которой подробно остановился на методологической составляющей своего исследования и тезисно изложил основные выводы работы. Для решения 1-й задачи работы — путем сличения памятников с современными ему печатными литургическими книгами определить особенности совершения богослужения в XVI в. — А. А. Дмитриевский должен был прежде определить даты написания той или иной рукописи, а для этого подключить весь известный в то время арсенал палеографии. Традиционные методы датировки (метод «чисто палеографический» — форма букв, сокращения в рукописях, разделения слогов и знаки препинания; сравнительный метод — сравнение недатированных рукописей с имеющими датировку и написанные известными писцами) им были отвергнуты как неэффективные и провоцирующие ошибки при датировании, но был избран не очень популярный среди палеографов метод «чисто исторический», более подходящий, по мнению А. А. Дмитриевского, для изучения рукописей богослужебного содержания и заключающийся в обращении внимания на имеющиеся в текстах исторические данные[6]. При этом ученый счел более правильным брать в расчет не внешние данные (записи на полях, корешках и выходных листах), а внутренние (появление в рукописях имен святых русских чудотворцев и титулов «великий князь», «царь», «архиепископ», «патриарх» и «архимандрит»)[7]. Обращение на эти детали рукописей, по мнению А. А. Дмитриевского, позволяет сократить ошибки в датировках со столетий до нескольких десятилетий[8]. Завершением решения первой задачи стала сортировка рукописных памятников по времени их создания и выяснение особенностей в отправлении различных богослужебных чинопоследований в XVI в. Другая

[4] Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1883 год. Казань, 1883. С. 348–349. За несколько дней до защиты, на заседании Совета КазДА от 1 декабря того же года была назначена дата защиты, определены оппоненты и сообщено, что необходимое количество экземпляров диссертации (50) предоставлено ректору академии (см.: Там же. С. 348).
[5] *Дмитриевский А. А.* Способы определения времени написания рукописей… С. 75–92.
[6] *Дмитриевский А. А.* Способы определения времени написания рукописей… С. 76–79.
[7] Там же. С. 80.
[8] Там же. С. 84.

задача, поставленная А. А. Дмитриевским — объяснение причин возникновения богослужебных особенностей[9]. Эта задача оказалась сложнее и для ее решения ему пришлось пользоваться как изданиями древних литургических памятников, так и обращаться к греческим и южнославянским рукописям московских и петербургских рукописных собраний[10].

Официальными оппонентами на защите выступили ординарный профессор И. С. Бердников и доцент Н . Ф. Красносельцев. Как отмечалось, Николай Фомич подготовил свой отзыв о диссертации годом ранее , и бóльшую часть его замечаний А. А. Дмитриевский при печати книги успел учесть. К сожалению, состояние источников позволяет говорить лишь о процедуре защиты, однако о характере вопросов оппонентов и ответов соискателя ничего сказать нельзя. За «правильностью и порядком» диспута следил ректор академии, который сворачивал обсуждения, собирал мнения присутствовавших членов Совета и публично объявлял о принятом решении. После этого отзыв о работе, представленный церковно-практическим отделением, вместе с актом защиты отправлялся на утверждение правящего архиерея Казанской и Свияжской епархии[11]. Уже 14 декабря того же года архиепископ Казанский и Свияжский Палладий (Раев) утвердил Алексея Афанасьевича в степени магистра[12].

Получение ученой степени открывало перед А. А. Дмитриевским определенные перспективы и давало возможность искать должности доцента по какой-либо кафедре в одной из четырех духовных академий Российской империи. Еще 3 июня 1883 г. архим. Христофор (Смирнов) указом Святейшего Синода был назначен ректором [13] Тамбовской духовной семинарии и кафедра церковной археологии и литургики Киевской духовной академии становилась вакантной. Вероятно, не без участия своего учителя Н. Ф. Красносельцева, А. А. Дмитриевский подает прошение на вакантную кафедру и уже 16 декабря 1883 г.,

---

[9] Там же. С. 76.
[10] Там же. С. 84–86.
[11] Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1883 год. Казань, 1883. С. 349.
[12] Подробнее об этом, а также копию магистерского диплома А. А. Дмитриевского см.: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7617. Оригинал магистерского диплома см.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 5. Л. 1.
[13] *Ткачук М. Л.* Христофор (Смирнов Федір Олексійович), епископ // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у 2 т. Київ, 2016. Т. 2. С. 774–778 (здесь: с. 775).

очевидно после получения сведений о защите Алексеем Афанасьевичем диссертации, Совет названного учебного заведения избирает его штатным доцентом по указанной кафедре[14]. В отношении Совета Киевской духовной академии от 3 января 1884 г. указывается, что А. А. Дмитриевский избран на кафедру «согласно его желанию» и, следуя корпоративной этике духовных учебных заведений, запрашивалась информация, нет ли возражений относительно перемещения Алексея Афанасьевича из Казанской духовной академии в Киевскую[15]. 3 февраля 1884 г. Совет КазДА сообщал Совету КДА, что препятствий к перемещению А. А. Дмитриевского в Киев не имеется и отправил туда документы Алексея Афанасьевича[16]. Уже 17 февраля из Киева пришел ответ, информирующий о получении документов А. А. Дмитриевского и сообщающий о решении Совета КДА принять молодого ученого с 1 марта 1884 г.[17] Этой датой значится и увольнение А. А. Дмитриевского из КазДА[18]. К месту новой службы Алексей Афанасьевич отправился после 5 марта, когда ему был выдан КазДА билет[19].

Тем не менее, официально, т. е. по бумагам, преподавательская деятельность А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии началась 1 марта 1884 г.[20] и продолжалась вплоть до конца 1907 г., когда ученый ушел в отставку по выслуге лет и стал секретарем Императорского православного палестинского общества, хотя и экзаменовал учащихся в конце 1907/1908 учебного года[21]. До Алексея Афанасьевича литургику и церковную археологию в

---

[14] Протоколы Совета КазДА за 1884. Казань, 1884. С. 5.

[15] Отношение Совета Киевской духовной академии от 3 января 1884 г. за № 898 // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о (О переходе приват-доцента А. Дмитриевского на должность доцента в Киевскую духовную академию).

[16] Черновик отношения в Совет Киевской духовной академии от 6 февраля за № 85 // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. Л. 2.

[17] Отношение Совета Киевской духовной академии от 17 февраля 1884 г. за № 168 // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. Л. 3.

[18] [Проект постановления Совета КазДА] // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. Л. 4.

[19] Билет от 5 марта 1884 г. за № 144 // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. Л. 4 об. Там же см. и расписку А. А. Дмитриевского в получении билета. См. также: Дело о выдаче прогонных денег доценту академии Дмитриевскому А., перемещенному из Казанской духовной академии // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7144. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[20] Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1884 год. Казань, 1884. С. 30.

[21] Когда ученый уходил в отставку, его ученики преподнесли ему прощальный адрес; публикацию этого текста см.: Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). Т. 15. Киев, 2011. С. 249–250.

Киевской духовной академии читали иеромонах Христофор (Смирнов Ф. А.) и временно замещавший его до приезда А. А. Дмитриевского прекрасный знаток церковной археологии и канонического права П. А. Лашкарев.

Бóльшую часть служ бы в КДА (с 1884 по 1896 гг.) Алексей Афанасьевич состоял доцентом по кафедре церковной археологии и литургики. Однако, после утверждения его Синодом 12 августа 1896 г. в степени доктора церковной истории, на заседании Совета КДА 29 ноября 1896 г. И. И. Малышевский, В. Ф. Певницкий и С. М. Сольский выступили с ходатайством об избрании А. А. Дмитриевского ординарным профессором академии на место ушедшего в отставку Д. В. Поспехова[22]. Указом Святейшего Синода от 24 января 1897 г. за № 371 Алексей Афанасьевич утвержден в этом звании[23], а высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 7 февраля 1897 г. назначен ординарным профессором[24].

Материальное положение А. А. Дмитриевского за время работы в КДА было разным и определялось несколькими факторами: ученой степенью, интенсивностью и продуктивностью исследовательской работы. Вначале преподавательской деятельности оно, видимо, было стандартным, положенным еще по уставу 1869 г. и составляло 1 200 руб. в год, из них жалованье составляло 900 руб. по должности доцента, еще по 150 руб. выделялись на оплату квартиры и столовую[25]. С принятием и введением в жизнь в 1884 г. нового академического устава годовое содержание не изменилось[26], хотя ряду новых преподавателей, в том числе и А. А. Дмитриевскому, Совет прибавил некий % к содержанию[27].

Информацию о планах А. А. Дмитриевского «ликвидировать» в Киеве «свои дела» и «проэкзаменовать студентов» мы получаем из его письма схимонаху Матфею (Ольшанскому) от 8 марта 1908 г. (Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон. Письма. 1886–1911. М., 2017. С. 289).

[22] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 70–71.

[23] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 95.

[24] Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской духовной академии, статского советника Алексея Афанасьевича Дмитриевского // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 163. Л. 20 об. – 21. См. также высочайший приказ по гражданскому ведомству от 7 февраля 1897 г. за № 11: Высочайший приказ // Церковные ведомости. 1897. № 7 (15 февраля). С. 56.

[25] Устав и штат духовных академий, высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. СПб., 1869. С. 43.

[26] Устав православных духовных академий: утвержден 20 апреля 1884 года. [Б. м.], [1884]. С. 43.

[27] Дело о назначении % прибавки к содержанию поступившим в академию наставникам: Голубеву, Дмитриевскому, Царевскому, Покровскому, Ефремову, Орнатскому и Розову // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7145. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

После присуждения степени доктора церковной истории в 1897 г. и возведения в звание ординарного профессора, содержание А. А. Дмитриевского увеличилось более чем вдвое, составив 3 000 руб., из которых жалованье — 2 400 руб., и по 300 руб. столовых и квартирных. Кроме того, по крайней мере по состоянию на 1905 г., ученый имел прибавку к жалованью в 20 %, которая составляла 85 руб. 80 коп. [28] Дополнительный доход ученый мог получить, подавая в различные периодические издания (в том числе, и издававшиеся КДА) свои статьи, за которые выплачивались гонорары. Кроме того, особо важные исследования могли премироваться несколькими имеющимися в академии премиями, о которых речь пойдет ниже.

Все время работы в КДА А. А. Дмитриевский, как и все преподаватели академии, состоял в Богоявленском братстве, существовавшем для оказания финансовой помощи студентам, имевшим какую-либо нужду. В братство ученый вступил сразу же по прибытии в Киев и, как правило, ежегодно жертвовал по 3 или 5 рублей в казну этого сообщества[29]. В редких случаях ученый отказывался от внесения пожертвования [30]. Кроме того, ученый был также действительным членом Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища и в 1904–1905 уч. г. избран в состав Ревизионной комиссии (вместе с проф. КДА А. И. Булгаковым и инспектором КДС иером. Арсением)[31] для проверки сумм Общества. То же самое повторилось

[28] Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской духовной академии, статского советника Алексея Афанасьевича Дмитриевского // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 163. Л. 17 об.

[29] Список лиц, вошедших в состав Богоявленского братства при Киевской дух. академии со времени открытия его 28 сентября 1882 года по 31 декабря 1885 года // Отчеты о состоянии и деятельности Богоявленского братства при Киевской дух. академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1883, 1884 и 1885 годы с приложением списка всех лиц, вошедших в состав Братства за эти годы. Киев, 1886. С. 36. В 1886 г. ученый пожертвовал на братство 5 руб., а в 1887 г. — 3 руб. (Список лиц, сделавших пожертвования или годичные взносы в кассу Богоявленского братства при Киевской дух. академии в 1886 и 1887 годах // Отчеты о состоянии и деятельности Богоявленского братства при Киевской дух. академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1886 и 1887 годы с приложением списка членов Братства, сделавших денежные взносы в кассу его за эти годы, и списка воспитанников Академии, получивших от него пособия в те же годы. Киев, 1888. С. 36); и др.

[30] Например, в 1893 г. ученый пожертвований не делал, хотя и значился в числе действительных членов братства (Отчет о состоянии Богоявленского братства при Киевской духовной Академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1893 год // ТКДА. 1894. Т. 1, № 2. С. 303).

[31] Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища за 1904–1905 год // КЕВ. 1905. № 49. Ч. оф. С. 545–551, здесь: 546, 549.

и в следующем, 1905–1906 г.[32] Ученым делались в это Общество взносы в 1905 и 1906 гг. по 3 руб.

В период работы в КДА А. А. Дмитриевский проживал на разных квартирах. Первоначально (по крайней мере, в 1885–1887 г.) ученый проживал в доме протоиерея Павла Подвысоцкого в Десятинном переулке (дом 5д, памятник архитектуры, снесенный в 2012 г.), располагавшегося, как позднее выяснили археологи, на месте южного дворца князя Владимира X в.[33] Судя по всему, с хозяйкой и ее дочерьми Алексей Афанасьевич был достаточно близок, разделяя их радости и горе[34].

После летних каникул 1889 г. А. А. Дмитриевский планировал въехать в новую квартиру в доме Терновских на Вознесенском спуске, д. 4, где жил его коллега по КДА С. Т. Голубев. В этом же доме хранилась библиотека покойного профессора КДА Ф. А. Терновского, в которой было сложено имущество, книги, рукописи и выписки А. А. Дмитриевского. В ночь с 20 на 21 августа библиотека загорелась, вещи Алексея Афанасьевича сильно пострадали, а вместе с ними и комната, которую он планировал снимать[35]; в конце концов он снял квартиру № 11 в том же доме и проживал в ней по крайней мере в 1890–1891 гг.[36] В 1889 (№№ Чернецкого. Бол. Владимирская[37]), 1892–1897 гг.[38] ученый проживал на Большой Владимирской («квартира дом номера Черьницких против Старой части»)[39]. Это, вероятно, дом по адресу Большая Владимирская, 16, по которому находилось построенное Францем Чернецким здание с более чем сотней «доходных

---

[32] Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища за 1905–1906 год // КЕВ. 1907. № 20. Ч. оф. С. 252–257, здесь: 253, 255.

[33] *Абибок Ю.* Борьба за свято место: патриарху Филарету очень нужен офисный центр на святых развалинах // Сайт «Остров». https://www.ostro.org/general/society/articles/430383/ (дата размещения: 06.11.2013; дата обращения: 16.10.2020). Информацию о проживании по этому адресу мы черпаем из письма А. А. Дмитриевского от 14 ноября 1886 г. настоятелю Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Макарию (Сушкину): Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АПРМА). Оп. 41. Д. 775. Док. А001815. Л. 3. Также см. адрес на конверте с сентябрьским письмом 1885 г. Е. В. Поповой к А. А. Дмитриевскому: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 597. Л. 4.

[34] См., напр., фрагмент составленного А. А. Дмитриевским некролога старшей дочери Подвысоцких Елене Павловне, от помутнения рассудка покончившей жизнь самоубийством: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 195. 2 л.

[35] Об этом сообщает сам ученый в письме схимонаху Матфею (Ольшанскому) от 6 сентября 1889 г. (см.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 178–179).

[36] Дмитриевская (Воробьева) К. А. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 435. Л. 2; Красносельцев Н. Ф. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491. Л. 39, 42, 45, 52, 55.

[37] Красносельцев Н. Ф. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491. Л. 27.

[38] Красносельцев Н. Ф. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491. Л. 77, 80, 85, 97, 103, 123,

[39] Дмитриевский А. П., диак. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 439. Л. 25.

комнат»[40], или попросту гостиница. Так, в последние несколько лет своей жизни в Киеве он с женой проживал в принадлежащей профессору КДА М. Ф. Ястребову[41] квартире по адресу ул. Бульварно-Кудрявская, д. 21, кв. 17[42] (или № 19[43]).

Вся жизнь духовной академии организовывалась и контролировалась Правлением и Советом. В состав последнего, как правило, входили все профессора академии. По долгу службы за время работы в Киевской духовной академии А. А. Дмитриевскому давались Советом и академическим начальством различного рода краткосрочные или, наоборот, продолжительные поручения. Так, в связи с введением в жизнь духовных школ в 1884 г. нового устава, регламентирующего их административную и образовательную сферы, было необходимо пересмотреть существующие программы преподавания в духовных семинариях и составить новые. Этот вопрос рассматривался на заседании Совета КДА 16 ноября 1884 г., на котором решено поручить преподавателям-предметникам пересмотреть программы преподавания в духовных семинариях и представить результаты к 20 декабря того же года[44]. Все новые программы и отзывы на уже существующие программы были представлены в срок и обсуждены на заседании Совета 21 декабря, после чего отправлены обер-прокурору Святейшего Синода[45].

А. А. Дмитриевский принимал участие и в защитах магистерских диссертаций в качестве оппонента или задающего соискателю степени вопросы. Так, на защите смотрителем Киево-Подольского духовного училища С. Трегубовым диссертации на тему «Религиозный быт русских и состояние

---

[40] Кириченко Л. Улица Владимирская в Киеве: дома, где вырос Вертинский и пел Шаляпин // Сайт «Киевский КОД: Клуб отличного досуга». URL: https://kiev-code.com.ua/site/page.php?lang=RU&id_article=282&id_part=705 (дата обращения: 16.10.2020).

[41] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 15 об. (письмо от 24 сентября 1906 г.).

[42] АПРМА. Оп. 38. Д. 68. Док. А001576 (Письма ученого А. А. Дмитриевского к схимонаху Матфею (Ольшанскому)). Л. 180.

[43] Дмитриевская А. И. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 431. Л. 3.

[44] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1884/5 учебный год. Киев, 1886. С. 37–39. Это поручение было роздано всем преподавателям духовных академий. С результатами рассмотрения программ можно ознакомиться в комплексе дел, отложившихся в фонде Святейшего Синода: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1885 г. Д. 29 а-л. См. также довольно интересный отзыв Н. Ф. Красносельцева о программе по литургике, датированный 16 декабря 1884 г.: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840ф (О составлении и рассмотрении семинарских программ преподавания). Л. 22–25

[45] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1884/5 учебный год. С. 56.

духовенства в XVIII веке по мемуарам иностранцев»[46], состоявшейся в заседании Совета 14 апреля 1885 г., кроме имеющихся официальных оппонентов Алексей Афанасьевич возражал по ее сути [47] . На успешной защите диссертации преподавателем Киевской духовной семинарии П. Забелиным («Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и церковно-гражданским постановлениям русской церкви»)[48], состоявшейся 29 ноября 1885 г., А. А. Дмитриевский вместе с П. А. Лашкаревым, В. Н. Малининым выступал официальным оппонентом [49] . 11 февраля 1892 г. ученый был официальным оппонентом на защите преподавателя Вифанской духовной семинарии А. В. Никитина, представившего к магистерскому коллоквиуму печатную работу об иудейских синагогах как местах богослужения[50]. Алексей Афанасьевич по итогам прочтения книги и на основании высказанных на защите критических замечаний составил и опубликовал на нее пространную и очень критическую рецензию, в которой охарактеризовал это исследование в самых негативных красках[51]. По-видимому, с мнением А. А. Дмитриевского академическая корпорация не была согласна; об это свидетельствуют, во-первых, успешный результат защиты, а во-вторых — публикация рецензии не в журнале КДА, а в Православном собеседнике, издаваемом КазДА.

На совете КДА 2 октября 1907 г. А. А. Дмитриевскому поручили составить отзыв на книгу директора Московского археологического института А. И. Успенского «Таинство елеосвящения» (М., 1907, 1908), поданную на соискание степени магистра богословия[52]. С этой работой Алексей Афанасьевич был уже

---

[46] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1884/5 учебный год. С. 61.

[47] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1884/5 учебный год. С. 74–75; см. также: Магистерский коллоквиум в Киевской духовной академии // Киевские епархиальные ведомости. 1885. № 9. Ч. неоф. С. 438–441, здесь: с. 441.

[48] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 43, 48.

[49] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 49–50; Магистерский коллоквиум // КЕВ. 1885. № 24. Ч. неоф. С. 1142.

[50] О назначении А. А. Дмитриевского официальным оппонентом см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1891/92 учебный год. Киев, 1893. С. 100; о самой защите: Там же. С. 108–110.

[51] *Дмитриевский А. А.* Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древне-христианскому храму и его богослужебным формам: (По поводу книги А. Никитина под заглавием «Синагоги иудейские как места общественного богослужения». Киев., 1891) // Православный собеседник. 1893. № 4. С. 333–370; № 5. С. 8–23 (отд. отт.: Казань, 1893. 55 с.)

[52] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 81.

знаком, т. к. Императорское общество истории и древностей при Московском университете в августе того же года просило ученого высказаться об этом исследовании. В результате критики А. А. Дмитриевского, сообщенной последним в письмах, 13 ноября того же года А. И. Успенский отозвал свое сочинение с рассмотрения[53].

Кроме того, как член Совета КДА (с 1897 г.), А. А. Дмитриевский принимал участие и в обсуждении результатов рецензирования докторских диссертаций. Так, по крайней мере до 1896 г. он был одним из рецензентов докторской диссертации преосвященного епископа Христофора (Смирнова) и именно по его вине работа была провалена[54]. К сожалению, об этом нам не удалось нигде более в источниках найти информацию.

На заседании 20 февраля 1904 г. был заслушан указ Св. Синода об утверждении в степени доктора богословия К. Д. Попова. Из этого сообщения мы узнаем, что в Синод вместе со всеми документами ушло и прошение с отдельным мнением А. А. Дмитриевского, который из-за крупных недостатков исследования Попова не признавал его заслуживающим степени. Однако Св. Синод приказал это мнение Алексея Афанасьевича «оставить без последствий», а К. Д. Попова утвердить в искомой степени[55]. На том же заседании Совета поднимался вопрос о возведении К. Д. Попова в звание сверхштатного ординарного профессора, с чем А. А. Дмитриевский был категорически не согласен, считая его научные достижения не соответствующими столь высокому званию, о чем и подал особое мнение[56].

Еще одна докторская диссертация, о которой А. А. Дмитриевский по поручению совета КДА давал отзыв, — исследование доцента Казанской духовной академии И. М. Покровского «Казанский архиерейский дом» (Казань, 1906), поданное на соискание степени доктора церковной истории. Первым рецензентом, прот. Ф. И. Титовым, исследование было признано заслуживающим

[53] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 191.
[54] Н. Ф. Красносельцев — И. С. Бердникову. 30.01.1896 // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101. Л. 297.
[55] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 181–182.
[56] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 201.

искомой степени, но А. А. Дмитриевский, не разделяя оптимизма Титова, высказав ряд критических замечаний и назвав автора «трудолюбивым кротом в исторической науке», признал соискателя, тем не менее, достойным искомой степени[57].

Выступал А. А. Дмитриевский вместе с коллегами и с рекомендациями избрать того или иного известного ученого в число почетных членов КДА. Так, на заседании Совета 19 марта 1897 г. ученый с коллегами выступил с предложением об избрании епископа Подольского и Брацлавского Иринея и директора Хозяйственного управления при Синоде П. И. Остроумова почетными членами КДА. Совет постановил ходатайствовать перед Синодом об утверждении в звании почетных членов Академии[58]; 26 сентября 1903 г. был рекомендован в почетные члены экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский Алексий (Молчанов)[59]; 26 сентября 1906 г. А. А. Дмитриевский вместе с другими профессорами рекомендовал избрать в почетные члены ординарного академика ИАН Н. П. Кондакова и директора Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенского. Но не одной лишь рекомендацией это ограничивалось: ученому было поручено написать доклад о возведении в звание этих лиц, предполагавший, по-видимому, не только биографическую часть, но и характеристику их вклада в науку[60], после чего именно этот доклад-обоснование и зачитывался на Совете. На заседании Совета 15 января 1907 г. было решено ходатайствовать перед Святейшим Синодом о включении этих лиц в число почетных членов КДА[61]. 2 октября 1907 г. Алексей Афанасьевич участвовал также в рекомендации в почетные члены настоятеля петербургской церкви на Сенной площади протоиерея Константина Тимофеевича Никольского за его вклад в литургику, и профессора КазДА Петра Васильевича Знаменского за его работы

[57] Отзыв А. А. Дмитриевского см.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 177–190.
[58] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 125.
[59] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 118.
[60] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 14 (письмо от 24 сентября 1906 г.).
[61] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 302.

по истории Русской Церкви[62]. Судя по тому, что их мена были включены в состав почетных членов, Синод прислушался к этим рекомендациям[63].

Принимал участие А. А. Дмитриевский и в представлении кандидатов для замещения той или иной академической кафедры. Кроме В. Д. Прилуцкого, о котором речь пойдет ниже, 12 июня 1907 г. Алексей Афанасьевич вместе с другими профессорами рекомендовал для замещения вакантной кафедры истории и разбора западных исповеданий выпускника КДА того же года Василия Петровича Соколова[64]. Эту рекомендацию Совет принял к сведению, однако позже на кафедру назначили другого соискателя. Также Алексей Афанасьевич участвовал во вполне удачном «проведении» в 1906 г. на кафедру гомилетики и истории проповедничества талантливого выпускника КДА 1893 г. священника Н. С. Гроссу[65]. И, наконец, одно из последних ходатайств А. А. Дмитриевского и его коллег — выдвижение выпускника КДА 1898 г. М. Э. Поснова на кафедру библейской истории, состоявшееся на заседании совета 9 октября 1907 г. Однако М. Э. Поснов при баллотировке уступил своему сопернику В. Ф. Иваницкому[66] и занял позже другую кафедру.

Как член Совета КДА А. А. Дмитриевский принимал также участие в выборе ректора академии, которое по Временным правилам 1905–1906 гг. было доверено Синодом академиям в рамках борьбы их корпораций за автономию. В августа 1907 г. ректором был выбран священник А. А. Глаголев, неутвержденный по разным причинам в этой должности Синодом, и А. А. Дмитриевский на заседании Совета от 30 октября того же года сформулировал по этому поводу свое особое мнение, которое, впрочем, ни на что не повлияло[67].

Выступал Алексей Афанасьевич и перед своими коллегами и студентами на т. н. «актовом дне» — годичном празднике любого учебного заведения. 20

---

[62] Извлечения из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 88–89, 91–92.
[63] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год // ТКДА. 1908. № 11. С. 402
[64] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 466–468.
[65] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 15 об. (письмо от 24 сентября 1906 г.).
[66] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 96–97, 106–107, 202.
[67] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 123.

декабря 1891 г. А. А. Дмитриевскому Совет поручил составление и произнесение актовой речи на торжественном собрании академии 26 сентября 1892 г. Причем он должен был согласовать с ректором академии как тематику своего выступления, так и текст самой речи[68]. Алексей Афанасьевич решил поделиться со слушателями своими впечатлениями от посещения в 1891 г. патмосского Иоанно-богословского монастыря[69].

Наибольшее же значение и результаты имели создаваемые Советом КДА комиссии, в рамках которых изучались различные вопросы, готовились к изданию научные труды и проч. Так, в 1885 г. Алексея Афанасьевича вместе с П. А. Лашкаревым и А. В. Розовым выбрали в библиотечную комиссию, члены которой избирались сроком на один год. По истечении этого срока Совет КДА решил поручить той же комиссии наблюдение за библиотекой и на 1886 г. (за исключением Лашкарева, место которого занял В. Н. Малинин)[70]. На заседании Совета 13 марта 1906 г. А. А. Дмитриевский был включен в комиссию «для всестороннего обсуждения библиотечного вопроса»[71], цель которой состояла в упрощении правил пользования академической библиотекой для студентов и преподавателей.

А. А. Дмитриевского назначали и в комиссии по наблюдению за изданием трудов преподавателей КДА. Так, на заседании Совета 2 сентября 1900 г. ученому вместе с К. Д. Поповым и Ф. С. Орнатским поручили следить за печатанием подготовленных к изданию свящ. Ф. И. Титовым «Памятников православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв.»[72] Это был большой проект, планировавшийся в 6-ти томах объемом около 300 п. л., на реализацию которого Святейшим Синодом было выделено 6 000 руб.[73] 18 декабря 1903 г. на

---

[68] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1891/92 уч. г. Киев, 1893. С. 88.
[69] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1892/93 уч. г. Киев, 1893. С. 32. Речь была опубликована: *Дмитриевский А. А.* Иоанно-Богословский монастырь на острове Патмосе по сравнению с свято-горскими монастырями идиоритмами. (Из поездки на остров Патмос в 1891 г.) // ТКДА. 1892. № 11. С. 326–492.
[70] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 81–82.
[71] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 346–349.
[72] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1900–1901 учебный год. Киев, 1902. С. 45–47.
[73] Отчет о состоянии Киевской духовной Академии за 1899–1900 учебный год // ТКДА. 1900. № 9. С. 395–396.

место Ф. С. Орнатского был назначен прот. И. Н. Корольков[74]. Процесс издания был довольно длительным, но на заседании 13 декабря 1904 г. комиссия отчиталась, что издан 1-й том в 3-х книгах под названием «Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии в XVII–XVIII вв.» общим объемом 134 п. л. и констатировалось, что средств на продолжение издания еще достаточно[75].

На заседании Совета КДА, состоявшемся 27 января 1899 г., А. А. Дмитриевский вместе с проф. В. Ф. Певницким был включен в состав Комиссии, рассматривавшей кандидатские сочинения по русской истории и древностям, которые могут быть награждены Евгение-Румянцевской премией. В задачи членов Комиссии входило также наблюдение за редактированием и изданием этих работ[76].

А. А. Дмитриевский принимал участие и в составе комиссий, присуждавших учрежденные при Академии премии митрополита Московского Макария и епископа Каневского Сильвестра за статьи в периодических изданиях. Так, в 1887/1888 уч. г. Алексей Афанасьевич выступил рецензентом сочинения на соискание премии митрополита Московского Макария (Булгакова) и получил за это 200 руб.[77]

На заседании Совета 27 апреля 1900 г. был заслушан доклад комиссии (А. А. Дмитриевский, Д. И. Богдашевский и В. Н. Малинин) о присуждении наставнической Макарьевской премии проф. КДА П. И. Линицкому и доцентам Ф. И. Титову, Н. К. Маккавейскому, Н. Ф. Мухину, и премии по завещанию епископа Сильвестра проф. М. Ф. Ястребову[78].

---

[74] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 168.
[75] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 201–206. См. также: Дело об издании Актов и документов по истории Киевской академии. 8 марта — 11 августа 1904 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9298. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[76] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1898/9 учебный год. Киев, 1900. С. 95.
[77] *Корольков И.* Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. 1889. № 1. С. 182. См. также: Дело о получении из Синода денег для выдачи профессору академии Малышевскому И., доценту Дмитриевскому А. и профессору Линицкому П. за написанные ими рецензии. 6-7 июня 1888 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 71501. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[78] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 318–325.

13 мая 1902 г. из профессоров П. Линицкого, В. Малинина, А. Дмитриевского и М. Олесницкого Совет КДА образовал комиссию для рассмотрения новых правил приема в СПбДА[79]. 3 сентября того же года комиссия доложила Совету о результатах изучения этих правил, предложив использовать их и для поступающих в КДА[80].

На заседании совета КДА 7 декабря 1905 г. А. А. Дмитриевский был включен в комиссию по пересмотру академического Устава, результаты работы которой должны были быть представлены Св. Синоду не позднее 1 февраля 1906 г.[81] Дело в том, что на волне революционных настроений с начала 1905/1906 уч. г. по всем духовным школам Российской империи прошли массовые забастовки учащихся. В КДА 6 октября 1905 г., требуя изменения устава и внедрения в академическую жизнь автономии, студенты прекратили занятия, и Св. Синодом академия была закрыта до следующего учебного года. Однако после скрупулезной работы это решение скорректировали и студентам КДА было предложено вернуться в учебное заведение к январю 1906 г. [82] Следует оговориться, что «духовная реформа» началась ранее и уже 2 сентября 1905 г. А. А. Дмитриевский писал своему корреспонденту в Петербурге В. Д. Юшманову о большой загруженности в связи с участием в разного рода комиссиях и отсутствием досуга даже в вечернее время[83].

Пересмотр и составление новой редакции устава немного затянулось, и результаты работы комиссии были представлены Совету КДА на заседаниях 3, 4, 6–8 февраля 1906 г. [84] в виде «Проекта устава православных богословских академий». За неимением источников сложно определить, какова была степень участия и масштабность вклада проф. А. А. Дмитриевского в разработку этого проекта устава. Одним из интересных предложений этого устава стала

---

[79] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 204–205.
[80] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 120–121.
[81] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 220–223.
[82] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год // ТКДА. 1906. № 12. С. 589–590, 594.
[83] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 1 об.
[84] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 236–292

рекомендация разделить кафедру церковной археологии и литургики на 2 самостоятельные кафедры, которые бы занимали специалисты в этих областях. Указывалось, что полноценная специализация в обеих областях для одного человека невозможна, а «признание самостоятельности за каждой из этих наук могло бы содействовать более успешной их разработке»[85]. В итоге предлагалось литургику под названием «История православного богослужения» читать на богословско-историческом отделении академий, а церковную археологию под новым наименованием «История христианского искусства» — на богословско-словесном отделении. На упомянутых заседаниях довольно серьезно обсуждался этот проект устава, А. А. Дмитриевским совместно с проф. А. И. Булгаковым и доц. Ф. И. Мищенко было сформулировано особое мнение[86], в результате же обсуждения разработали новую редакцию устава и отправили ее в Св. Синод[87]. К сожалению, рассмотрение работы комиссий по пересмотру устава чрезвычайно затянулось и новая редакция основного, регламентирующего жизнь духовной академии документа, была принята и высочайше одобрена лишь в 1910 г. Как свидетельствует текст устава, предложение разделить кафедру церковной археологии и литургики на две самостоятельных не было услышано, обе дисциплины по-прежнему должен был читать один преподаватель[88]. Более того, эти две дисциплины не были отнесены к числу общеобязательных для всех студентов, но лишь к предметам по выбору студентов. Однако уже 29 июля 1911 г. императором Николаем II были одобрены изменения в действующий устав, согласно которым создавалось из некогда единой кафедры церковной археологии и литургики две самостоятельных, оба предмета возвращались в состав

[85] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 247.
[86] [Особое мнение профессоров А. Дмитриевского, А. Булгакова и и. д. доцента Ф. Мищенко] // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 270–275.
[87] Выработанный в собраниях Совета Киевской духовной академии 3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года проект устава православных богословских академий // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 292–326. См. также: *Ткачук М. Л.* Трансформационные процессы в духовной школе начала XX века: опыт Киевской духовной академии // Труди Київської духовної академії. № 14. К., 2011. С. 121–129.
[88] Высочайше утвержденный Устав Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1913. Т. 30. Отделение 1. № 33274. С. 425.

дисциплин обязательных для всех студентов[89]. Поскольку в это время А. А. Дмитриевский был в Санкт-Петербурге, состоял членом Учебного комитета, он вполне мог оказывать влияние на это процессы. Впрочем, этот вопрос нуждается в детальном исследовании.

Принимал А. А. Дмитриевский участие и во вступительных экзаменах в КДА, правда, не на начальном этапе своего преподавания в КДА, а уже в последние несколько лет. Так, в 1901 г. ученый экзаменовал вместе с В. Ф. Певницким и И. Бродовичем поступающих по общецерковной истории[90]; в следующем 1902 г., вместе с С. Т. Голубевым, свящ. Ф. И. Титовым принимал экзамен по истории Русской Церкви[91]; в 1904 г. совместно с П. Линицким и Д. И. Богдашевским экзаменовал студентов по Священному Писанию Нового Завета[92]; в 1905 г. читал вместе с Песоцким студенческие сочинения по богословию[93]; в 1906 г. вместе с Д. И. Богдашевским и свящ. А. Глаголевым принимал экзамен по Священному Писанию Нового Завета[94].

Отправляли А. А. Дмитриевского представителем от КДА и на различные научные форумы. Так, в 1890 г. ученый принимал участие в работе Археологического съезда в Москве[95]; на заседании Совета 20 февраля 1904 г. по запросу Императорской академии наук постановили отправить профессоров С. Т. Голубева, А. А. Дмитриевского и В. З. Завитневича на Съезд славянских филологов и историков, который должен был состояться 31 августа — 10 сентября того же года в Санкт-Петербурге[96]. Однако, как известно, этот съезд из-за начала русско-японской войны не состоялся[97].

---

[89] Высочайше утвержденные Изменения в действующего Устава Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1913. Т. 31: 1911. Отделение 1. № 35704. С. 868.
[90] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 15.
[91] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 15.
[92] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 15.
[93] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 19.
[94] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 44.
[95] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1889/1890 учебный год. С. 60.
[96] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 192–193.
[97] *Лаптева Л. П.* Несостоявшийся форум русских филологов-славистов 1904 г. // Славянский мир: общность и многообразие: к 1150-летию славянской письменности: 20–21 мая 2013 г.: Международная научная конференция: тезисы. М., 2013. С. 61–64.

На заседании совета КДА 14 апреля 1906 г. А. А. Дмитриевский был командирован на 3 Областной Археологический съезд во Владимир[98] и здесь его участие было довольно заметным.

За исправную службу академическое начальство систематически представляло А. А. Дмитриевского к продвижению по табели о рангах и наградам: 25 июня 1886 г. по должности доцента утвержден в чине надворного советника со старшинством с 1 марта 1884 г.; сенатским указом от 7 мая 1890 г. за выслугой лет произведен в коллежские советники со старшинством с 1888 г.; сенатским указом от 5 октября 1892 г. «произведен в чин статского советника со старшинством» с 1 марта 1892 г.[99]

Академическое начальство за отлично-усердную службу представляло А. А. Дмитриевского и к наградам орденами и медалями: 15 мая 1892 г. ученому был пожалован орден Станислава III ст.[100]; на основании высочайшего повеления от 26 февраля 1896 г. он получил серебряную медаль в память императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте; 14 мая 1896 г. ему был пожалован орден св. Анны 3 ст.[101]; 3 мая 1903 г. — орден св. Анны 2 ст.[102]; 6 мая 1906 г. — орден св. Владимира 4-й ст.[103]

За большие заслуги перед наукой в 1903 г. Алексей Афанасьевич был удостоен большой, но и вполне заслуженной чести: по предложению Н. П. Кондакова его избрали членом-корреспондентом Императорской Академии

---

[98] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 358–359.
[99] Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской духовной академии статского советника Алексея Афанасьевича Дмитриевского за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 163. Л. 17–21.
[100] [Грамота императора Александра III за № 2895 о даровании А. А. Дмитриевскому императорского царского ордена св. Станислава 3 ст. Дана в Санкт-Петербурге 9 июня 1892 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 1.
[101] [Грамота императора Николая II за № 5943 о даровании А. А. Дмитриевскому императорского ордена св. Анны 3-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 13 ноября 1896 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 2.
[102] [Грамота императора Николая II за № 3552 о даровании А. А. Дмитриевскому ордена св. Анны 2-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 24 июня 1903 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 3. Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской духовной академии, статского советника Алексея Афанасьевича Дмитриевского // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 163. Л. 18 об. – 21.
[103] [Грамота императора Николая II за № 1458 о даровании А. А. Дмитриевскому ордена князя Владимира 4-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 4 сентября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 5; Аттестат о службе секретаря Императорского православного палестинского общества, заслуженного профессора, сверхштатного члена Училищного совета при Святейшем Синоде, действительного статского советника в отставке Алексея Дмитриевского. 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1528. Л. 203 об. – 204.

наук по Отделению русского языка и словесности[104]. Как сообщил А. А. Дмитриевскому сам Н. П. Кондаков, «все 2-е Отделение отнеслось с полной симпатией к этому предложению» и его избрали. Объявление об избрании новых членов состоялось на торжественном собрании 29 декабря того же года[105]. На взаимодействие с Академией наук А. А. Дмитриевский возлагал большие исследовательские надежды, которые в итоге не были реализованы.

1905 г. стал в жизни А. А. Дмитриевского переломным, потому как в мае этого года запустились процессы, связанные с постепенным его переходом на службу в Санкт-Петербург. Научная литература на настоящий момент позволяет составить представление о переходе А. А. Дмитриевского на службу в Палестинское общество в следующем ключе. В конце 1902 г. в Киеве было открыто региональное отделение Общества и Алексей Афанасьевич стал его активным сотрудником, довольно часто выступая на заседаниях с докладами.

В конце апреля — начале мая 1905 г., когда академик Императорской академии наук Василий Васильевич Латышев обратился к А. А. Дмитриевскому с письмом. Судя по всему, когда в совете ИППО обсуждался вопрос составления исторической записки к 25-летнему юбилею общества, вице-председатель ИППО Николай Милиевич Аничков предложил обратиться к А. А. Дмитриевскому, услышав о нем от члена общества протоиерея И. Л. Янышева «самые прекрасные отзывы»[106]. Вероятно, по обсуждении было дано В. В. Латышеву, как члену совета ИППО и знакомому А. А. Дмитриевскому, поручение написать письмо. В этом несохранившемся до нашего времени письме В. В. Латышев предлагал А. А. Дмитриевскому взяться на написание масштабного труда, посвященного 25-летнему юбилею ИППО и Алексей Афанасьевич «по зрелом размышлении» согласился на этот проект, выставив в качестве условия оплату гонорара в 60 руб. за печатный лист и выдачу «подъемных денег» для поездки в Петербург[107]. Это

---

[104] Подробнее см.: Письмо А. А. Дмитриевского к Н. П. Кондакову от 30 ноября 1903 г. (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 130. Л. 1); Диплом об избрании от 29.12.1903 (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 6).

[105] См. письмо Н. П. Кондакова А. А. Дмитриевскому от ноября 1903 г.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 483. Л. 5.

[106] Н. М. Аничков — А. А. Дмитриевскому. 07.06.1905, Санкт-Петербург // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183. Л. Л. 4.

[107] А. А. Дмитриевский — В. В. Латышеву. Киев, 06.05.1905. Автограф // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183 (Празднование 25-летнего юбилея Общества в 1907 г.). Л. 2–2 об.

письмо А. А. Дмитриевского В. В. Латышев переслал[108] Н. М. Аничкову и дальнейшая переписка с ученым по финансовым и проч. вопросам велась уже им.

Вероятно, на решение различных вопросов, поставленных А. А. Дмитриевским, понадобилось время, т. к. с ответным письмо Н. М. Аничков вступил в переписку с ученым лишь 7 июня того же года[109]. Совет соглашался с условиями ученого и, поскольку ему нужно было в течение 2-х лет несколько раз побывать в Петербурге для работы в архиве ИППО, брал на себя оплату 5-ти поездок поездом 1-го класса и выделением суточных по 7 руб. в день. Одна поездка должна была быть продолжительностью не более 18-ти дней. В результате взаимного обмена письмами, Алексей Афанасьевич несколько раз, летом 1905 и 1906 гг.[110] побывал в Петербурге для сбора материалов в архиве ИППО.

В августе 1906 г. умер секретарь Общества А. П. Беляев и перед Обществом встал вопрос выбора на вакантную должность наилучшей кандидатуры из числа нескольких лиц: российского генерального консула в Бейруте князя А. А. Гагарина, ученого-арабиста Н. А. Медникова, помощника секретаря ИППО Д. В. Истомина, профессора СПбДА И. И. Соколова и А. А. Дмитриевского[111]. Путем продолжительного обсуждения была выбрана на должность секретаря кандидатура А. А. Дмитриевского, которую также утвердила и председатель Общества великая княгиня прпмц. Елисавета Феодоровна. В виду того, что А. А. Дмитриевскому оставалось чуть больше года до выхода на пенсию от духовно-учебной службы, полноценно он смог приступить к своим обязанностям лишь в декабре 1907 г.

На последнее в 1906/1907 учебном году заседание Совета, состоявшееся 13–14 июня 1907 г., А. А. Дмитриевский подал представление, в котором таким

---

[108] В. В. Латышев — Н. М. Аничкову. 09.05.1905 // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.
[109] Н. М. Аничков — А. А. Дмитриевскому. 07.06.1905, Санкт-Петербург // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183. Л. 3–4.
[110] А. А. Дмитриевский — схим. Матфею (Ольшанскому). 15.07.1905, Санкт-Петербург // Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский, схим.). Русская наука и Афон. С. 275; А. А. Дмитриевский — схим. Матфею (Ольшанскому). 23.09.1906, Киев // Там же. С. 282.
[111] *Лисовой Н. Н.* Из истории руководства Императорского православного палестинского общества: четыре секретаря… С. 27. В работе К. И. Лобовиковой приводятся неверные инициалы И. И. Соколова — В. А. (см. подробнее: *Лобовикова К. И.* А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна… С. 241).

образом подытожил свое служение в КДА. Преподававшаяся ученым в академии важнейшая в числе богословских наук православная литургика была им горячо любима с юношеских лет, он всесторонне изучал ее «со всею страстью и горячим увлечением», успев за время службы в академии «поставить преподавание этой науки на подобающее ей почетное место» и привить интерес к ней среди студентов. А своими исследовательскими работами он содействовал ее «серьезной научной разработке … как у нас в России, так даже и на Западе»[112].

1907/1908 учебный год стал последним годом преподавания А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии. Ему было поручено усиленное чтение лекций по литургике и церковной археологии, поскольку студенты хотели к декабрю прослушать эти курсы[113]. По-видимому, в конце ноября 1907 г. состоялись «проводы и расставание с Киевом»: коллеги поднесли ученому икону и устроили обед с участием всей корпорации. Но более всего ученого тронуло прощание со студентами, на которое пришли учащиеся всех 4-х академических курсов. В «горячей речи»[114] студенты выразили благодарность и поднесли ученому серебряный складень и письменные принадлежности. Далее Алексей Афанасьевич сообщает: «Я был взволнован настолько, что, начав речь “Дорогие мои…”, хотел прибавить “слушатели”, но залился слезами и не мог продолжать речь. Оправившись, я сказал: “Хотел назвать вас слушателями, но это мне не удалось. Следовательно, так тому и быть. Я уже лучше скажу: дорогие мои друзья…”, и речь с перерывами была доведена до конца. Пред студентами я выяснил, как из меня выработался строгий профессор»[115].

15 ноября 1907 г. совет академии ходатайствует перед Святейшим Синодом о присвоении А. А. Дмитриевскому звания заслуженного ординарного профессора[116], а 27 ноября того же года ученый подает прошение в совет об

---

[112] Текст представления см.: Извлечения из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907. С. 540–544.
[113] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 287.
[114] Речь опубликована в: Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия… С. 249–250.
[115] Там же. С. 288.
[116] Указ Святейшего Синода за № 14815; см.: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. С. 142–143; Аттестат о службе секретаря Императорского православного палестинского общества, заслуженного профессора, сверхштатного члена Училищного совета при Святейшем Синоде,

увольнении от службы в академии[117]. Уже 3 декабря[118] того же года ученый вернулся в Санкт-Петербург и приступил к своим обязанностям по должности секретаря Императорского православного палестинского общества. Здесь его застали указы Святейшего Синода от 8 декабря 1907 г. об утверждении в звании заслуженного ординарного профессора и от 11 декабря того же года об увольнении от службы[119]. На заседании совета КДА, состоявшемся 25 января 1908 г., по предложению ректора академии епископа Уманского Феодосия (Олтаржевского) А. А. Дмитриевский «во внимание к учено-литературной и профессорской деятельности» был единогласно избран почетным членом академии, а Святейший Синод одобрил это избрание[120]. В благодарственном письме от 9 мая 1908 г. Алексей Афанасьевич сердечно благодарил сослуживцев за эту честь, называл проведенное в академии время своей жизни «лучшей и присно незабвенной порой» и обещал поддерживать с ней близкие связи. В качестве свидетельства о чувствах к академии ученый подарил для проектируемого археологического кабинета приобретенные им за свой счет образцы древнерусской иконописи[121].

1.2. Лекционные курсы по церковной археологии и литургике в Киевской духовной академии: источники для реконструкции, структура и содержание

Преподавание литургики и церковной археологии в Киевской духовной академии хотя и имело определенную традицию, идущую начиная с 30-х гг.

действительного статского советника в отставке Алексея Дмитриевского. 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1528. Л. 203 об. – 204.

[117] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. С. 192–193. См. также: Дело о назначении пенсии профессорам академии Покровскому А., Дмитриевскому А., врачу Леплинскому К. и другим. 10 марта — 24 ноября 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9535; Дело о назначении пенсии профессору академии Дмитриевскому А. 1908 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9611. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылки на эти дела.

[118] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 288.

[119] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. С. 223–224. В Аттестате о службе А. А. Дмитриевского приводится другая дата — 10 декабря; см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1528. Л. 203 об. – 204.

[120] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 240–241, 268.

[121] Благодарственное письмо А. А. Дмитриевского см.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 283–284.

XIX в., однако сколь-либо значимого вклада в научную разработку этих дисциплин ни иеромонах Мелитон (Переверзев), ни В. И. Добротворский не внесли[122]. Определенный вклад в разработку церковной археологии внес Петр Александрович Лашкарев (1834–1899) — видный специалист в области канонического права и церковной археологии, преподававший оба предмета в течение ряда лет и достигший определенных исследовательских результатов в обеих областях[123], но для литургики не сделавший практически ничего. На его долю в 1883/1884 уч. г. выпало лишь преподавание церковной археологии. После выделения литургики и церковной археологии по академическому Уставу 1869 г. в отдельную кафедру и назначения на нее Ф. А. Смирнова (впоследствии, епископ Христофор), в Киевской духовной академии эти дисциплины преподавались студентам не каждый год, а поочередно, причем группе сразу из двух курсов: II и III[124]. А. А. Дмитриевский оказался в Киевской академии лишь в середине марта 1884 г., потому в первом для него, 1883/1884 учебном году, на его долю выпала обязанность дочитывать за проф. П. А. Лашкаревым, замещавшим временно кафедру, курс церковной археологии до конца.

Отчет Киевской духовной академии за это время дает общую информацию о содержании прочтенного обоими преподавателями курса[125], однако из обзора преподанных тем, сохранившегося в фонде А. А. Дмитриевского, можно получить более точное представление об объеме прочтенного тем и другим преподавателем материала. К марту месяцу П. А. Лашкарев при 3-х лекциях в неделю фактически исчерпал содержание дисциплины, рассказав об истории церковной архитектуры

[122]См. подробнее: Сухова Н. Ю. Формирование литургики как академической дисциплины (1814–1869) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (18). С. 96–97.

[123] Список работ ученого и его биографию см.: Кузьміна С. Л. Лашкарьов Петро Олександрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 29–32.

[124] См. Отчеты о состоянии КДА за 1869–1884 гг.

[125] *Исаев Ив.* Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1883–1884 учебный год // ТКДА. 1885. № 1. С. 139.

и живописи[126], отчего Алексею Афанасьевичу не оставалось ничего более, как прочесть раздел об истории церковных облачений[127].

После введения в действие академического Устава 1884 г. А. А. Дмитриевский читал в Киевской духовной академии каждый учебный год обязательные для всех студентов лекции по церковной археологии для III курса и по литургике для IV курса, что легко можно проследить по печатным ежегодным отчетам Академии. Во многих из них печатались индивидуальные отчеты преподавателей об объеме прочтенного лекционного материала и основных тематических блоках. Сплошное изучение этого вида источников за 1885–1908 гг.[128] дает следующую картину.

Поскольку после введения академического Устава 1884 г. первые несколько учебных лет считались переходными, то в 1884/1885 уч. г. Церковная археология читалась одновременно студентам III и IV курсов в большем объеме, по понедельникам и четвергам, и только тем, кто не слушал ее в предыдущие годы, обучаясь на историческом или богословском отделениях[129]. В последующие годы дисциплина читалась на III курсе и в разном объеме: примерно с 1885/1886 и до 1896/1897 уч. г. по 1-му занятию в неделю, а с 1897/1898 и до окончания преподавания в КДА — по 2 лекции в неделю[130]. Содержание дисциплины в

---

[126] См.: *Лашкарев П. А.* Отчет об уроках по церковной археологии, преподанных студентам II и III курса церковно-практического отделения за 1883/1884 учебный год. Автограф // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 820. Л. 1–2. На л. 3–28 этого же дела находится конспект лекций П. А. Лашкарева по церковной археологии.

[127] Отчет о содержании лекций А. А. Дмитриевского см.: Там же. Л. 2 об.

[128] *Сольский Ст.* Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1884/5 учебный год // ТКДА. 1885. № 10. С. 699–700; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1885/6 учебный год // ТКДА. 1887. № 2. С. 157–201; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год // ТКДА. 1887. № 11. С. 423–472; Корольков И. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. 1889. № 1. С. 146–196; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1888/9 учебный год // ТКДА. 1890. № 1. С. 99–148; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1889/90 учебный год // ТКДА. 1890. № 11. С. 481–534; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год // ТКДА. 1891. № 11. С. 295–352; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год // ТКДА. 1893. № 12. С. 441–496; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // ТКДА. 1894. № 11. С. 445–511; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год // ТКДА. 1895. № 11. С. 329–386; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. 1898. № 10. Приложение. С. 1–46; Отчет о состоянии Киевской духов. Академии за 1901–1902 учеб. год // ТКДА. 1903. № 1. С. 84–133.

[129] Расписание лекций на 1884/5 учебный год для студентов I, II, III, IV курсов Киевской духовной академии // Протоколы совета Киевской духовной академии за 1883/4 учебный год. Киев, 1884. [Приложение IV]. С. 1.

[130] К этому заключению мы пришли, изучив объемы пропущенных А. А. Дмитриевским занятий (см.: Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год. Киев, 1886. С. 127; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1889/1890 учебный год. Киев, 1891. С. 144; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. Киев, 1892. С. 103, 242; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1891/92 учебный год. Киев, 1893. С. 67, 93; Извлечение из

1884/1885 уч. г. состояло из одного вспомогательного (введение) и 3-х основных разделов: 1) обозрение литературы о происхождении церковной архитектуры и характеристика истории дохристианских и христианских построек в Римской империи, Византии, на Западе в широком смысле слова и на Руси; 2) характеристика различных форм культовой живописи, христианской мозаики, иконографических памятников на Руси и в целом об иконописи; 3) история священно-церковнослужительских облачений [131]. В 1885/1886 уч. г. А. А. Дмитриевский во введении к предмету дает уже краткую историю науки, и далее читает курс, состоящий из 2-х первых разделов, опуская темы, связанные с историей облачений [132]. В период между 1886 и 1897 гг. курс церковной археологии читался ученым без 3-го раздела, а в 1897/1898 и 1901/1902 уч. г. темы, посвященные истории облачений, появляются вновь [133] и, возможно, оставались в программе до завершения преподавания в Киевской духовной академии.

Что касается литургики, то с ней дело обстояло сложнее. Первый год чтения А. А. Дмитриевским литургики (1884/1885 уч. г.) отчет предлагает самую общую информацию о прочтенном курсе, не дающую подробностей. Дисциплина после введения в нее делилась на 2 раздела: 1) основные элементы православного богослужения, сведения о христианских песнопениях и их составителях и богослужебном пении; 2) историческое развитие богослужебных чинопоследований [134]. В Отчете за следующий, 1885/1886 уч. г., о прочтенном

протоколов совета Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год. Киев, 1894. С. 62, 110; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год. Киев, 1895. С. 101; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год. Киев, 1898. С. 198; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1898/9 учебный год. Киев, 1899. С. 70, 120, 348; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1900. С. 251; Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 169; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 67; Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 160–161, 192; Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 238, 253, 294, 307).

[131] Сольский Ст. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1884/5 учебный год // ТКДА. 1885. № 10. С. 699–700. Ср. с программой дисциплины: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 7–8, 5–6 об.

[132] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1885/6 учебный год // ТКДА. 1887. № 2. С. 175.

[133] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. 1898. № 10. Приложение. С. 26; Отчет о состоянии Киевской духов. академии за 1901–1902 учеб. год // ТКДА. 1903. № 1. С. 107.

[134] *Сольский С. М.* Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1884/5 учебный год // ТКДА. 1885. № 12. С. 700.

курсе лекций говорится уже подробнее[135], и здесь появляется дополнительный раздел, в котором лектор посвящал некоторое внимание истории основной литургической книги, регулирующей совершение богослужения, — Типикону. Как представляется, введение этого раздела в курс лекций было связано с появлением в 1885 г. книги профессора Московской духовной академии И. Д. Мансветова об истории Типикона в Византии и на Руси[136]. Поскольку в печати несколько позже появятся написанные А. А. Дмитриевским 2 рецензии[137] на это сочинение, можно сделать осторожное предположение, что ученый внес соответствующий раздел в свой лекционный курс, руководствуясь двумя мотивами: фактом выхода самой книги, дающей обилие новой информации, и несогласием с некоторыми ее положениями. В следующем, 1886/1887 уч. г., к уже названным разделам Алексей Афанасьевич добавляет и обзор нескольких других богослужебных книг — Служебника, Требника, Триодей Постной и Цветной[138], но в 1888/1889 уч. г. успел рассказать студентам только о Типиконе[139]. В 1889/1890 уч. г. дается довольно развернутая характеристика прочтенного курса[140], из которой мы узнаем интересные детали: включение в лекции характеристики «метода научной обработки литургики» и «литературы

[135] Приведем здесь выдержку из этого Отчета: «…студентам IV курса, после введения в литургику изложил сначала общую часть ее — о молитвах и песнопениях, о различных родах тех и других, об историческом развитии их в православном богослужении, а потом частную литургику, или о составе и историческом развитии богослужебных чинопоследований как вседневного богослужения общественного, так и частного богослужения; наконец о Типиконе, его составе и значении в ряду других богослужебных книг, с обзором и характеристикою известных уставов церковных» (Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1885/6 учебный год // ТКДА. 1887. № 2. С. 175).

[136] Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885.

[137] Дмитриевский А. А. Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви». М., 1885 // Богословский библиографический листок. 1885. № 11/12. С. 425–445; Он же. Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви». М., 1885 // Христианское чтение. 1888. № 9–10. С. 480–576.

[138] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год // ТКДА. 1887. № 11. С. 452.

[139] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1888/9 учебный год // ТКДА. 1890. № 1. С. 120.

[140] «По литургике тот же доцент студентам IV курса изложил во введении понятие о литургике, как науке, понятие о христианском богослужении, его содержании и форме его, о методе научной обработки литургики и литературу предмета; затем в первой части или общей литургике изложил об общих основных элементах православного богослужения, о молитве, о различных родах богослужебных молитв; о древнейших и более употребительных молитвах и происхождении их, о песнопении и историческом развитии его в православном богослужении до IV в. и с IV до IX о песнопениях в латинской церкви, о богослужебном пении в России по периодам развития его до нашего времени; в части второй или частной литургики изложил о чинопоследованиях вседневного богослужения общественного, в частности о литургиях, вечерних и утренних молитвах, о чинопоследовании таинств Крещения и Миропомазания, Покаяния, Хиротонии, Брак и Елеосвящения; далее — понятие о Типиконе, его составе, происхождении и дальнейшей истории его в Греции и России; наконец, исторический обзор других богослужебных книг: Служебника, Требника, Триоди Постной и Цветной, Октоиха и проч.» (см.: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1889/90 учебный год // ТКДА. 1890. № 11. С. 504).

предмета», а также сведения об Октоихе и проч. богослужебных книгах. Отчет за 1890/1891 уч. г. повторяет структуру программы[141], добавляя, что изучается не только состав литургических чинопоследований, но и их историческое развитие. В 1892/1893[142], 1893/1894[143] уч. г. структура курса литургики была та же, что и в 1889/1890 уч. г. В 1894/1895 уч. г. к уже упомянутым богослужебным книгам прибавляется изучение Часослова[144]. В 1897/1898 и 1901/1902 учебных годах[145] рассмотренные в рамках лекционного курса книги перечислены кратко. Такой предстает рамочная структура курса литургики, реконструируемая на основании опубликованных отчетов о деятельности Киевской духовной академии за 1884–1908 гг.

Бóльшее значение для реконструкции структуры курсов литургики и церковной археологии, читавшихся А. А. Дмитриевским студентам Киевской духовной академии на протяжении более 20-ти лет, имеют неопубликованные источники, либо увидевшие свет в недавнее время документы. Сделаем подробный обзор источников, на основании которых можно воссоздать в целом содержательную часть курсов А. А. Дмитриевского. Сразу отметим, что эти источники находятся в различных архивных собраниях России, Украины и Грузии.

1) Учебная программа по церковной археологии, разработанная П. А. Лашкаревым, с некоторыми фрагментами его лекций по тематике, ныне относящейся к области литургики, хотя в XIX — начале XX в. эти темы рассматривались в рамках курса церковной археологии[146]. Вполне вероятно, что эти тексты попали в распоряжение А. А. Дмитриевского именно в то время, когда

---

[141] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год // ТКДА. 1891. № 11. С. 331–332.
[142] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год // ТКДА. 1893. № 12. С. 464–465.
[143] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // ТКДА. 1894. № 11. С. 476–477.
[144] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год // ТКДА. 1895. № 11. С. 365.
[145] «…о Типиконе, его составе и значении в ряду других богослужебных книг, о Служебнике, Требнике и других важнейших церковно-богослужебных книгах» (Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. 1898. № 10. Приложение. С. 26); «…о Типиконе, о Служебнике, Требнике и других церковно-богослужебных книгах» (Отчет о состоянии Киевской духов. академии за 1901–1902 учеб. год // ТКДА. 1903. № 1. С. 107).
[146] Лашкарев П. А. Отчет об уроках по церковной археологии, преподанных студентам II и III курса церковно-практического отделения за 1883/1884 учебный год // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 253. Д. 820; Он же. О священном облачении. Отрывок из лекции по литургике. Автограф // Там же. Д. 826.

ему нужно было дочитывать за П. А. Лашкаревым курс церковной археологии в 1883/1884 уч. г. Возможно, именно сам Петр Александрович и предоставил молодому преподавателю свои наработки , предполагая, что они окажут ему бóльшую пользу . Следует отметить, что в конце программы П. А. Лашкарева имеется приписка рукой А. А. Дмитриевского, отражающая объем материала, прочтенного им в марте — апреле 1884 г. Видимо, это тот вариант программы, который был выдан студентам КДА для копирования и последующей подготовки к экзамену.

2) В Государственном архиве Республики Татарстан отложились программы курса литургики и церковной археологии, составленные учителем А. А. Дмитриевского Н. Ф. Красносельцевым, за несколько учебных лет. Для нас имеют первостепенное значение программы, составленные Н. Ф. Красносельцевым в период обучения А. А. Дмитриевского в КазДА[147] и нескольких лет после этого. Благодаря этим источникам возможно проследить на уровне структурных элементов и текста зависимость ученика от программы и в целом содержания курса учителя.

3) Курс лекций по литургике в записи слушателей, прочтенный Н. Ф. Красносельцевым (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 196. Л. 27–103), правда, без обозначения авторства последнего. Этот курс был прочтен Николаем Фомичом студентам I и III курсов Казанской духовной академии в 1880/1881 уч. г.[148] В рукописи курс представлен в относительно полном виде, хотя и с незначительными лакунами. Поскольку в 1880/1881 уч. г. А. А. Дмитриевский

[147] Нами были выявлены следующие программы. По литургике: Программа по литургике для студентов III курса 1877/78 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173; Программа лекций по литургике, читанных студентам II курса церковно-практического отделения в 1877/8 году // Там же; Программа лекций по литургике для студентов III курса на 1878/79 г. // Там же. Д. 7272; Программа лекций по литургике для студентов I и III курсов церковно-практического отделения на 1880/1 г. // Там же. Д. 7613. Л. 17–18 (опубл. в: Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике… С. 218–219). По церковной археологии: Программа чтений по церковной археологии для студентов первого курса на 1877/78 год // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173; Программа лекций по церковной археологии, читанных студентам II курса церковно-практического отделения в 1877/8 году // Там же; Программа лекций по церковной археологии для студентов I курса на 1878/9 г. // Там же. Д. 7272; Программа лекций по церковной археологии для студентов II курса на 1878/9 г. // Там же; Программа лекций по церковной археологии для студентов второго курса ц.-практического отделения на 1879/80 г. // Там же. Д. 7400. Л. 13–13 об.; Программа лекций по церковной археологии за 1882/3 год // Там же. Д. 7713. Л. 177–178.

[148] Лекции изданы; см.: Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике, читанные студентам Казанской духовной академии в 1880/1881 уч. г. / вступ. ст., публ. и прим.: С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 2 (6). С. 210–278.

обучался на III-м курсе, то указанные лекции — это лекции, прочтенные курсу А. А. Дмитриевского. Именно этим обстоятельством и можно объяснить причину, почему этот лекционный курс сохранился в бумагах А. А. Дмитриевского.

3) Программы по обеим дисциплинам, составленные А. А. Дмитриевским. А) 2 программы *по курсу литургики*, относящиеся, судя по всему, к киевскому периоду жизни ученого: недатированная (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 196. Л. 1–2 об.), имеющая много общих черт с программой курса, разработанной учителем А. А, Дмитриевского Н. Ф. Красносельцевым [149], и программа за 1906/1907 уч. г. (автограф жены А. А. Дмитриевского Анастасии Ивановны Дмитриевской) [150], хранящаяся в том же архиве (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 1–2); Б) 2 программы *по церковной археологии* (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95): одна датирована 13 апреля 1885 г. (л. 7–8), другая — без даты (л. 5–6 об.). Наличие ранней программы по церковной археологии, составленной в конце 1884–1885 уч. г., позволит с определенной точностью определить ее зависимость/независимость от программы Н. Ф. Красносельцева. Недатированная программа, на наш взгляд, представляет собой писарскую копию программы Н. Ф. Красносельцева по тому же предмету, переданной слово в слово [151]; В) Программы А. А. Дмитриевского по обеим дисциплинам, составленные в рамках предполагаемой реформы духовного образования в конце XIX в. и отложившиеся в Российском государственном историческом архиве в фонде Святейшего Синода (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 195; Оп. 17. Д. 20). Оба дела содержат идентичный набор программ преподавания в духовных академиях. Программы организованы не комплектом по каждой академии, а по предметам в виде таблицы: внутри программы по той или иной дисциплине вводится 4 столбца, в каждом из которых печатается программа. В 1-м столбце публикуется программа, употребляющаяся в СПбДА, во 2-м — в МДА, в 3-м — КДА, 4-м — КазДА. Ценность такого представления программ в том, что

[149] Там же. С. 218–219.
[150] Почерк определен на основании сопоставления фрагмента ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 1–2 с почерком ОР РНБ. Ф. 253. Д. 431, содержащего письма А. И. Дмитриевской А. А. Дмитриевскому.
[151] Ср.: Программа лекций по церковной археологии за 1882/3 год // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7713. Л. 177–178.

можно видеть и сравнивать, как преподавалась дисциплина в разных высших духовных школах.

4) Незначительные фрагменты собственных лекций А. А. Дмитриевского по общей литургике, ограничивающиеся преимущественно вводной частью: понятие о христианском богослужении и его основных элементах (в том числе и гимнография)[152], предмете[153] и методах литургики[154]. Лишь один фрагмент лекций касается исторического развития чина Божественной литургии[155]. В общей сложности в автографах А. А. Дмитриевского до нас дошло около 30 архивных листов его лекций, рассеянных как бисер в двух архивных делах.

5) Лекции А. А. Дмитриевского по церковной археологии, отложившиеся в фонде ученого в двух делах: А) ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113 — автограф ученого на 134 листах, озаглавленный описавшим рукопись таким образом: «Церковная архитектура. Монография. После 1888 г.». К сожалению, в этой подборке курс лекций представлен с существенными лакунами. Кроме того, в рукописи нарушен порядок следования фрагментов лекций друг за другом, и, как следствие, неверно проставлена архивная рабочая пагинация. Правильный порядок следования фрагментов курса реконструируется нами из анализа его содержания и сравнения с программой изучения дисциплины: л. 59–66 об., 43–58 об., 7–9 об., 16–21 об., 129–134 об., 10–15 об., 22–24 об., 77–86 об., 87–101 об., 37–41 об., 25–31, 31 об. – 36 об., 1–3 об., 67–76 об., 4–6 об., 127–127 об., 42–42 об., 102–126 об.; Б) ОР РНБ. Ф. 253. Д. 197. Л. 32–35 — фрагмент лекции о храмах Святой Софии в Константинополе и Фессалониках, который представляет собой логическое продолжение фрагмента ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 31 об. – 36 об.

6) В Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе (Тбилиси) в личном фонде Корнилия Сампсоновича (д. 938) находится 60-страничный фрагмент курса лекций А. А. Дмитриевского, изданный в машинописи для нужд студентов в

[152]ОР РНБ. Ф. 253. Д. 197. Л. 1–6 об.; Д. 196. Л. 219–224 об.; Д. 197. Л. 36–54 об.
[153]Там же. Л. 7–9.
[154]Там же. Д. 196. Л. 225–230. В пользу принадлежности этой лекции А. А. Дмитриевскому свидетельствует как его почерк, так и различные исправления, сделанные его же рукой.
[155]Там же. Д. 197. Л. 10–31, 55–56 об.

1903/1904 уч. г. курсом, на котором учился К. С. Кекелидзе[156]. В описи фонда эта единица хранения имеет следующее название: «Молитвы, составленные о.о. и учителями Церкви. Молитвенные формулы предначинательные, сопровождающие и заключительные»[157]. Увы, пока что ознакомиться с этим фрагментом нам не удалось.

7) Наиболее ценный и полный источник для реконструкции лекционного курса по литургике проф. А. А. Дмитриевского — это большое дело в 748 листов, хранящееся в фонде Киевской духовной академии в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550)[158]. Это дело содержит несколько комплектов лекций А. А. Дмитриевского по литургике за разные годы. Подборка была передана 12 сентября 1923 г. в библиотеку доживавшей последние свои дни Киевской духовной академии учеником А. А. Дмитриевского Владимиром Ивановичем Барвинком (1879–1943) вместе с другими лекционными курсами, прослушанными им во время обучения в Киевской духовной академии в 1901–1905 гг. Также, как уточняет сам В. И. Барвинок, им были переданы конспекты, «по которым студенты готовились к экзаменам»[159].

Материалы этого дела можно разделить на 3 части: А) л. 1–116 — краткий конспект прослушанных в 1904/1905 уч. г. лекций по литургике, выполненный В. И. Барвинком карандашом с указанием даты той или иной лекции. Хотя нигде не указано, что это конспект В. И. Барвинка, его очень своеобразный почерк без труда узнается благодаря сохранившимся эпистолярным источникам[160]. При анализе содержания конспекта выясняется, что он написан довольно небрежно,

---

[156] Об этом см.: Письма протоиерея Корнелия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому / вступ. ст. Н. Ю. Суховой и В. В. Буреги; публ. и прим. Н. Ю. Суховой // ТКДА. 2015. № 22. С. 169–170.

[157] См.: Описание личного архива К. С. Кекелидзе / сост. Р. Я. Кавиладзе. Тбилиси: «Мецниереба», 1979. С. 171 (на груз. яз.).

[158] Пользуясь случаем, хотелось бы высказать слова самой искренней признательности и благодарности проректору Киевской духовной академии по учебной работе профессору В. В. Буреге, подъявшему на себя нелегкий труд фотокопирования этого дела.

[159] Заявление опубликовано в приложении к статье: Барвинок Владимир Иванович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. Т. 1: А–Й. С. 109–110.

[160] См., напр.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 355 (письмо В. И. Барвинка А. А. Дмитриевскому от 25.05.1911).

часто содержит просто перечисление фактов и никак литературно не оформлен. Как видно из отчета КДА, лекции в 1904/1905 уч. г. начались 6 сентября и длились по 1 марта 1905 г.[161] Лекции по литургике проходили по вторникам и четвергам и, как правило, датировались В. И. Барвинком: первая лекция состоялась 16 сентября 1904 г., последняя — 31 марта 1905 г. Всего в течение учебного года датировано 42 лекции, хотя их, вероятно, было немного больше[162]. Изложение материала следовало в целом последовательно, за исключением второй половины учебного года: там постоянно наблюдается «перескакивание» с одной темы на другую и возвращение к уже прочтенным темам.

Б) Вторая часть дела занимает 318 листов разных форматов. На листах 3–6 новой фоллиации находится программа лекций по литургике за 1904/1905 уч. г., написанная чернилами В. И. Барвинком с различными добавлениями карандашом как уточняющего, так и дополняющего характера, выполненными его же рукой. На листах 7–317 об. располагается весь объем учебного материала, выполненный чернилами почерками 3-х студентов: самого В. И. Барвинка [163] и неидентифицируемыми писцом-II[164] и писцом-III[165]. Имена писцов ни в одном из фрагментов не указываются, лишь в конце некоторых из них стоят дата и подпись

---

[161] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год // ТКДА. 1905. № 11. С. 337. Дата 1 марта представляется нам не вполне правильной: тут либо в Отчете опечатка и окончание чтения лекций должно было быть 31 марта, либо после первой седмицы Великого поста и до Страстной преподавателями могли проводиться т. н. репетиции или проверки знаний студентов, но в некоторых случаях, вероятно, это время до экзаменов могло использоваться и для выполнения программы в запланированном в начале учебного года объеме.

[162] Пропущены в записях В. И. Барвинка вторники и четверги 1904 г.: 5 октября, 19 октября, 21 октября; 1905 г.: 27 января, 24 февраля, 1 марта, 3 марта, 15 марта. Учитывая, что в журналах совета, как правило, отражалось количество пропущенных преподавателями занятий, А. А. Дмитриевский пропустил занятие «по домашним обстоятельствам» лишь 27 января (см.: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 245); занятия 1 и 3 марта были пропущены по причине выпадения на 1-ю седмицу Великого поста. Таким образом, получается, что в 1904/1905 уч. г. состоялось как минимум 47 лекций по литургике. Вполне возможно, что некоторые лекции В. И. Барвинок мог пропустить. Экзамены в 1904/1905 уч. г. проходили с 25 апреля по 31 мая (Там же. С. 327).

[163] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 1 об., 3–6 об., 21–23 об., 25–28, 54 об., 73–81 об., 117–120, 136–137, 157–161 об., 163–170 об., 173–175 об., 245, 302 об.–308 об.

[164] Там же. Л. 7–13 об., 41–46, 177–212, 215–228 об. Почерк представлен в двух вариантах: размашистом (1-й фрагмент, написанный на неразлинованной бумаге тетрадного формата) и более собранном (фрагменты 2–3, созданные на бумаге в линейку).

[165] Там же. Л. 15–20, 29–40, 47–54, 55–71 об., 84–94 об., 95–106 об., 107–116 об., 121–127 об., 129–135 об., 138–140 об., 141–153, 229–246, 251–253 об., 256–264, 265–274, 275–280 об., 282–292 об., 293–302 об., 309–317 об. Почерк на этих листах представлен в 2-х вариантах: с сильным нажимом и нажимом слабее. Первоначально была уверенность, что разность вариантов объясняется двумя разными писцами. Однако после тщательного сравнения отдельных букв почерка (например, прописных букв Б, Т, П и некоторых строчных) мы пришли к заключению, что разница обусловлена использованием разных типов перьевых ручек.

В. И. Барвинка, свидетельствующие, скорее всего, об ознакомлении Владимира Ивановича с материалом. Все даты не выходят, как правило, за апрель 1905 г. (за исключением 1-го фрагмента, где указывается дата 25 января 1905 г., но это, скорее всего описка), когда приходила пора подготовки к сдаче экзаменов. Характер этого раздела рукописи позволяет заключить, что перед нами не собственно лекции, прочтенные А. А. Дмитриевским и записанные студентами более-менее полно с его слов, а подготовленные учащимися на основе собственных записей лекций специально к экзамену по предмету ответы на вопросы экзаменационной программы. Находящаяся перед разделом программа курса, в которой имеются обозначения карандашом, указывающие соответствие раздела программы номеру билета, служит руководством и ориентиром в следующих за ней ответах на вопросы, в которых, как правило, ради экономии места отсутствуют выдержки из программы и, соответственно, заголовки. Соотнесение содержания программы с объемом ответов приводит к выводу, что они представлены достаточно полно, без лакун и включают 25 законченных фрагментов — по числу билетов по литургике. Некоторые ответы на билет сопровождаются дополнениями и редакторской правкой карандашом, выполненные также В. И. Барвинком.

Несмотря на то, что перед нами ответы на экзаменационные вопросы, предназначение этой части лекционного курса и его охват не вполне очевидны. Ясно, что функционал этого материала — служить полноценным пособием при подготовке студентов к экзамену по литургике, но для одного ли студента, В. И. Барвинка, или для бóльшего круга лиц ? При внимательном изучении этого раздела рукописи можно с определенной долей уверенности заключить, что перед нами чистовики, над которыми целенаправленно работали и которые старательно вычищали от ошибок. Об этом свидетельствуют как наличие правки рукой В. И. Барвинка, так и отсутствие имен писцов этих фрагментов. Наличие же программы и подписи В . И. Барвинка на бóльшей части ответов позволяет с определенной степени вероятности предположить, что чистовик лекций был подготовлен студентами IV курса 1904/1905 учебного года Киевской духовной академии для

того, чтобы на основании этого материала (по примеру предыдущего курса, на котором учился К. С. Кекелидзе) можно было создать машинописный вариант лекций и, размножив на гектографе, полноценно пользоваться при подготовке к экзамену[166]. Против этой теории можно высказать лишь одно соображение: если рукописные варианты лекций В. И. Барвинок передал в академическую библиотеку, то почему он вместе с ними не передал и машинописный (гектографированный) вариант? Единственный из возможных ответов состоит в том, что В. И. Барвинок мог знать наверняка, что в академической библиотеке есть машинописный вариант лекций, потому оставил личный экземпляр в своей домашней библиотеке.

В) Третья часть располагается на л. 319–631 и представляет собой записи как собственно лекций по литургике, прочтенных А. А. Дмитриевским между 1899 и 1905 годами, так и программы либо их фрагменты. Определенную сложность представляет датировка и отнесение той или иной лекции к конкретному учебному году. Некоторые из лекций имеют точную датировку, включающую день месяца и год, другие имеют лишь день месяца, иные же никак не датированы. Кроме того, в некоторых случаях приводятся одни лишь число и месяц, без указания года: как правило, на протяжении 1899–1905 гг. А. А. Дмитриевский читал лекции по вторникам и четвергам[167] и, если у нас есть точное указание числа и месяца, то определение года не составляет труда. Также некоторые лекции, которые совсем не имеют каких-либо отсылок к дате создания, можно датировать и отнести к определенному учебному году благодаря студенческим подписям. Конспекты выполнены разными студентами, оставившими в конце того или иного фрагмента свои подписи либо инициалы.

[166] По-видимому, размножать эти руководства к экзаменам или лекционные курсы по разным предметам имело довольно устойчивую практику среди студентов КДА. Так, выпускник КДА 1910 г. свящ. А. Г. Ходзицкий в своих воспоминаниях об обучении сообщил, что их «курс впервые стал регулярно записывать профессорские лекции, давать их на исправление профессорам и печатать на шапирографе, приобретенном за счет курса, в потребном количестве экземпляров. Обычай этот теперь прочно привился в Академии» (Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. Т. 3: Р–Я. С. 414).

[167] К этому заключению мы пришли на основании сплошного просмотра Извлечений из журналов совета Киевской духовной академии за 1899–1908 гг., в которых фиксируются пропуски преподавателями лекций за каждый месяц того или иного учебного года.

Всего таких насчитывается 28 человек: выпуск 1899/1900 уч. г.: А. Н. Баландин[168]; выпуск 1900/1901 уч. г.: В. С. Бурчак[169], В. А. Долгополов[170], В. А. Петропавловский[171], С. В. Савинский[172], Т. Т. Стемпковский[173], И. Г. Туровский[174]; выпуск 1901/1902 уч. г.: В. А. Беднов[175], С. П. Видякин[176], Ф. Г. Глазунов[177], Г. С. Гроссу (будущий митр. Бессарабский Гурий)[178], В. А. Ивановский[179], Н. С. Кривда (Кривцов)[180], Д. И. Плетнев[181], П. А. Радкевич[182], В. М. Ремезов[183], Р. Е. Сапин[184], Н. А. Скворцов[185], П. И. Слюсаревский[186], И. О. Филоновский[187], В. Ф. Харьков[188], И. Н. Чайковский[189], В. В. Шаповалов[190]; выпуск 1904/1905 уч. г.: А. П. Бобров[191], И. Ф. Гладковский и М. А. Глаголев[192], В. Г. Зерчанинов[193], М. А. Орлов[194]). Кроме

---

[168] Им написана программа по литургике за 1899/1900 учебный год, представляющая собой, скорее краткий конспект ответа на 25 билетов: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 361–362 об.
[169] Там же. Л. 433–435 об.
[170] Там же. Л. 389–390 об.; 622–623.
[171] Там же. Л. 463–466 об.
[172] Там же. Л. 472–473 об.
[173] Там же. Л. 607–609. Во фрагменте автор допускает ошибку, указывая, что лекция состоялась 6 марта 1900 г. Но в 1899/1900 уч. г. Т. Стемпковский обучался на III курсе КДА и 6 марта был понедельник, тогда как на следующий год студент числился уже на IV курсе и в эту дату был вторник. Потому нами эта лекция была отнесена к 1900/1901 уч. г.
[174] Там же. Л. 512–513 об.; 514–515 об.
[175] Там же. Л. 378–380.
[176] Там же. Л. 385–385 об.
[177] Там же. Л. 386–386 об.; 488–492 об., 501–501 об.
[178] Там же. Л. 377–377 об., 382–384 об.; 463–466 об.; 493–498 об.; 564–566 об.
[179] Там же. Л. 400–402 об.; 414–416 об.; 430-431 об.; 440–441. Почерк отождествлен на основании подписи В. А. Ивановского и фрагмента лекции, написанного им: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 46 об.
[180] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 391–394; 551–553 об., 558. Писец оставил только инициалы «Н. К.». С такими инициалами на курсе был только Н. С. Кривда.
[181] Там же. Л. 449–450.
[182] Там же. Л. 370–375. Писец отождествлен на основании приписки на другом экз. лекции («Списано с лекции Р. Е. Сапина и П. А. Радкевича» — л. 376) и по заметке читателя или переписчика лекции на л. 372: «Паша, в дурачки себя поставил?!..»
[183] Там же. Л. 399–399 об., 404–405; 544–544 об.; 583–588 об.; 590–593 об.
[184] Там же. Л. 455–455 об., 460–461.
[185] Там же. Л. 519–522 об. Писец отождествлен на основании подписи и фрагмента лекции, написанного им: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 282, 287.
[186] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 523–523 об., 528. Писец определен на основании зачеркнутого фрагмента подписи: П. Ив. С-кий.
[187] Там же. Л. 429–429 об., 432; 600–601 об.; 616–617. Писец определен на основании схолии чернилами писца-XI на л. 601: «тенденциозный отзыв Филоновского!».
[188] Там же. Л. 524–526; 589–589 об., 594–596 об. Писец отождествлен на основании подписи и фрагмента лекции, написанного им: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 274 об.
[189] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 480–483 об. Писец отождествлен на основании подписи и фрагмента лекции, написанного им: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 191, 194 об.
[190] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 584–587 об.
[191] Там же. Л. 347–350.
[192] Там же. Л. 343–346; 356–358. Под этими двумя фрагментами стоит двойная подпись «Гладковский и Глаголев», поэтому точное определение писца на сегодня невозможно.
[193] Там же. Л. 341–342; 353–353 об.; 359–359 об.
[194] Там же. Л. 319–326 об.; 331–339 об.

указанных лиц также в этой части рукописи имеются лекции, написанные 22 неидентифицированными студентами, но которые благодаря тематике и внутренним данным можно отнести к определенному учебному году[195]. Довольно большое число писцов свидетельствует о том, что лекции поочередно записывались дежурными студентами курса[196].

Однако определение даты создания или хотя бы учебного года нескольких лекций представляет собой большую сложность по причине отсутствия всяческих данных для датировки. *1-й фрагмент*[197] представляет собой программу, в которой приводятся ответы на 16 билетов, причем содержание этой программы не традиционное для академического курса и касается элементарных вопросов литургики (общественное богослужение и его важность для христианина, богопочтение, исповедание веры, храм и его святыни, праздники и посты). Судя по тому, что на л. 478 имеется схолия синим карандашом «9 б. (1904)», этот материал планировалось использовать в качестве дополнительной информации к 9 билету 1903/1904 уч. г. *2-й фрагмент* [198] кратко повествует о литургии преждеосвященных Даров, что в других лекциях представлено гораздо полнее. *3-й фрагмент* [199] — «О Никоновском Служебнике», в котором рассматривается исправление этой богослужебной книги в XVII в. Здесь содержатся интересные детали, отсутствующие в других лекциях, посвященных этому сюжету. Наличие же на полях этого фрагмента самостоятельной пагинации (зеленым карандашом, с 261 по 264) свидетельствует, что перед нами часть либо иной рукописи, либо

---

[195] 1899/1900 уч. г.: писец-I (Там же. Л. 547–550 об.); 1900/1901 уч. г.: писец-I (л. 559–562 об.), писец-III (л. 445–448; 603–605), писец-IV (л. 484–487 об.), писец-V (л. 508–511; 579–582), писец-VI (л. 516–517 об.), писец-VII (л. 575–577), писец-VIII (л. 597–598), писец-IX (л. 610–611 об.), писец-X (л. 614–615 об.; 624–627 об.; 628–631 об.); 1901/1902 уч. г.: писец-XI (л. 365–369 об., 376; 456–459; 533–533 об., 542–543 об.; 538–540 об.; 563–563 об., 568–569 об., 574), писец-XII (л. 467–467 об., 471; 607–609), писец-XIII (л. 474–477 об.), писец-XIV (л. 395–397; 419–419 об., 424–428; 420–423 об.; 570–573), писец-XV (л. 413–413 об., 418–418 об.), писец-XVI (л. 408–410; 439–439 об., 444–444 об.; 554–557), писец-XVII (л. 534–537), писец-XVIII (л. 599–599 об., 602–602 об.), писец-XIX (л. 609 об.), писец-XX (л. 407–407 об., 412–412 об.; 451–453), писец-XXI (л. 437–438); 1904/1905 уч. г.: писец-XXII (л. 327–329 об.).

[196] В пользу этого можно привести имеющееся в одном фрагменте указание: «За Васильева Бурчак» (ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. 435 об.). Видимо, по какой-то причине дежурный студент Н. И. Васильев отсутствовал на лекции, поэтому вместо него конспект делал студент того же курса В. С. Бурчак.

[197] Писец-XXIII (л. 478–479 об.).

[198] Писец-XXIV (л. 518).

[199] Писец-XXV (л. 618–20 об.).

полного конспекта лекций по литургике какого-либо студента. *4-й фрагмент*[200] представляет собой ответ на вопрос 4–5-го билетов об основных элементах православного богослужения. Материал подается сжато, без лишних рассуждений и с внушительным количеством ошибок, свидетельствующих, что текст написан студентом, недостаточно хорошо владеющим русским языком.

Некоторые лекции представлены в нескольких экземплярах и записаны разными студентами. Кроме того, на полях того или иного лекционного фрагмента иногда разными карандашами и чернилами указываются различные годы: 1904, 1905. Это свидетельствует о том, что при создании перед экзаменом по литургике чего-то вроде учебного пособия, студенты использовали как свои собственные записи лекционного материала, так и записи лекций студентов других лет. Вероятно, в студенческой среде циркулировали определенные сборники, содержащие выполненные ими же записи лекций преподавателей, в пользу чего в рассматриваемой рукописи имеются 3 указания: «Из “Смеси”»[201]; «Списано … из “Ирхи”»; «Ирха»[202].

При сведении всей имеющейся для датировки лекционных курсов этой части архивного дела информации получается, что она включает фрагмент программы 1899/1900 учебного года и ответ на 21-й билет, 18 лекций за 1900/1901 уч. г., 28 лекций за 1901/1902 уч. г. и 9 лекций за 1904/1905 уч. г. Совсем не представлены в деле лекции 1902/1903 и 1903/1904 учебных годов, что может объясняться следующими соображениями. На фрагментах этой части лекций довольно часто и в изобилии присутствуют различного рода записи, свидетельствующие об использовании лекций в иные учебные годы: оригинал лекции указывает, что перед нами, к примеру, материал 20-го экзаменационного билета. Позже цифра «20» зачеркивается и красным карандашом указывается, что это уже 21 билет. Потом эта информация еще раз зачеркивается уже синим или красным карандашами и указывается, что перед нами материал 22-го билета и

[200] Писец-XXVI (л. 468–470 об.).
[201] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 391.
[202] Там же. Л. 453.

даже указывается в некоторых случаях год — 1904. Вероятно, пользующиеся этой подборкой студенты не считали необходимым создавать собственные руководства к экзамену по литургике, предпочитали пользоваться уже имеющимися материалами, перераспределяя их в соответствие с той программой курса, которая была составлена А. А. Дмитриевским на тот или иной учебный год. В этой связи важным представляется выяснить, не были ли некоторые фрагменты лекций 1900–1902 гг. отмеченные 1904 годом положены в основу машинописного варианта лекций, созданного курсом К. С. Кекелидзе и хранящегося ныне в Грузии.

Наибольший интерес представляет не техническая информация, а те краткие характеристики А. А. Дмитриевского и читаемого им курса, которые изредка приводятся в лекциях: как правило, они весьма уважительные, иногда с ноткой ерничанья, порой же оскорбительные. Так, например, в лекции о таинстве брака, прочитанной ученым в 1901/1902 уч. г., на полях рукой, отличной от руки основного писца лекции, написано: «Это неправда! А еще ругают А. А. Дмитриевского!»[203]. Или при рассказе Алексеем Афанасьевичем о различных константинопольских уставах имеется вставка, свидетельствующая о полярных отношениях к А. А. Дмитриевскому студентов одного и того же курса: «Один только разве типикон Пантократорский представляет в этом отнош[ении] исключение: монастырь Пантократорский был богатый и просвещенный (в нем была школа, больница для душевно-больных-психопатов» и тут же идет вставка синим карандашом: «в которой был и Дмитриевский. Жаль, что его выпустили оттуда»); другой студент (писец-XI) на поле написал: «тенденциозный отзыв Филоновского»[204]. В лекции 1901/1902 уч. г. о правке богослужебных книг записавший ее в подстрочнике пишет: «Извиняюсь за такую гадкую лекцию, но ей-Богу, Дим[итриевский] так читал»[205].

[203] Там же. Л. 520.
[204] Там же. Л. 601.
[205] Там же. Л. 617.

Кроме того, иногда в лекциях присутствуют записи других студентов, характеризующие писцов, а порой разворачиваются целые диалоги между записавшим лекцию и ее читателем. Так, например, в лекции от 15-го ноября 1901 г., записал которую студент Павел Радкевич, прочитавший ее написал: «Паша, в дурачки себя поставил?!»[206] На полях лекции, состоявшейся 7 февраля 1902 г., О. Э. Гребинский написал: «Таким почерком можно записывать на память темные похождения из собственной жизни, без опасения, что кто-нибудь посторонний в состоянии будет прочесть написанное». Далее карандашом писец-XI, которым была записана лекция, спрашивает: «Ну? Один раз», на что его собеседник отвечает: «Кто бы писал, — да не Орест Гр… ебинович»[207].

Иногда в записи студентов отражаются реалии, случившиеся во время лекции: вдруг 30 октября 1901 г., когда А. А. Дмитриевский рассказывал о различных источниках для литургической науки, плавное течение лекции было прервано студенческой записью: «Митрополит приехал!?!?»[208]. Присутствуют в записях лекций и рисунки, порой очень забавные. Русский язык лекций далеко не всегда удачный и напрямую зависит от развитости записывавших, их начитанности и эрудиции.

10) В том же архивном фонде сохранился в записи слушателей А. А. Дмитриевского его лекционный курс по церковной археологии (ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587). Дело включает 494 пронумерованных листа. История происхождения этой подборки лекций связана с тем же В. И. Барвинком и совпадает с историей дела ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550.

В деле представлены программа и лекции по дисциплине за разные учебные годы: с 1894 по 1904 гг., когда, по-видимому, этот сборник был окончательно сформирован. В отличие от дела ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550, содержащего лекции по литургике, лекции этого дела лишь изредка имеют дату создания и имя писца, в основной же массе материала данные для датировки отсутствуют. Датировать

---

[206] Там же. Л. 372.
[207] Там же. Л. 540 об.
[208] Там же. Л. 430.

каждую лекцию можно будет только после масштабного палеографического исследования и сравнения почерка основных писцов с автографами студентов Киевской духовной академии 1895–1904 гг., что в настоящее время представляется совершенно неподъемной задачей.

При оформлении лекций отсутствует единство подхода: лишь некоторые из них имеют заголовки вначале, либо внутри[209]; более ощутимая часть имеет указание на порядковый номер лекции[210]; совсем мало лекций имеет в начале подзаголовок «Церковная археология»[211]. Сопоставляя эти фрагменты с тематическими элементами программы, возможно будет, вероятно, отнести их к определенному комплекту лекций и даже датировать в целом комплект.

Материалы дела можно условно разделить на 3 части: А) л. 1–354 об. — сборник лекций разных учебных лет, составленный воедино, вероятно В. И. Барвинком. На л. 2–3 находится написанная чернилами В. И. Барвинком программа по церковной археологии, снабженная его же комментариями карандашом и в рамках каждой темы дающая указание на тот или иной билет (всего их 25). Далее до л. 354 об. следуют лекции по церковной археологии, разные фрагменты которых для удобства использования и объединения проложены техническими листами с конспективным указанием, что в том или ином фрагменте находится. Лекции (иногда по несколько экземпляров одной и той же) расположены в порядке следования учебного материала и согласно программе. При соотнесении программы с объемом лекций выяснилось, что их текст представлен достаточно полно, однако есть небольшие лакуны: сперва следуют лекции с 1 по 19, далее пропущена 20 лекция, в которой, судя по материалу, должно было быть подробное описание храма Святой Софии в

---

[209] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 54–54 об. (Предмет церковной археологии; Архитектура), 79 (Греция), 114 (Архитектура у римлян), 116 об. (Христианская архитектура); 125 (Архитектура у римлян), 126 (Христианская церковная архитектура до времени Константина Великого); 132 (Христианская церковная архитектура до времени Константина Великого); 236 (Византийский стиль); 288 об. (Стиль Возрождения); 297 об. (Новгородские храмы); 323 (Иконопись. Живопись); 329 (Чем отличается русское живописное искусство от западного?); 341 (Русская живопись); 348 об. (Церковные одежды); 351 (Цвет одежд); 357 (Христианская архитектура со времени Константина В. до образования византийского стиля); 363 (Христианская архитектура до времени Константина Великого); 385 об. (Храм египетский); 388 (Финикийская архитектура); 391 (Греция); 410 (Византиноведение).

[210] Там же. Л. 16, 22, 35, 43, 47, 61, 69, 90, 140, 148, 158, 166, 174, 185, 203, 208, 228, 250, 256, 282, 298, 357, 399,

[211] Там же. Л. 5, 10, 191, 196, 224, 372, 383.

Константинополе. С 21 лекции и до 33 материал без лакун, 34 лекция пропущена, однако, вполне возможно, что материал 33 и 34 лекции был объединен в одну по причине достаточной объемистости. Далее идут 35 и 36 лекции о христианской иконографии и в завершение небольшой раздел о священных облачениях духовенства.

Для организации материала в разные учебные годы студентами использовались различные способы: как правило, исходной была порядковая нумерация лекций, далее чернилами или цветными карандашами либо ставились просто арабские цифры, либо указывалось, материал какого билета находится во фрагменте (как правило, таким образом: напр., «3 б[илет]), либо, наконец, нумеровались тетради (Т. №). Поскольку тетради представлены со значительными пропусками в нумерации[212], это позволяет сделать вывод, о внимательном отношении делавшего эту подборку студента к содержанию лекций и выборке их из нескольких комплектов.

Под лекциями оставили свои подписи 23 студента. Не вызывает сомнения правильность прочтения подписей следующих 21-го студента: выпуск 1896/1897 уч. г.: М. П. Алабовский[213]; выпуск 1898/1899 уч. г.: А. А. Рукин[214]; выпуск 1901/1902 уч. г.: В. А. Беднов[215], О. Э. Гребинский[216], В. Данилович (не окончил КДА)[217], В. В. Ивановский[218], Д. И. Плетнев[219], В. М. Ремезов[220], Н. А. Скворцов[221], И. И. Филоновский[222], В. Ф. Харьков[223], И. Н. Чайковский[224], Ф. Шулькевич (не окончил КДА)[225]; выпуск 1902/1903 уч. г.: М. М. Девицкий[226], П.

[212] Там же. Л. 4 (Т. 1–3), 53 (Т. 4), 78 (Т. 6), 113 (Т. 9), 253 (Т. 23), 263 (Т. 21).
[213] Там же. Л. 132–136 об.
[214] Там же. Л. 216–223, 292–297 об.
[215] Там же. Л. 204–206 об.
[216] Там же. Л. 224–227.
[217] Там же. Л. 325–328 об.
[218] Там же. Л. 43–46 об.
[219] Там же. Л. 125–128 об.
[220] Там же. Л. 254–255.
[221] Там же. Л. 282–287.
[222] Там же. Л. 312–317.
[223] Там же. Л. 272–274 об.
[224] Там же. Л. 191–195 об.
[225] Там же. Л. 196–202 об.
[226] Там же. Л. 140–145.

З. Лебедев[227], В. И. Фаминский[228], М. Е. Хмелевский[229], свящ. В. С. Ярмолюк[230]; выпуск 1904/1905 уч. г.: В. И. Барвинок[231], свящ. Н. А. Лежава[232], П. Н. Стасиневич[233]. Два других писца, предположительно, — выпускники КДА 1901/1902 уч. г. Гр. Константинеску[234] и 1904/1905 уч. г. Н. Ф. Троепольский[235].

Б) Вторая часть находится на л. 357–443 об., содержит несколько фрагментов разных по времени прочтения лекционных курсов и программу с конспектом ответа на тот или иной билет[236]. Из лекций этой части только одна точно датирована и имеет имя писца[237], еще одну можно предположительно датировать 1903 г.[238] В конце части находится тетрадь, в которой содержатся фрагменты нескольких лекций и датированная 9 апреля 1904 г. работа А. Чекановского «Византиноведение»[239]. Поскольку в ней имеются многочисленные правки, выполненные чернилами рукой А. А. Дмитриевского, и на л. 410 в правом верхнем углу стоит цифра «3.» можно с уверенностью заключить, что перед нами одно из немногих сохранившихся семестровых сочинений по церковной археологии, писавшихся студентами по этому предмету.

В этой части лишь 2 студента КДА оставили свои подписи под лекциями: выпускники 1904/1905 уч. г. А. И. Чекановский[240] и 1895/1896 уч. г. свящ. А. И. Вишневский (впоследствии — иером. Агапит)[241].

В) Третья часть располагается на л. 445–489 об. и представляет собой конспект лекций по церковной археологии, выполненный простым карандашом В. И. Барвинком (автор отождествлен по почерку). Крайние даты конспекта: 9

---

[227] Там же. Л. 174–183 об.
[228] Там же. Л. 22–33 об.
[229] Там же. Л. 5–9 об.
[230] Там же. Л. 323–324 об.
[231] Там же. Л. 3–4.
[232] Там же. Л. 228–234.
[233] Там же. Л. 345–350 об., 351–354 об.
[234] Там же. Л. 329–338. На л. 338 дается дата 23 апреля 1901 г. и сокращенно имя писца: «Гр. Кон.».
[235] Там же. Л. 174–183 об. В начале лекции на л. 174 стоят только инициалы: «А. Т.».
[236] Там же. Л. 380–381 об.
[237] Там же. Л. 372–379 об. 3 декабря 1894 г., Вишневский Антоний.
[238] Там же. Л. 394–397.
[239] Там же. Л. 410–443 об.
[240] Там же. Л. 394–397; 410–443 об.
[241] Там же. Л. 372–379 об.

сентября 1903 — 26 февраля 1904 г., хотя учебный год завершился 10 апреля[242]. Почерк беглый, небрежный. 21 фрагмент конспекта датирован. Из анализа содержания конспекта и дат можно заключить, что лекции по церковной археологии также, как и по литургике, в 1903/1904 уч. г. проходили по вторникам и четвергам. Вероятно, какие-то лекции В. И. Барвинком были пропущены, либо не датированы, о чем свидетельствуют пропуски в тематике.

Тексты всех трех частей порой изобилуют изящными и не очень рисунками, исправлениями и дополнениями, выполненными самими написавшими или читателями чернилами, простым и красным карандашами. Как правило, эти исправления/дополнения носят технический характер, но иногда встречаются и комментарии к текстам. Например, в лекции об изучении западных памятников древности записавший ее В. И. Фаминский дает на поле такой комментарий: «Далее следует по нынешним лекциям речь о Порф[ирии] Успенск[ом], затем об архим[андрите] Антонине и наконец уже о Кондакове, о нем же в сих лекциях чти на обороте сего, а о первых двух в другой тетради»[243].

Лекции порой переписывались студентами с лекций более раннего времени; так, например, один студент написал в конце лекции о китайской архитектуре: «Составлено на основании прошлогодних и нынешних лекций. В. Ф.», другой же студент тут же вступил с ним в диалог и отметил: «Чего не видать»[244]. Другой пример диалога на страницах рукописи мы наблюдаем в лекции о последнем периоде византийской архитектуры. На ее поле студент комментирует карандашом: «И сие придано механически, хотя взято из более раннего источника — лекций Сушкова». В ответ на это записавший лекцию Ф. И. Шулькевич парирует: «Автор “сего” замечания врет: я записал здесь то, что слышал из сладчайших уст самого профессора»[245]. Наконец, в конце этой все тот же Ф. И. Шулькевич поделился своими переживаниями по ее поводу: «Лучше записать не

[242] Чтение лекций в 1903/1904 уч. г. началось 6 сентября и завершилось 10 апреля (Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год // ТКДА. 1904. № 12. С. 606). Переводные экзамены в 1904 г. проходили с 19 апреля по 31 мая (Там же. С. 600).
[243] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 31.
[244] Там же. Л. 74 об.
[245] Там же. Л. 201 об.

мог, потому что наш знаменитый профессор изволил читать очень быстро и без всякого плана, в противоречиях прошу меня не винить. Ф. Шуль[кевич]»[246].

Иногда присутствуют в лекциях пометы или комментарии, задача которых состоит в том, чтобы указать, откуда далее брать материал либо в самих лекциях, либо в литературе. Так, например, в лекции о храмах Святой Софии свящ. Антоний Вишневский указывает: «Дальше следует: Архитектура Киевских церквей X–XII вв. (по реферату г. Лашкарева)»[247].

Содержание некоторых лекций как с точки зрения манеры прочтения их А. А. Дмитриевским, так и, вероятно, со стороны передачи ее записавшим, приводило студентов в ступор. Например, А. А. Рукин в конце записанной им лекции об украшении престола написал: «Еже писах, не разумех, чтяй, да разумеет!»[248]. Другой студент на поле лекции об афонских храмах указал: «план западных церквей… Ничего не поймешь, и невозможно понять такую белиберду»[249].

Судя по всему, А. А. Дмитриевский просматривал студенческие записи лекций по церковной археологии на предмет правильности фиксации прочтенного материала. Об этом свидетельствуют его комментарии и исправления в лекциях, находящихся во второй части дела. Так, в конце лекции о христианской архитектуре со времен императора Константина Великого Алексей Афанасьевич написал: «По этой лекции можно готовиться и, в общем, она не дурна, но составитель, очевидно, не воспользовался теми сведениями, которые я сообщал в ней, особенно в первой части. Описание базилики вифлеемской необходимо. А. Дмитриевский»[250]. Или другой комментарий: «Лекция эта весьма поверхностная. А. Дмитриевский»[251]. Анализ этих немногочисленных комментариев приводит к выводу, что записанные студентами лекции просматривались преподавателем незадолго до начала экзаменов и одобрял или не одобрял подготовленный

[246] Там же. Л. 202 об.
[247] Там же. Л. 379.
[248] Там же. Л. 223.
[249] Там же. Л. 260.
[250] Там же. Л. 362.
[251] Там же. Л. 394.

материал. Вполне возможно, что на основе комплекса проверенных материалов создавались сборники лекций, по которым студенты готовились к экзамену. Эти сборники могли оседать в студенческой среде и из года в год передаваться курсам, начинавшим изучать церковную археологию.

Структура курсов литургики и церковной археологии

Как уже было отмечено выше, А. А. Дмитриевский преподавал церковную археологию и литургику студентам Киевской духовной академии с 1883/1884 по 1907/1908 учебные годы включительно. Исключение представляет лишь 1887/1888 уч. г., когда ученый находился в зарубежной командировке и курсы не читались никем[252]. Первый полноценный по объему учебный год (1884/1885) лекции по литургике читались по 1-му часу в неделю для студентов IV курса бывшего исторического и богословского отделений КДА[253], тогда как студенты бывшего церковно-практического отделения прослушали литургику еще в 1882/1883 уч. г.[254], потому были освобождены от этих лекций. Очевидно, за столь малое количество часов сложно было охватить весь объем литургики, потому если не с 1885/1886, то абсолютно точно с 1886/1887 уч. г. и до окончания преподавательской деятельности в 1907 г. А. А. Дмитриевский читал курс в объеме 2-х часовых лекций в неделю.

Что касается церковной археологии, то в 1884/1885 уч. г. она читалась одновременно студентам III и IV курсов в большем объеме, по понедельникам и четвергам, и также только тем, кто не слушал ее в предыдущие годы, обучаясь на историческом или богословском отделениях[255]. В последующие годы дисциплина читалась в разном объеме: примерно с 1885/1886 и до 1896/1897 уч. г. по 1-му

---

[252] Корольков И. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. 1889. № 1. С. 175, 182.
[253] См.: Расписание лекций на 1884/5 учебный год для студентов I, II, III, IV курсов Киевской духовной академии // Протоколы совета Киевской духовной академии за 1883/4 учебный год. Киев, 1884. [Приложение IV]. С. 1.
[254] Отчет о состоянии Киевской духовной академии в 1882/1883 учебном году // ТКДА. 1883. № 9. С. 723.
[255] Расписание лекций на 1884/5 учебный год… С. 1.

занятию в неделю, а с 1897/1898 и до окончания преподавания в КДА — по 2 лекции в неделю[256].

Как правило, ученый был очень щепетилен к посещению занятий и мог пропускать их по нескольким причинам: отпуск, болезнь, командировка, по вызову в Окружной суд присяжным заседателем, по семейным (домашним) обстоятельствам и, наконец, в связи с вызовом в Предсоборное Присутствие. В некоторые учебные годы (1892/1893, 1895/1896, 1900/1901, 1905/1906, 1907/1908) А. А. Дмитриевский не пропустил ни одной лекции, в иные же в связи с отпусками, командировками либо болезнью мог отсутствовать несколько месяцев. Такими были, к примеру, 1891/1892 уч. г., когда ученый находился в заграничном отпуске и вернулся лишь к декабрю 1891 г.[257]; в 1898/1899 уч. г. у Алексея Афанасьевича прямо во время лекции случился удар, по симптоматике напоминающий инсульт[258], и профессор вынужден был отказаться от чтения лекций в феврале — марте[259]; в 1899/1900 уч. г. А. А. Дмитриевский был в отпуске в связи с заключением брака и вернулся в Киев лишь в конце октября 1899 г.[260]; наконец, в 1906/1907 г. Алексей Афанасьевич принимал участие в

[256] К этому заключению мы пришли, изучив объемы пропущенных А. А. Дмитриевским занятий (см.: Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год. Киев, 1886. С. 127; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1889/1890 учебный год. Киев, 1891. С. 144; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. Киев, 1892. С. 103, 242; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1891/92 учебный год. Киев, 1893. С. 67, 93; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год. Киев, 1894. С. 62, 110; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год. Киев, 1895. С. 101; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год. Киев, 1898. С. 198; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1898/9 учебный год. Киев, 1899. С. 70, 120, 348; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1900. С. 251; Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 169; Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 67; Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 160–161, 192; Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 238, 253, 294, 307).

[257] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1891/92 учебный год. Киев, 1893. С. 67–68, 93.

[258] Об этом сообщают 2 источника: сам А. А. Дмитриевский в письме схимонаху Матфею (Ольшанскому) от 15 марта 1899 г. (Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 235) и Ю. А. Кулаковский в письме И. В. Помяловскому от 12 февраля 1899 г. (Медведев И. П. И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение // Мир русской византинистики / под. ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 232).

[259] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1898/9 учебный год. Киев, 1899. С. 120; Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 235.

[260] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1900. С. 3, 42–43, 58, 63–65, 115, 219, 251.

работе Предсоборного Присутствия, потому пропустил лекции в ноябре — январе[261].

Основа любого учебного курса — программа, в которой отражается тематика читаемого студентам материала. Все преподаватели академии с 1885/1886 уч. г. обязаны были подавать составленные ими программы по предметам преподавания, которые в обязательном порядке рецензировались специальными небольшими комиссиями из 2-х человек и на основании отзывов Совет Академии их утверждал[262]. Вероятно, рассмотрение программ коллегами представляло собой во многом формальность. А. А. Дмитриевскому, как преподавателю двух дисциплин, чтобы восполнить пропущенные занятия (например, в рамках командировки), иногда приходилось создавать своего рода гибрид из двух наук — литургики и церковной археологии. Такая мера была введена, например, в 1888/1889 уч. г., когда после возвращения А. А. Дмитриевского из годичной командировки ему пришлось предварить чтение лекций по литургике «экспресс-курсом» по церковной археологии, содержащим «главные, наиболее общие, вопросы»[263]. В последний, 1907/1908 учебный год, студенты обратились к исполняющему должность ректора Академии В. П. Рыбинскому с прошением, чтобы А. А. Дмитриевский прочитал им еще и курс литургики в дополнение к церковной археологии. Алексей Афанасьевич согласился на этот проект и читал дисциплину сразу III и IV курсам[264].

Подобного рода вещи лишний раз свидетельствует о том, как относились студенты к А. А. Дмитриевскому и его лекциям. Безусловно, А. А. Дмитриевский был творческим преподавателем, постоянно совершенствовавшим свои лекционные курсы по литургике и церковной археологии. Но что же было

---

[261] Об этом см. подробнее: Акишин С. Ю. Переписка проф. А. А. Дмитриевского с женой А. И. Дмитриевской как источник по истории Предсоборного Присутствия // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (7). С. 41–50.

[262] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 67–70. Как показывает сплошное изучение журналов совета вплоть до 1907/1908 уч. г., программы А. А. Дмитриевского также систематически рассматривались и одобрялись комиссией и советом без всяких вопросов. Вполне возможно, что их рассмотрение коллегами представляло собой чистую формальность.

[263] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. Киев, 1889. С. 65–66.

[264] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 98.

положено Алексеем Афанасьевичем в основу программ по этим дисциплинам? Рассмотрим программы и структуру курса каждой дисциплины в отдельности.

Сравнение структуры и содержательной части двух программ по литургике — А. А. Дмитриевского и Н. Ф. Красносельцева — приводит к заключению, что программа преподавания Алексея Афанасьевича находилась в прямой зависимости от программы по литургике его учителя по Казанской духовной академии[265]. А факт того, что в архиве А. А. Дмитриевского сохранился конспект курса лекций по литургике, прочитанного его курсу Н. Ф. Красносельцевым, может свидетельствовать и о содержательной, по крайней мере, в первое время, зависимости. Это кажется и вполне естественным, когда молодой преподаватель не с нуля начинает разрабатывать собственный лекционный курс, а ориентируется на имеющиеся или имевшиеся перед его глазами образцы[266], что лишний раз свидетельствует о традиционности, принадлежности к определенной школе и трансляции ее основных идей.

Соотнесение различного рода данных источников, выстраивание в определенной последовательности сохранившихся лекционных курсов А. А. Дмитриевского по литургике и их фрагментов, анализ сохранившихся программ позволяет утверждать, что программа учебной дисциплины для Алексея Афанасьевича и его слушателей была не чем-то однажды и навсегда определенным и статичным, не догмой, но вспомогательным средством, ориентиром в безбрежном море литургики. Иногда ученый позволял себе уклоняться от нее, менять очередность изучения той или иной темы. Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Так, 1900/1901 учебный год А. А. Дмитриевский начинает не с традиционных самых общих понятий о литургике, а с раздела, в котором охарактеризовал важность и связь литургики с другими богословскими дисциплинами — историей, экзегетикой Священного Писания и

[265] Программа опубликована в: Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике… С. 218–219.

[266] Подробнее см.: Щепёткин А., диак. Лекции А. А. Дмитриевского по общей литургике (некоторые замечания к истории создания) // Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Информационно-издательский отдел ЕДС, 2014. С. 275–282.

каноническим правом[267]. Уже в следующем, 1901/1902 учебном году, ученый начинает курс с объяснения важности литургической деятельности Якова Гоара и месте его Евхология в истории литургики как науки[268], а потом опять же дает пояснения относительно ее важности для других наук — церковной и гражданской истории, экзегетики Священного Писания[269]. Но если мы сравним начальные лекции этих учебных лет с началом курса в 1904/1905 уч. г., то увидим, что оно строго следует программе без отклонений от нее[270].

Рассмотрим структуру курса литургики в ее идеальном объеме, которого по разным причинам не всегда удавалось достичь в рамках того или иного учебного года. Первым шел вводный раздел, предназначенный ознакомить слушателей с литургикой как наукой и ее деление на части. Далее в этом разделе рассматривались понятие христианского богослужения и новозаветные свидетельства о нем. Раздел завершался характеристикой методов научной обработки литургики и рассмотрением спектра источников и литературы, из которого студенты должны были получить представление о истории литургики как науки. Видимо, для иллюстрации этих вводных тем и касался А. А. Дмитриевский связи литургики с другими науками, но, вероятно, не каждый год. Далее последовательно шли три части курса: 1) общая литургика; 2) частная литургика; 3) прикладная литургика.

В рамках раздела «Общая литургика» рассматривались несколько важных и, одновременно, традиционных для курсов литургики всех образовательных уровней тем: субъективный элемент христианского богослужения, виды и место молитв в богослужении; церковная гимнография и ее основные представители на Востоке и Западе вплоть до IX в.; богослужебное пение в России (различные распевы, партесное пение).

Раздел «Частная литургика» распадался на 3 подраздела. *В первом* рассматривался комплекс вопросов, связанных с историей и происхождением

---

[267] См. вводные лекции этого учебного года: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 433–435 об.; 445–448.
[268] Там же. Л. 385–385 об.; 386–386 об.
[269] Там же. Л. 363–364; 439–439 об., 444–444 об.; 440–441; 583–588 об.; 584–587 об.; 437–438; 449–450; 451–453; 455–455 об., 460–461; 456–459.
[270] Ср.: Там же. Л. 1–8 (первой фоллиации).

общественного богослужения Церкви: Божественной литургии (от свв. апостолов до XVIII в.), Литургии преждеосвященных Даров, служб суточного круга богослужения (вечерни, утрени, агрипнии, паннихис, чина изобразительных, часов, малого и великого повечерий, мефимона). *Второй подраздел* был посвящен рассмотрению таинств Крещения, Миропомазания, Покаяния, Священства (чины хиротоний и хиротесий), Брака, Елеосвящения. Отдельно, в рамках *3-го подраздела*, рассматривались остальные, наиболее важные в жизни Церкви чины: малое и великое водоосвящение, освящение храма, погребение священников, мирских человек и детей.

Третий раздел курса представляет собой «ноу-хау» А. А. Дмитриевского: в программе его учителя Н. Ф. Красносельцева в рамках регулярного курса литургики ни этого раздела, ни рассмотрения подобного рода тематики не предполагалось. Речь идет о разделе, который ученый назвал «прикладной литургикой» и в котором рассматривал историю богослужебных книг. Как показывает изучение опубликованных и неопубликованных источников, эта тематика присутствовала в курсе А. А. Дмитриевского с первых лет преподавания, и ее появление связано, безусловно, с опытом преподавания курса по истории богослужебных книг студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг.[271] Однако впервые о существовании соответствующего *раздела* мы узнаем в 1896/1897 уч. г., когда ученый писал отзыв на присланные из Учебного Комитета при Святейшем Синоде программы преподавания в духовных академиях[272]. Еще в синодальном указе от 10 апреля 1895 г. всем преподавателям академий было предписано составить программы преподавания и представить их на рассмотрение Синода к 1 января 1896 г.[273] Это проводилось в рамках проекта

[271] Издание этого курса см.: Дмитриевский А. А. Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. (Источники и исследования по истории русской богословской науки; кн. 1). С. 449–590.

[272] Программы были отправлены 18 декабря 1896 г. и уже на совете академии, состоявшемся 17 января 1897 г., они были отданы преподавателям соответствующих дисциплин (Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/7 учебный год. Киев, 1897. С. 89–90).

[273] Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века. История Императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 98.

несостоявшейся реформы духовных академий 1890-х гг.[274] Программы были составлены, направлены в Синод, где их напечатали по каждому предмету в виду таблицы и отправили по духовным академиям для отзывов[275]. А. А. Дмитриевский, не называя имен Н. В. Покровского (СПбДА) и А. П. Голубцова (МДА), раскритиковал их программы за отсутствие всестороннего изучения истории важнейших богослужебных книг («Типикона, Служебника, Архиератикона, Требника, и др.»), являющихся главными источниками литургики и регуляторами современного богослужения. В отзыве А. А. Дмитриевский предложил рассматривать эту тематику как раз в рамках раздела прикладной литургики. Ученый настаивал, что преподавание этого раздела должно базироваться на новых научных данных, а не старых концепциях и теориях[276].

Первая богослужебная книга, характеризуемая А. А. Дмитриевским в рамках данного раздела, — Типикон и связанные с ним вопросы происхождения Студийского, Иерусалимского уставов и их редакций, Типикона Великой церкви и устава Святой Горы Афон. Завершалось рассмотрение историей печатного Типикона с начала XVI по конец XIX в. Далее А. А. Дмитриевский касался истории Служебника, характеризуя при этом рукописные греческие и славянские евхологии, служебники патриарха Тырновского Евфимия и свт. Киприана Киевского. Особо ученый останавливался на различных изданиях Служебника, завершая рассмотрение характеристикой судьбы этой богослужебной книги также до XIX в. Последняя богослужебная книга, кратким изучением которой

---

[274] Подробнее об этом см.: Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М., 2012. С. 471–511.

[275] Подробнее программы см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 195; Оп. 17. Д. 20. По-видимому, во все духовные академии был отправлен один и тот же набор программ. Так, например, совет МДА получил на рецензию программы по следующим дисциплинам академического образования: по гомилетике и истории проповедничества, метафизике и логике, Священному Писанию Ветхого Завета, церковной археологии и литургике, истории философии, русскому и церковнославянскому языку и истории русской литературы, общей церковной истории, введению в круг богословских наук, Священному Писанию Нового Завета, догматическому богословию, нравственному богословию, истории Русской Церкви, патристике, педагогике, истории и разбору западных исповеданий, церковному праву, учению о русском расколе, древней гражданской истории, библейской археологии, русской гражданской истории, психологии, теории словесности и истории иностранной литературы, библейской истории, истории славянских Церквей (СПбДА), обличению мухамедданства (КазДА), истории и обличению ламайства (КазДА) (подробнее см.: Программы по предметам академического образования, присланные для рецензий // НИОР РГБ. Ф. 172. Картон 37. Ед. хр. 18. Л. 2 об., 3–8).

[276] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1896/7 учебный год. С. 113–114.

ограничивался А. А. Дмитриевский, — Требник[277]. Как уже было отмечено вначале статьи, Алексей Афанасьевич в рамках этого раздела мог также рассматривать историю и судьбу таких богослужебных книг, как Часослов, Триоди Постная и Цветная, Октоих, однако, видимо, далеко не всегда успевал это сделать. К тому же, как представляется, в отношении истории этих богослужебных книг у А. А. Дмитриевского могло быть не так много личных наблюдений, т. к. он если и просматривал их в рукописных и книжных собраниях, но не интересовался ими с сугубо научной точки зрения.

Перейдем к характеристике программы и структуры курса церковной археологии в его «идеальном» состоянии, попытавшись сконцентрироваться на их истоках и развитии. Как мы выяснили в предыдущей главе, А. А. Дмитриевский слушал курс по этой дисциплине в Казанской духовной академии в течение двух учебных лет: 1878/1879 и 1879/1880[278]. В первый год Николай Фомич читал курсу А. А. Дмитриевского раздел церковной архитектуры, во второй — иконографии. Составленные Н. Ф. Красносельцевым в эти учебные годы программы по курсу дают, видимо, сокращенную, рамочную структуру курса. Бóльшее значение для нас имеет полная программа по предмету, составленная Н. Ф. Красносельцевым в конце 1882/1883 учебного года[279]: именно эта программа отложилась в фонде А. А. Дмитриевского[280] и на ее основе ученый в 1884/1885 уч. г. составил собственную[281], которой руководствовался при преподавании курса церковной археологии. При сравнении двух последних программ выяснилось, что программа А. А. Дмитриевского по церковной археологии полностью зависит и в структурном, и в текстуальном отношении от программы Н. Ф. Красносельцева за одним исключением: Алексей Афанасьевич исключил из своего курса большой раздел, посвященный характеристике памятников христианской скульптуры.

---

[277] Именно Требником завершалось рассмотрение богослужебных книг в 1904/1905 уч. г. (Программа чтений по литургике на 1904/5 учебный год // ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 550. Л. 6 об.), тогда как в полной программе дисциплины на 1900/1901 г. Требник не упоминается (Там же. Л. 624–631 об.).

[278] Программа лекций по церковной археологии для студентов I курса на 1878/9 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7272; Программа лекций по церковной археологии для студентов второго курса ц.-практического отделения на 1879/80 г. // Там же. Д. 7400. Л. 13–13 об.

[279] См.: Программа лекций по церковной археологии за 1882/3 год // ГА РТ. Ф. 10. Д. 7713. Л. 177–178.

[280] Программа чтений по церковной археологии // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 5–6 об.

[281] Программа чтений по церковной археологии, 13 апреля [18]85 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 7–8.

За время преподавания церковной археологии программа и курс лекций А. А. Дмитриевского трансформировались и приобрели собственные черты. В 80–90-х гг. XIX и в начале XX в. А. А. Дмитриевский часто бывал на православном Востоке и католическом Западе, где имел возможность лично осматривать памятники христианской архитектуры и живописи, приобретать актуальную научную литературу по археологии и делать на этой богатой основе собственные наблюдения и выводы. Именно это позволило ему расширить курс церковной археологии, добавив в него несколько важных тем, отсутствовавших в курсе Н. Ф. Красносельцева, хотя в целом программа следовала направлению, определенному Николаем Фомичом.

Кратко рассмотрим структуру курса лекций А. А. Дмитриевского по церковной археологии, особо указывая на темы, отсутствовавшие в курсе Н. Ф. Красносельцева. Во введении рассматривались стандартные для этого раздела элементы: понятие по предмете, задачи, разделение на части и история науки на Западе, в Греции и России. Причем если на начальном этапе преподавания дисциплины ученый приводил лишь самые главные имена и давал краткие характеристики их работам и вкладу в развитие церковной археологии как науки, то в процессе освоения новых исследований постепенно и в изобилии вводил русский материал, знакомя своих слушателей с краткими биографиями и основными трудами византинистов-современников[282]. По нашему мнению, цель такого, на первый взгляд, неоправданного, расширения состояла в том, чтобы дать студентам полноту информации по истории развития науки, которая могла быть им полезна не только в рамках изучения церковной археологии, но и в следующем году, при изучении литургики.

Далее следовал обширный раздел, в рамках которого рассматривались вопросы, связанные с церковной архитектурой. В самом начале этой части курса в первые годы преподавания дисциплины вслед за структурой курса Н. Ф. Красносельцева изучалась проблема происхождения христианской архитектуры

[282] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 59–66 об., 43–58 об.; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 10–49.

согласно теории А. Цестермана о генезисе базилики как культового здания и его оппонентов И. А. Мессмера, Ф. Куглера и др.[283] Однако со временем ученый перенес рассмотрение этого вопроса в раздел, в котором изучались собственно происхождение и устройство христианской базилики [284]. За этой темой рассматриваются первобытные (иудейские), восточные (Египет, Индия и Китай) и классические (Греция) архитектурные памятники[285].

Особо А. А. Дмитриевский останавливался на собственно христианских культовых сооружениях первых трех веков, рассматривая устройство частных домов, катакомб, особых храмовых построек времени гонений и их внутреннее убранство. В этой части Алексей Афанасьевич идет глубже своего учителя, вводя новые элементы программы и, соответственно, темы курса: происхождение катакомб и их живописные памятники, крипты и кубикулы, баптистерии, триклинии и проч.[286]

Больше внимания А. А. Дмитриевским уделялось христианской архитектуре пред- и византийского периодов, начиная с императора Константина Великого. В рамках этого подраздела ученый особо концентрировался на константиновских и юстиниановских базиликах, построенных в разных городах Восточной Римской империи. Причем, в отличие от Н. Ф. Красносельцева, А. А. Дмитриевский говорил и о других храмах Константинополя и в целом империи (Фессалоники, Трапезунд и Афон), останавливая свое внимание и на современном устройстве этих сакральных построек и их литургическом использовании [287]. Уделял некоторое внимание А. А. Дмитриевский, вслед за Н. Ф. Красносельцевым, и западной христианской архитектуре, освещая различные ее стили и указывая на отличительные их особенности (готический и Возрождения) [288]. Чуть более пространно останавливался ученый на русско-византийской архитектуре,

---

[283] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 43–58 об., 7–9 об., 16–21 об., 129–133. См. также: *Копировский А. М., Сягаева В. В.* Концепция Н. В. Покровского о происхождении христианской базилики в контексте современных исследований // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 33. С. 100–117.
[284] См.: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 166–173 (17-я лекция).
[285] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 134–134 об., 10–15 об., 22–24 об.77–86 об.; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 61–116.
[286] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 81–101 об., 37–41; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 125–145.
[287] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 25–36 об.; ОР РНБ. Ф. 253. Д. 197. Л. 32–35; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 148–279 об.
[288] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 282–290.

повествуя о киевских, черниговских новгородских, владимирских и московских церквях X–XVIII вв.[289] Судя по программе дисциплины, тема русской церковной архитектуры была разработана А. А. Дмитриевским тщательнее в сравнении с Н. Ф. Красносельцевым.

Второй раздел курса — иконография — в терминологии ранней программы А. А. Дмитриевского, следовавшей за программой его учителя; позже наименование этого раздела было русифицировано и названо «иконопись»[290]. Пожалуй, это наиболее разработанный и оригинальный (в сравнении с курсом Н. Ф. Красносельцева) раздел курса А. А. Дмитриевского. Сперва ученый разрешает общие вопросы отношения древнехристианского искусства к языческому, после чего в первый же год преподавания церковной археологии отказавшись от следовавшего за этим раздела программы Н. Ф. Красносельцева о христианской скульптуре (статуи, барельефы, саркофаги, диптихи и проч.), дает понятие о живописи и периодизации ее истории с характеристикой каждого временного отрезка. Далее ученый поэтапно характеризует каждый из видов христианской живописи: стенную римских катакомб, мозаическую, миниатюр в рукописных византийских памятниках, книжных окладов и складней[291]. Затем А. А. Дмитриевский переходит к теме отличия искусства церковного от светского, и западного от русского[292], концентрируясь на характеристике национальных школ иконописи[293]. Завершаться этот раздел мог по-разному. На первоначальном этапе развития курса ученый следовал за структурой программы Н. Ф. Красносельцева и уделял некоторое внимание сути и содержанию памятников иконописи в компаративном ключе — западное — русское[294]. Однако после своих продолжительных поездок на Православный Восток, где ученый видел и другие образцы христианского искусства, он расширяет эту часть и вводит

[289] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 1–3 об., 67–76 об., 4–6 об., 127–127 об.; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 292–321 об.
[290] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 7 об.; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 2 об.
[291] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 42–42 об.; 102–111; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 323–328, 341–342.
[292] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 329–338.
[293] Ср.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 120–123; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 329–338.
[294] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. Л. 7 об. – 8; ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. Л. 123–126 об.; ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 329–338.

характеристику иконописных стилей и памятников Афона, Крита и в целом Православного Востока с XVI в. Увы, лекций об афонской живописи и Критской школе иконописи не сохранилось, а информацию об этих темах мы черпаем из двух поздних программ дисциплины [295]. Между тем, с определенной долей вероятности можно говорить о том, когда примерно эти разделы могли появиться в лекционном курсе: впервые на Афоне ученый побывал в 1886 г. и в следующем году издал несколько работ об устройстве афонских храмах и их иконографическом сопровождении[296] — скорее всего, именно в 1886/1887 уч. г. и появляется эта тема в курсе церковной археологии. Что касается Критско-синайской школы иконописи, то эта тема появилась после годичной командировки А. А. Дмитриевского на Православный Восток в 1887–1888 г. По результатам этой поездки Алексей Афанасьевич издал пространный отчет, в котором как раз имеется раздел[297] об этой иконописной школе. Почему же ни в автографе А. А. Дмитриевского, ни в записи слушателей эти темы не сохранились? Вероятно, поскольку афонско-критская тематика следовала уже в завершение курса, Алексей Афанасьевич мог давать эти темы для самостоятельного изучения, отсылая к опубликованным своим работам.

Завершал курс 3-й раздел, в котором рассматривалась история и колористика облачений православного духовенства всех степеней церковной иерархии. Как было отмечено выше, темы, касающиеся церковных одежд, не всегда вычитывались А. А. Дмитриевским в рамках своего курса: тематика присутствовала в первые полтора года преподавания ученым в Киевской духовной академии и потом с конца 90-х гг. XIX в. Ни одна из доступных нам программ дисциплины не содержит этого раздела[298], за исключением программы

---

[295] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 3, 380.

[296] *Дмитриевский А. А.* Устройство храмов на Афоне и их украшения // Руководство для сельских пастырей. 1887. № 12. С. 420–435; *Его же.* Афонская иконопись и ее характер // Там же. 1887. № 15. С. 519–534; *Его же.* Богослужебные принадлежности храмов Константинополя и Афона и костюм белого и черного духовенства на Востоке // Там же. 1887. № 17. С. 595–605.

[297] *Дмитриевский А. А.* Критско-синайская школа иконописи, ее происхождение и характеристические особенности пошиба письма // Его же. Путешествие по Востоку и его научные результаты: отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890. С. 92–116.

[298] Сохранились лишь две полных лекции, составленные в 1903/1904 уч. г. студентом Павлом Стасиневичем: ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 345–350 об., 351–354 об.

1883/1884 уч. г., когда А. А. Дмитриевский дочитывал за П. А. Лашкарёвым церковную археологию, о чем сделал запись в его программе: «Отдел 3. История священно-церковнослужительских облачений или богослужебных одежд. Понятие о священных одеждах вообще. Начало и происхождение священнослужительских церковных облачений. Форма священных одежд в первые века христианства. Три периода в истории христианских богослужебных одежд и характеристические особенности каждого из этих периодов. Историческое обозрение священнослужительских церковных одеяний в связи с и более употребительными греко-римскими одеждами»[299]. Поскольку этого раздела никогда не было в программе Н. Ф. Красносельцева, то, видимо, темы о литургических одеждах были включены А. А. Дмитриевским в свой курс под влиянием П. А. Лашкарёва, в программе которого эта тематика могла присутствовать и от этого раздела в фонде Алексея Афанасьевича сохранился небольшой фрагмент[300]. По нашему мнению, наличие, либо отсутствие этого раздела в курсе церковной археологии легко объясняется, и было связано с объемами предоставляемого для чтения дисциплины времени: в 1885–1897 гг. предмет преподавался в объеме 1-го часа в неделю и потому на 3-й раздел просто могло не хватать времени, а начиная с 1897/1898 уч. г. на дисциплину отводилось 2 часа лекций в неделю, и потому предмет мог быть вычитан в полном объеме. Также, что вполне возможно, А. А. Дмитриевский мог вновь вернуть в свой курс эту тематику после рецензирования программ по церковной археологии, составленных Н. В. Покровским и А. П. Голубцовым. Если в программе Н. В. Покровского тема литургических облачений звучит очень кратко, то в программе А. П. Голубцова этот раздел довольно большой и прописан детально. Кроме того, тема богослужебных облачений легко могла вычитываться А. А. Дмитриевским в лекциях по литургике на IV курсе в рамках тем, посвященных рассмотрению чинов пострижения и рукоположения в степени церковной иерархии. Так или иначе, как свидетельствуют источники, А. А. Дмитриевский не терял интереса к

[299] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 820. Л. 2 об.
[300] Там же. Д. 826.

этому разделу и его разработке, дал для написания в этой области тему[301] для кандидатского сочинения и сам создал целый цикл небольших статей[302].

В завершение рассмотрения структуры курса А. А. Дмитриевского по церковной археологии следует отметить, что ученый, по-видимому, шел тем же путем что и его учитель, Н. Ф. Красносельцев: понимая, что полноценное изучение памятников церковной архитектуры и искусства раннехристианского и византийского времен возможно только при личном ознакомлении и продолжительной работе с этими памятниками, он вопросы церковной археологии системно и последовательно не разрабатывал, ограничиваясь лишь небольшими исследованиями (кроме уже упомянутых) об устройстве синагог[303], православных храмов и их внутреннем убранстве[304], элементах архиерейского облачения[305], святой пещи[306].

Как и по Уставу 1869 г., по Уставу духовных академий 1884 г. все студенты первых трех курсов обязаны были в течение учебного года написать и

---

[301] Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Сергея Новоселецкого на тему: «Богослужебные одежды (археологическое исследование)» // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1894/1895 уч. г. Киев, 1895. С. 259–261.

[302] Дмитриевский А. А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // РдСП. 1902. № 8. С. 209–220; № 9. С. 247–256; Его же. Богослужебные одежды священно-церковнослужителей // РдСП. 1903. № 22. С. 122–131; № 23. С. 145–156; № 24. С. 165–174. С незначительными изменениями были републикованы в: Его же. Ставленник: руководство для священно-церковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий. Киев, 1904. С. 299–329.

[303] Дмитриевский А. А. Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древнехристианскому храму и его богослужебным формам: (По поводу книги А. Никитина под заглавием «Синагоги иудейские как места общественного богослужения». Киев., 1891) // ПС. 1893. № 4. С. 333–370; № 5. С. 8–23 (отд. отт.: Казань, 1893. 55 с.)

[304] Дмитриевский А. А. Греческие Нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии // ПО. 1885. Т. 1. Февр. С. 370–400 (Отд. отт.: М., 1885. 32 с.); Его же. Устройство храмов в Константинополе и их украшения // РдСП. 1887. № 11. С. 384–392; Его же. Богослужебные принадлежности храмов Константинополя и Афона и костюм белого и черного духовенства на Востоке // РдСП. 1887. № 17. С. 595–605; Его же. Иоанно-Богословский монастырь на острове Патмосе по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами: (Из поездки на остров Патмос в 1891 г.) // ТКДА. 1892. № 11. С. 326–492; Его же. Важнейшие храмы на о. Патмосе, их украшение и богатства скевофилакий Иоанно-Богословского монастыря. Патмосские очерки: (Из поездки на остров Патмос в 1891 г.) // ТКДА. 1893. № 3. С. 316–371; № 6. С. 205–225; № 12. С. 516–554; Его же. К истории Академии и скевофилакии Иоанно-Богословского монастыря на острове Патмосе. (Патмосские очерки) // ТКДА. 1894. № 4. С. 563–589; Его же. Фрески Георгиевского параклиса 1423 г. в Свято-Павловском монастыре на Афоне и их значение в истории афоно-византийской и русской иконописи // СИППО. 1908. Т. 19. Вып. 4. С. 563–583; Его же. Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде / предисл. Е. Поселянина. Петроград, 1916. 31 с.

[305] Дмитриевский А. А. Произвольное отождествление иерейской епитрахили с архиерейским омофором: (Ответ на вопрос в редакцию: сообразно ли канону русские священники носят епитрахиль при совершении богослужения?) // РдСП. 1887. № 29. С. 423–432; Его же. Митра: (Историко-археологический очерк) // РдСП. 1903. № 11. С. 297–310; Его же. Новгородские шапки — митры // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911. Т. 1. М., 1914. С. 215–223; Его же. Архиерейские митры: (Археологический этюд) // СИППО. 1916. Т. 27. С. 156–168.

[306] Дмитриевский А. А. Ὁ ἅγιος φοῦρνος // ВВ. 1923–1926. Т. 24. Ленинград, 1926. Приложение. С. 139–140.

предоставить по три т. н. семестровых сочинения по предметам, читавшимся на том или ином курсе. Поскольку студенты IV курса в течение всего года были заняты написанием большой, в некотором смысле, выпускной работы — курсового сочинения, за которое получали степень кандидата богословия, других письменных работ у них не было. Но вот студенты III курса практически каждый год писали сочинение[307], в том числе и по церковной археологии, о темах для которого за недостатком источников сложно судить. Вполне возможно, что А. А. Дмитриевский выбирал из программы по церковной археологии мелкие сюжеты, о которых студенты и должны были написать 20–30-страничное сочинение. В пользу этого предположения свидетельствует, в частности, семестровое сочинение А. Чекановского под названием «Византиноведение»[308], испещренное комментариями проверявшего его преподавателя.

Среди прослушавших у А. А. Дмитриевского курс церковной археологии были всего 3 студента, которые написали под его руководством кандидатские сочинения на данные ученым темы: выпускник 1898/1899 уч. г. И. Н. Церерин, 1901/1902 уч. г. М. В. Иваницкий и 1902/1903 уч. г. Л. Д. Никольский[309]. Только Л. Д. Никольский после окончания КДА продолжил заниматься изысканиями по начатой в кандидатской работе тематике: уже летом 1903 г. он вместе с А. А. Дмитриевским съездил на Афон, где зарисовывал и фотографировал фрески монастырских церквей, а в 1907 и 1908 гг. издал доработанный и расширенный вариант своего сочинения[310]. Судя по всему, именно его А. А. Дмитриевский хотел видеть своим преемником по кафедре церковной археологии, когда она в

---

[307] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год // ТКДА. 1895. № 11. С. 367.
[308] ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 1587. Л. 410–443 об.
[309] Подробнее о достоинстве их сочинений см. отзывы А. А. Дмитриевского: Отзыв о сочинении студента Ивана Церерина на тему: «Суждения и определение седьмого вселенского собора по вопросу об иконопочитании» // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 уч. г. Киев, 1898. С. 394–395; Отзыв о сочинении студента Михаила Иваницкого на тему: «Типы Христа и Богоматери в древнехристианской и византийской живописи» // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 291–292; Отзыв о сочинении студента Леонида Никольского на тему: «Афонская живопись: историко-археологический этюд» // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 358–359.
[310] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон. Письма. 1886–1911. М.: Индрик, 2017. С. 264. См. также: Никольский Л. Д. Исторический очерк афонской стенной живописи // Иконописный сборник. Вып. 1. СПб., 1907. Приложение. С. 1–122; Его же. Афонские стенописцы. Их технические приемы и образцы работ // Иконописный сборник. Вып. 2. СПб., 1908. С. 1–162.

1911 г. стала самостоятельной[311], однако в итоге на кафедру был избран другой ученик Алексея Афанасьевича, Н. Н. Пальмов.

Следует отметить, что уже после выхода в отставку и переезда в Санкт-Петербург А. А. Дмитриевский в сентябре 1911 г. подал прошение на замещение вакантной кафедры церковной археологии Санкт-Петербургской духовной академии, однако при голосовании был забаллотирован Советом[312]. Вернуться к преподаванию этого предмета ученый смог только после революции, когда стал профессором на Высших Богословских курсах в Ленинграде (1925–1928 гг.)[313].

1.3. А. А. Дмитриевский как организатор науки в КДА. Студенты и профессор

А. А. Дмитриевский был выдающимся преподавателем, располагавшим и привлекавшим для общения с собой студентов. В 1884–1908 гг. лекции А. А. Дмитриевского по литургике прослушало около 1 050 русских и иностранных студентов[314]. Некоторые студенты были поклонниками профессора, другие же отзывались о нем без восторга, либо даже с определенной долей неприятия. Так или иначе, но из даваемых в начале 4-го учебного года тем для кандидатских диссертаций студенты выбирали и предложенные Алексеем Афанасьевичем и с успехом писали свои выпускные работы. Ученый разработал методологию научно-аналитического описания литургических памятников, которую его студенты активно и с пользой применяли при написании своих кандидатских сочинений и магистерских диссертаций. Б. И. Сове в исследовании об А. А.

---

[311] «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней…» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 103.

[312] Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год. СПб., 1913. С. 87–90.

[313] Подробнее об этом сюжете см.: Акишин С. Ю. Преподавательская деятельность профессора А. А. Дмитриевского на Высших Богословских курсах Ленинграда // Труды Киевской духовной академии. 2012. № 17. С. 251–278.

[314] Число студентов подсчитано на основании отчетов о деятельности Киевской духовной академии за 1883–1908 уч. гг. При подсчете были взяты цифры по состоянию на начало того или иного учебного года и потому они в некоторой степени условны. Состав курса мог варьироваться: в течение учебного года студенты умирали или по состоянию здоровья вынуждены были покинуть стены академии, кто-то в процессе обучения присоединялся в качестве вольнослушателя, и т. д. Точное определение числа прослушавших курсы лекций требует более детального просопографического исследования.

Дмитриевском и созданной им в КДА школе литургики говорит, что ему «студенты охотно писали кандидатские сочинения» и приводит список из 44-х тем разной исследовательской направленности[315]. Ссылки на отзывы А. А. Дмитриевского об этих работах приводит свящ. Л. Махно в составленном им списке опубликованных трудов А. А. Дмитриевского[316]. В журналах совета КДА нам удалось выявить дополнительно еще 27 отзывов, позволяющих несколько расширить наши представления о тематике написанных под руководством А. А. Дмитриевского кандидатских сочинений. Вопреки мнению Б. И. Сове, не все сочинения, на которые А. А. Дмитриевский давал отзывы, были написаны под его руководством и по теме, им данной. Дело в том, что все темы для написания курсовых работ подавались ректору для рассмотрения в начале учебного года, просматривались и утверждались им, после чего представлялись совету для доведения до сведения студентов[317]. Далее каждый студент выбирал себе тему, по ней писал в течение последнего года обучения курсовое сочинение, после чего подавал его на проверку научному руководителю и, по назначению ректора, одному из профессоров[318]. Однако такое положение вещей было не всегда: если по определению Святейшего Синода от 21 мая 1863 г. требовалась оценка двух профессоров (наставника и одного из членов совета), то по новому уставу духовных академий 1884 г. достаточно было лишь отзыва преподавателя, по кафедре которого написано выпускное сочинение; вернулись к прежней практике лишь в 1888/1889 уч. г.

Поскольку начиная с 1888/1889 уч. г. в журналах совета печаталось по два отзыва на одно сочинение, перед нами встает закономерный вопрос: каким образом определить, кто из написавших отзыв является преподавателем, давшим соответствующую тему? Казалось бы, на первом месте должны помещать отзыв

---

[315] Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 66–70.

[316] Махно Л., свящ. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 105–107.

[317] Протоколы совета Киевской духовной академии за 1883/4 учебный год. Киев, 1884. С. 7–12 (приводятся темы, предложенные преподавателям, по отделениям); Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год. Киев, 1893. С. 7.

[318] Правила для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней // Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. С. 181.

наставника, а за ним — рецензента, назначенного советом. Однако сопоставление тематики сочинений с очередностью размещения отзывов и преподавателей, их написавших, не подтверждает этого предположения и свидетельствует, что системы не было. Поэтому, как представляется, единственно правильное решение для определения наставника, под руководством которого написано то или иное сочинение, состоит в сопоставлении тематики преподаваемых ученым дисциплин и его научных интересов с тематикой рецензируемого сочинения. Кроме того, важным также является анализ содержательной части отзывов обоих рецензентов в сопоставлении с предметной областью их занятий, могущий дать определенные подсказки, в результате чего с высокой долей вероятности можно определить наставника, давшего тему. Использование этого подхода показывает, что из 71 отзыва А. А. Дмитриевского на кандидатские диссертации, о 3-х диссертациях ученый отзывался дважды, а всего им были даны рецензии на 68 работ. Лишь 37 из них были написаны на литургические темы и 3 по церковной археологии; еще 3 диссертации написаны на темы, находящиеся в рамках научных интересов и специальных изысканий самого ученого. Остальные отзывы были написаны на 25 сочинений, созданных студентами по кафедрам Священного Писания Нового Завета, догматического богословия, нравственного богословия, патрологии, общей церковной истории, истории Русской Церкви, истории и обличения русского раскола, истории и разбора западных исповеданий, гомилетики, церковного права, русского и церковнославянского языка и истории русской литературы. Следует особо отметить, что в формулировках практически всех 43 сочинений, написанных под руководством А. А. Дмитриевского, ярко прослеживается главное для научной работы — проблематика исследования, благодаря которой студент получал в свой арсенал и цель, и главные задачи.

В письме от 17 марта 1896 г. А. А. Дмитриевский так написал своему преподавателю по церковному праву времен обучения в Казанской духовной академии И. С. Бердникову о своих подходах к рецензированию: «Уже больше 16 лет я работаю пером и немало написал рецензий по поводу новых трудов в полюбленной мною специальности. В них честно и прямо я высказывал свои

суждения по поводу этих или иных вопросов моей специальности и никогда не кривил душою. По свойству своего темперамента, я, может быть, увлекался в сторону, допускал резкие выражения и писал вообще не так, как хотелось бы авторам, но что я говорил открыто, убежденно, без желания зла другому — это факт. Я даже отрицательных рецензий на своем веку написал лишь две: на Лебедева за учебник по литургике и на Никитина “Иудейская синагога”, а прочие рецензии, не исключая и двух, посланных недавно в “Византийский временник”, я писал в положительном смысле, признавал за авторами и их произведениями научные заслуги малые или великие, смотря по достоинству. “Труженикам науки”, были ли то мои ученики или питомцы других Академий, когда они обращались ко мне за советом, я никогда не отказывал, и мои портфели для них были открыты. (Собаку на сене я никогда не изображал). <…> Доселе не было случая, чтобы хотя одно сочинение, писанное по моему предмету, не было удостоено степени кандидата. Я требовательный, но и весьма снисходительный. Даже такой бездарный студент, как С. Данилевский, печатающий теперь на страницах Собеседника свою статью “О плащанице”, списавший почти дословно все сочинение из моих статей и статьи А. А. Царевского, был удостоен степени за те 44 страницы (я дорожу каждою крупицею, имеющею значение для науки), которые теперь появляются на страницах Собеседника. Посмотрите в нижний этаж этой статьи, сколько в ней учености и какое знакомство с первоисточниками науки, — и все это указано мною, подсунуто под нос (но автор и теперь не уразумел всего надлежащим образом и ерундит страшно, особенно в толкованиях текста). Самостоятельности у него не было даже в разыскивании “описаний плащаниц”, которые были выданы ему из моей библиотеки» [319] . Из этой пространной цитаты видно, что А. А. Дмитриевский, с одной стороны, считал себя одновременно требовательным и снисходительным рецензентом, с другой — сам помогал своим студентам материалами, ценя в их исследованиях и самое малое, но полезное для науки. Анализ отзывов на курсовые сочинения

[319] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1101. Л. 376–377.

подтверждает это. Из 71 отзыва только 7 были отрицательными, не дающими студенту права получить степень кандидата богословия за представленную работу. Если ученый видел в студенте усердие и работу с источником, дающую важный для науки результат, он старался его извинить за недостатки исследования и давал в целом положительный отзыв. Систематизировав данные всех отзывов А. А. Дмитриевского на кандидатские сочинения, можно получить довольно выпуклую картину, иллюстрирующую палитру подходов ученого к оценке той или иной работы.

Как отмечает в своих воспоминаниях об А. А. Дмитриевском профессор КДА В. П. Рыбинский, Алексей Афанасьевич «привлечь студентов к научной работе над своим предметом желал пламенно, и если кто брал у него тему для кандидатского сочинения, он оказывал тому всяческую помощь и с ним возился»[320]. На основании отзывов можно выяснить, как конкретно Алексей Афанасьевич руководил написанием работы. В первую очередь следует отметить, что А. А. Дмитриевский не только предлагал тему для сочинения, но и потом принимал самое активное участие в работе студента, помогая ему. По-видимому, уже на этапе формулирования темы ученый предполагал объем того, что должно быть в сочинении, и надеялся на определенный исход дела. Далее обсуждался черновой план работы, определялся или подсказывался «путь исследования», и устанавливался предварительный круг источников и литературы. Кроме того, если тема предполагала обращение к рукописным источникам, Алексей Афанасьевич в процессе написания студентом сочинения давал ему рукописи из своего собрания, позволял познакомиться и воспользоваться его собственными выписками и черновыми записями из неопубликованных источников, выписывал для студента рукописи из собраний Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. Наконец, если тема сочинения требовала обращения к отсутствующим в академической библиотеке книгам, то таковые могли ученым выписываться из

[320] Архив МДА. Папка 284. Тетрадь 2. С. 105–106.

других городов[321]. Если же у студента возникали проблемы и вопросы, тогда ученый разъяснял их и делился своими соображениями. Наконец, когда был готов черновик диссертации, А. А. Дмитриевский мог с ним ознакомиться и потом в отзыве пожалеть, что не все имеющееся там перешло в чистовик работы. Естественно, реконструированная схема научного руководства, практиковавшаяся А. А. Дмитриевским, представляет собой искусственно выстроенную на основании различных упоминаний и оговорок в отзывах конструкцию, в жизни и общении с конкретным студентом каких-то этапов могло не быть.

Какими же качествами, по мнению А. А. Дмитриевского, должен обладать студент, чтобы написать хорошее кандидатское сочинение? В отзывах Алексей Афанасьевич наиболее часто говорит об авторских даровитости, редком трудолюбии и усердии, глубоком интересе к теме и любознательности. Для успешного написания работы важны, конечно, и «редкая любовь» и «замечательная добросовестность», способность отдаться исследованию с увлечением и выполнить его самостоятельно. Студент должен обладать способностью «к глубокой вдумчивой мысли», обобщениям и отчетливости мышления, быть готовым к «синтезу и стройному изложению материала» и уметь «объективно и спокойно относиться к мнениям других». Приступая к написанию кандидатского сочинения, автор уже должен иметь сформированные навыки «к серьезным работам» и «свободного литературного изложения мыслей», показывать «редкую для молодого человека начитанность» и вообще знакомство с литературой предмета, в том числе на древних и современных иностранных языках, и уметь обрабатывать сырой материал первоисточников как изданных, так и находящихся в рукописях. Особо А. А. Дмитриевский ценил в студенте богатую или обширную эрудицию, научную тщательность и кропотливость, оригинальность суждений и «смелость в высказывании предположений», работу с архивными материалами.

---

[321] Так, напр., в 1889/1890 уч. г. ученый просил позволения у Совета КДА выписать для студента IV курса Н. И. Левитова книгу, необходимую ему при написании курсового сочинения (Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1889/90 учебный год. Киев, 1891. С. 64).

Специальным образом А. А. Дмитриевский характеризовал, конечно, и само сочинение студента как с формальной, так и содержательной сторон. План работы должен быть строго обдуман, а части или главы — соразмерны друг другу. В сочинении важны, в первую очередь, неразработанность темы в русской науке и вытекающие отсюда новизна, обстоятельность и оригинальность исследования. Много внимания А. А. Дмитриевский уделял тону и языку работы: тон рассуждений должен быть «спокойный и без полемического задора, который нередко портит работы молодых исследователей», а изложение — объективным и носить «эпически-спокойный строгий научный характер». Вообще же работа должна быть написана живым, бойким и правильным языком, не только хорошим, но образцовым стилем. Благодаря этим характеристикам сочинения читаются с живым и даже захватывающим интересом. Оценки большинства работ были, как правило, эмоционально не окрашены, но некоторые сочинения получали такие характеристики: «исследование весьма хорошее», «выдающееся сочинение», «незаурядная диссертация», «весьма прекрасная работа».

Отдельное внимание, хотя далеко не всегда, а в зависимости от ценности сочинения, А. А. Дмитриевский уделял рекомендациям, цель которых состояла в указании пути начинающему исследователю для исправления работы и дальнейшей научной деятельности. Задача внесения корректировок и итог этого мог быть различным: либо к работе привлекалось внимание совета КДА, либо, чтобы «по исправлении рекомендовать для напечатания в академическом журнале, как работу интересную и в научном отношении полезную», или же предлагалось издание в виде отдельной монографии, а в одном случае — представление в виде магистерской диссертации.

Наконец, наиболее ощутимый элемент в отзывах — это указание недостатков работ. Первое, о чем следует сказать, это характеристика негативных проявлений качеств личности автора и уровня его подготовленности к самостоятельной научной работе. Довольно много А. А. Дмитриевский говорит о легкомыслии, авторской неопытности, невнимательности и слабой подготовленности того или иного студента, выражающейся в плохом владении

иностранными языками («переводит кое-как»), малой начитанности и, что важнее, в плохих аналитических возможностях: отсутствии навыка к серьезной самостоятельной работе мысли и неумении компактно, свободно и последовательно излагать мысли, «неспособности воспользоваться чужими мыслями, скомбинировать их к плану в логически последовательное рассуждение», сумбурном богословском мышлении. Выделяет А. А. Дмитриевский и значимость для научного исследования воображения, которое у студентов, увы, «не отличается живостью и картинностью, рельефностью и обстоятельностью». Бичует ученый и излишнюю «самоуверенность, и поползновение быть оригинальным по тем вопросам, по которым в науке уже устоялось определенное мнение». Наличие у студента подобного рода недостатков «не вяжется с представлением о питомце академии, прошедшем полный ее курс».

Некоторое внимание уделяется А. А. Дмитриевским и недостаткам, связанным с использованием в сочинении источников и исследовательской литературы, которую ученый называет «пособия». Довольно часто Алексей Афанасьевич отмечает, с одной стороны, недостаточность привлеченных материалов, а с другой — рабскую зависимость, преклонение и подчинение студента авторитету мнения того или иного исследователя, что обычно свидетельствует о низкой оригинальности кандидатского сочинения и приводит к «неверным и странным суждениям» из-за незнания историографии вопроса.

Касаясь методики ведения исследования, А. А. Дмитриевский высказывал обычно целый спектр замечаний. Так, к примеру, студенты часто грешили либо упрощением задачи исследования, либо, наоборот, чрезвычайным ее расширением, что приводило к уклонению от изначального замысла работы. Сурово обличал ученый работу на скорую руку, несамостоятельность, плагиат и компилятивный характер того или иного труда, «скомбинированного механическим образом по нескольким книгам». Иногда студенты предпочитали самостоятельному анализу надергать фрагментов, в том числе, и из работ самого А. А. Дмитриевского, в надежде, что взыскательный рецензент этого не заметит.

Такой метод работы, равно как и обильное буквальное цитирование, перифраз, глухие цитаты, цитирование из вторых и третьих рук, либо полное отсутствие цитирования и ссылок там, где они должны быть, также вызывали нарекания профессора. Определенного рода критику со стороны А. А. Дмитриевского вызывали «широковещательное толкование», уход студента с магистральной линии сочинения и обращение излишнего внимания на второстепенные вопросы в ущерб рассмотрению главных. Отмечал ученый, хотя и крайне редко, полное отсутствие в сочинении всяческого научного элемента или использование не вполне научных приемов: натяжек и подтасовки фактов. К этому замечанию примыкает и замеченная ученым крайность, в которую впадали студенты академии, писавшие работы о какой-либо исторической личности: проникнувшись уважением к объекту изучения, они переставали видеть его недостатки, в результате чего сглаживали и обеляли их, либо наоборот, критиковали без всякой меры и выискивали недостатки. Завершают этот раздел замечания, касающиеся характеристики системы суждений авторов сочинений: порой они голословны, бездоказательны, малоубедительны, «ошибочно и совершенно извращенном виде» представляют историю, и, наконец, даже развязные; отмечались А. А. Дмитриевским и неуравновешенное состояние духа, сквозящее со страниц того или иного сочинения, и критические и даже хамские отзывы в адрес уважаемых ученых, в том числе и преподавателей КДА.

Практически в каждом отзыве А. А. Дмитриевский характеризует проблемы, связанные с языком и стилистикой сочинений. Иногда язык работы шероховатый и хромает, а ее автор «неискусен в русском языке» и «фразер и писака не высокой пробы»; у другого автора «перо небойкое», иной же пишет чрезмерно вычурным стилем и многословен. Отмечал ученый и наличие в сочинениях тавтологии, вульгаризмов, провинциализмов, неудачных выражений, пристрастие к употреблению иностранных слов, значения которых студент не знает.

Некоторое внимание уделялось А. А. Дмитриевским и недостаткам самого сочинения с точки зрения его формы и направленности. Очень часто ученый

обращал внимание на структуру исследования и отмечал неестественность, искусственность или схоластичность плана работы. Определенного рода претензии были и к полноте/краткости и систематичности изложения материала, а также связанной с этим неравномерности частей или разделов работы. Иногда попадались работы неудобочитаемые и с массой описок, оставшихся от переписчика. Любое научное исследование должно давать что-то новое, но порой на рассмотрение А. А. Дмитриевскому подавались такие работы, в которых было «нечему поучиться». Единичные работы представляли собой тяжелое и скучное чтение и совсем мало вызывали такую реакцию: «Тяжелое, неприятное чувство, оставляет сочинение у читателя и к концу оно только возрастает».

Лишь немногие из писавших у А. А. Дмитриевского кандидатские сочинения переработали их спустя значительное время после окончания КДА в магистерские диссертации. Открывает этот ряд работа *Афанасия Захаровича Неселовского* (1866–1932) о чинах хиротоний и хиротесий, защищенная 20 сентября 1906 г.[322], спустя 16 лет после окончания академии (1890 г.). Как свидетельствуют эпистолярные и другие источники, учитель и его ученик продолжали общаться вплоть до защиты Неселовским диссертации[323], на которую А. А. Дмитриевский дал восторженный отзыв[324], редактировал ее при подготовке к изданию и присутствовал на защите в качестве оппонента. Афанасий Захарович по рекомендации проф. Н. И. Петрова был один из претендентов на кафедру церковной археологии и литургики, однако отказался от участия в конкурсе[325].

---

[322] Подробнее о диспуте см.: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 195–196. Об А. З. Неселовском см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 944; Кузьміна С. Л. Неселовський Афанасій Захарович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 261–263.

[323] Письма А. З. Неселовского А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 542. См. также заявление А. А. Дмитриевского от 30 августа 1906 г. о выходе в свет книги А. З. Неселовского с предложением премировать ее автора: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. С. 137–138. Сам соискатель степени получил от КДА Евгение-Румянцевскую премию в 200 руб., а его руководителю, А. А. Дмитриевскому, за редактуру книги выдали из остатков капитала премии 100 руб.

[324] Дмитриевский А. А. Отзыв о печатном сочинении смотрителя Каменецкого духовного училища кандидата богословия Афанасия Неселовского под заглавием: «Чины хиротесий и хиротоний», представленном на соискание магистерской степени // Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. С. 79–89.

[325] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. Киев, 1909. С. 342, 345–347.

Следует отметить, что на протяжении своей жизни А. З. Неселовский довольно активно продолжал заниматься научными изысканиями в области литургики, публикуя в региональной печати свои небольшие работы (главным образом, в епархиальных газетах «Подольские епархиальные ведомости» и «Православная Подолия»).

Вторая магистерская диссертация, написанная на основе кандидатского сочинения, за которое автор получил премию митрополита Иосифа[326], — работа о литургических грузинских памятниках в отечественных книгохранилищах *протоиерея Корнилия Самсоновича Кекелидзе* (1879–1962)[327], защищенная 19 сентября 1908 г., спустя рекордно короткое после окончания академии время — 4 года (1904 г.). А. А. Дмитриевский, как свидетельствуют эпистолярные источники, с вниманием читал рукопись диссертации и делал разнообразные замечания[328], составив в итоге отзыв[329]. На защите А. А. Дмитриевский быть не смог по причине занятости на новом месте служения на посту секретаря Императорского православного палестинского общества, потому прислал лишь телеграмму[330]. Сразу после окончания К. С. Кекелидзе академии А. А. Дмитриевский ходатайствовал для него перед Синодом о научной стажировке в Русском археологическом институте в Константинополе и возможности отправки на Афон, Синай и Иерусалим для описания грузинских рукописей[331]. Прот. К. С. Кекелидзе в 1908 г. был также кандидатом на кафедру литургики и церковной археологии КДА, однако соглашался принять участие в конкурсе, лишь если преподавать нужно будет только литургику, в противном же случае отказывался

---

[326] Доклад секретаря правления академии о выдаче кандидату Кекелидзе премии митрополита Иосифа. 31 декабря 1904 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9305. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[327] О нем см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 2045; Бурега В. В. Кекелідзе Корнелій Самсонович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 677–683.

[328] Подробнее см.: Письма протоиерея Корнилия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому. С. 136, 139, 140.

[329] Дмитриевский А. А. Отзыв о рукописном сочинении кандидата богословия протоиерея Корнилия Кекелидзе под заглавием: «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение», представленном на соискание степени магистра богословия // Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. С. 472–479.

[330] О диспуте см.: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. С. 72–73; Письма протоиерея Корнилия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому. С. 143 (письмо от 22 сентября 1908 г.).

[331] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 271 (письмо А. А. Дмитриевского от 20 июля 1904 г.).

от баллотировки[332]. До конца своей жизни А. А. Дмитриевский поддерживал эпистолярное общение с К. С. Кекелидзе, ставшим в 1941 г. академиком Академии наук Грузинский ССР. Он, пожалуй, один из самых плодовитых учеников Алексея Афанасьевича как в историко-литургических исследованиях, так и в целом в области фундаментальной гуманитарной науки.

Третья магистерская диссертация, написанная на основе кандидатского сочинения, — работа *протоиерея Михаила Александровича Лисицына* (1872–1918)[333] о первоначальном богослужебном уставе на Руси, защищенная 13 июня 1911 г.[334], спустя 14 лет после выпуска из КДА (1897 г.). После окончания М. А. Лисицыным академии и переезда на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, А. А. Дмитриевский неоднократно у него бывал в гостях и даже останавливался на продолжительное время[335]. Когда же и сам Алексей Афанасьевич перебрался в столицу, их встречи и научное общение, вероятно, стали более интенсивными и насыщенными[336]. По крайней мере, когда о. Михаил готовил к печати свое сочинение, А. А. Дмитриевский просматривал корректуру[337] и, вероятно, делал определенные замечания и вносил предложения. Вполне возможно, они обсуждали какие-то сюжеты диссертации и в процессе ее подготовки.

Четвертый магистр — *протоиерей Василий Дмитриевич Прилуцкий* (1883–1936)[338], защитивший свою работу о частном богослужении в Русской Церкви 7 декабря 1912 г.[339], спустя 5 лет после окончания КДА. Следует отметить, что именно его А. А. Дмитриевский оставил своим преемником по кафедре литургики

---

[332] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. С. 347.
[333] О нем см.: Ткачук М. Л. Лисицин Михайло Олександрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 71–75.
[334] О диспуте см.: Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1910–1911 учебный год. Киев, 1911. С. 724–726.
[335] Письма А. А. Дмитриевского А. И. Дмитриевской // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 20 об.; Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 281.
[336] От эпистолярного общения учителя и ученика до нас дошли лишь 2 письма последнего: Письма М. А. Лисицына А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 512.
[337] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 296.
[338] О нем см.: Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А. Прилуцький Василь Дмитрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 479–481.
[339] Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1912–13 учебный год. Киев, 1913. С. 138–139.

и церковной археологии в КДА, охарактеризовав его «вполне подходящим преемником» и рекомендовав совету как человека истово церковного и «трудоспособного работника, подающего большие надежды»[340]. Еще в процессе написания о. Василием магистерской работы, Алексей Афанасьевич уже планировал дать ему для темы докторской диссертации изучение Иерусалимского Типикона[341], однако этим планам не суждено было сбыться: о. Василий, по-видимому, занимался темой, сделал доклад на Поместном Соборе 1917–1918 гг. о непорядках богослужебной практике[342], но дальнейшая разруха в стране и невозможность напечатать где бы то ни было свои исследования богословской или историко-литургической тематики обрекли этот проект на неудачу. Письма о. Василия Прилуцкого А. А. Дмитриевскому показывают, как Алексей Афанасьевич на протяжении 1908–1927 гг. опекал своего ученика, поддерживая в разного рода обстоятельствах жизни[343].

Пятый магистр — *Евфимий Петрович Диаковский* (1875–?)[344] — защитил свою работу о службах часов 20 марта 1914 г.[345], спустя 15 лет после окончания КДА (1899 г.). Свое сочинение Евфимий Павлович печатал довольно продолжительное время, с 1908 г. В том же году его имя звучало в качестве предполагаемого кандидата для замещения кафедры литургики и церковной археологии[346], но в итоге были выбраны для этой цели лишь три кандидата.

---

[340] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. С. 541–544. См. также: Дело о получении из Хозяйственного управления Синода денег на содержание сверхштатного профессорского стипендиата Прилуцкого В. 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9555. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[341] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 291.

[342] Доклад священника В. Д. Прилуцкого «О непорядках в современной богослужебной практике» // Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. С. 71–78.

[343] 12 писем о. Василия Прилуцкого А. А. Дмитриевскому изданы в: «Союзом боязни связуем…» (Письма протоиерея Василия Прилуцкого к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1908–1927 гг.)) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 1 (9). С. 113–148. Однако нам удалось в фонде А. А. Дмитриевского (ОР РНБ. Ф. 253) выявить еще несколько писем о. Василия, которые в настоящее время готовятся к изданию.

[344] О нем см.: Ткачук М. Л. Діаковський Євфимфій Петрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 454–456.

[345] Подробнее см.: Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1913–14 учебный год. Киев, 1914. С. 224–226.

[346] «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней…» (письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник

Причем, похоже, что Е. П. Диаковский считал, что А. А. Дмитриевский намеренно оттягивает чтение его магистерского сочинения, чтобы не допустить его участия в выборах на кафедру[347]. Когда кафедра в 1911 г. была разделена на две самостоятельные — литургики и церковной археологии в связи с историей христианского искусства — Евфимия Петровича вновь пытались продвинуть кандидатом для ее замещения[348], но безрезультатно. Е. П. Диаковский не терял связи со своей alma mater, живо интересовался литургикой, посещая в академии магистерские защиты (например, был на коллоквиуме прот. М. А. Лисицына, где возражал защищавшемуся, но «оставил жалкое впечатление»[349]), но с А. А. Дмитриевским взаимоотношения у него, по-видимому, не сложились.

И, наконец, шестой магистр — *Николай Николаевич Пальмов* (1872–1934)[350], защитивший свою работу о чинах пострижения в монашество 12 июня 1914 г.[351], спустя 17 лет после окончания академии (выпуск 1899 г.). Работая над диссертацией, Н. Н. Пальмов не раз консультировался с А. А. Дмитриевским по поводу разных сюжетов своей работы и к масленице 1913 г. планировал показать ее ученому[352]. Когда диссертация уже печаталась, Н. Н. Пальмов отправлял Алексею Афанасьевичу корректурные листы и ученый также высказывал разные соображения по поводу прочитанного[353]. После того как текст диссертации был напечатан и определилась дата магистерского коллоквиума, А. А. Дмитриевский счел для себя необходимым поддержать своего «птенца» и присутствовал на защите лично, «неофициально возражая» по поводу работы. Когда в 1911 г. единая кафедра церковной археологии и литургики была разделена на две

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 84, 85.

[347] Сухова Н. Ю. «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир…» (письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) // ТКДА. 2014. № 20. С. 198.

[348] Там же. С. 218.

[349] Там же. Вып. 6 (55). С. 101.

[350] О нем см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 453; Пастушенко Л. А. Пальмов Микола Миколайович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 2. С. 364–368.

[351] Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1913–14 учебный год. С. 705–707.

[352] Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А. А. Дмитриевского и Н. Н. Пальмова / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 226.

[353] Там же. С. 235–236 (письмо А. А. Дмитриевского Н. Н. Пальмову от 9 апреля 1914 г.).

самостоятельные (собственно, кафедру литургики и кафедру церковной археологии в связи с историей христианского искусства), то кафедру литургики продолжил занимать уже упомянутый выше прот. В. Д. Прилуцкий, а именно Н. Н. Пальмова выбрали в 1912 г. доцентом по вакантной кафедре церковной археологии. По-видимому, А. А. Дмитриевский был на его стороне и через профессоров академии пытался каким-то образом содействовать его избранию[354]. Увы, довольно теплые взаимоотношения учителя и ученика были по невыясненным причинам прекращены в скором времени после защиты Н. Н. Пальмовым диссертации и даже, как свидетельствуют их позднейшие стычки, переросли во враждебные[355].

Обычно в связи с упоминанием о магистрах, подготовленных А. А. Дмитриевским, говорят и о школе русской литургики, созданной им в Киевской духовной академии. Впервые в источниках мы сталкиваемся с этим понятием в письме А. А. Дмитриевскому прот. Корнилия Кекелидзе от 8 ноября 1911 г.: «Поздравляю Вас, Алексей Афанасьевич, с достойными учениками и продолжателями Вашего дела; Вы, в буквальном смысле слова, создали научную школу, что удается немногим профессорам. Чрез Вас Киевская академия стала в главе научной разработки литургики, которая до сих пор не имела даже права называться научной. Вы, патриарх этой науки, и ютящиеся под Вашим крылышком — Неселовский, профессор Скабалланович, прот. Лисицын, аз грешный и недостойный, некий г. Диаковский (готовящий скоро выпустить диссертацию) и о. Прилуцкий, Ваш преемник, который тоже обогатит нашу науку чем-нибудь, — вот и все, принадлежащие пока к созданной Вами научной школе, которую можно будет назвать Киевской; дай Бог, чтобы число их преумножилось»[356]. Однако не все современники А. А. Дмитриевского считали, что ему удалось создать научную школу. Так, например, профессор Киевской духовной академии В. П. Рыбинский в своих воспоминаниях прямо отмечал:

---

[354] Подробнее см. в письмах Н. Н. Пальмова А. А. Дмитриевскому: Там же. С. 192–194, 200–210.

[355] См.: Акишин С. Ю. Деятельность профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) // ТКДА. 2014. № 20. С. 239, 244, 260–263.

[356] Письма протоиерея Корнилия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому. С. 154.

«Школы своей А. А. не создал. <…> Несколько литургистов ему все-таки удалось приобрести, и они смотрели на него как на своего учителя (Прилуцкий, Лисицын, Пальмов, Скабалланович)»[357]. Как показывают исследования Н. Ю. Суховой[358], это не так и все же можно говорить о научной школе А. А. Дмитриевского с той лишь оговоркой, что ее полет был трагически прерван сломом системы духовного образования в России. Если бы не это последнее обстоятельство, школа А. А. Дмитриевского могла бы дать еще более внушительные результаты, потому как у нее для этого было все, что нужно[359].

Кроме руководства написанием кандидатских, магистерских диссертаций и их рецензирования А. А. Дмитриевский наиболее выдающихся из своих учеников с разрешения совета оставлял на год при кафедре литургики и церковной археологии в качестве профессорских стипендиатов для, условно говоря, специализации. Цель состояла в подготовке полноценных специалистов в области указанных дисциплин, которые потом могли либо оставаться при академии, либо их распределяли в духовные семинарии для преподавания церковно-практических дисциплин. За все время преподавательской деятельности А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии при кафедре было оставлено 3 профессорских стипендиата: в 1890/1891 уч. г. А. З. Неселовский, в 1893/1894 уч. г. Ф. А. Шевелев и в 1907/1908 уч. г. — В. Д. Прилуцкий. Непосредственное руководство занятиями стипендиатов возлагалось на А. А. Дмитриевского. Поскольку темы кандидатских сочинений у вчерашних выпускников были разные и, соответственно, уровень знаний и подготовки — тоже, то в начале стипендиатского года А. А. Дмитриевским совместно со студентом разрабатывалась инструкция или план работ на год, в соответствие с которым и нужно было трудиться и восполнять свои знания. Результаты работы все

[357] Архив МДА. Папка 284. Тетрадь 2. С. 105–106.
[358] Сухова Н. Ю. А. А. Дмитриевский и ученики: проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX — начало XX в.) // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.) Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2015. С. 583–595.
[359] Подробнее о биографии и научном наследии учеников А. А. Дмитриевского см.: Русские писатели-богословы — исследователи богослужения и церковного искусства: библиографический указатель / сост. А. С. Чистякова, Н. С. Степанова, О. В. Курочкина. М., 2004. С. 92–96, 128–133, 144–146.

стипендиаты показывали довольно разные: так, например, наиболее много для подготовки к самостоятельной педагогической деятельности сделал А. З. Неселовский[360], изучив все, что касается предмета литургики, и прочитав статьи на русском, немецком и французском языках. Одно из главных достижений Афанасия Захаровича состояло в том, что он произвел подробнейший критико-библиографический анализ лучшего немецкого учебника по литургике Люфта и определил в деталях степень зависимости от него русских учебных пособий по литургике[361].

Гораздо менее удалось сделать 2-му стипендиату, Федору Арсеньевичу Шевелеву[362]. С одной стороны, он показал «добросовестное и похвальное усердие», позволившее ему основательно изучить источники и пособия по избранной специальности, с другой же стороны он обнаружил слабое знание языков, в особенности немецкого, отчего не смог ознакомиться с иностранной литературой. Кроме этого он занимался и самостоятельными изысканиями: 1) изучил Евхологий Я. Гоара, требовавший хорошего знания древнегреческого и латинского языков; 2) сделал некоторые наблюдения над чином воцерковления; 3) ознакомился с Житием Феодора, архиеп. Эдесского; 4) собрал богатый рукописный материал для самостоятельных ученых работ.

Третий профессорский стипендиат — Василий Дмитриевич Прилуцкий[363], рекомендованный совету самим А. А. Дмитриевским в качестве будущего преемника его по кафедре. Очевидно, Алексеем Афанасьевичем в соавторстве со студентом был разработан план работ на год, но отзыв на отчет «сверхштатного стипендиата» писал уже не Дмитриевский, а два других преподавателя: по отделу церковной археологии — проф. свящ. А. Глаголев, по отделу литургики — доц.

---

[360] Его прошение о занятиях литургикой и церковной археологией см.: Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. Киев, 1892. С. 49.

[361] Дмитриевский А. А. Отзыв об отчете о научных занятиях в 1890/91 учебном году профессорского стипендиата Афанасия Неселовского // Там же. С. 369–371.

[362] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1893/4 учебный год. Киев, 1894. С. 53, 150, 330–331; Отзыв об отчете профессорского стипендиата Феодора Шевелева // Там же. С. 330–331.

[363] Его довольно интересную характеристику см. в представлении А. А. Дмитриевского о своей отставке: Извлечения из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907. С. 540–544.

М. Н. Скабалланович[364]. И здесь А. А. Дмитриевский показал поистине отеческую заботу о своем студенте, предупредив М. Н. Скабаллановича о том, что если будут в отчете обнаружены какие-либо недостатки, то их следует списать на его, Алексея Афанасьевича, счет. Из этого Скабалланович делает вывод, что А. А. Дмитриевский заранее затребовал с ученика отчет и остался им доволен. За год В. Д. Прилуцкий проштудировал пособия по церковной археологии, указал недостатки нескольких сборников литургических документов на греческом и русском языках и фундаментальных исследований, созданных русскими учеными. Кроме того, в течение 2-х месяцев В. Д. Прилуцкий проработал в московских и петербургских библиотеках, перерабатывая свое кандидатское сочинение в магистерскую диссертацию.

Обратимся теперь к проблеме, как воспринимались самими студентами личность А. А. Дмитриевского, его методика преподавания и проведения экзаменов. По этому поводу источники, главным образом воспоминания студентов, дают полярную информацию: от весьма восторженных оценок, до негативных. Алексея Афанасьевича называли «одним из любимых профессоров» за его лекции по литургике[365], дававшим «больше <…> уму, чем сердцу» и раскрывавшим «пред своими слушателями всю красоту христианского богослужения, его поэзию» через анализ в аудитории текста песнопений и молитвословий[366]. Учащиеся испытывали чувства благородной гордости «от сознания, что <…> были студентами того профессора, ученое имя которого как первого литургиста в России является общепризнанным»[367]. Преподаваемые им церковная археология и литургика излагались им живо и увлекательно, слушались

[364] Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. С. 336–338 (отзыв свящ. А. Глаголева), 338–341 (отзыв М. Н. Скабаллановича).
[365] [Иванов Ф. Н.] Лучшая лекция // Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 13. Отд. неоф. С. 372. В самом источнике имя автора не указано; авторство установлено по: Иванов Ф., прот. Автобиография // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Т. 1. С. 553.
[366] Там же.
[367] [Прощальный адрес студентов III курса КДА 1907/1908 уч. г.] // Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского. В: ТКДА. 2011. № 15. С. 249.

студентами «с большим удовольствием»[368], благодаря чему «эти науки носили всегда характер глубоко-жизненного значения и захватывающего научного интереса»[369] и привлекали «глубиною мысли, солидным изложением»[370]. У ученого не было никогда недостатка в слушателях[371]. Такие преподаватели как А. А. Дмитриевский, создают «немеркнущую славу» академии и их имена «займут подобающее место на страницах истории богословской науки и с гордостью будут произноситься многими грядущими поколениями питомцев академии»[372].

Очень тепло вспоминает об А. А. Дмитриевском «литургист всея Руси» епископ Гавриил (Чепур): «Особенно светлые воспоминания остались о <…> А. А. Дмитриевском, который умел найти много нового глубоко интересного в богослужебной библиотеке православного Востока и на исторической почве выяснить своим слушателям бывшие совершенно открытыми вопросы литургической науки. Его идейная живая речь привлекала на лекции массы студентов; мы видели в нем человека, преданного до самозабвения своей науке, горячо любящего Св. Церковь и ее уставы, и готового отдать жизнь за свои ученые убеждения. Несмотря на его строгость (иногда даже чрезмерную) на экзаменах, он в наше время пользовался глубоким уважением студентов всяких направлений; для церковников же он был искренним другом-воспитателем, авторитетнейшим наставником-руководителем, а для некоторых может быть незаметным для него самого и устроителем духовной жизни. Память о нем не изгладится никогда, а молитва за него пред Господом будет служить выразителем глубокой любви к нему»[373].

---

[368] Левитский П. П., свящ. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. Т. 2: К–П. 2014. С. 195.

[369] Там же.

[370] Пестряков В. М., свящ. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Т. 2. С. 494.

[371] [Прощальный адрес студентов III курса КДА 1907/1908 уч. г.]. С. 249.

[372] [Дмитровский Н. Г. Воспоминания о КДА] // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Т. 1. С. 448.

[373] Гавриил (Чепур), еп. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. Т. 3: Р–Я. С. 449.

Стараясь быть объективным, В. П. Рыбинский оценивает А. А. Дмитриевского с нескольких сторон: несомненно, он — личность интересная и незаурядная, глубоко преданный науке человек и «прямо влюбленный в свою Литургику»; обладая темпераментом, он за все брался с увлечением. По мнению Василия Петровича, лекции А. А. Дмитриевского замечательными не были. Поскольку Дмитриевский был склонен к научной работе, у него не было «достаточно времени для обработки своего курса». Составление программ преподавания было направлено на то, чтобы можно было контролировать преподавателей в исправном и тематически законченном чтении дисциплины. Это по причине обширности курса вынуждало его «многие отделы читать в сокращенной, почти конспективной форме. Не всегда удавалось ему также соблюсти надлежащую перспективу и отличить существенное от несущественного. Да и курс его, собственно говоря, относился к двум совсем разным наукам, и, будучи большим специалистом в области литургики, А. А. не был таковым в области церковной археологии». От студентов А. А. Дмитриевский «требовал непременно хорошего усвоения своего курса», что проверялось в рамках т. н. «репетиций»[374] и на экзамене. У Алексея Афанасьевича «репетиции были поставлены формально, спрашивал он каждого, вызывая к доске, ставя у себя отметки. По существу он ввел у себя какие-то полугодичные зачеты. При том же А. А, обращал внимание на мелочи, а если студент забывал какой-нибудь “абак” или “архитрав” и не искусно рисовал колонну или план римского дома, то он выходил из себя, кричал: “Вы ничего не знаете”, и т. д. То же было и на экзаменах. Поэтому и репетиции, и экзамены у А. А. всегда сопровождались инцидентами, доходившими до администрации». По окончании экзамена А. А. Дмитриевского практически всегда окружала толпа недовольных студентов, с которыми профессор вынужден был вступать в пререкания. Тем не менее, строгость на экзаменах и слава о них имели определенный эффект: студенты

[374] Репетиции проходили вне расписания, в удобное для преподавателя время (см.: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1888/9 учебный год. Киев, 1889. С. 30).

побаивались А. А. Дмитриевского и «как к репетициям, так и к экзаменам по его предмету готовились гораздо больше, чем по другим»[375].

Страх перед экзаменом, требовательность к знаниям вызывали у студентов неудовольствие и протесты[376]. Так, например, выпускник 1905/1906 уч. г. И. П. Клёнов вспоминает, как все студенты III курса решили не ходить на экзамен по церковной археологии из-за завышенной, на их взгляд, требовательности к знаниям[377]. Об этой же ситуации рассказывает и М. А. Стельмашенко в своем письме к о. Ф. Титову от 29 мая 1905 г.: «В академии — не без инцидентов: студенты и господин Дмитриевский никак не поладят между собою <…> Вы спрашиваете о моих экзаменах. Работаю по 14 часов в сутки и отправляюсь на экзамены в полной уверенности в своих знаниях. Часть предметов прошла благополучно, но с господином Дмитриевским в день экзамена по литургике случился припадок болезненного самолюбия. Раньше он вычитывал мне в самой некорректной форме за то, что я “демонстративно не посещал его лекций”, и он “дал себе слово” предъявить ко мне “немилосердные требования”. И действительно, свое слово он сдержал: его поведение и отношение ко мне были совершенно неестественны. Если бы не присутствие нашего многоуважаемого ректора, то я, наверно, отказался бы от экзамена. Лучшим показателем его отношения к студентам служит тот факт, что студенты 4-го курса на его экзамене впадают в обморочное состояние, а студенты 3-го курса отказываются отвечать, если он будет экзаменатором вместо господина Певницкого. Остальных экзаменов не боюсь и надеюсь, несмотря на пробел по литургике, окончить академию с правом магистранта»[378].

Подобного рода свидетельства показывают всю широту натуры А. А. Дмитриевского: если студент посещал аккуратно лекции, знал хорошо предмет, к нему на экзамене претензий, по-видимому, практически не было; если же А. А.

---

[375] Архив МДА. Папка 284. Тетрадь 2. Л. 101–105.

[376] Рыбинский В. П. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Т. 3. С. 74.

[377] Клёнов И. П. Академические воспоминания // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Т. 2. С. 60.

[378] Письмо М. Стельмашенко Ф. И. Титову от 29 мая (1906 г.?) // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии… Т. 3. С. 248–249.

Дмитриевским наблюдалась какая-то неаккуратность со стороны студента, пробелы в знаниях, он мог позволить себе въедливо выяснять глубину незнания экзаменуемого, срываясь при этом на эмоции.

1.4. А. А. Дмитриевский как человек. Личная жизнь ученого

Мотивы и проявления человеческого в поведении и поступках того или иного человека очень сложно вскрыть постороннему наблюдателю. В Библии говорится: «Кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем» (Мф 11. 27); и действительно, только сам человек, при должном и более-менее непредвзятом анализе той или иной жизненной ситуации может объяснить себе и окружающим истинные мотивы того или иного своего поступка, от взора же стороннего наблюдателя эти вещи практически всегда ускользают, ведь они способны видеть только результат и действие какого-либо человеческого деяния. Когда же людей разъединяет друг с другом большое расстояние, тогда, желая что-то объяснить себе, им приходится самостоятельно вскрывать мотивы и цели той или иной поведенческой ситуации. Из этих рефлексивных действий и рождаются образы людей, которые часто не соответствуют действительности и которые бывает сложно преодолеть. Тем не менее, для истории науки важны не только личные взаимоотношения между учеными, которые иногда бывали сложными, но и то, каким образом оценивали коллеги личные и профессиональные качества того или иного ученого. В этой связи представляется интересным проанализировать, каким предстает образ А. А. Дмитриевского в нескольких источниках: в переписке Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова, воспоминаниях Петра Павловича Кудрявцева (1868–1940), Владимира Петровича Рыбинского (1867–1944) и Ф. Н. Иванова[379] (1878 — после 1838).

Для профессоров Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова А. А. Дмитриевский был учеником по Казанской духовной

[379] О нем см.: Иванов Феодосий Николаевич // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. Т. 1: А–Й. С. 553–554.

академии: у И. С. Бердникова он слушал курс канонического права и состоял с ним в спорадической переписке[380], а Н. Ф. Красносельцев был не просто его научным руководителем и лицом, «выдавшим ему билет в науку», но их объединяла, в некотором смысле, ученая дружба, воплощавшаяся во внушительном эпистолярном общении[381] и совместных поездках на Святую Гору Афон.

В переписке Н. Ф. Красносельцева и И. С. Бердникова имя А. А. Дмитриевского упоминается довольно часто и в интересной пропорции: у Николая Фомича ок. 60 раз, у Ильи Степановича — почти 100 раз; объясняется это, с одной стороны, тем, что писем И. С. Бердникова сохранилось больше, а, с другой стороны, тем, что в конце 90-х гг. Алексей Афанасьевич решал вопрос со своим докторством в Казанской духовной академии, и потому Илья Степанович старался держать Николая Фомича в курсе этого дела.

Информацию, содержащуюся в письмах и характеризующую личность А. А. Дмитриевского, можно разделить на две составляющие: Дмитриевский как человек и как ученый. Но поскольку довольно часто корреспонденты говорят о нем как об ученом и тут же характеризуют его человеческие качества, мы не будем вводить соответствующие разделы, а скажем особо об Алексее Афанасьевиче в связи с получением докторской степени, реакцией на работу А. И. Алмазова и личным восприятием критики.

Впервые с именем А. А. Дмитриевского в письмах И. С. Бердникова мы встречаемся в связи с описанием обеда в честь архим. Антония (Вадковского), отбывающего в 1885 г. на пост инспектора Московской духовной академии. Из этого фрагмента становится ясным, что А. А. Дмитриевский — желанный гость, оживляющий общение между людьми способностью интересно и живо рассказывать разные истории[382].

---

[380] *Бердников И. С.* Письма (3) А. А. Дмитриевскому (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 364).
[381] *Красносельцев Н. Ф.* Письма (51) А. А. Дмитриевскому (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491).
[382] «На обеде в честь Антония был Алексей Аф[анасьевич] Дмитриевский и не мало оживил наше общение своим появлением и живыми рассказами» (*Бердников И. С.* Письма к Н. Ф. Красносельцеву // НИОР РГБ. Ф. 178. Д. 3296. Л. 2 об., письмо от 3 сентября 1883 г.; далее: Бердников — Красносельцеву).

Ученые следили за его работами и успехами на научной стезе. Так, Илья Степанович постоянно интересовался у Н. Ф. Красносельцева судьбой и успехами А. А. Дмитриевского. Не состоя с ним в регулярной переписке, он иногда передавал через Николая Фомича ему поклоны и справлялся, печатает ли Алексей Афанасьевич собранные на Востоке материалы. Впрочем, когда Илье Степановичу нужно было в связи с полемикой с А. С. Павловым навести справку относительно практики восприемничества у греков, он обратился за ней к Алексею Афанасьевичу и тотчас же получил просимое[383]. Это говорит о том, что И. С. Бердников был уверен в компетентности А. А. Дмитриевского и его способности давать специальные справки по тому или иному вопросу. Более того, когда в 1889 г. до Ильи Степановича дошло известие, что Голубева и А. А. Дмитриевского постигло несчастье — пожар истребил все их рукописи и ученые работы, — И. С. Бердников жалеет и самого Дмитриевского, и науку, «которая так много пострадает от гибели столь ценного архивного материала»[384].

В 1890 г. вышла книга-отчет А. А. Дмитриевского «Путешествие по Востоку и его научные результаты», которую автор послал в дар Илье Степановичу. И. С. Бердников пишет, что «отчет интересный и не только потому, что сделал Дмитриевский, но потому что он еще думает сделать. Помимо недостатков характера г[осподина] Дмитриевского, все-таки желалось бы, чтобы исполнилось его желание напечатать собранные им рукописные материалы»[385]. И. С. Бердников считал Алексея Афанасьевича кропотливым ученым, но, несмотря на это, полагал, что он не в состоянии заменить Н. Ф. Красносельцева в деле научной разработки литургики[386].

Довольно много обсуждалась личность А. А. Дмитриевского в связи с его планами получения в Казанской духовной академии степени доктора церковной истории. Этот замысел родился после того, как в 1893 г. Н. Ф. Красносельцев по совокупности ученых заслуг был удостоен советом КазДА степени доктора

---

[383] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 14 марта 1891 г. Л. 67–67 об.
[384] Там же. Письмо от 9 сентября 1889 г. Л. 20 об.
[385] Там же. Письмо от 14 марта 1890 г. Л. 42.
[386] Там же. Письмо от 26 декабря 1893 г.

церковной истории. Однако вместо радости и слов поздравления учитель услышал от ученика слово упрека[387], на что Илья Степанович молниеносно реагирует: «Поведение Дмитриевского относительно Вас ничем не может быть оправдано. Разве Вы перешли ему дорогу? Как много в его характере черт общих с характером Павлова!.. Вместо того, чтобы делать нелепости, лучше бы он писал сам докторскую диссертацию; alma mater помогла бы ему в данном случае, если бы он к ней обратился»[388]. И уже в письме от 1 декабря 1894 г. И. С. Бердников сообщает, что виделся в университете с Д. Ф. Беляевым, который спросил его, почему академия не дает А. А. Дмитриевскому степени доктора. В этом письме любопытны аргументы, которые Илья Степанович высказывает и самому Дмитрию Федоровичу, и Н. Ф. Красносельцеву: «Отвечаю я: да он не просит степени доктора; да и может ли получить ее, тоже неизвестно; а если дитя не плачет, мать не разумеет. — Да ему следует дать степень доктора без его просьбы, за его ученые труды, гов[орит] Беляев. — Я отвечаю: я не знаю, будет ли ему приятно получить от нас степень доктора; ведь он не считает нас за людей науки и не может унизиться до того, чтобы стать с нами на равной ноге. — Ну что за распри, что за счеты, гов[орит] Беляев. — Я говорю: А все-таки, как хотите, при таких обстоятельствах никому не может прийти в голову хлопотать о предоставлении Дмитриевскому степени доктора. Сколько нам известно, продолжаю я, Дмитриевский еще собирает ученые материалы и потом намерен приступить к составлению диссертации обычным порядком. Если предложит подобную диссертацию, мы дадим степень доктора с удовольствием. <...> Я не успел спросить Беляева, что подало ему повод начать подобный разговор. <...> Быть может, Дмитриевского разбирает досада по

[387] «В Вильне Голубев мне сказывал, что он Дмитриевским остался весьма недоволен тем, что Академия присудила мне докторство и весьма громко высказывался в этом смысле. Это для меня было неожиданностью, но объяснило, почему он при встрече нашей в Кон[стантинопо]ле и на Афоне был довольно натянут со мною» (подробнее см.: *Красносельцев Н. Ф.* Письма к И. С. Бердникову // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101, письмо от 31 августа 1893 г. Л. 179; далее: Красносельцев — Бердникову).

[388] Бердников — Красносельцеву. Письмо без даты. Л. 144.

поводу сочинения А[лександра] Ив[ановича] Алмазова? Быть может, с его стороны разговор Беляева есть зондирование почвы?»[389]

И все же, видимо, перспектива получения А. И. Алмазовым докторской степени несколько подстегнула и самого А. А. Дмитриевского к подаче своей работы на соискание степени. В письме от 27 декабря 1895 г. Н. Ф. Красносельцев сообщает И. С. Бердникову, что Алексей Афанасьевич попросил у своего учителя совета, как поступить — в какой совет подать прошение для получения докторской степени. В этом же письме мы можем прочесть интересную оценку Н. Ф. Красносельцевым деятельности А. А. Дмитриевского: «Во всяком случае, я был бы очень рад его успеху, так как не могу отрицать, что он весьма много потрудился на пользу литургики и проявляет незаурядную энергию»[390].

Уже 20 января 1896 г. А. А. Дмитриевский обратился в Совет Казанской духовной академии с прошением «о присуждении ему степени доктора церковной истории за книгу о типике»[391]. И. С. Бердников отмечает, что «домогательство Дмитриевского встречено в корпорации очень холодно, пренебрежительно»[392], да и сама книга, за которую Алексей Афанасьевич хотел получить степень, казалась в академии простой перепечаткой греческих текстов, отчего никто не хотел выступить ее рецензентом. Это обстоятельство озадачило самого И. С. Бердникова настолько, что он пишет Николаю Фомичу: «Было бы очень скандальным — не для одного Дмитриевского, но и для Академии — отказать Дмитриевскому в степени доктора. <...> И он вполне заслуживает такого жестокого урока по своей непомерной заносчивости и самомнительности, по своему несправедливому и подлому отношению к ученым заслугам других, вообще по своему вздорному и тяжкому характеру... Но дело науки нужно отличать от личных отношений. И несмотря на обиды, мне причиненные

[389] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 1 декабря 1894 г. Л. 155–156.
[390] Красносельцев — Бердникову. Л. 293.
[391] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 21 января 1896 г. Л. 254. Речь идет о книге: *Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Киев, 1895.
[392] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 21 января 1896 г. Л. 254.

Дмитриевским, я готов содействовать тому, чтобы его дело об ученой степени получило благоприятный для него исход…»[393]

К концу 1896 г. Илья Степанович пишет своему корреспонденту: «Я, как и Вы, конечно, считаю Дмитриевского достойным ученых почестей и повышения по службе и желаю ему этого достигнуть. Но сам я не желаю принимать участие в том, чтобы таскать для него каштаны из печки. <...> Нахальство Дмитриевского и его склонность к интригам отбивают всякую охоту иметь с ним дело»[394]. Таким образом, и И. С. Бердников, и Н. Ф. Красносельцев, несмотря на различные особенности характера А. А. Дмитриевского, считали его достойным степени доктора церковной истории, а это, в свою очередь, указывало и на его заслуги перед литургической наукой.

Особенности характера Дмитриевского заставили И. С. Бердникова предположить, что Алексей Афанасьевич, желая провалить дело о докторстве Алмазова, ездил в Петербург «инсинуировать», чтобы затормозить дело и получить степень ранее А. И. Алмазова[395]. Однако, как свидетельствует тот же корреспондент, А. И. Алмазов был утвержден в степени доктора в апреле 1896 г., а дело А. А. Дмитриевского на тот момент оставалось «без движения»[396]. Впрочем, уже 26 июня того же года в степени доктора церковной истории был утвержден Святейшим Синодом и Алексей Афанасьевич[397], а предположение Ильи Степановича оказалось неверным.

Пытался А. А. Дмитриевский и быть в некотором смысле миротворцем. А. С. Павлов обладал довольно сложным характером и потому очень быстро из-за несогласия с каким-либо ученым не желал с ним продолжать общения. Так было и в случае с профессором Киевской духовной академии П. А. Лашкаревым,

---

[393] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 21 января 1896 г. Л. 255–255 об.
[394] Там же. Письмо от 7 декабря 1896 г. Л. 252 об. — 253.
[395] Там же. Письмо от 13 марта 1896 г. Л. 264 об. — 265.
[396] Там же. Письмо от 29 апреля 1896 г. Л. 268.
[397] *Акишин С. Ю., Бурега В. В.* Дмитриєвський Олексій Афанасійович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у 2 т. Київ, 2015. С. 458–463 (здесь: с. 459).

которому А. С. Павлов не желал подавать руки; благодаря А. А. Дмитриевскому отношения удалось в некотором смысле наладить[398].

Довольно часто личности А. А. Дмитриевского корреспонденты касались в связи с его критикой той или иной новой научной работы, называя его в саркастическом ключе «великим ученым», «гусём». Так, в письмах довольно много внимания уделено описанию ситуации, связанной с критикой А. А. Дмитриевским работы А. И. Алмазова о таинстве Исповеди[399]. Благодаря переписке мы можем проследить историю рецензирования Алексеем Афанасьевичем этой книги практически от начала до конца. Н. Ф. Красносельцев таким образом описывает первое знакомство Дмитриевского с этой работой: «Но все свои дела он забыл, увидев у преосв[ященного] Антония книги Алмазова. Он накинулся на них с остервенением и не пожалел времени на то, чтобы уличить автора в разных ошибках и даже мошенничестве посредством проверки с подлинниками напечатанных у Алмазова текстов по рукописям библиотек <...> Такое рвение! Затем он забежал в редакцию Визант[ийского] временника и напросился составить на книгу Алмазова, еще не вышедшую в свет, рецензию. Результатом всех его трудов, посвященных Алмазову, и еще вероятно не конченных, являются почти неприличные ругательства по адресу Алмазова и его книги, содержащиеся в указанном мною письме». Далее Николай Фомич приводит цитату из письма Алексея Афанасьевича: «Вредить ему в получении докторства я не желаю, но прошу покинуть навсегда Литургику, так как он для нее бесполезен. Для блага личного Алмазова было бы лучше, если бы он перо променял на топор и вместо сидения за рукописями рубил бы дрова» и поясняет: «Что Алмазов мало пользовался Соловецкими рукописями — это Д[митриевско]му представляется доказательством того, что он желал ускользнуть от проверки, в Казани доступной. На самом же деле он не пользовался ими потому, что уже прежде пользовался ими Дмитриевский и, по мнению А. И. Алмазова, самым бессовестным образом, так что

[398] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 8 июля 1893 г. Л. 170.
[399] Речь идет о книге: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в Православной восточной Церкви: Опыт внешней истории (Исследование преимущественно по рукописям). Одесса, 1894. Т. 1: Общий устав совершения исповеди; Т. 2: Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди; Т. 3: Приложения.

пришлось бы на каждой странице уличать его в неверностях и вступать в пререкания»[400].

В ответ на это письмо И. С. Бердников называет А. А. Дмитриевского подражателем А. С. Павлова, и даже превосходящим его «своею горячностью и заносчивостью»[401]. Илья Степанович констатирует, что «Дмитриевский, не смотря на все свои усилия, не мог отыскать в сочинении А. И. Алмазова существенных пробелов. И на чем же ловит А[лександра] Ив[ановича] великий ученый??! На буквах, на точках и запятых!.. Поистине великая ученость... Г[осподину] Дмитриевскому, не смотря на всю его ученость в архивном смысле, не создать, видно, для русской богословской науки ничего цельного, осмысленного, проливающего яркий научный свет в избранной им области. Нет у него органического, спокойного мышления. Может быть, над ним оправдается то, что говорит о других. Может быть, многое из того, что он пишет и издает, окажется впоследствии дровами, сеном, тростию — годными для растопки печей»[402].

Н. Ф. Красносельцев пытался каким-то образом образумить своего бывшего ученика и охладить его полемический задор, но Алексей Афанасьевич оправдывается, и это представляется вполне убедительным: «Возмущает меня <…> работа Алмазова не потому, что она для меня не интересна, а потому, что написана с шарлатанскими претензиями на высокую научность, что в глазах студентов и малознающих людей несомненно придаст ей и титул докторской диссертации... Считаю нравственным долгом в интересах науки сказать об этой диссертации правдивое слово, растворенное солью, какая вообще присуща моему перу»[403].

Илья Степанович дельных замечаний от А. А. Дмитриевского на работу А. И. Алмазова не ждал[404], но после ее прочтения пишет Николаю Фомичу: «Она уже не так поразительна, как, вероятно, желал представить ее Дмитриевский. Не смотря на всю заносчивость Дмитриевского, он указал в своей рецензии гл[авным] обр[азом] корректурные ошибки. Можно поблагодарить

[400] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 13 февраля 1895 г. Л. 239 об. — 241.
[401] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 21 февраля 1895 г. Л. 208.
[402] Там же. Л. 208 об. — 209.
[403] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 11 апреля 1895 г. Л. 250 об. — 251.
[404] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 4 января 1898 г. Л. 312.

Дмитриевского от имени науки, что он усердно проверил тексты, напечатанные у Алмазова; при двоих свидетелях дело стоит крепче»[405].

Чуть позже И. С. Бердников признает право Дмитриевского на критику, характеризуя его следующим образом: «Если нападает Дмитриевский, то ему еще можно простить, до известной степени, потому что он сам занимается много и много делает, и потому что они с Алмазовым давнишние враги»[406].

А. А. Дмитриевского, по-видимому, уважали, ценили и желали привлечь в сотрудники академии. Так, из письма Н. Ф. Красносельцева И. С. Бердникову от 20 ноября 1894 г. мы узнаем, что Алексею Афанасьевичу архиепископ Казанской и Свияжский Владимир (Петров) предлагал «послужить родной Академии в монашеском чине» [407] . И вновь в связи с этим звучит характеристика Дмитриевского как человека со строптивым и заносчивым характером[408].

Будучи сам беспощадным рецензентом работ своих коллег, А. А. Дмитриевский очень болезненно воспринимал критику собственных сочинений. Так, в письме Н. Ф. Красносельцева от 21 марта 1896 г. мы читаем, что Алексей Афанасьевич «чувствует себя очень обиженным» рецензией своего учителя на книгу о богослужении в Иерусалимской Церкви[409], хотя этот отзыв был написан в очень щадящем ключе [410] . Рецензия заставила Дмитриевского написать Николаю Фомичу пространное письмо с разбором критики последнего, которое и до ныне хранится в фонде Алексея Афанасьевича[411]. Впрочем, после этой рецензии их переписка часто замирала[412].

В следующей рецензии на другую крупную работу Алексея Афанасьевича Николай Фомич уже постарался посмотреть на труд «снисходительно и благожелательно» и «старался всячески поощрять автора к дальнейшим трудам

---

[405] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 6 февраля 1898 г. Л. 315 об.
[406] Там же. Письмо от 29 августа 1895 г. Л. 228 об. — 229.
[407] Красносельцев — Бердникову. Л. 229 об. — 230.
[408] Подробнее см.: Там же. Л. 230–230 об.
[409] Имеется в виду: *Дмитриевский А. А.* Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во св. Иерусалиме в IX–X вв. Казань, 1894; Рецензия Н. Ф. Красносельцева на работу А. А. Дмитриевского // Византийский временник. СПб., 1895. Т. 2. С. 632–655.
[410] Подробнее см.: Красносельцев — Бердникову. Л. 302–302 об.
[411] *Дмитриевский А. А.* Ответ Н. Ф. Красносельцеву в связи с критикой (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 192).
[412] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 4 ноября 1896 г. Л. 324 об.

похвалами и благодарностями, но не мог не указать некоторых весьма важных ошибок и недочетов»[413]. Однако автор рецензии боялся, что «опять найдутся поводы к обиде», хотя он «и старался всячески избегнуть таковых»[414]. И. С. Бердников считал критику Н. Ф. Красносельцевым работ Дмитриевского справедливой и отличающейся «солидностью, основательностью и благожелательностью к автору». По мнению Ильи Степановича, не мешало бы «сбить спесь у заносчивого ученого»[415].

Воспоминания профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева написаны спустя практически 10 лет после смерти А. А. Дмитриевского. В связи с этими воспоминаниями неподдельный интерес представляет собой сохранившийся в архиве библиотеки Московской духовной академии (Коллекция С. Афонского, папка № 269[416]) любопытный документ под названием «Материалы для истории Киевской духовной академии, собранные студентом XLV-го курса Петром Павловичем Кудрявцевым. Ч. VI. Киев, Воложская, 8 = Ильинская, 5, кв. 6, 1937». Здесь приводятся воспоминания о разных лицах, с которыми П. П. Кудрявцев (1868–1940)[417] сталкивался по долгу своей службы в Киевской духовной академии и которые были небезразличны Петру Павловичу. Как видно из заглавия, начало составления воспоминаний относится к 1937 г., и они представляли собой 6-ю часть материалов для составления истории родного ему учебного заведения. В этих материалах имеются мемуары далеко не обо всех лицах, связанных с Киевской духовной академией.

Профессор Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев был на 12 лет моложе А. А. Дмитриевского и между ними, видимо, была т. н. «ученая дружба», характеризующаяся неизменным уважительным отношением друг ко другу и эпистолярным общением. Об этом свидетельствуют как характер недавно

---

[413] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 17 апреля 1897 г. Л. 336–336 об.
[414] Красносельцев — Бердникову. Письмо от 20 июля 1897 г. Л. 345 об.
[415] Бердников — Красносельцеву. Письмо от 4 мая 1898 г. Л. 324 об.
[416] Номера папок приводятся в соответствии с новой нумерацией, данной при передаче этой части архива в библиотеку Московской духовной академии.
[417] Подробнее о нем см.: Кудрявцев Петр Павлович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. Т. 2: К–П. С. 154–161; *Пастушенко Л. А.* Кудрявцев Петро Павлович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 729–735.

изданной переписки [418] между двумя учеными, так и посвящение Алексеем Афанасьевичем одного из последних своих историко-литургических трудов П. П. Кудрявцеву [419] . Хотя Петр Павлович получил образование по Уставу духовных академий 1884 г., отменившему специализацию, он, конечно же, должен был слушать лекции А. А. Дмитриевского по церковной археологии и литургике. Эти учебные дисциплины Уставом 1884 г. были отнесены к обязательным предметам[420], изучаемым всеми студентами академии, потому Петр Павлович в первом своем письме к Алексею Афанасьевичу от 18 мая 1924 г. справедливо называет себя «бывшим учеником и сослуживцем»[421] ученого.

П. П. Кудрявцев планировал написать об А. А. Дмитриевском подробные воспоминания, но этого он, видимо, сделать не успел: анализируемые здесь мемуары написаны были в два этапа с небольшим временным разрывом — 24 и 25 февраля 1938 г., а уже в августе Петра Павловича арестовали, и он находился под следствием до апреля 1939 г.; 27 июня 1940 г. он скончался в Киеве. После смерти П. П. Кудрявцева часть его личного архива оставалась на хранении у родственников и была передана в конце 60-х — начале 70-х гг. в архив Московской духовной академии дочерью ученого Е. П. Кудрявцевой. Другая часть собрания Петра Павловича попала в Киевский университет, откуда ее, возможно, вместе с книгами для открытой вновь в 1947 г. Киевской духовной семинарии забрал первый ректор названного учебного заведения протоиерей Сергий Петрович Афонский[422]. После закрытия семинарии в 1960 г. эта часть

---

[418] «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии…» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.)) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 377–423.

[419] А. А. Дмитриевский посвятил П. П. Кудрявцеву 11-й выпуск своего лекционного курса «Наука о православном богослужении», посвященный Богоявленскому освящению воды (см.: IFEB 774). См.: *Акишин С. Ю., Терехов М. А.* История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А. А. Дмитриевского // Церковь. Богословие. История: мат-лы Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург: Информ.-изд. отд. ЕДС, 2014. С. 15–20.

[420] См.: Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IV: 1884 г. СПб., 1887. № 2160. С. 238.

[421] «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии…»… С. 388.

[422] О нем см.: Афонский Сергей Петрович, прот. // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / *[сост. В. И. Ульяновский]*. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. Т. 1: А–Й. С. 96–97; *Ткачук М. Л.* Афонський Сергій Петрович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924. Т. 1. С. 193–195.

архива П. П. Кудрявцева была передана на хранение в архив Московской духовной академии, который, в свою очередь, 17 марта 2011 г. передал материалы в библиотеку МДА[423].

Мемуары П. П. Кудрявцева носят очерковый характер. Видимо, автор не преследовал цели дать исчерпывающую информацию об А. А. Дмитриевском. Воспоминания дополняют наши знания о некоторых эпизодах жизни ученого и в целом проникнуты большой симпатией и уважением мемуариста, однако ничего не говорят об Алексее Афанасьевиче как преподавателе.

Открываются воспоминания характеристикой поездок Алексея Афанасьевича в рукописные и книжные собрания Востока и Запада, где ученому удалось обнаружить несколько важных для истории богослужения памятников. А. А. Дмитриевский рассказал П. П. Кудрявцеву о 5-ти таких случаях, принесших ему «высокую радость»; Петр Павлович, не будучи специалистом в области литургики, вспомнил лишь о трех из них: 1) открытие на Синае устава прп. Саввы Освященного; 2) устав константинопольской церкви Св. Софии в Дрездене; 3) чин пещного действа на Афоне. Под первой находкой имеются в виду т. н. «правила» прп. Саввы Освященного, обнаруженные ученым на Синае во время первой длительной поездки на Православный Восток в 1887–1888 гг. Вторая находка — обнаружение в Дрезденской королевской библиотеке устава константинопольской Великой церкви — имела важное значение для реконструкции византийского богослужения, однако ученому удалось лишь описать этот текст, процитировать из него некоторые фрагменты и сделать важные выводы историко-литургического характера[424]. Сам текст устава готовился Алексеем Афанасьевичем к публикации, но ученый не успел этого сделать, а все подготовительные к изданию материалы, включая полную фотографическую копию памятника, были утеряны[425]. Петр

---

[423] Подробнее см.: *Ткачук М. Л., Бурега В. В.* Материалы к биографии профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева в Архиве Московской духовной академии: их предыстория и источниковедческий потенциал // Труди Київської духовної академії. Київ, 2017. № 27. С. 154–175.

[424] *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907.

[425] Попытку реконструировать текст на основе различных цитат в работах А. А. Дмитриевского и его учеников, а также на материале архива ученого см.: *Акентьев К. К.* Типикон Великой церкви Cod. Dresden. A 104: реконструкция

Павлович наиболее подробно останавливается на обнаружении А. А. Дмитриевским устава Великой церкви, отмечая детали, о которых в печати Алексей Афанасьевич не сообщал.

Отдельно П. П. Кудрявцев останавливается на вопросе об истоках возникновения интереса к литургике и становлении А. А. Дмитриевского в качестве специалиста в этой области богословской науки. Здесь упоминаются имена людей, напрямую или косвенно повлиявших на него: его отца, диакона Афанасия Петровича Дмитриевского и матери Елены Федоровны, от которых ученый перенял любовь к богослужению и умственные способности; учителя по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева и астраханского преподавателя Н. Ф. Одинцова, которым он был признателен за привитый интерес к истории богослужения; профессора Московского университета А. С. Павлова, предоставившего ему, еще студенту 3-го курса КазДА, свою домашнюю библиотеку и крышу над головой во время его работы в московских библиотеках. Некоторое внимание Петр Павлович уделил и характеристике предков Алексея Афанасьевича, рассказав вкратце об обстоятельствах перехода его дедушек и бабушек из Тульской епархии в Астраханскую и о женитьбе его родителей.

Несколько строк П. П. Кудрявцев посвящает и характеристике личных качеств А. А. Дмитриевского. Порывистость его характера он описывает как темперамент «с слишком слабым действием задерживающих центров», унаследованный от одного из дедов; талантливость и энергичность восприняты, как отмечает Петр Павлович, от матери, наделенной «от природы острым умом и сильным характером» [426] . Алексей Афанасьевич был «экспансивным и безудержным» человеком, однако при этом обладал «устойчивыми моральными житейскими правилами» и не ослабевающими до конца его дней научными интересами. Ученый умел жить не только в изобилии, но и в скудости. Ему была присуща некоторая наивность, выражавшаяся в «литературных планах и

текста по материалам архива А. А. Дмитриевского. СПб.: Византинороссика, 2009. (Subsidia Byzantinorossica; 5). 162 с.

[426] Выражение А. А. Дмитриевского; см.: *Дмитриевский А. А.* Памяти заштатного диакона Афанасия Петровича Дмитриевского († 9 ноября 1912 г.) и его супруги Елены Феодоровны († 1 июля 1913 г.). Астрахань, [1913]. С. 5.

замыслах, для выполнения которых даже при благоприятных условиях потребовалось бы, по крайней мере, 10 лет». Эта же черта характера, по мнению Петра Павловича, мешала А. А. Дмитриевскому критически воспринимать собственные сочинения, о которых он был, как правило, высокого мнения. Великому ученому, ценившему в людях честное и ревностное исполнение того дела, на которое тот или иной поставлен, свойственно было и чувство благодарности по отношению к тем из них, кто хотя бы однажды оказывал какую-либо услугу Алексею Афанасьевичу.

Довольно ярко характеризует А. А. Дмитриевского другой его ученик и коллега по Киевской духовной академии — Владимир Петрович Рыбинский, воспоминания которого мы уже привлекали выше. Здесь же соберем воедино все, что В. П. Рыбинский говорил об А. А. Дмитриевском как человеке.

Воспоминания Владимира Петровича об Алексее Афанасьевиче можно четко разделить на 4 смысловых части: в 1-й он дает в целом характеристику ученого, во 2-й рассказывает о его преподавательской деятельности и отношениях со студентами, в 3-й описывает особенности его характера и проистекающую из них специфику отношений с некоторыми коллегами, в 4-й дает краткий обзор жизни ученого после революции 1917 г. Рассмотрим каждую из этих частей по отдельности, за исключением 2-й части, информацию из которой мы систематизировали ранее[427].

В 1-й части В. П. Рыбинский характеризует Алексея Афанасьевича как «личность интересную и незаурядную». Он был человеком глубоко преданным науке и обладавшим «огромной настойчивостью, усидчивостью и работоспособностью». Он много писал на разные темы, но не все его работы были хороши, однако «все могут быть прочитаны с интересом, благодаря одушевлению, с которым А. А. всегда ведет даже самый пустенький рассказ». Своими литературными сочинениями Алексей Афанасьевич был «весьма доволен» и

[427] *Акишин С. Ю.* Профессор А. А. Дмитриевский как преподаватель литургики в Киевской духовной академии: источники, структура курса, отзывы студентов // Труди Київської духовної академії. 2020. № 32. С. 307–341 (здесь: с. 338–339).

практически о каждом с «наивной откровенностью» в разговоре с ближайшими к нему людьми отзывался в таком духе: «Это у меня вышло замечательно» или «это мне очень удалось». Он обладал темпераментом и работал с увлечением[428].

В 3-й части воспоминаний А. А. Дмитриевский изображается «весьма хорошим человеком — простым, добрым, способным помочь другому. Но при этом он легко раздражался, закипал и тогда не знал уже удержу»[429]. Алексей Афанасьевич иногда раздражался по мелочам, в том числе и от игры в винт, начинал ругать провинившегося, отчего «играть с ним было неприятно». На отношениях с официальными лицами лежала та же печать: он «всегда был в контрах» с академическим начальством, а с некоторыми членами корпорации КДА у него были вообще нерукопожатные отношения, как, например, с руководителем Церковно-археологического музея при академии профессором Н. И. Петровым[430]. Однако, несмотря на это, взаимный антагонизм ученых «был лишь словесным и преимущественно заочным», враждебных действий по отношению друг к другу они себе не позволяли[431].

В 4-й части воспоминаний В. П. Рыбинский характеризует последние, послереволюционные годы жизни А. А. Дмитриевского, но при этом честно признается, что не знал хорошо этого периода жизни ученого. Впрочем, этот биографический отрезок передается без ошибок, но и не детально. Есть здесь и сведения, которые не отмечены в историографии и новы для биографа ученого: уход жены к молодому человеку, подступающая слепота в результате отслоения сетчатки. Под конец жизни А. А. Дмитриевский продолжал оставаться бодрым духом, «говорил обо всем с воодушевлением», «стал мягче и благодушнее <…> и со всем примирился»[432]. Лично В. П. Рыбинский «очень любил А. А. со студенческой скамьи за его фанатическую преданность науке, за его горячее отношение ко всему, за стремление во всякое дело вкладывать всю душу». Эти

[428]Архив МДА. Папка 284. Тетрадь 2. С. 101–102.
[429]Там же. С. 106.
[430]Там же. С. 106–107.
[431]Там же. С. 108.
[432]Архив МДА. Папка 284. Тетрадь 2. С. 110.

качества ученого перечеркивали для В. П. Рыбинского отрицательные черты характера Алексея Афанасьевича[433].

Кроме цельного раздела, посвященного А. А. Дмитриевскому, его имя еще несколько раз упоминается В. П. Рыбинским в воспоминаниях. Так, например, во вводной части, в которой автор повествовал в целом о своем обучении в КДА, он называет имя Алексея Афанасьевича в числе прочих выдающихся деятелей, «добросовестно работавших для науки и внесших в нее ряд ценных исследований», имена и труды которых будут долго занимать почетное место в истории богословской науки. В. П. Рыбинский, несмотря на это, с огорчением констатирует, что наука в КДА того времени «не стояла на той высоте, которая для нее требуется», а профессора «не создали надлежащей научной атмосферы» и не занимались «подготовкой кадров, смены»[434]. Экзамены в КДА проходили крайне снисходительно, «достаточно было сказать несколько фраз и ответ считался удовлетворительным» [435] . А. А. Дмитриевский, пытаясь усилить требования на экзамене, представлял собой исключение, но это для него было чревато выражением неудовольствия и протестов со стороны студентов[436].

А. А. Дмитриевский отличался гостеприимством, устраивая у себя вечерние ужины для корпорации по тому или иному случаю. Так, В. П. Рыбинский рассказывает об одном из таких вечеров, на котором присутствовали профессора из академии и университета и где была создана «приятная атмосфера единения», подогревавшаяся тостами за усиление этого единства между светской и духовной школами. И эта идиллия была отравлена и разрушена профессором КДА С. Т. Голубевым, вспомнившим обстоятельства избрания на кафедру истории в КДА Ф. Я. Фортинского — присутствовавшего на этом вечере ректора университета, которого, как утверждал оратор, не захотел видеть на кафедре профессор В. Ф. Певницкий. После ухода гостей Алексей Афанасьевич с горечью

[433]Там же. С. 110–111.
[434] Архив МДА. Папка 283. Л. 15.
[435] Там же. Л. 16.
[436] Там же. Л. 17.

воскликнул: «Один у меня друг — С. Т. Голубев. Но никто не сделал мне столько зла, как С. Т.»[437].

А. А. Дмитриевский выступал с ходатайствами к сильным мира сего о том или ином человеке. Так, в 1898 г., с назначением на Санкт-Петербургскую кафедру митрополита Антония (Вадковского), он ходатайствал об устройстве своего товарища по КазДА будущего епископа Благовещенского Владимира (Благоразумова), находившегося на покое. Дмитриевский обратился к Антонию и попросил оказать ему помощь в устройстве. Благоразумова вызвали в Санкт-Петербург, назначили младшим цензором и далее его карьера пошла вверх[438].

Также А. А. Дмитриевский принял участие и в судьбе епископа Оренбургского Феодосия (Олтаржевского), впавшего в немилость к начальству после отказа стать ректором Казанской духовной академии[439]. Ему было предложено стать начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме[440]. А. А. Дмитриевский рекомендовал Антонию и епископа Владикавказского Антонина (Грановского) и просил «указать этому талантливому человеку применение своих сил и накопленной упорным трудом эрудиции» — и тут владыка Антоний нашел ему место цензора в Петербурге[441].

Личная жизнь Алексея Афанасьевича долгое время не складывалась. Еще будучи студентом КазДА, он был увлечен сестрой своего однокурсника по академии А. В. Попова Екатериной Васильевной (07.11.1861–02.05.1903), обучавшейся на Казанских высших женских (педагогических) курсах и позже ставшей начальницей Яранской комисаровской прогимназии и гимназии[442]. Между ними возникли, видимо, романтические чувства, которые то угасали, то возгорались вновь, но в настоящее пламя они не переросли, т. к. Алексей Афанасьевич не был уверен в глубине своих чувств. Тем не менее, как

---

[437] Там же. Л. 60.
[438] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 49.
[439] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 49–51.
[440] *Несмеянов Д.* Преосвященный Феодосий, епископ Оренбургский и Тургаевский // Оренбургские епархиальные ведомости. 1914. № 40–41. Отд. неоф. С. 690.
[441] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 51.
[442] Подробнее об Е. В. Поповой см.: [*Кибардин*] *Н. П.* Е. В. Попова. (Некролог) // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1903. № 71 (19 июня). С. 3.

свидетельствуют источники, Екатерина Васильевна была «первой невестой» Алексея Афанасьевича[443] и до конца своих дней сохранила к нему сильное чувство, которое так и осталось безответным. Плодом этих отношений стала достаточно внушительная и интересная переписка, от которой до нашего времени дошли лишь 33 письма Екатерины Васильевны[444], охватывающие достаточно большой промежуток времени — с 1885 по 1898 гг.

Нежные чувства испытывал А. А. Дмитриевский и к Софие Павловне — младшей дочери протоиерея Павла Федоровича и Сусанны Ивановны Подвысоцких, в доме которых ученый снимал квартиру в 1885–1887 гг. Как свидетельствуют эпистолярные источники[445], их взаимоотношения были видны всем и брак воспринимался лишь делом времени. За несколько дней до отъезда А. А. Дмитриевского в командировку на Восток София Павловна призналась ученому в чувствах, но, видимо, Алексей Афанасьевич ее оттолкнул по причине больших планов и нежелания обременять себя семейными узами.

Церковное начальство, видя, что А. А. Дмитриевский все свободное время занимается наукой и не обзаводится семьей, решило склонить его к принятию монашества. В мае 1894 г. Н. Ф. Красносельцев сообщал на Афон своему корреспонденту схим. Матфею (Ольшанскому) о том, что А. А. Дмитриевский будто бы «окончательно порвал с своей невестой и намерен поступить в монашество»[446]. Невестой, очевидно, считали Е. В. Попову. В Казани узнали об этих слухах, и уже в том же году архиепископ Казанский и Свияжский Владимир (Петров) «предложил А. А. Дмитриевскому послужить родной академии в монашеском чине, но он после нескольких часов волнений ‘‘почтительнейше’’ отказался»[447]. Тогда Алексей Афанасьевич не исключал для себя самой по себе возможности принять монашество, однако планировал это сделать не ранее чем

---

[443] С. И. Никонов — А. А. Дмитриевскому. 23.02.1915 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 551. Л. 4.
[444] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 597. 129 л.
[445] См. переписанные рукой А. А. Дмитриевского три июньских письма письма Софии Павловны и одно ее матери Сусанны Ивановны: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 588.
[446] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 300 (письмо от 17 мая 1894 г.).
[447] Об этом сообщает Н. Ф. Красносельцев И. С. Бердникову в письме от 20 ноября 1894 г. (ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1101. Л. 229 об. — 230).

через 6 лет, после того, как побывает в Париже, Лондоне и Трапезунде и приобретет ученую степень доктора[448].

Степень доктора церковной истории Дмитриевский получил в 1896 г., и на это время как раз падает начало его нежнейшей переписки с будущей женой — А. И. Никоновой. Анастасия Ивановна была дочерью сотрудника константинопольского посольства Ивана Никонова. Неизвестно, где они познакомились; возможно, это произошло во время одного из путешествий А. А. Дмитриевского по православному Востоку. В архиве Дмитриевского сохранилась их взаимная переписка[449], охватывающая период с 1896 по 1912 гг. Из писем видно, насколько были серьезны чувства между будущими супругами.

Итогом романтических отношений стало заключение брака, которое состоялось 22 сентября 1899 г. в Константинополе[450]. Таинство Венчания было совершено в Свято-Никольской русской посольской церкви Константинополя. Его совершил настоятель церкви архим. Иона (Вуколов), которого Дмитриевский мог помнить еще студентом Киевской духовной академии. Поручителями при таинстве со стороны жениха выступили известные уже в то время византинист, директор Русского археологического института в Константинополе проф. Федор Иванович Успенский и историк, ученый секретарь того же института Борис Викторович Фармаковский[451].

Кроме переписки супругов, источников по биографии Анастасии Ивановны практически не сохранилось, за исключением незначительных упоминаний. Так, например, возможно, она трудилась во время русско-японской войны в составе Киевского Дамского комитета, дежурила в приюте и следила за общим порядком в детском саду[452].

---

[448] Там же.

[449] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306 (письма А. А. Дмитриевского); Д. 431 (письма А. И. Никоновой).

[450] См.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 12. 2 л. (Свидетельство о браке А. А. Дмитриевского с Анастасией Ивановной Никоновой, выданное русской посольской церковью. 29 сентября 1899 г.). См. также: Прошение ординарного профессора академии Дмитриевского А., профессорского стипендиата Глаголева А. и Орнатского Ф. о выдаче свидетельства на вступление в брак // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8792. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[451] Там же. Л. 1–1 об.

[452] Георгиевский В. [Отчет киевского епархиального наблюдателя за церковно-приходскими школами] // КЕВ. 1905. № 34. Прил. к оф. ч. С. 111.

Для Алексея Афанасьевича брак был поздним, супруга же его, напротив, была молода (на время заключения брака ей было 25 лет). Потому отношения, по-видимому, постепенно стали портиться. По крайней мере, в своем письме к схим. Матфею (Ольшанскому) от 5 апреля 1902 г. Алексей Афанасьевич пишет, что помышляет о пострижении в монашество и, по-видимому, на Афоне[453]. Более в источниках нигде нет указаний на проблемы в браке в это, ранее время. Тем не менее, в 1915 г. жена Алексея Афанасьевича подала прошение в Петроградскую духовную консисторию с просьбой «учинить <…> развод»[454] и эта просьба была удовлетворена. К тому времени они уже несколько лет не жили вместе.

Рассмотрев разнообразную деятельность А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии и сделав некоторые наблюдения над особенностями его характера, подведем некоторые итоги.

В Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский оказался уже вполне сложившимся специалистом, у которого за плечами была не только защищенная магистерская диссертация, но и почти двухлетний опыт преподавания спецкурсов по истории богослужебной традиции на Руси. Это, на наш взгляд, обеспечило мягкое вхождение ученого в корпорацию, изначально скептически настроенную к принятию специалистов со стороны, а не из числа выпускников Киевской академии.

По-видимому, А. А. Дмитриевский был достаточно серьезно погружен в деятельность Киевской духовной академии в 1884–1907 гг. Его способности, умения и мнение были востребованы советом академии для экспертной оценки магистерских и докторских диссертаций, в рамках работы той или иной комиссии или, наконец, при рекомендации того или иного ученого в почетные члены, замещения академической кафедры.

Состояние сохранившихся источников таково, что можно с уверенностью и удовлетворением констатировать их достаточность для реконструкции обоих,

---

[453] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 255–256.
[454] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 760 (дата прошения — 1915 г.).

читавшихся А. А. Дмитриевским в КДА курсов: по литургике и церковной археологии. На начальном этапе, когда ученый только погружался в специфику преподаваемых им дисциплин, заметна его зависимость на уровне учебной программы от аналогичных курсов, прослушанных у Н. Ф. Красносельцева в КазДА. Несмотря на то, что лекции А. А. Дмитриевского по церковной археологии представляли собой в большой степени творческую компиляцию из трудов его предшественников и современников — специалистов в этой области, специально занимавшихся на профессиональном уровне проблемами происхождения и судьбы христианской архитектуры и искусства, постепенно, после ознакомления с архитектурными и иконографическими памятниками древности Востока и Запада, А. А. Дмитриевский заметно расширил тематику своих лекций, внеся в нее отсутствовавшие в курсе Н. Ф. Красносельцева разделы. То же можно сказать и о курсе по литургике, который, на наш взгляд, обогатился значительно более, благодаря работе и введению в научный оборот большого числа богослужебных памятников.

За время преподавания в Киевской духовной академии лекции А. А. Дмитриевского прослушало более 1 000 человек, а под его руководством было написано 43 сочинения на степень кандидата богословия. Ученый практиковал непринятое в духовных академиях дореволюционного времени научное руководство при написании сочинений, которое, безусловно, приносило свои обильные плоды в качестве и уровне выпускных работ. Привитый А. А. Дмитриевским вкус к исследовательской работе в области литургики способствовал тому, что вчерашние студенты несли это «литургическое знамя» в те местах, куда были определены высшим церковным начальством для преподавательской работы и продолжали там заниматься полюбившейся им литургикой, а их преподаватель и руководитель продолжал следить за их успехами и достижениями. Некоторые из них перерабатывали свои кандидатские работы в магистерские сочинения и после получения степени принесли богатый плод на разных поприщах своего служения.

А. А. Дмитриевский, без сомнения, обладал особой преподавательской харизмой, читая лекции, как принято говорить в студенческой среде, «с огоньком». Он был требовательным и строгим к себе и студентам преподавателем, что, естественно, не всем было по душе. Однако, думается, эта требовательность, к которой с таким страхом относились некоторые студенты во время обучения и экзаменов, принесла также свой плод после окончания ими Академии в виде твердо усвоенных дисциплин.

Что касается личных качеств А. А. Дмитриевского как человека и восприятия его окружающими, то в источниках предстает достаточно противоречивый образ. С одной стороны, Алексей Афанасьевич — «весьма хороший», интересный и незаурядный человек с устойчивой системой моральных принципов, простой, добрый, благодарный к благодеяниям со стороны других людей, настойчивый, усидчивый, работоспособный, миротворец, способный помочь другому, интересный писатель и рассказчик, перфекционист в науке и жизни, требовательный к себе, студентам и окружающим. С ним желали общаться, находя его интересным собеседником и гостеприимным хозяином, а общение — находили дорогим и ценным. Он — кропотливый, талантливый, безудержный, глубоко преданный науке, энергичный и, в некоторой степени, наивный ученый, много сделавший и достойный продвижения по службе, однако болезненно воспринимающий критику и часто обижающийся. С другой стороны, в источниках А. А. Дмитриевский характеризуется и как непомерно заносчивый, без органического и спокойного мышления, самомнительный, несправедливо и подло относящийся к научным заслугам других, со вздорным и тяжелым характером, обижающий людей, склонный к интригам и инсинуациям, горячий, спесивый, строптивый, любящий похвалы, раздражительный, не способный выстроить с академическим начальством добрые отношения.

Безусловно, не нам давать оценку личности А. А. Дмитриевского, это сделали за нас свидетели его жизни и деятельности. Однако здесь мы лишь отметим, что только в сумме положительных и отрицательных качеств и

предстает по-настоящему живой и близкий образ человека, со своими достоинства и недостатками.

ГЛАВА 2. НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ДМИТРИЕВСКОГО В КИЕВСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ

А. А. Дмитриевский вел довольно активную научную и общественную деятельность. Под научной мы понимаем такую деятельность, которая характеризуется не только собственно исследовательским процессом, оформляющимся в ту или иную статью и книгу, но и поиском и открытием новых неизвестных науке источников. Говоря об общественной деятельности А. А. Дмитриевского, мы будем концентрировать свое внимание главным образом на его участии в работе различных обществ.

Огромное значение в жизни ученого играют библиотеки: личная, с любовью и интересом собираемая, и той институции, к которой ученый принадлежит. Однако в силу специфики исследовательской области А. А. Дмитриевского, он не ограничивался доступными ему библиотеками — личной и Киевской духовной академии[1]. В течение учебного года, когда отлучиться куда-либо было довольно проблематично, ученый пользовался для своих научных занятий и предоставлявшейся Киевской духовной академией услугой «межбиблиотечного абонемента», выписывая из различных собраний Российской империи необходимые ему для работы рукописи и книги. Так, например, прошением от 15 октября 1885 г. он просил Совет КДА сроком на 3 месяца выписать для работы рукописи Московской Синодальной библиотеки (Служебники XIV в. № 601 (344), 578 (345), и XVI в. 612 (356) и уставы № 337 (389) и 321 (393)) и Казанской духовной академии из Собрания Соловецкого монастыря (уставы № 1128, 1127, 1118, Часослов № 1146 и список геннадиевского Окозрительного устава)[2]. 25 ноября 1886 г. А. А. Дмитриевский подает прошение в Совет с просьбой выписать сроком на 3 месяца рукописи из Московского Румянцевского музея (греческие

[1] Так, например, после переезда ученого из Киева в Санкт-Петербург, с него библиотека КДА требовала взятые, но не возвращенные книги. Поскольку А. А. Дмитриевским книги были утеряны, вместо них он предложил 3 других издания; список утерянных и взамен представленных книг см.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. Киев, 1909. С. 134–135.

[2] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 40–41.

Типиконы № 461 (Севаст. СОБР.) и № 385 (Норов. собр.)), Московской Синодальной библиотеки (греческие типиконы № 456, 881, 380, 427) и библиотеки Императорского Одесского университета (болгарский Служебник XVI в. № 126)[3]. 8 апреля 1893 г. ученый обратился в Совет с прошением выписать из библиотеки СПбДА сроком на один месяц 4 старопечатных Служебника: 1657, 1658, 1676 и 1693 гг. издания[4]. 4 сентября 1895 г. ученый А. А. Дмитриевский обращается с прошением в Совет выписать для его собственных занятий из МДА на полтора месяца рукописи № 184, 511, 517 и 560[5]. 18 декабря 1902 г. Алексей Афанасьевич просит Совет ходатайствовать перед Советом СПбДА о продлении времени пользования рукописью № 127 на 4 месяца в виду ее особой важности и интереса[6]. 26 сентября 1903 г. ученый обратился с прошением в Совет выписать литургические рукописи на грузинском языке из Императорской публичной библиотеки (пергаменный Требник), Общества распространения грамотности среди грузин в Тифлисе (№ 143 Номоканон-Требник и № 352 Чин мироварения) и Церковно-археологического музея грузинского духовенства (№ 24 пергаменный гуджар с чином освящения мира, № 173 Синаксарь в переводе св. Григрия Мтацминдели)[7]. 19 сентября 1906 г. попросил Совет выписать из Владимирского Александро-Невского братства сроком на 2 месяца Требник XVI в., содержащий чин мироварения[8].

11 декабря 1890 г. Совет КДА обращается к Совету СПбДА с просьбой прислать для А. А. Дмитриевского книги Ф. Франка о покаянной дисциплине Церкви со времен апостольских и до XVII в., Эндреса и Штайца о таинстве Покаяния. Из них лишь первая была выслана на один месяц и отдана ученому[9]. Вне всякого сомнения, эти книги А. А. Дмитриевский выписывал для студента IV курса Н. Булгакова, писавшего у него курсовое сочинение на степень кандидата

---

[3] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1886/7 учебный год. Киев, 1887. С. 66.
[4] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1892/93 уч. г. Киев, 1893. С. 88.
[5] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1895/96 учебный год. Киев, 1897. С. 36.
[6] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 212–213.
[7] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 115.
[8] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 193.
[9] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. Киев, 1892. С. 167–168.

по таинству Покаяния [10]. Пользовался А. А. Дмитриевский и другими библиотеками Киева [11]. Однако бóльшее значение для Алексея Афанасьевича имели заграничные библиотеки Востока и Запада, где ученый неоднократно работал и черпал для своих исследований неизвестные до него документы. Рассмотрим эту сторону жизни ученого и проследим, как эти командировки сказались на его научной деятельности и какие плоды принесли.

2.1. Командировки А. А. Дмитриевского за границу и их результаты. Научные работы ученого 1884–1907 гг.

Научные командировки с их поиском новых источников — важная составляющая исследовательской деятельности ученого[12]. За время обучения в КазДА и первых лет работы в КДА А. А. Дмитриевский ознакомился с книжными собраниями наиболее крупных городов Российской империи, хранивших, в основном, литургические памятники славянского происхождения. Но чтобы изучить первоосновы русской богослужебной традиции, необходимо было обратиться к памятникам Византийской Церкви, созданным на греческом языке. Для этого ученый предпринял целый ряд поездок[13] на православный Восток и латинский Запад, где изучил многие, привлекшие его внимания литургические памятники. Лишь о двух командировках ученый составил подробные отчеты[14], сведения о других поездках приходится черпать в иных источниках, главным образом эпистолярных. Чтобы не нарушалась хронология жизни А. А.

---

[10] См.: *Дмитриевский А. А.* Отзыв о сочинении студента Николая Булгакова на тему: «Чинопоследование таинства Покаяния в Греческой Церкви (историко-археологический очерк)» // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 уч. г. Киев, 1892. С. С. 263–266.

[11] См., напр.: Дело о взыскании Киево-Печерской лаврой и Михайловским монастырем книг и рукописей, взятых преподавателями академии Малышевским И., Петровым Н., Голубевым С. и Дмитриевским А. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7725. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[12] Сухова Н. Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ее же. Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007. С. 172–216 (о командировках А. А. Дмитриевского см. на с. 209–210).

[13] Командировкам А. А. Дмитриевского посвящено специальное небольшое исследование, основанное на ограниченном круге источников: *Эльмуратов Р. К.* Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского и их значение для российской литургической науки // Сборник студенческих работ. 2009. М.: ПСТГУ, 2009. С. 57–68.

[14] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты: Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890; *Его же.* Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894.

Дмитриевского, в настоящем параграфе мы коснемся не только его командировок и поездок в вакационное время за пределы России, но и упомянем о его поездках по русским городам.

Поездки 1886–1889 гг. и их результаты. Впервые за границы Отечества А. А. Дмитриевский выехал в 1886 г. В этом году учебное время завершилось довольно рано из-за запланированного ремонта академических зданий, и каникулы с отпуском продлились с 8 мая по 1 октября[15]. Сразу 3 преподавателя КДА — А. А. Олесницкий, А. А. Дмитриевский и Ф. Я. Покровский — обратились в Совет с прошением исходатайствовать им у Киевского митрополита отпуск за границу с 15 мая по 1 октября 1886 г. для путешествия в Иерусалим и др. места Востока[16]. Отпуск был одобрен: Олесницкий и Покровский отправились в Палестину, а А. А. Дмитриевский — на Афон, с планами далее посетить Иерусалим и Синай[17]. Абсолютно точно ученый побывал в Константинополе, где прожил, по его собственному свидетельству, 4 месяца и его принимали «с полным радушием»[18]. Здесь же ученый познакомился с выпускником СПбДА 1885 г. Александром Петровичем Поповым, с которым они обсуждали тему магистерской диссертации последнего[19].

Был А. А. Дмитриевский также и на Афоне, т. к. там он познакомился с монахами Русского Пантелеимонова монастыря, с которыми поддерживал в том числе и ученую переписку, и имел возможность наблюдать за совершением богослужения, чем в том же году начал делиться с читателями «Руководства для сельских пастырей»[20]. Кроме того, А. А. Дмитриевский работал в монастырской библиотеке Пантелеимонова монастыря, где просматривал рукописи и заказывал копирование некоторых из них (напр., Схиматологий прп. Феодора Студита), а

---

[15] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 84–85.
[16] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. Киев, 1886. С. 105.
[17] Ученое паломничество // КЕВ. 1886. № 12 (15 июня). Ч. неоф. С. 560.
[18] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 220 (письмо А. А. Дмитриевского от 15/24 августа 1896 г.).
[19] Содержание их беседы передает А. А. Дмитриевский в воспоминаниях о Попове: Дмитриевский А. А. Мои «незабудки» на могилу о. протоиерея Александра Петровича Попова // Сообщения Императорского православного палестинского общества. 1912. Т. 23. Вып. 3. С. 396–398.
[20] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 165 (письмо А. А. Дмитриевского от 17 декабря 1886 г.).

также довольно подробно изучил книжные собрания Иверского монастыря и лавры прп. Афанасия [21] . С Иверским монастырем связаны и некоторые неприятные минуты жизни ученого: здесь он встретился с очень недружелюбным приемом и откровенной русофобией — за целую неделю пребывания в монастыре ему открыли библиотеку только 1 раз и при этом обругали[22].

Покидая Руссик, 5 октября Алексей Афанасьевич оставил в книге посетителей очень живую запись, в которой благодарил старцев обители и считал себя обязанным им за те успехи, которые он на Афоне достиг[23]. В Киев А. А. Дмитриевский вернулся лишь 14 октября того же года[24]. Как свидетельствует сам ученый, на Афоне он проводил «тихое и мирное житие», многому научился и увидел назидательного, пережил «много счастливых и интересных минут жизни»[25].

Трудно переоценить значение установления личных связей в рамках этой первой поездки в Константинополь и на Афон. Во время пребывания здесь А. А. Дмитриевский познакомился со многими афонскими монахами, достаточно глубоко проник в их быт и повседневность, что обеспечило довольно устойчивые эпистолярные контакты с некоторыми из них на протяжении долгого времени. Кроме того, именно во время этой поездки для ученого открывается и новый исследовательский мир: если раньше его интересы концентрировались вокруг главным образом литургики и церковной археологии, то после этой поездки горизонт становится значительно шире. Так, например, Алексей Афанасьевич сразу по возвращении в 1886 г. в Киев начал публиковать серию статей, посвященных современному греческому и афонскому богослужению; в 1891 г. они выйдут отдельной монографией с подзаголовком «Выпуск первый (вступительный)». Это описание строилось не только и не столько на рукописных

---

[21] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 2 (письмо А. А. Дмитриевского архим. Макарию (Сушкину) от 3 сентября 1886 г.).
[22] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 63.
[23] Запись опубликована в: *Турилов А. А., Вах К. А., Слуцкий С.* Российская наука и Святая Гора Афон // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Святая Гора Афон, 2015. (Сер. «Русский Афон XIX–XX вв.»; кн. 11). С. 21.
[24] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 3 (письмо от 14 ноября 1886 г.).
[25] Там же. Л. 3–3 об.

источниках, найденных ученым в библиотеках, но и на старопечатных книгах, собственных наблюдениях и, что наиболее важно, на заметках афонского иеромонаха Мины (Буданова; 1840–1888), выписки из которых для тех дней литургического года, богослужение которых ученый не мог наблюдать на Афоне лично, А. А. Дмитриевский получил при содействии другого своего афонского знакомого схимонаха Матфея (Ольшанского). Судя по всему, ученым замысливалось масштабное исследование под общим названием «Современное богослужение на православном Востоке: Историко-археологическое исследование» в нескольких выпусках или главах: пространное введение, обзор седмичного богослужения, суточного, практики совершения таинств и треб[26]. Однако из всего этого замысла удалось реализовать только самую предварительную часть, введение, в котором лишь были охарактеризованы употребляющиеся на Востоке богослужебные книги и устройство храмов на Афоне и в Константинополе. Над первой частью (о седмичном богослужении) ученый работал уже мае 1887 г.[27], однако так и не довел исследование до конца. Практически сразу после выхода этой серии статей в виде книге на А. А. Дмитриевского обрушилась критика анонимного рецензента[28], что, вероятно, и спровоцировало заморозку этого исследовательского проекта.

В скором времени после возвращения с Афона и Константинополя, 19 декабря 1886 г. А. А. Дмитриевский подает в Совет академии прошение[29] о предоставлении ему командировки за границу сроком на полтора года. В прошении Алексей Афанасьевич тщательным образом обосновал необходимость ему столь продолжительной командировки следующими тезисами.

---

[26] Подробнее об этом см.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 21, 24–25, 27, 165, 166, 167. Ср.: Дмитриевский А. А. Современное богослужение на православном Востоке: Историко-археологическое исследование. Выпуск первый (вступительный). Киев, 1891. С. 10.

[27] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 167.

[28] См.: [Аноним]. Библиографическая заметка. Современное богослужение на православном востоке: Историко-археологическое исследование А. А. Дмитриевского. Выпуск первый (вступительный). 1891. // Христианское чтение. 1891. Ч. 2. № 7/8. С. 141-147; Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ анонимному рецензенту книги "Современное богослужение на Православном Востоке"). Киев, 1891. 28 с.; [Аноним]. Ответ на "Недоумение по поводу недоумений" // Христианское чтение. 1892. Ч. 2. № 7/8. С. 213-216; Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ второй и последний анонимному рецензенту) // Труды Киевской духовной академии. 1892. № 9. С. 163-178.

[29] Текст прошения см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1886/7 учебный год. Киев, 1887. С. 57–60.

Самостоятельная разработка истории богослужения православной Церкви возможна только при работе с рукописями и старопечатными книгами греческой и южнославянской церквей, сохранившимися в библиотеках православного Востока. Книжные сокровища этих мест с литургическими целями систематически никто не изучал. Кроме того, важно исследовать и литургические рукописи западных библиотек, т. к. изучавшие их жили довольно давно и в то время, когда еще принципы работы с рукописным материалом были не вполне сформировавшимися. Также преподавателю литургики и церковной археологии важно посетить эти места и лично изучить находящиеся там различные памятники церковной архитектуры и искусства. Не ознакомившись с этими памятниками лично, по мнению А. А. Дмитриевского, преподаватель вынужден следовать за авторитетами и никогда не сможет «стать на путь самостоятельного изучения памятников христианских древностей». В итоге Алексей Афанасьевич просит Совет ходатайствовать перед начальством о предоставлении ему командировки сроком на полтора года в следующие страны и города: «Афон, Синай, Иерусалим, Афины, Солунь, Патмос, в Рим, Неаполь, Венецию и в южно-славянские земли» [30] . Совет Академии постановил ходатайствовать перед Синодом о предоставлении командировки на 1 учебный год до 1-го сентября 1888 г. и о прибавке к годовой сумме жалования (1 200 р.) еще 900 р.[31] Командировка и увеличение содержания были одобрены указом Святейшего Синода от 8 июня 1887 г., 20 июня Совет КДА выдал А. А. Дмитриевскому свидетельство[32] для получения заграничного паспорта и 30 июня ученый его получил, равно как и часть доцентского содержания. Уже когда он был в дороге, на заседании Совета 20 июля ему было вменено в обязанность отчитываться каждое полугодие о своих занятиях[33].

[30] Там же. С. 60.
[31] Там же. См. также: Дело о выдаче доценту Дмитриевскому А. денег для выезда за границу в командировку // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7404. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[32] Совет Киевской духовной академии. 20 июня 1887 г. № 387. Свидетельство // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 6. Л. 1–1 об.
[33] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1886/7 учебный год. С. 255. См. также письмо Совета об этом от 8 августа 1887 г. за № 463: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 6. Л. 2–2 об.

Несмотря на то, что командировка А. А. Дмитриевскому была одобрена с 1 сентября, он уехал из Киева раньше, с началом вакационного времени[34], 2-го июля 1887 г. Для этой командировки мы имеем точные даты пребывания в разных местах, сообщенные самим Алексеем Афанасьевичем в отчете о поездке. Ученый поехал не один, но взял с собой выпускника КДА 1887 г. Александра Иустиновича Крикунова (1861–1903), в обязанности которого входило, по-видимому, копировать выявленные А. А. Дмитриевским литургические памятники[35]. 6-го июля они уже были в Константинополе, где около 3 недель[36] ожидали рекомендаций посла А. И. Нелидова и грамоты от Константинопольского патриарха. Здесь ученый осматривал мечети и церкви, работал в библиотеке Иерусалимского подворья на Фанаре, успев описать 5 евхологиев, 2 типикона и несколько других рукописей[37].

На Афон Алексей Афанасьевич и его спутник прибыли 20 июля и с 23 числа того же месяца и вплоть до 7 августа ученый работал с рукописями библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря. В это время он стал свидетелем пожара в Пантелеимоновом монастыре, уничтожившего собор Покрова Пресвятой Богородицы, и 29 числа того же месяца — пожара в метохе «Крумица»[38]. С 16 августа по 1 октября ученый и его ученик посещали библиотеки афонских монастырей, прося поработать в этих собраниях. Не везде их встречали с распростертыми объятиями. Так, лишь в монастырях Симонопетра[39] и Св. Павла им дали все необходимое, в других же обителях они по состоянию на 26 августа потерпели неудачу: в Григориате не было на месте игумена, а в Дионисиате

---

[34] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год. Киев, 1887. С. 38.

[35] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 169 (письмо А. А. Дмитриевского от 22 октября 1887 г.)

[36] В историографии утверждается, что ученый находился в Константинополе 2 недели; см.: *Эльмуратов Р. К.* Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского… С. 60.

[37] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты: Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890. С. 2–5.

[38] Там же. А. А. Дмитриевский сообщил об этом также и редакции петербургской газеты «Новое время», в которой была опубликована на основании его корреспонденции заметка (см.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 169).

[39] По-видимому, именно во время этой поездки А. А. Дмитриевский прожил в Симонопетре неделю (Иоанникий, иеродиак. Дневник и описание нашего путешествия в Россию в 1888–1891 // Дневники путешествия по России греческих монахов афонского монастыря Симонопетра игумена Неофита и иеродиакона Иоанникия. 1888–1892 / предисл. и комм. Л.А. Герд, пер. с греч. О. Е. Петрунина. М.: «Индрик», 2014. С. 43).

отсутствовал библиотекарь[40]. В сербском монастыре Хиландарь, где проживали монахи болгарского происхождения, благодаря невнимательности последних ученому и его спутнику пришлось сидеть в течение двух суток «без хлеба и питаться черствыми сухарями»[41]. Кроме названных, ученый побывал и ему удалось поработать также в Лавре прп. Афанасия Афонского, Иверском, Пантократорском, Ватопедском, Эсфигменском, Хиландарском, Костамонитском и Дохиарском монастырях, в Андреевском скиту[42]. За время работы в этих монастырях, тратя по 13 часов в сутки, ученому удалось описать 13 евхологиев, 38 типиконов, более 100 прочих литургических рукописей и около 50 южнославянских рукописей[43].

Уехал ученый с Афона 5 октября 1887 г., оставив пространную запись в книге посетителей[44], и в библиотеке приобретенные книги[45]. Путешествие по Афону настолько «сильно утомило и обессилило» А. И. Крикунова, что сразу по прибытии в Константинополь он на 2 недели попал в больницу, работать по поручению А. А. Дмитриевского не мог, и 19 октября был отправлен последним обратно в Россию. Константинополь в планах ученого был перевалочным пунктом, однако здесь из-за болезни сотрудника ему пришлось задержаться, и это время он провел в работе в Халкинской богословской школе, где его внимание привлек сборник, содержащий ктиторские уставы XI–XIII вв.[46] Во время поездок в библиотеку этого учебного заведения (расстояние от Стамбула до о. Халки 42 км) ученый простудился, 3 дня пролежал с лихорадкой и болезнь его «страшно изнурила».

---

[40] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 20 (письмо А. А. Дмитриевского иером. Нафанаилу (Кобелеву) от 26 августа 1887 г.). Не удалось ученому ознакомиться с рукописями библиотек Кутлумуша, Ксиропотама, Филофеу, Каракалл, Ставроникиты, Ксенофонта, Зографа, скита св. Анны и протата в Карее (см.: *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 7, прим. 1).

[41] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 63.

[42] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 6–7.

[43] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 7–8; Корольков И. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. 1889. № 1. С. 182.

[44] Запись опубликована в: *Турилов А. А., Вах К. А., Слуцкий С.* Российская наука и Святая Гора Афон. С. 21–22.

[45] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 20 (письмо А. А. Дмитриевского архим. Макарию (Сушкину) от 5 июля 1888 г.).

[46] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 13.

24 октября А. А. Дмитриевский планировал выехать в Иерусалим[47], но отбыл, видимо, позже, — в конце месяца через Александрию в палестинскую Яффу[48]. В Иерусалим ученый прибыл 7 ноября и 8-го уже представлялся начальнику Русской духовной миссии архимандриту Антонину (Капустину)[49]. С 15 ноября по 23 января ученый работал в библиотеке Иерусалимской патриархии, обогатившейся незадолго до его приезда рукописями из библиотеки палестинского монастыря св. Саввы. Столь продолжительное пребывание объясняется тем, что время для работы в библиотеках было определено только в 5 часов в сутки, плюс ученому удалось выявить некоторые важные литургические памятники, на копирование которых было необходимо время (7 типиконов, 5 евхологиев, 2 апостола)[50]. Вечернее время А. А. Дмитриевский посвящал работе с небольшим собранием греческих и южнославянских рукописей, принадлежащим архимандриту Антонину (Капустину). По-видимому, архимандрит проникся к «киевскому литургисту» доверием и симпатией, потому как позволял пользоваться своими рукописями и богатой библиотекой не только у себя на месте[51], но и разрешал брать с собой в квартиру в дворянском корпусе[52].

С 25 января по 3 февраля А. А. Дмитриевский работал в библиотеке Крестного монастыря неподалеку от Иерусалима, где нашел чрезвычайно важный для науки памятник, описывающий совершение богослужения Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме в IX–X вв. — Святогробский типикон 1122 г. в копии начала XIX в. Время с 3 по 21 февраля ученый посвятил изучению топографии Иерусалима через призму найденного памятника, чтению

---

[47] Подробнее о перипетиях пребывания в Константинополе см. в письме А. А. Дмитриевского от 22 октября 1887 г. (Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 168–169).
[48] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 13.
[49] Об этом сообщает сам архим. Антонин в дневниковой записи за 8 ноября 1887 г. С. 197.
[50] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 16.
[51] Так, после или в рамках очередного такого рабочего визита о. Антонин и А. А. Дмитриевский долго общались и Алексей Афанасьевич рассказывал своему собеседнику о сильно изменившейся Киевской духовной академии (Антонин (Капустин), архим. Дневник. Год 1887, 19 ноября // ГМИР. С. 205); в записи от 27 ноября и 4 декабря о. Антонин вновь сообщает, что у него занимался Алексей Афанасьевич (Там же. С. 210, 214); в записи от 18 января 1888 г.: «Г. Дмитриевский, возобновляющий сегодня свой визит в Бетджальскую школы» (Антонин (Капустин), архим. Дневник. Год 1888 // ГМИР. С. 14); в записи от 21 февраля: «Беседование с отъезжающим завтра совсем из Палестины Алексеем Аф. Дмитриевским до самой полуночи» (Там же. С. 37).
[52] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 17.

исследовательской литературы и подготовке текста к изданию[53]. Таким образом, А. А. Дмитриевский пробыл в Палестине 3,5 месяца — в три раза дольше, чем предполагал изначально[54].

Далее, 22 февраля, ученый отправился на Синай и маршрут его путешествия строился таким образом: Яффа — Порт-Саид — Исмаилия — Суэцкий канал — Каир, куда он прибыл 25 февраля[55]. Каир для ученого был перевалочным пунктом, где он ожидал получения рекомендательной грамоты Синайского архиепископа Порфирия с разрешением длительного пребывания на Синае.

2-го марта 1888 г. ученый отправляет из Каира краткий отчет о своих занятиях[56], в котором с разной степени подробности повествует о работе в книжных хранилищах Востока. В ходе работы в рукописных собраниях А. А. Дмитриевский пришел к выводу, что не сможет выполнить всего, что запланировал за оставшееся до сентября время. Поэтому он вновь обратился к Совету академии с прошением от 2 марта 1888 г., в котором попросил увеличить срок командировки на 4 месяца, до 1 января 1889 г.[57] Алексей Афанасьевич обосновывал увеличение сроков тем, что много времени отняли переезды между городами, знакомство с топографией и местными реалиями, необходимость осуществлять официальные визиты и добиваться разрешений на посещение тех или иных мест. Ученый в это время был на пути к Синаю, куда отправился 3-го марта[58] и где предполагал провести 3 месяца, а потом, вернувшись в Каир, заниматься в университетской библиотеке, после чего в июле — августе завершить изучение афонских рукописей и поработать в итальянских

---

[53] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 17–18.

[54] А. А. Дмитриевский указывает время пребывания в Иерусалиме в 4 месяца (с ноября 1887 по март 1888 г.) в: Мои «незабудки» на могилу о. протоиерея Александра Петровича Попова // Сообщения Императорского православного палестинского общества. 1912. Т. 23. Вып. 3. С. 398. Но это указание входит в противоречие с другими источниками, которые, надо полагать, более точны, чем воспоминания, созданные продолжительное время спустя.

[55] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 18–19.

[56] Опубликован в: Дмитриевский А. А. Путешествие по Востоку и его научные результаты (официальный отчет). I. Краткий очерк путешествия по Востоку // ТКДА. 1889. № 5. 103–121.

[57] Пространный текст прошения, рассмотренного за заседании Совета КДА 31 марта 1888 г., см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1887/8 учебный год. Киев, 1888. С. 143–144.

[58] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 19.

библиотеках[59]. Увы, Совет, понимая, что задача перед ученым стоит большая, тем не менее, отказал в просимом и высказал уверенность в возможности посещения некоторых из намеченных А. А. Дмитриевским мест в каникулярное время других учебных лет.

Путь на Синай для ученого был весьма непростой. До Суэца он добирался почтовым поездом, который в пути, близ Исмаилии, потерпел крушение. Из-за сильного ветра каик (большая лодка) смогла отправиться в плавание по Красному морю до Раифы только 5 марта. 7 марта А. А. Дмитриевский прибыл в Раифу и на следующий день вместе с тремя бедуинами на 4-х верблюдах отправился к Синайскому монастырю, куда прибыл 10 числа[60]. Братия с игуменом приняли Алексея Афанасьевича весьма радушно, были с ним «предупредительно внимательны» и уже на следующий день ученый был допущен до работы в монастырской библиотеке[61].

По свидетельству самого А. А. Дмитриевского, библиотека Синайского монастыря дала ему столь много рукописей богослужебного содержания, сколько не дала ни одна библиотека православного Востока. Осознавая, что из-за дальности и сложности путешествия на Синай ему вряд ли когда-либо еще удастся здесь быть, ученый решил отказаться от поездки на Запад и остаться в монастыре на боле длительное время, разросшееся до 4-х месяцев. Рукописи Алексей Афанасьевич читал по 8–10 часов в сутки и кроме этого еще подготовил обстоятельное описание 511 монастырских икон[62].

Самый важный, пожалуй, памятник, открытый А. А. Дмитриевским на Синае в это время, — древнейшая сохранившаяся греческая рукопись Часослова — Sinait. gr. 863. К сожалению, Алексей Афанасьевич не стал подробно изучать

[59] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 170–171 (письмо от 4 апреля 1888 г.)
[60] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 19–20.
[61] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 20.
[62] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 26.

этот ценный памятник, впервые введенный им в научный оборот, и ограничился лишь одной заметкой[63].

С Синая ученый выехал 30 июня, 4-го июля прибыл в Суэц, откуда 5-го числа написал архим. Макарию (Сушкину) письмо, в котором сообщал о своем длительном пребывании на Синае и упорном ежедневному труде. 6-го июля ученый планировал выехать в Каир, где собирался прожить месяц, а оттуда в Афины, Константинополь и домой[64].

В Каире ученый пробыл до 1 августа, осматривая археологические памятники и работая с рукописями Патриаршей библиотеки, в чем ему помогал патриарший секретарь Мазараки[65]. 2-го августа А. А. Дмитриевский выехал в Александрию, где посетил несколько архитектурных памятников, и на следующий день выехал в Афины, куда прибыл 5 августа[66]. Здесь ученый осмотрел монументальные архитектурные сооружения классической древности и христианского времени, посетил ряд музеев и, конечно же, работал в национальной университетской библиотеке с литургическими рукописями. В этой библиотеке ученый познакомился с заведующим рукописным отделением Иоанном Саккелионом, с которым позже будет состоять в непродолжительной переписке и на каталог которого напишет рецензию[67]. Здесь А. А. Дмитриевский обнаружил рукопись, содержащую ктиторский Типикон Евергетидского монастыря XI в., которую из-за недостатка времени успел описать лишь наполовину. 3 сентября через Константинополь и Одессу ученый отправился в Киев[68].

Планы ученого, как видим, были реализованы не во всей полноте: за недостатком времени ему не удалось побывать в западных библиотеках и в

---

[63] *Дмитриевский А. А.* Что такое κανὼν τῆς ψαλμωδίας, так нередко упоминаемый в жизнеописании прп. Саввы Освященного? // Руководство для сельских пастырей. 1889. № 38. С. 69–73.

[64] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 19–20 об. (письмо А. А. Дмитриевского архим. Макарию (Сушкину) от 5 июля 1888 г.).

[65] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 27–28.

[66] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 29–30.

[67] Сохранилось одно письмо И. Саккелиона от 9 февраля 1891 г., написанное в ответ на запрос А. А. Дмитриевского: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 736. Рецензию см.: Дмитриевский А. А. Греческий палеограф Иоанн Саккелион и его каталог патмосских рукописей // Библиографические записки. 1892. № 4. С. 253–259.

[68] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 32.

«южно-славянских землях». Им были описаны и прочтены 410 греческих и 60 южнославянских рукописей, 42 греческих фрагмента[69]. По результатам этой командировки А. А. Дмитриевский к 24 февраля 1889 г. создал подробный отчет, подав его на заседание Совета КДА, состоявшемся 27 февраля того же года. В отчете ученый сообщал, что все собранные им в копиях рукописи готовы к печати[70]. Совет поручил рассмотрение отчета профессорам В. Певницкому и А. А. Олесницкому[71] и уже на заседании Совета 23 марта они представили свое мнение о содержании отчета[72]. Рецензенты отмечали, что А. А. Дмитриевский во время командировки «много трудился и собрал весьма много ценных в научном отношении материалов, которые, быв изданы, составят несомненное приобретение для науки». Со слов ученого рецензенты сообщали, что им на основании изучения литургических рукописей подготовлены к изданию 3 тома материалов, охватывающих греческий и славянский евхологии, а также Типикон. Кроме того А. А. Дмитриевский собрал, но пока еще не обработал и другие материалы, которые могут быть изданы в рамках 4–5 томов. Тогда он уже начал печатать устав служб Страстной седмицы в Иерусалиме в IX–X в. в «Православном собеседнике». Совет постановил отчет А. А. Дмитриевского напечатать, а о собранных и подготовленных к печати материалах поднять вопрос после их предоставления Совету[73].

Не удовлетворившись годичной командировкой на православный Восток, А. А. Дмитриевский решает вновь ехать на Афон и в Палестину в каникулярное время и подает 16 мая 1889 г. в Совет Академии прошение об этом[74]. Судя по всему, на Афоне ученый оказался: 12 июля 1889 г. он оставил о. Матфею маленькую записку с просьбой в его отсутствие отыскать келейные записки

---

[69] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 39.
[70] *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты… С. 58.
[71] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. Киев, 1890. С. 156–157.
[72] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. С. 184–185.
[73] Там же. С. 184. Отчет был опубликован в ТКДА и потом отдельной книгой: *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты: Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890. [4]+194+IV с.
[74] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. С. 200; Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1888/9 учебный год // ТКДА. 1890. № 1. С. 132.

умершего архим. Макария (Сушкина)[75], а это значит, что он останавливался в Пантелеимоновом монастыре и ездил в другие обители Афона. В Палестину и Иерусалим А. А. Дмитриевскому не удалось съездить. Вернулся ученый обратно в Киев в ночь на 20 августа[76].

Уже 20 ноября 1889 г. А. А. Дмитриевский подает в Совет КДА прошение[77] о принятии к рассмотрению собранных им материалов и спустя 4 дня, на заседании Совета 24 ноября, это прошение было заслушано. Из документа мы узнаем, что в результате поездки ученым собрано 4 тома материалов (более 150 п. л.), касающихся истории греческого и славянского богослужения, и ценные находки по истории православной иконописи. Ученый попросил изыскать средства на издание трех томов и к прошению приложил сами материалы с описью. Совет постановил передать собранные А. А. Дмитриевским материалы на рассмотрение и отзыв специально для этого созданной комиссии в составе профессоров П. А. Лашкарева, И. Н. Королькова и Н. И. Петрова[78]. Комиссия изучила материалы и подготовила отзыв к 28 апреля 1890 г., но только на заседании Совета 14 июня того же года он был заслушан[79]. Рассматривавшие материалы ученые пришли к выводу о важности собранных А. А. Дмитриевским текстов[80] и констатировали, что только изданием подобного рода материалов и достигается сполна цель научных командировок. Однако вместе с тем рецензентами осознавалось, что издание такого объема греко-славянских текстов потребует и существенных финансовых затрат приблизительно в 3 500 р., поэтому Комиссия рекомендовала, а Совет поддержал, ходатайствовать перед Святейшим Синодом о выделении средств на издание собранных А. А. Дмитриевским материалов.

---

[75] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 177.
[76] Там же. С. 178 (письмо А. А. Дмитриевского от 6 сентября 1889 г.).
[77] Текст прошения см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1889/90 учебный год. Киев, 1891. С. 59.
[78] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1889/90 учебный год. С. 60.
[79] Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1889/90 учебный год. С. 332–333.
[80] Материалы представляли собой описание 120 греческих евхологиев, «почти 100 греческих типиконов», более 250 других греческих и 60 южнославянских рукописей литургического содержания. Всего около 140 п. л. (Там же. С. 332).

Ходатайство митрополита Киевского Платона о выделении средств на издание было отправлено 26 июля того же года и 20 октября Канцелярия обер-прокурора Синода сообщала о выделении 3 500 рублей на издание материалов А. А. Дмитриевского. Совет на своем заседании 30 ноября 1890 г. заслушал сообщение об этом и постановил образовать редакционную комиссию в составе профессоров И. И. Малышевского и П. А. Лашкарева, а ведение расчетов и отчетности поручил Правлению КДА[81]. Состав комиссии на протяжении издания неоднократно менялся. Так, за смертью 11 января 1897 г. И. И. Малышевского, на его место в редакционную группу на заседании Совета от 17 января того же года по предложению ректора был назначен прот. И. Н. Корольков[82]. 15 марта 1899 г. умершего П. А. Лашкарева заменили К. Д. Поповым и Ф. С. Орнатским и поручили Правлению Академии составить доклад о финансовом положении издания[83].

Выделенных Св. Синодом денег хватило на издание лишь двух томов «Описания»[84]. 17 сентября 1901 г. А. А. Дмитриевский вновь обращается в Совет КДА с прошением, в котором сообщает, что напечатано меньше половины имеющихся у него материалов и остаются в подготовленном виде вторая часть материалов по истории греческого и славянского Типиконов, а также греческого и славянского евхологиев. Ученым оценивался общий объем материалов в 70 п. л. Поскольку сами подготовленные тексты к прошению не были приложены, то на

---

[81] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. Киев, 1892. С. 98. См. также комплекс дел по наблюдению за изданием Описания: Дело об издании доцентом академии Дмитриевским А. книги «Описание литургических рукописей восточных библиотек». 2 января — 14 декабря 1891 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7850; Дело о заключении с Корчак-Новицким договора на напечатание составленного доцентом академии Дмитриевским А. «Описание литургических рукописей восточных библиотек». 20 апреля — 17 июня 1892 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7963; Дело о расходе по напечатанию работы доцента Дмитриевского «Описание литургических памятников восточных библиотек». 15–20 декабря 1893 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8097; Дело о расходах денежных средств по печатанию книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 7 мая 1894 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8277; Дело о расходах денежных средств на напечатание книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 20 марта 1895 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8363. Благодарим А. Ю. Никифорову за предоставленные ссылки на эти дела.

[82] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 93.

[83] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 297.

[84] Дело о расходах на напечатание книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8463; Дело о расходах на издание «Описания литургических памятников восточных библиотек» Дмитриевского А. 13 января — 5 ноября 1901 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9052. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылки на эти дела.

заседании Совета от 30 ноября 1901 г., на котором рассматривался вопрос, было решено к нему вернуться вновь после предоставления «в надлежаще приготовленном к печати виде» материалов[85]. Уже 15 декабря ученый подал в Совет новое заявление с приложением материалов с подробной их описью, которые были рассмотрены лишь на заседании Совета 15 марта 1902 г. А. А. Дмитриевский указывал, что некоторые из представленных рукописей уже были на рассмотрении комиссии, но другие, которые были им выявлены и описаны уже после подачи материалов в 1890 г. в комиссию, подаются для нового изучения. Кроме того, ряд рукописей необходимо было заново переписать для типографии. В итоге Совет постановил передать материалы в комиссию в составе профессоров прот. И. Н. Королькова, К. Д. Попова и доцента А. И. Булгакова, чтобы та вынесла свое заключение о научном достоинстве источников, степени их готовности к изданию и выработала подробную смету необходимых для публикации средств[86].

Наконец, на заседании Совета КДА, состоявшемся 18 декабря 1902 г., комиссия доложила результаты изучения представленных А. А. Дмитриевским материалов. Констатировалось, что материалы могут быть изданы в двух томах: в 3-й том войдут описания рукописей, содержащих Типиконы (70 п. л.), а в 4-й — греческий и южнославянский Евхологий (67 п. л.). Комиссия пришла к выводу о важном значении текстов для истории византийского и русского богослужения и просила Совет выделить 4 500 руб. на издание, при тираже 400 экз. В итоге Совет постановил просить митрополита Киевского Феогноста (Лебедева) ходатайствовать перед Св. Синодом о выделении указанных средств[87]. Однако, как покажут дальнейшие события, в средствах будет отказано по причине плохого отношения к проекту со стороны некоторых профессоров КДА.

---

[85] Прошение А. А. Дмитриевского и решение Совета см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 111–113.

[86] Прошение А. А. Дмитриевского и решение Совета см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. Киев, 1902. С. 164–166.

[87] Отчет комиссии и постановление Совета см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. Киев, 1903. С. 217–219.

В связи с продолжением этого проекта, А. А. Дмитриевский возлагал достаточно большие надежды на свое сотрудничество с Императорской академией наук, в изданиях которой планировал опубликовать материалы. 10 ноября 1904 г. Алексей Афанасьевич вместе с письмом Н. П. Кондакову отправил прошение в Отделение русского языка и словесности ИАН с просьбой предоставить ему возможность довести проект издания «Описания» до конца. Ученый просил место в издании ИАН «Сборник отделения русского языка и словесности» и выражал надежду, что наблюдателями за изданием станут академики Н. П. Кондаков и А. И. Соболевский[88]. В ответном письме Н. П. Кондаков извещал А. А. Дмитриевского о том, что ходатайство было успешным и 2-е Отделение определило предоставить для этого проекта место в 2-х томах «Сборника»[89]. Однако на деле, видимо, все было не так просто: типография Академии наук была чрезвычайно загружена и проект не был реализован. Продолжить публикацию своих материалов ученому удастся лишь в 1917 г., когда выйдет 3-й том «Описания»[90], а 2 других останутся неопубликованными и их следы будут утрачены.

Скажем несколько слов о содержании и значении для науки «Описания» А. А. Дмитриевского. Уже в ранний, казанский, период своей научной деятельности А. А. Дмитриевский пришел к мысли, что в его время еще рано создавать обобщающие курсы и монографии по истории богослужения, а следует заниматься, прежде всего, выявлением и публикацией литургических памятников и лишь затем на основании этих источников приступать к выяснению общей картины развития православного богослужения. Выполнению этой задачи как раз и служили заграничные командировки Дмитриевского с их главным итогом — трехтомным «Описанием литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока»[91]. Этот труд выходит далеко за рамки обычного описания

---

[88] А. А. Дмитриевский — Н. П. Кондакову, 10.11.1904 // СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 130. Л. 3–3 об.
[89] См. недатированное письмо Н. П. Кондакова А. А. Дмитриевскому: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 483. Л. 2–2 об.
[90] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 3 (первая половина). Ч. 2: Τυπικά. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.
[91] *Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895.

рукописей и, по сути, представляет собой публикацию многих важных грекоязычных литургических памятников X–XIX вв. За этот труд А. А. Дмитриевский был прозван «Русским Гоаром» (в честь известного французского литургиста монаха-доминиканца Жака (Якова) Гоара; 1601–1653).

Основные палеографические методы и подходы к изучению греческих рукописей сформировались в основных своих чертах уже в XVII–XVIII вв. благодаря деятельности французского историка и филолога Бернара де Монфокона. Славяно-русская палеография несколько отставала от европейской и сформировала более-менее строгую схему описания с выделением обязательных пунктов лишь в 1810–1820 гг.[92] В конце же XIX в. шло стремительное развитие археографии и ее методов. В этой связи следует отметить, что описания рукописей А. А. Дмитриевским имели, как правило, все классические элементы: формат рукописи, ее объем, датировка, имя писца или переписчика, место создания, тип письма и самые общие характеристики почерка, имеющиеся в рукописи украшения[93]. Тем не менее, следует отметить, что издательские принципы А. А. Дмитриевского немного отличались от правил публикации источников, принятых в современной практике. Алексей Афанасьевич публиковал только те тексты, которые, по его мнению, представляли особый интерес, часто выпуская из рукописей целые куски, делая сокращения и проч. Впрочем, учитывая, что он делал все-таки описание той или иной рукописи, это не налагало на него обязательства приводить полностью ее текст. При цитировании материала с нескольких листов рукописи, ученый не всегда указывал точные границы листов, ограничиваясь лишь указанием на первый лист, на котором начинается тот или иной фрагмент[94].

XX+CXLVII+912+XXV с.; Т. 2: Εὐχολόγια. Киев, 1901. XII+1058+XXVII+32 с.; Т. 3 (первая половина). Ч. 2: Τυπικά. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.

[92] Подробнее об этом см.: Корогодина М. В. К истокам описания рукописей как науки (XVIII — начало XIX в.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / сост. и ред.: Ф. В. Панченко (отв. ред.), О. С. Сапожникова. СПб.: БАН, 2020. С. 708–727.

[93] См.: Боднарчук Д. В. Палеография в трудах А. А. Дмитриевского // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г. Ч. 14. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. С. 20–22.

[94] См., напр.: Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей… Т. 1. Ч. 1. С. 41–42, и др.

Публикация древних литургических памятников, введшая в научный оборот новые источники, имела важнейшее значение для развития исторической литургики не только в России, но и на Западе.

1-й том «Описания…» содержит полные тексты важнейших в истории православного богослужения уставов: так называемого Типикона Великой церкви, «Завещания» прп. Саввы Освященного, студийского «Ипотипосиса», «Диатипосиса» прп. Афанасия Афонского, Евергетидского Типикона, полные или частичные тексты др. типиконов студийской традиции. Изданию предшествует обширное предисловие (с. I–CXLVII), в котором автор говорит о рукописях, по которым издается тот или иной памятник, принципах публикации, особенностях содержания и проч.[95]

2-й том «Описания…» посвящен Евхологию и содержит публикацию множества выписок из рукописей Евхология синайского, афонских, патмосского, иерусалимских, константинопольских и иных собраний. А. А. Дмитриевский задумывал это издание как своеобразное продолжение предпринятого Ж. Гоаром в XVII в. полного (как казалось Ж. Гоару) издания текстов византийского Евхология. Первоначально Алексей Афанасьевич хотел дополнить издание Гоара публикацией отсутствующего в нем материала, но в ходе работы перед ним открылась вся сложность задачи — каждый из чинов Евхология имеет свою, порой весьма непростую, историю; молитвы и рубрики этих чинов известны в разнообразных редакциях, и т. д. По сути, именно благодаря изданию А. А. Дмитриевского изучение истории чинов Евхология было осознано мировой наукой как важнейшая проблема византийской литургики. Всего в издании ученого описано 162 евхология; к сожалению, из-за недостатка материальных средств Алексей Афанасьевич был вынужден отказаться от публикации еще более 40 приготовленных к изданию евхологиев — главным образом, западного происхождения[96].

---

[95] В виде отдельных статей разделы этого предисловия были частично опубликованы в «Трудах Киевской духовной академии» за 1895 г.

[96] *Дмитриевский А. А.* Описание. Т. 2. С. IV.

3-й том «Описания…», посвященный рукописям и первопечатным изданиям Иерусалимского устава, состоит из 3 «отделов»: в 1-м помещены древние редакции устава (с. 1–508); во 2-м — его позднейшие афонские редакции (с. 508–748); к концу книги приложена публикация текста Типикона Великой церкви по рукописи Hieros. Stavros 40 (с. 766–768), но издание осталось незавершенным, оборвавшись на полуслове — полностью подготовленная к печати последняя тетрадь с текстом Типикона и указателями осталась ненапечатанной из-за перипетий 1917 г. Автором планировалось к изданию еще 2 тома «Описания», в которых он предполагал опубликовать тексты некоторых южно-итальянских и отдельных славянских евхологиев[97], а также завершить публикацию Типикона Великой церкви по рукописи Hieros. Stavros 40 и опубликовать важнейшую редакцию этого устава по рукописи Дрезденской библиотеки № A 104 (т. н. Дрезденский Апостол; впоследствии, в 1945 г., эта рукопись очень пострадала, так что в настоящее время ее текст практически невозможно прочитать)[98], но революционные события в России помешали этому намерению, и собранные Дмитриевским материалы доныне частично хранятся в архиве ученого в РНБ, ожидая публикации.

Н. Ф. Красносельцев — один из рецензентов этой 1-го тома «Описания» — оценил его очень высоко, отметив, что это издание «должно составить целую эпоху в истории православной литургической науки и послужить основой для полного переустройства многих самых важных ее отделов…»[99]. Издание древних литургических памятников имело большое значение для развития исторической литургики, потому как вводило в научный оборот и давало в руки исследователей новые источники, без которых реконструкция истории православного богослужения была бы невозможна.

---

[97] План томов см.: *Арранц М.* А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия. С. 131–132.

[98] Подробнее о судьбе этой рукописи см.*: Акентьев К. К.* Следы дрезденского списка (A 104) Типика константинопольской св. Софии в архиве А. А. Дмитриевского. 18 с. // Сайт «Византинороссика: Санкт-Петербургское общество византино-славянских исследований». URL: http://byzantinorossica.org.ru/sources/papers/dresden104.pdf (дата обращения: 04.04.2016); *Его же.* Дрезденский список Типика константинопольской св. Софии (Cod. Dresden A 104). Реконструкция текста по материалам архива А. А. Дмитриевского (в печати) // Там же. URL: http://byzantinorossica.org.ru/opendjvu.html?sources+dmitrievskii+dresden104.djvu (дата обращения: 04.04.2015).

[99] *Красносельцев Н. Ф.* Рец. на: А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей. Т. 1. Киев, 1895 // ВВ. 1897. Т. 4. С. 587.

Поездки 1890–1903 гг. Летом 1890 г. А. А. Дмитриевский также собирался поехать на Афон, но из-за больших интеллектуальных нагрузок заболел, и доктора ему запретили заниматься, «читать со вниманием газеты» и даже о чем-либо серьезном думать[100]. Потому для поправки здоровья ученый поехал в Пятигорск на лечение, откуда вернулся в Киев к середине октября[101]. Как сообщает Н. Ф. Красносельцев, после возвращения Алексей Афанасьевич опять заболел и «вообще видно, что здоровье его очень расстроено»[102].

Уже в феврале 1891 г.[103] А. А. Дмитриевский планировал большое летнее путешествие с научной целью в Константинополь, Фессалоники, на Афон, Патмос и в Италию (Рим) «для собрания и изучения первоисточников православного богослужения — рукописей и старопечатных книг, — греческих и южнославянских»[104]. В начале июня ученый собирался отправиться в Константинополь, а в 20-х числах прибыть на Афон[105]. В поездке А. А. Дмитриевский приобретал в свою личную библиотеку книги и рукописи, о чем свидетельствуют эпистолярные и другие источники[106]. На Афон ученый должен был прибыть «около Петрова дня», т. е. 29 июня[107]. Прощаясь с Афоном, 3 августа 1891 г., ученый отмечает, что «нынешним летом в четвертый свой приезд на Святую Афонскую Гору я окончил свое ученое путешествие по Афону» и это непродолжительное пребывание, по-видимому, было очень плодотворным[108].

---

[100] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 184, 185 (письма А. А. Дмитриевского от 10 апреля и 16 июня 1890 г.). Ср.: АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 11–12 об. (письмо А. А. Дмитриевского схииеромонаху Павлу (Дурневу) от 16 июля 1890 г.)

[101] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 275 (письмо от 2 декабря 1890 г.).

[102] Там же. С. 278 (письмо от 5 декабря 1890 г.)

[103] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 188–189 (письмо А. А. Дмитриевского от 6 февраля 1891 г.).

[104] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год // ТКДА. 1891. № 11. С. 340–341. См. также: Дело о предоставлении отпуска для поездки за границу наставникам академии Олесницкому А., Дмитриевскому А. и Голубеву. 28 мая — 3 июня 1891 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д.7842. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[105] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 190 (письмо А. А. Дмитриевского от 23 апреля 1891 г.).

[106] Дело о получении Волочисской таможней книг, адресованных на имя правления академии, но принадлежащих доценту Дмитриевскому А. Январь 1892 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8030. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело. См. также: *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 284.

[107] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 280 (письмо от 7 мая 1890 г.).

[108] Запись опубликована в: *Турилов А. А., Вах К. А., Слуцкий С.* Российская наука и Святая Гора Афон. С. 22.

Когда А. А. Дмитриевский еще находился на Афоне, ему в руки попало описание рукописей библиотеки Патмосского монастыря, выполненное Иоанном Саккелионом[109]. Именно знакомство с этой «замечательной книгой» и сподвигло ученого к путешествию на Патмос, поездка куда изначально не входила в его планы. Он ехал туда в течение двух недель через Фессалоники, Солунь, Афины и Смирну, в каждом из этих мест останавливаясь на несколько дней для работы, правда, не всегда успешно[110]. На Патмос ученый прибыл 16 августа[111] и сразу столкнулся с необходимостью дать помощнику мытаря-агарянина взятку (бакшиш), чтобы быстрее пройти через таможню[112].

После прохождения всех формальностей, А. А. Дмитриевский посетил библиотеку, в которой попросил ознакомиться с пергаменной рукописью № 266, содержащей Типикон Великой церкви[113]. Ее он полностью переписал, после чего стал копировать «и другие типиконы монастыря, завещание Гемиста и другие книги из библиотеки», проводя за этим занятием «дни и ночи напролет»[114]; кроме того, ученый «описал иконы и важнейшие предметы ризницы» и типикарницы, запланировал очерк о Патмосе, где прожил в общей сложности 22 дня[115]. В целом, как сообщает А. А. Дмитриевский, Патмос произвел на него необыкновенное впечатление радушным гостеприимством, готовностью к услугам и предупредительностью[116]. Библиотеку и храмы ученому открывали по первому желанию, его поздравляли с русскими имперскими праздниками, местная молодежь приходила к ученому в гости, деля с ним время отдыха и экскурсий по

---

[109] Σακκελίων Ἰ. Πατμιακὴ βιβλιοθήκη ἤτοι ἀναγραφὴ τῶν ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς κατὰ νῆσον Πάτμον γεραρᾶς καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου τεθησαυρισμένων χειρογράφων τευχῶν. Ἀθήνα, 1890.

[110] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894. С. 5. Так, например, когда ученый прибыл в Афины, он обнаружил, что отделение рукописей закрыто и ему здесь делать нечего (см.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 191 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 сентября 1891 г.)).

[111] *Амфилохий, митр. Пелусийский.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 804 (письмо от 26 августа 1891 г.).

[112] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 30–31.

[113] *Амфилохий, митр. Пелусийский.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 805.

[114] *Амфилохий, митр. Пелусийский.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 805.

[115] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 191 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 сентября 1891 г.).

[116] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 5, 85.

острову и снабжая одесскими газетами[117]. Ученый сделал довольно много, находясь на Патмосе: составил «целый очерк христианской жизни на Патмосе»[118], описал 28 бумажных рукописей, хранящихся в типикарнице Иоанно-Богословского монастыря, и значимые иконы важнейших патмосских храмов[119]. С островом ученый и далее сохранял связь через схим. Матфея (Ольшанского), прося копировать для себя некоторые тексты: так, например, по его просьбе монахами обители были скопированы похвальное слово в честь императора Павла Петровича и о Патмосской школе[120].

На обратном пути с Патмоса, 14 сентября А. А. Дмитриевский прибыл в Афины[121], списал там некий Типикон[122] и 28 сентября выехал Рим[123]. В этот период времени удалось побывать А. А. Дмитриевскому и в Фессалониках, где он работал в разных заведениях с рукописями и нашел там кое-что весьма интересное[124].

В начале октября 1891 г. А. А. Дмитриевский прибыл в Рим. 4 октября ему предоставили доступ и он начал работать в Ватиканской библиотеке, где занимался типиконами студийской редакции[125] и где особое его внимание привлекла греческая пергаменная рукопись 1292 г. Занимался ученый также в Барбериновской и Веллечилиевой библиотеках и, хотя изначально, видимо, он планировал посетить Милан, Неаполь и Венецию, все же решил в эту поездку сосредоточиться на библиотеках Рима, в которых было для него много

---

[117] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 85–86.
[118] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 200 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 ноября 1892 г.).
[119] Подробнее см.: Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года.
[120] *Амфилохий, митр. Пелусийский.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. С. 834 (письмо от 17 февраля 1893 г.). Ср.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 201 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 ноября 1892 г.).
[121] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 192 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 сентября 1891 г.).
[122] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 283 (письмо от 3 октября 1891 г.).
[123] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 192 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 сентября 1891 г.).
[124] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 192 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 сентября 1891 г.).
[125] АРПМА. А-1750. Оп. 40. Д. 30, докум. 1750 (Письма А. А. Дмитриевского схииеромонаху Агафадору (Буданову)). Л. 1 (письмо от 22 ноября 1891 г.).

интересного [126]. Однако всего ему не удалось просмотреть, осталось много «невиденного и неизученного», что заставляло планировать сюда еще одну поездку, равно как и поездку на Афон, чтобы «видеть студийский Типик Ватопеда» [127], который ему в свое время не показали. В связи с этим А. А. Дмитриевский сообщает две любопытных детали: ватопедские монахи, очевидно, прятали от ученого эту рукопись, что заставляло его искать пути, каким образом ее можно было бы прочесть — в частности, он планировал обратиться за этим к послу. Второе, о чем он говорит вскользь, — афонские монахи готовили для него и по его заказу копии с некоторых документов и рукописей[128]. 23 ноября А. А. выехал из Рима в Вену, а оттуда, видимо, в Киев[129].

Лето 1892 г. А. А. Дмитриевский по причине «весьма слабого здоровья» и «расшатавшихся нервов» провел на длительном лечении в Пятигорске. На следующие каникулы он планировал посещение Афона и вторичную поездку в Иерусалим и Каир[130]. В Киев ученый вернулся 17 августа[131].

В 1893 г. А. А. Дмитриевский планировал побывать в Трапезунде, на Новом Афоне, в Константинополе и на Афоне, где ему нужен был только Типикон Ватопедского монастыря. Со Святой Горы он планировал поехать в Афины, а оттуда в Италию[132]. «Во время летних каникул с целью изучения литургических рукописей и музеев скульптуры, живописи и архитектуры» посетил Афон, Афины, Неаполь, Помпею, Рим (Барбериновскую библиотеку), монастырь Гротта-

---

[126] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 193 (письмо А. А. Дмитриевского от 23/10 октября 1891 г.).

[127] АРПМА. А-1750. Оп. 40. Д. 30, докум. 1750 (Письма А. А. Дмитриевского схииеромонаху Агафадору (Буданову)). Л. 1 (письмо от 22 ноября 1891 г.). Сообщить сведения об этом Типиконе просил Алексей Афанасьевич и в письме от 8 июня 1892 г. (Там же. Л. 4 об.). Эта рукопись его прям интриговала (АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 11–12 об. (письмо А. А. Дмитриевского схииеромонаху Павлу (Дурневу) от 8 июля 1892 г.)).

[128] АРПМА. А-1750. Оп. 40. Д. 30, докум. 1750 (Письма А. А. Дмитриевского схииеромонаху Агафадору (Буданову)). Л. 1 об. – 2 (письмо от 22 ноября 1891 г.).

[129] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 196 (письмо А. А. Дмитриевского от 30/18 ноября 1891 г.).

[130] АРПМА. Ф. А-1815. Оп. 41. Д. 775, документ № 1815. Л. 13–14 (письмо А. А. Дмитриевского схииеромонаху Павлу (Дурневу) от 8 июля 1892 г.). Ср.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 199 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 июля 1892 г.).

[131] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 200 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 ноября 1892 г.).

[132] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 202 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 ноября 1892 г.).

Ферратский, Флоренцию, Турин, Милан, Венецию и Вену[133]. На Афоне ученый побывал уже в пятый раз, пробыв там всего 2 недели. В традиционной прощальной записи от 10 июля он упомянул неназванные обстоятельства, которые воспрепятствуют его скорому сюда приезду[134].

Вероятнее всего, хотя и нет для этого данных источников, ученому все-таки удалось поработать с Ватопедским типиконом, потому более научных планов на Афоне у него не было. Кроме того, скорее всего именно в эту поездку по Афону А. А. Дмитриевский открыл важный памятник древнего христианского богослужения — Евхологий Сарапиона, еп. Тмуитского[135]. Он имеет важнейшее значение для изучения истории раннехристианского богослужения; впрочем, специально раннехристианской литургикой А. А. Дмитриевский не занимался.

Далее ученый отправился в Фессалоники и Афины[136], 22 июля планировал отправиться в Патры и Бриндизи, но сомневался, следует ли ехать в Неаполь, где бушевала холера[137]. Проездом в Италию ученый посетил Константинополь, где в течение нескольких дней работал в библиотеке подворья св. Гроба на Фанаре[138]. Как свидетельствовал сам Алексей Афанасьевич, поездка на Запад в этом году была весьма удачной: он побывал в Риме, где работал в Гротта-Ферратской библиотеке, и в Турине, «куда нарочно ездил на три дня через всю Италию». Удалось ему побывать и в Неаполе, Помпее, Флоренции, Милане и Венеции, где он получил массу впечатлений. Во всех этих местах ученый работал в библиотеках и посещал музеи, где знакомился с памятниками церковной иконографии. Например, он посетил Венецию, где изучил иконы критской школы

---

[133] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год // ТКДА. 1893. № 12. С. 479. Дело о предоставлении доценту академии Дмитриевскому заграничного отпуска. 20–22 мая 1893 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8104. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[134] Запись опубликована в: *Турилов А. А., Вах К. А., Слуцкий С.* Российская наука и Святая Гора Афон. С. 22.

[135] Издание памятника см.: ТКДА. 1894. № 2. С. 242–274; *Павлов А. С.* [Рец. на: Дмитриевский А. А. Евхологион IV века Сарапиона, епископа Тмуитского. Киев, 1894. [2]+33 с.)] // ВВ. Т. 1. 1894. С. 207–213.

[136] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 207 (письмо А. А. Дмитриевского от 10 июля 1893 г.).

[137] Там же. С. 207.

[138] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. С. 283.

и откуда отправил дерзкое письмо Н. Ф. Красносельцеву. К 20 сентября ученый планировал прибыть в Киев[139].

Безусловно, объемы работы были таковы, что не хватило бы никаких сил одного человека. Поэтому, приезжая в разные места православного Востока, ученый искал себе грамотных помощников, которые были бы способны переписывать для него необходимые рукописи. Так, например, достаточно плодотворным было сотрудничество А. А. Дмитриевского с Г. И. Пиромалисом, который переписывал для него, в частности, 30 листов Евергетидского типикона[140]. Кроме того, вероятно сопровождал ученого в некоторых его поездках: А. А. Дмитриевский в письме схимонаху Матфею (Ольшанскому) от 20 июля 1893 г. прямо пишет: «Пиромалис, мой переписчик, уехал на Патмос и отослал копии ко мне в Киев»[141].

В вакационное время 1894 г. ученый посетил Москву для изучения хранящихся в библиотеках литургических рукописей на греческом и славянском языках[142]. Здесь Алексей Афанасьевич «просидел немало времени» над историко-библиографическим исследованием «О Служебнике и Требнике, изданных в Москве при Патриархе Никоне» и планировал вторично побывать в Москве на Святках 1894/1895 г.[143]

По-видимому, в январе 1895 г. в течение 2-х недель пробыл в Петербурге, где пытался при себе напечатать заглавный лист и исправить опечатки в монографии «Русские на Афоне», но этот проект не увенчался успехом из-за редактора[144].

---

[139] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 294 (письмо от 4 октября 1893 г.).
[140] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 200 (письмо А. А. Дмитриевского от 8 июля 1892 г.).
[141] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 206.
[142] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // ТКДА. 1894. № 11. С. 491. Поездка подтверждается и: *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 301, 302 (письма от 14 сентября и 4 ноября 1894 г.).
[143] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 211 (письмо А. А. Дмитриевского от 11 октября 1894 г.).
[144] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 212 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 февраля 1894 г.).

Летом 1895 г. А. А. Дмитриевский посетил родителей в Астрахани: его отца парализовало и для поправки здоровья врачи посоветовали ему покататься по Волге, а Алексей Афанасьевич сопровождал его в этой поездке[145]. В результате отец его поправился и вернулся к службе, да и сам ученый отдохнул от хлопот, не завершив, правда, задуманного: окончить предисловие к 1-му тому «Описания литургических рукописей»[146] за время поездки. Планировал ученый заехать и в Казань. В этот год печатал основную часть «Описания» и доделывал предисловие.

Летом 1896 г. за счет своих средств ученый предпринял «необыкновенно счастливое»[147] путешествие с научными целями в Константинополь, Афины, Рим, Бари, Париж[148] и Дрезден[149]. Работая в библиотеке Святогробского подворья в Константинополе, А. А. Дмитриевский в бумагах Иерусалимского патриарха Хрисанфа (Нотары) он нашел упоминание о неком Типиконе, который тот видел в библиотеке Московской типографии; это был Типикон Великой церкви, который ученый обнаружит в этом же году чуть позже[150].

Далее Алексей Афанасьевич через Италию[151] отправился в Париж, где планировал выявлять в Национальной библиотеке рукописи, положенные Я. Гоаром в основу своего Евхология, но среди всех просмотренных евхологиев обнаружил лишь т. н. Евхологий Стратига 1027 г., содержащий множество редких чинопоследований, и несколько типиконов (№ 361 с именем Софрония, № 38

---

[145] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 215 (письмо А. А. Дмитриевского от 18 июня 1895 г.).
[146] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 216 (письмо А. А. Дмитриевского от 5 декабря 1895 г.).
[147] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 224 (письмо А. А. Дмитриевского от 15 декабря 1896 г.).
[148] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 220–221 (письмо А. А. Дмитриевского от 15/24 августа 1896 г.).
[149] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1895/96 учебный год // ТКДА. 1896. № 10. С. 425. См. также: Дело о предоставлении доценту Дмитриевскому А. отпуска для поездки за границу и выдаче заграничного паспорта. 21 мая — 3 июня 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8403. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[150] *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907. С. 255–256.
[151] *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907. С. 260.

Лавры прп. Афанасия Афонского, № 92 св. Маманта и Типикон Иоанна Палеолога + 10 других)[152].

Проработав в Париже более 2-х месяцев, в начале сентября ученый, наконец, собрался поехать в Берлин, но прежде решил стать свидетелем приезда во Францию императорской семьи, который должен был состояться 14 сентября. Коротая время в Национальной библиотеке, он там ознакомился с описанием рукописей Королевской библиотеки Дрездена, в котором его внимание привлекла информация об одной рукописи под № 104 с чинами Великой церкви. Ученому стало очевидно, что это должен быть важный памятник и, возможно, устав, которым регулировалось богослужение в константинопольской Великой церкви, поэтому он уже более не мог оставаться в Париже. Идя по этим историческим следам, Алексей Афанасьевич 7 сентября выехал в Дрезден, чтобы на месте поработать с рукописью. При непосредственном знакомстве с памятником выяснилось, что это — Пракс-апостол, содержащий богослужебные рубрики, или, попросту говоря, третий из известных в настоящее время списков Типикона Великой церкви, который ученый называл выдающимся и сообщал, что только благодаря этому списку теперь «мы знаем устав Великой Церкви»[153].

В 1897 г. А. А. Дмитриевский вновь едет за границу[154]. По-видимому, изначально ученый планировал поехать в Иерусалим, но это ему не удалось, т. к. правительство запретило русским подданным посещение этого города[155]. Вместо этого А. А. Дмитриевский ездил на 3 дня в Вену искать царские кодексы, которыми пользовался Я. Гоар при издании своего Евхология, но безрезультатно. Оттуда ученый отправился в Рим в библиотеку Барберини, где просмотрел 2

---

[152] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 222 (письмо А. А. Дмитриевского от 15/24 августа 1896 г.).

[153] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 225 (письмо А. А. Дмитриевского от 15 декабря 1896 г.). Подробности этой находки см.: *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907. С. 254–263; Акишин С. Ю. Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги П. П. Кудрявцева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3 (23). С. 184–186.

[154] Представление Киевскому митрополиту Иоанникию о предоставлении ординарному профессору Дмитриевскому А. отпуска для поездки за границу. 25–29 мая 1897 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8520. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[155] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 225 (письмо А. А. Дмитриевского от 14 ноября 1897 г.).

греческих евхология, которыми пользовался Гоар: Vatican, Barb. Gr. 329 и Vatican, Barb. Gr. 390. Кроме того им были просмотрены все 50 экземпляров евхология и в Ватиканской библиотеке рукописи, которыми пользовался А. И. Алмазов в своей докторской диссертации о таинстве Исповеди.

Далее путь ученого лежал в Неаполь, где он осмотрел раскопки в Помпее, потом отправился в Бриндизи и через Корфу в Афины и Константинополь. Пробыв в бывшей столице Византийской империи 3 дня, 26 июля ученый отправился в Трапезунд, а оттуда — в Сумелийский монастырь, где его приняли очень радушно и открывали библиотеку «по первому желанию». 7-го августа А. А. Дмитриевский отправился в Перистера, но по полной приключений дороге намозолил себе ногу так, что она почернела. При этом ученый не оставлял своего плана и «нашел несколько любопытных евхологиев и немало нетронутого исторического материала», однако инстинкт самосохранения сработал и он через 4 дня вернулся в Трапезунд, где ему смогли оказать квалифицированную медицинскую помощь. Оттуда ученый отправился в Батуми, по берегу всего Кавказа, в Крым и до Одессы[156]. В 20-х числах августа А. А. Дмитриевский оказался в Одессе, заезжал к Н. Ф. Красносельцеву, у которого остановился на ночь. Как сообщает последний, важных материалов по литургике Алексею Афанасьевичу удалось мало найти, но им обнаружен один очень важный памятник по русской истории эпохи самозванцев [157] . Поскольку А. А. Дмитриевского не ждали так рано в Киеве, его не назначили в комиссию для приема вступительных экзаменов в КДА и ученый воспользовался этим для поездки в Москву, где собирал материал об Арсении Елассонском. Окончательно в Киев ученый вернулся 31 августа[158].

Лето 1898 г. А. А. Дмитриевский также посвятил заграница. Уже в марте того же года ученый планировал посетить Палестину, Каир и Яффу. В Иерусалим

---

[156] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 225–228 (письмо А. А. Дмитриевского от 14 ноября 1897 г.).
[157] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 319 (письмо от 4 сентября 1897 г.).
[158] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 228 (письмо А. А. Дмитриевского от 14 ноября 1897 г.).

он собирался добираться через Константинополь в 20-х числах июня. В Палестине ученый планировал заниматься рукописями Арсения и просматривать евхологии, не изученные им ранее. Кроме того, у него было поручение от схимонаха Матфея (Ольшанского) переписать одну рукопись, скопировать которую А. А. Дмитриевский согласился только в том случае, если найдет «скорописца». В Яффе же ученый планировал оставаться в течение месяца на купаниях и наслаждаться прибоем морских волн [159]. 2-го августа Алексей Афанасьевич еще был в Иерусалиме и отмечал, что просидел в библиотеке «вот уже месяц», скопировав новый список Типикона Великой Церкви, оказавшийся много интереснее, чем его описали в свое время Н. Ф. Красносельцев и Д. Ф. Беляев[160]. Здесь же Алексей Афанасьевич сверял свое издание Типикона храма Воскресения Христова в Иерусалиме с рукописью, по которой осуществил издание А. И. Пападопуло-Керамевс [161]. Кроме того, ученый занимался, по-видимому, разбором архива архимандрита Антонина (Капустина), после чего отправил его рукописи в петербургскую Публичную библиотеку[162]. В сентябре А. А. Дмитриевский собирался вновь быть на подворье в Константинополе, где планировал провести неделю перед возвращением в Россию [163]. Как свидетельствовал сам ученый, в этой четырехмесячной поездке его сопровождала родная мать, Елена Федоровна, и они кроме Иерусалима посетили Вифлеем, Хеврон и Иордан[164]. В Константинополе же ученого ожидало горькое известие: 9 сентября умер его учитель по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцев. В литературе без указания источника высказывалось мнение, что А. А.

---

[159] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 228–229 (письмо А. А. Дмитриевского от 21 марта 1898 г.); см. также: Там же. С. 231–232 (письмо его же от 29 мая 1898 г.).

[160] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 233 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 августа 1898 г.).

[161] *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907. С. 8.

[162] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 233 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 августа 1898 г.).

[163] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 232 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 августа 1898 г.).

[164] Дмитриевский А. А. Памяти заштатного диакона Афанасия Петровича Дмитриевского († 9 ноября 1912 г.) и его супруги Елены Феодоровны († 1 июля 1913 г.). Астрахань, [1913]. С. 9.

Дмитриевский в этом году побывал в 6-й раз на Афоне[165], однако это, как видим, не так.

Летом 1899 г. А. А. Дмитриевский ездил ненадолго для восстановления расшатанного здоровья в Железноводск, где ему были предписаны врачами «безусловный покой и животная жизнь»[166]. Оттуда ученый планировал в 20-х числах июля поехать во Владикавказ, Тифлис, Трапезунд[167] (в Сумелийский монастырь), где предполагал списать мемуары Арсения Елассонского для последующего издания. К 15–20 августа ученый планировал оказаться в Константинополе, вступить в законный брак и прожить осенние месяцы на Принцевых островах[168]. За неимением достаточного числа источников сложно сказать, удалось ли в полноте осуществить этот план. Полная копия мемуаров Арсения Елассонского имеется в фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 280)[169], так что, видимо, ученый до трапезундского Сумелийского монастыря все-таки доехал. Обратно из этой поездки ученый вместе с молодой женой вернулся в конце октября 1899 г.[170]

После женитьбы в жизни А. А. Дмитриевского произошли естественные изменения, в том числе и в качестве и месте проведения летних отпусков. Так, лето 1900 г. он провел в Киеве исключительно для того, чтобы завершить проект по изданию 2-го тома «Описания» и издать лекции по церковному праву проф. КДА П. А. Лашкарева[171].

---

[165] *Эльмуратов Р. К.* Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского… С. 63.

[166] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 238 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 июня 1898 г.).

[167] Дело о предоставлении отпуска преподавателям академии Олесницкому А., Дмитриевскому А., студенту Иваницкому М. и другим для поездки за границу. 1 апреля — 23 июня 1899 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8791. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[168] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 239 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 июня 1899 г.).

[169] Именно по рукописи из фонда Алексея Афанасьевича в 2007 г. Фотиосом Димитракопулосом было осуществлено editio princeps этого важного для истории России памятника (*Δημητρακόπουλος Φ. Ἀ.* Ἀρσένιος Ἐλασσόνος (1550–1626). Βίος, ἔργο, ἀπομνημονεύματα: Συμβολή στὴ μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς. Ἀθῆναι, 2007. Σ. 287–364).

[170] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 240 (письмо А. А. Дмитриевского от 24 декабря 1899 г.).

[171] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 242 (письмо А. А. Дмитриевского от 4 апреля 1900 г.); С. 244 (письмо от 25 июня 1900 г.).

В 1901 г. А. А. Дмитриевский планировал поехать на Афон и поработать в Зографе и Хиландаре с литургическими славянскими рукописями[172], но только в том случае, если будет надежда на продолжение издания «Описания». Из-за того, что в КДА была инициированная ректором война против научной деятельности А. А. Дмитриевского с дискредитацией его «Описания», этот проект не осуществился. Не смог он реализоваться и по причине того, что в это время в Константинополе свирепствовала чума, и всякий приезжающий туда и собирающийся отправиться далее, должен был сидеть 10 дней на карантине[173].

В 1903 г. А. А. Дмитриевский вновь отправился на Афон, уже в 6-й раз[174]. Но прежде, с 9 по 30 мая ученый посетил родную Астрахань[175], где принял участие в праздновании 300-летнего юбилея Астраханской епархии. На Афон ученый поехал не один, но со своим учеником Л. Д. Никольским — специалистом в области церковной археологии. Последний поехал на Афон заниматься изучением и фотографированием/копированием памятников церковной иконографии, а А. А. Дмитриевский — работать в библиотеках и, видимо, не только для изучения литургических рукописей, но и для критики одной работы своего коллеги по КДА. В Иверoне ученый прозанимался неделю, работал также в Ставрониките, Андреевском скиту. С 10 июля планировал работать в Ватопеде, Хиландаре и Зографе. К 27 июля собирался вернуться в русский монастырь[176].

Поскольку Л. Д. Никольский был еще недостаточно опытным студентом, А. А. Дмитриевскому, по-видимому, приходилось ходить с ним вместе по всем монастырям и договариваться о предоставлении разрешения. Протат и афонские монастыри Лавра прп. Афанасия, Дионисиат, Кутлумуш и Каракалл не позволили даже внести аппарат для фотографирования в свои храмы. Монастыри Ивер,

---

[172] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 252–253 (письмо от 9 июня 1901 г.)

[173] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 253 (письмо А. А. Дмитриевского от 9 июня 1901 г.).

[174] Эльмуратов называет это путешествие А. А. Дмитриевского на Афона седьмым, однако это ошибка (*Эльмуратов Р. К.* Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского… С. 63).

[175] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 263 (письмо А. А. Дмитриевского от 31 марта 1903 г.).

[176] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 264 (письмо А. А. Дмитриевского от 9 июля 1903 г.).

Ставроникита, Пантократор, Ватопед, Хиландарь, Дохиар, Ксенофонт и монастырь св. Павла оказали ученым «радушное гостеприимство и были пот отношению к ним предупредительны. В результате было сделано более 200 фотографий и копий фресок и икон[177].

Другая необходимость, ради которой А. А. Дмитриевский мог поехать в этом году на Афон, — проверка по рукописям информации, отраженной в книге коллеги по КДА К. Д. Попова «Блаженный Диадох (V-го века), епископ Фотики древнего Эпира, и его творения. Т. 1». В мае 1903 г. эта книга вышла в свет и уже 29 мая Константин Дмитриевич представил в Совет академии вместе с прошением принять работу на соискание степени доктора богословия и 60 экземпляров книги (прошение было рассмотрено на заседании Совета 2–3 июня того же года). А. А. Дмитриевский, как член Совета КДА должен был получить для личного ознакомления экземпляр книги и, очевидно, взял ее с собой на Афон для выявления проблемных мест исследования. Вероятно, при обсуждении вопроса о присуждении степени доктора К. Д. Попову, А. А. Дмитриевский намеревался выступить против этого, но опоздал: пока он был на Афоне, в августе собрали заседание Совета, заслушали рецензии, признали соискателя достойным степени и отправили дело в Святейший Синод на утверждение. Когда А. А. Дмитриевский вернулся и обнаружил это, он в течение месяца работал над особым мнением, которое и отправил в октябре в Синод, желая помешать присуждению Попову степени доктора. Однако Св. Синод приказал это мнение Алексея Афанасьевича «оставить без последствий», а К. Д. Попова утвердить в искомой степени[178].

Лето 1904 г. ученый планировал провести в Киеве[179], чтобы закончить разные научные проекты. 20-го июля он все еще находился в Киеве[180]. Между

---

[177] Подробнее см.: А. А. Дмитриевский — Н. П. Кондакову, 30.11.1903 // СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 130. Л. 1 об. – 2 об.

[178] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 181–182.

[179] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 269 (письмо А. А. Дмитриевского от 7 апреля 1904 г.).

[180] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 269 (письмо А. А. Дмитриевского от 20 июля 1904 г.).

тем, в реферате доклада А. А. Дмитриевского, сделанного на заседании Исторического общества Нестора Летописца 28 ноября 1904 г., сообщается об открытом им «в последнюю поездку на Афон (в 1904 г.)» Синаксаре Хиландарского монастыря[181]. Вероятно, здесь закралась ошибка, потому как и в июле Алексей Афанасьевич находился в Киеве, и в декабре того же года интересуется у схим. Матфея (Ольшанского) о жизни на Афоне[182], что было бы излишним, если бы ученый не так давно посещал Святую Гору. Более в этот период своей жизни Алексей Афанасьевич не покидал пределов Отечества.

Во время работы в Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский создал массу первоклассных исследований, а тематика его научных работ существенно расширилась. Из 255 библиографических позиций Списка опубликованных трудов Алексея Афанасьевича создание 158 относится именно к киевскому период жизни ученого[183]. К ним примыкают 71 отзыв о кандидатских сочинениях и 2 отзыва на магистерские диссертации студентов Киевской духовной академии.

Тематика выходящих из под пера А. А. Дмитриевского сочинений была разнообразной и отвечала его научным интересам. Если в самом начале своей преподавательской и научной деятельности Алексей Афанасьевич концентрировался, главным образом, на историко-литургической и археологической проблематике, обращая свое внимание на новые книги по его специальности и практические вопросы совершения богослужения, то в результате своих заграничных поездок по библиотекам Востока и Запада, в Нежин (нынешняя Украина) и в другие места, он начинает интересоваться и иными вопросами. Так, уже в 1885 г. ученый увлекся изучением греческо-русских связей и историей греческой монашеской общины в Нежине; результатом этого

---

[181] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 10.

[182] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 273 (письмо А. А. Дмитриевского от 11 декабря 1904 г.).

[183] Акишин С. Ю. Библиография трудов проф. А. А. Дмитриевского в порядке их публикации // Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. СПб.: Аксион эстин, 2009. (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). CD. С. 2–11.

увлечения стали две публикации с описанием нежинских храмов и их рукописей и книг[184].

После личного знакомства и работы в восточных и западных библиотеках А. А. Дмитриевский смещает свой исследовательский фокус на византийскую и современные ему афонскую и палестинскую литургические традиции. Это связано с тем, что ученым во время его заграничных путешествий были выявлены и изучены неизвестные, либо не привлекавшие внимания исследователей рукописные литургические памятники. Результаты этих исследовательских усилий были двоякого рода: это, в первую очередь, археографическая работа, увенчавшаяся публикацией важных документов по истории христианского богослужения, и, во-вторых, систематическое изучение открытых памятников. Из усилий первого рода фундаментальное значение для науки имеет публикация подробных описаний рукописей, содержащих материалы к истории Типикона и Евхология, с пространным цитированием наиболее важных текстов[185]. Лишь два тома этого монументального собрания увидели свет в киевский период жизни А. А. Дмитриевского. Третий том, несмотря на то, что бóльшая часть его материалов была подготовлена к печати именно в 1890–1907 гг., вышел только в 1917 г., остальные материалы частично остались в подготовительных рукописях ученого, либо бесследно исчезли. Кроме этого, ученый ввел в научный оборот и т. н. киновиальные правила и завещание преподобного Саввы Освященного, осуществив их первое издание и снабдив обширным историко-литургическим комментарием [186] . Также А. А. Дмитриевскому принадлежит и честь

---

[184] Дмитриевский А. А. Греческие Нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии // Православное обозрение. 1885. Т. 1. Февр. С. 370–400; Он же. Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-археологический музей при Киевской духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви // ТКДА. 1885. Прил. № 3–12. С. 1–160.

[185] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895. XX+CXLVII+912+XXV с.; Т. 2: Εὐχολόγια. Киев, 1901. XII+1058+XXVII+32 с.; Т. 3 (первая половина). Ч. 2: Τυπικά. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.

[186] Дмитриевский А. А. Киновиальные правила прп. Саввы Освященного, врученные им пред кончиной преемнику своему игумену Мелиту: (Вновь открытый памятник аскетической письменности 524 г.) // Труды Киевской духовной академии. 1890. № 1. С. 170–192; Он же. Преподобный Савва Освященный и его духовное завещание монахам Лавры: (Вновь открытый памятник по рукописи Синайской библиотеки XII века № 1096.) // Руководство для сельских пастырей. 1889. № 27. С. 261–270; № 31. С. 404–413; № 32. С. 431–437; № 35. С. 514–526.

первооткрывателя, издателя важного для истории раннехристианской литургики памятника — Евхология Сарапиона, епископа Тмуитского[187].

Из трудов ученого по изучению комплекса найденных рукописных источников следует назвать работы по истории вечерних светильничных и утренних молитв, читаемых священником за службами суточного круга[188], о богослужении Страстной и Светлой седмиц в Иерусалиме по уставу IX–X вв.[189], хиландарском Синаксаре, Иерусалимском типиконе и уставе Великой церкви[190], чине пещного действа[191], богослужебных книгах (Требнике, Служебнике, Триоди Постной)[192], рукоположении и хиротесиях в различные степени церковной иерархии[193], гимнографическом последовании в честь византийского императора Никифора Фоки[194]. Статьи об облачениях священнослужителей (иерейской епитрахили, омофоре, митре), равно как и названные выше исследования были для своего времени новым словом в церковно-археологической науке и во многом продолжают сохранять свою актуальность в наши дни.

В своих многочисленных поездках по православному Востоку А. А. Дмитриевский обращал внимание и на современную ему практику совершения богослужения. Результатом этих наблюдений стал целый ряд его научно-

---

[187] Дмитриевский А. А. Евхологион IV века Сарапиона, епископа Тмуитского // Труды Киевской духовной академии. 1894. № 2. С. 242–274.

[188] Дмитриевский А. А. Утренние светильничные молитвы: (Историческая судьба их, содержание и положение, какое они занимали в древнецерковной практике и древнейших евхологиях.) // Руководство для сельских пастырей. 1886. № 42. С. 180–192; Он же. Вечерние светильничные молитвы // Руководство для сельских пастырей. 1888. № 33. С. 494–507; № 36. С. 20–32.

[189] Дмитриевский А. А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме по уставу IX–X века. Казань, 1894. XVI+426+XVI с.

[190] Дмитриевский А. А. Что такое κανὼν τῆς ψαλμωδίας, так нередко упоминаемый в жизнеописании прп. Саввы Освященного? // Руководство для сельских пастырей. 1889. № 38. С. 69–73; Он же. Древнейшие патриаршие Типиконы — Иерусалимский (Святогробский) и Константинопольский (Великой церкви). Киев, 1907. 347+XV с.; Он же. Древнейший Хиландарский Синаксарь по уставу Иерусалимскому: (Ответ академику В. И. Ягичу) // Труды Киевской духовной академии. 1905. № 7. С. 473–493.

[191] Дмитриевский А. А. Чин пещного действа: (Историко-археологический этюд) // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 553–600.

[192] Дмитриевский А. А. Книга «Требник» и ее значение в жизни православного христианина: (По поводу новейших воззрений на эту книгу): Публичное чтение. Киев, 1902. 44 с.; Он же. Служебник — книга таинственная: (По поводу суждений о ней в новейшей художественной литературе): Публичное чтение // Труды Киевской духовной академии. 1903. № 10. С. 188–229; Он же. Триодь Постная — училище благочестия: (О посте): Публичное чтение. Киев, 1904. [2]+49 с.; Он же. Триодь Постная — училище благочестия: (О покаянии и молитве) // Труды Киевской духовной академии. 1905. № 3. С. 428–444.

[193] Дмитриевский А. А. Ставленник: Руководство для священно-церковнослужителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий. Киев, 1904. XIV+344 с.

[194] Дмитриевский А. А. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки // Труды Киевской духовной академии. 1906. № 2. С. 237–252.

популярных работ, призванных описать порядок служб, свидетелем которых он был либо сам, либо материалом для описания становились рассказы иных лиц. Так, А. А. Дмитриевским была запланирована большая монография о современном богослужении на православном Востоке, из которой вышло только введение[195]. Наибольший же успех имели издававшиеся огромными тиражами эортологические этюды ученого, посвященные различным церковным праздникам. Из этих работ следует назвать этюды о торжестве Православия в Киеве и в Малой России в конце XVII и в начале XVIII столетия, о иконе и празднике Казанской Божией Матери, о рождественской ночи в Иерусалиме в 1887 г., праздниках Богоявления, Сретения, Лазарева воскресения, Недели ваий в Иерусалиме, Великой субботе в Святогробском храме, Пасхи, Успении Пресвятой Богородицы в Гефсимании, Воздвижении Креста Господня в Иерусалиме, освящении мира в Константинополе[196].

В поездках А. А. Дмитриевский обращал внимание не только на книги и рукописи, но и на то, кто и что его окружало. Результатом этих иногда очень личных наблюдений стали небольшие очерки о русской Амбетевской школе в Каире[197], Синае[198], о пожаре в Симоно-Петрском монастыре на Афоне[199], Патмосе[200], Афоне[201], о традиции русского паломничества в Бари и в Святую Землю[202], о различных русских учреждениях в Сирии и Палестине[203]. Эта

---

[195] Дмитриевский А. А. Современное богослужение на православном Востоке: Историко-археологическое исследование. Выпуск первый (вступительный). Киев, 1891. [3]+153 с.

[196] Эти работы публиковались в разное время, но позже были объединены ученым и изданы в двух томах: Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке: (Очерки, заметки, наблюдения и впечатления). Ч. 1. СПб., 1909. [4]+XII+312 с.; Он же. Церковные торжества в дни великих праздников на Православном Востоке. Петроград, 1920. Ч. 2. [4]+192 с.

[197] Дмитриевский А. А. Русская (Амбетевская) школа в Каире: (Из личных воспоминаний) // Церковно-приходская школа. 1889. Кн. 4. Ноябрь. С. 228–241.

[198] Дмитриевский А. А. Землетрясение на Синае и его последствия для Синайской обители // Церковные ведомости. 1890. Т. 1. № 25. С. 836–841.

[199] Дмитриевский А. А. Пожар в Симоно-Петрском монастыре на святой Афонской горе // Церковные ведомости. 1891. № 30. С. 1020–1023.

[200] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894. [4]+310+II с.

[201] Дмитриевский А. А. Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. [2]+422+IV с.; Он же. Русские афонские монахи-келлиоты и их просительные о милостыне письма, рассылаемые по России // ТКДА. 1906. № 10. С. 67–107; № 11. С. 298–360.

[202] Дмитриевский А. А. Православное русское паломничество на Запад, к мироточивому гробу Мирликийского святителя Николая в Бари // Труды Киевской духовной академии. 1897. № 1. С. 99–132; № 2. С. 211–237 (отд. отт.: Киев, 1897. [4]+60 с.); Он же. Современное русское паломничество в Св. Землю // Труды Киевской духовной

тематика все больше и больше приближала ученого к Императорскому православному палестинскому обществу, очерк об истории которого он, по заказу Общества, написал в последние несколько лет преподавания в Киевской духовной академии[204].

Кроме исследований в рамках своих научных интересов, А. А. Дмитриевский мастерски владел искусством биографики, создавая полноценные полотна жизни разных людей. Интересны составленные им биографии исторических деятелей (книгопечатник Иван Федоров, архиепископ Елассонский Арсений, архиепископ Астраханский Феодосий, епископ Порфирий (Успенский), архиепископ Астраханский Павел (Суботовский), архиепископ Никифор Феотоки), своих учителей (прот. Г. Г. Покровский, А. С. Павлов, Н. Ф. Красносельцев), коллег (И. Д. Мансветов, И. И. Малышевский), знакомых (архим. Макарий (Сушкин), Джованни Баттиста де Росси, патриарх Александрийский Фотий (Пероглу), митрополит Киевский и Галицкий Иоанникий (Руднев), архимандрит Антонин (Капустин), архиепископ Синайской горы и Раифы Порфирий (Логофет), архиепископ Ярославский и Ростовский Сергий (Ланин), архимандрит Киево-Братского монастыря Антоний (Барвинский), П. А. Красовский).

Интерес представляют также работы А. А. Дмитриевского по русской церковной истории. Так, в работе ученого о архиепископе Елассонском Арсении приводятся пространные цитаты по-гречески и в переводе на русский язык из его неопубликованных мемуаров о периоде русской Смуты[205]. Благодаря сделанной ученым копии с рукописи, содержащей этот памятник, этот текст уже в наше

академии. 1903. № 6. С. 274–319; Он же. Типы современных русских паломников в Святую землю. СПб., 1905 (Чтения о Святой земле; вып. LXXII). 40 с.; Он же. Державные защитники и покровители Святой земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба Господня: (Чтение о Святой Земле) // Сообщения Императорского православного палестинского общества. 1907. Т. 18. Вып. 1–4. С. 422–430.

[203] Дмитриевский А. А. Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные учреждения в Палестине и Сирии: (К 25-летнему юбилею императорского православного» Палестинского общества) // Труды Киевской духовной академии. 1907. № 5. С. 89–120 (отд. отт.: Киев, 1907. [2]+37 с.).

[204] Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. СПб., 1907; переизд. см.: Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / вступ. ст. и послесл. Н. Н. Лисового. М.: СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.

[205] Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

время был опубликован в полном виде. Любопытны наблюдения Алексея Афанасьевича, касающиеся истории Астраханской епархии: небольшое дополнение к Ключаревской летописи и актовая речь о приезде в Астрахань в XVII в. восточных патриархов[206].

А. А. Дмитриевский был внимательным читателем книг, вышедших из под пера других ученых. За время преподавания в Киевской духовной академии он опубликовал в различных периодических изданиях рецензии на книги И. Д. Мансветова, П. Лебедева, прот. В. Нечаева, И. И. Дмитревского, свящ. М. Соколова, А. А. Федотова-Чеховского, архим. Гавриила (Голосова), В. Гардгаузена и С. Ламброса, Н. Ф. Красносельцева, И. Саккелиона, А. Никитина, преосвященного Порфирия (Успенского), Ф. Мейера, М. Гедеона, А. И. Алмазова и К. Д. Попова. Некоторые из этих рецензий имели характер библиографической заметки, другие же по своему содержанию не только корректировали выкладки и выводы авторов оригинальных трудов, но и существенно их дополняли.

Таким образом, находясь на службе в академии, в течение 1886–1903 гг. ученый не раз предпринимал путешествия по православному Востоку и Западу, посетив библиотеки Константинополя, Афона, о. Халки, Иерусалима, Синая, Каира, Афин, Фессалоник, Смирны, Трапезунда, о. Патмоса, Рима, Парижа, Вены, Дрездена и др. Целью этих поездок было максимально подробное изучение значимых книжных и рукописных собраний на предмет выявления неопубликованных памятников православного богослужения. Именно благодаря работе в этих богатейших собраниях восточных и западных библиотек А. А. Дмитриевский обнаружил огромное число литургических рукописей, содержащих важнейшие для истории богослужения (и не только) материалы, введению в научный оборот которых была посвящена вся его жизнь. По материалам командировок ученый издал три тома монументального труда «Описание

[206] Дмитриевский А. А. Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия александрийского и Макария антиохийского и связанное с ними учреждение здесь митрополии: (Актовая речь) // Труды Киевской духовной академии. 1904. № 3. С. 317–358; Он же. К «Ключаревской летописи» дополнение: (Материалы для истории Астраханской епархии). Астрахань, 1899. 12 с.

литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока», принесших ему славу «Русского Гоара».

Поездки расширяли исследовательский кругозор А. А. Дмитриевского, давали обильную пищу на годы не только его собственных исследований, но и его учеников. Кроме того во время этих поездок он знакомился с разными людьми, с которыми потом поддерживал так или иначе связь посредством эпистолярного общения. Например, в декабре 1888 г. в Киев с Афона приехали монахи Симонопетрского монастыря и молились за Божественной литургией, за которой встретили А. А. Дмитриевского. Они сразу узнали друг друга и Алексей Афанасьевич, знавший греческий язык, представил делегацию ректору академии епископу Сильвестру (Малеванскому) и «рассказал о святогорских делах»[207].

Благодаря расширению тематики исследований, обилию выявленного и изданного источникового материала, А. А. Дмитриевскому удалось создать достаточно много научных и научно-популярных работ, по большей своей части не потерявших своей актуальности до настоящего времени.

2.2. Признание заслуг А. А. Дмитриевского. Получение степени доктора церковной истории

В русской науке дореволюционного времени для поощрения ученых за их достижения было учреждено нескольких премий. Одной из таких премий, учрежденной по частной инициативе, была премия митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) — видного русского ученого, специалиста в области истории Церкви. После его смерти на проценты из капитала в 270 000 руб. стали выдаваться 7 премий: 1) Императорской академией наук за сочинения по всем светским предметам раз в 2 года; 2) Синодальная за богословские сочинения раз в 2 года; 3) Синодальная за лучшие учебники для духовных учебных заведений ежегодно; 4–7) внутренние премии для наставников и

[207] Неофит, архидиак. Краткая история нашего путешествия в Россию // Дневники путешествия по России греческих монахов афонского монастыря Симонопетра игумена Неофита и иеродиакона Иоанникия. 1888–1892 / предисл. и комм. Л. А. Герд, пер. с греч. О. Е. Петрунина. М.: «Индрик», 2014. С. 43.

воспитанников Киевской, Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий за лучшие сочинения[208].

В Киевской духовной академии за все время присуждения Макарьевской премии она несколько раз трансформировалась: изменялись правила присуждения и выдвижения сочинений на конкурс, пересматривалась сумма вознаграждения. Кроме того, в КДА премия была разделена на несколько подпремий: большая юбилейная премия, присуждаемая за масштабные, главным образом монографические работы, и премия, выдаваемая профессорам за статьи в журнале «Труды Киевской духовной академии».

За время работы в КДА А. А. Дмитриевский несколько раз выдвигал свои работы для соискания премии митрополита Макария. В первый раз он принял решение выдвинуть свою монографию в 1894 г. На заседание Совета КДА 10 июня 1894 г. А. А. Дмитриевский подал прошение о принятии его книги «Патмосские очерки»[209] для соискания Макариевской премии, выдаваемой за сочинения наставников и воспитанников КДА. Совет работу принял и назначил рецензентом профессора И. И. Малышевского[210]. На заседании Совета КДА, состоявшемся 2 декабря 1894 г., Иван Игнатьевич в самых лестных выражениях охарактеризовал книгу А. А. Дмитриевского, указывая, что ценность ее определяется новизной и научным рассмотрением предмета[211]. Исследование состоялось, по его мнению, благодаря широкому арсеналу источников у автора, которого рецензент характеризовал как знатока Востока и языков. И. И. Малышевский отметил, что Алексеем Афанасьевичем изучено все, представляющее из себя интерес в топографическом, археологическом, археографическом, историческом и бытовом отношении. В завершение своего

---

[208] Подробнее см.: Карпук Д. А. Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский // Православная энциклопедия. Т. 42. М., 2016. С. 498; Академическая премия митрополита Макария (1867–1919): Сборник документов / сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2018. 216 с. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»; вып. 11).

[209] Речь идет о серии статей, опубликованных в ТКДА и вышедших отдельным изданием: *Дмитриевский А. А.* Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894. [4]+310+II с. с илл.

[210] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год. С. 150.

[211] Отзыв заслуженного ординарн. проф. И. Малышевского о сочинении доцента А. Дмитриевского «Патмосские очерки», представленном на соискание Макарьевской премии // Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. Киев, 1895. С. 68–71.

отзыва Иван Игнатьевич рекомендовал удостоить исследование А. А. Дмитриевского полной Макарьевской премии (800 руб.), а Совет академии поддержал эту рекомендацию[212]. За это же сочинение ученый также получил Макарьевскую премию в 1 000 руб. серебром от Святейшего Синода, а его рецензент И. И. Малышевский — 150 руб.[213] По некоторым данным, которые пока что не удалось проверить, рецензентом при соискании синодальной премии был профессор СПбДА Н. В. Покровский[214].

На заседание Совета КДА, состоявшееся 11 апреля 1895 г., А. А. Дмитриевский подал прошение о принятии к рассмотрению для соискания Макарьевской премии его вышедшей в 1894 г. книги «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме»[215] — исследования, представляющего собой издание греческого текста с параллельным русским переводом важного для истории палестинского богослужения памятника первой половины XII в. т. н. Святогробского типикона. Издание сопровождается предисловием, послесловием, большими и ценными историко-литургическими и археологическими комментариями.

Совет КДА прошение принял и поручил проф. П. А. Лашкареву написать отзыв на исследование[216]. На заседании Совета КДА 8 декабря 1895 г. Петром Александровичем был представлен отзыв[217], в котором рецензент очень высоко оценивал работу А. А. Дмитриевского, называя ее выдающимся явлением не только для литургистов, но и палестиноведов[218]. П. А. Лашкарев особо отмечал важность и ценность сделанных ученым комментариев, в которых Алексей

---

[212] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. С. 71.

[213] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1895/96 учебный год // ТКДА. 1896. № 10. С. 424–425. См. также: см.: Известия и заметки: Макарьевская премия // КЕВ. 1896. № 10 (16 мая). Ч. неоф. С. 395; в заметке указывалось, что в течение 1895–1896 гг. это уже третья премия, получаемая ученым за его научные труды .

[214] *Красносельцев Н. Ф.* Письма схим. Матфею (Ольшанскому) // Переписка библиотекаря… С. 304 (письмо от 15 мая 1895 г.). Николай Фомич так сообщает об этом: «Свои “Патмосские очерки” он подал еще на Синодальную Макарьевскую премию; хочет с одного вола содрать две шкуры, и сдерет, вероятно».

[215] *Дмитриевский А. А.* Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме по уставу IX–X века. Казань, 1894. XVI+426+XVI с.

[216] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. С. 107.

[217] Отзыв заслуженного экстраординарного профессора П. Лашкарева о сочинении доцента Академии А. Дмитриевского под заглавием: «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во св. Иерусалиме», представленном на соискание Макарьевской премии // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1895/1896 уч. г. Киев, 1897. С. 73–78.

[218] Там же. С. 73.

Афанасьевич довольно часто для сравнения или подтверждения каких-то своих идей приводил данные из других рукописных источников и даже публиковал целые чины [219]. Благодаря такому подходу, по мнению рецензента, А. А. Дмитриевскому удалось достичь значимых результатов и внести вклад не только в церковную археологию и литургику, но и в изучение топографии Иерусалима. Как сообщает П. А. Лашкарев, к этой книге проявил большой интерес Учебный комитет при Святейшем Синоде, пожелав снабдить ею библиотеки духовных семинарий[220]. При обсуждении отзыва и книги, которая была роздана всем членам Совета кроме проф. Н. И. Петрова, последний уклонился от обсуждения вопроса о присуждении А. А. Дмитриевскому премии. Тем не менее, Совет КДА единогласно удостоил исследование Алексея Афанасьевича полной юбилейной Макарьевской премии в 1 000 руб. и отправил дело на рассмотрение Святейшего Синода. Кроме того, во избежание подобных казусов, когда кто-то из членов Совета не получает заранее конкурсное сочинение, Комиссии по пересмотру правил о премиях митрополита Макария было поручено принять во внимание заявление Н. И. Петрова[221]. 23 января 1896 г. Святейший Синод издал указ, в соответствии с которым премия А. А. Дмитриевскому была присуждена, а рецензент П. А. Лашкарев получил за труд по чтению исследования 200 руб.[222]

Следует отметить, что эта работа А. А. Дмитриевского встретила достаточно жесткую критику со стороны его учителя Н. Ф. Красносельцева[223], спровоцировавшую полемику не только в печати, но и на страницах их взаимной переписки [224]. В том же году в Петербурге вышел очередной том «Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας», в которой А. И. Пападопуло-Керамевс издал по ранней рукописи текст этого Типикона, правда без перевода на русский язык и

[219] Там же. С. 77.
[220] Там же. С. 78.
[221] Там же. С. 79–80.
[222] Указ был заслушан на заседании Совета КДА, состоявшемся 12 февраля 1896 г. (см.: Там же. С. 94–95). См. также: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1895/96 учебный год // ТКДА. 1896. № 10. С. 406. См. также: Дело о денежном вознаграждении преподавателей академии Малышевского И. и Дмитриевского А. 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8397. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[223] Красносельцев Н. Ф. [Рец.] // Византийский временник. Т. 2. 1895. С. 632–655.
[224] Н. Ф. Красносельцев — А. А. Дмитриевскому. 31.03.1896 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491. Л. 107–113 об.; А. А. Дмитриевский — Н. Ф. Красносельцеву. Б. д. Копия // Там же. Д. 192. 10 л.

комментария[225]. Кроме того, Афанасием Ивановичем при издании был допущен целый ряд неверных чтений и ошибок при передаче греческого текста рукописи[226].

Выдвигал на Макарьевскую премию А. А. Дмитриевский и еще одну свою работу — исследование «Русские на Афоне», посвященное биографии игумена Русского Пантелеимонова монастыря архим. Макария (Сушкина)[227], которого ученый знал лично и с которым состоял в переписке. При написании книги автор пользовался широким кругом источников, причем в монастырский архив, как он сам и свидетельствует, его не пустили. От этой книги многие были под впечатлением, читалась она с удовольствием, поэтому была рекомендована Синодом для духовных семинарий, и ученый предоставил для распределения по духовным школам 57 экземпляров[228]. На заседании Совета КДА 11 октября 1896 г. было рассмотрено прошение[229] ученого о принятии работы на рассмотрение и рецензентом назначен профессор КДА И. И. Малышевский. Соперником А. А. Дмитриевского был лишь один его сослуживец — священник Феодор Титов, написавший исследование о митрополите Макарии (Булгакове)[230]. Но этому сочинению А. А. Дмитриевского не повезло. 11 января 1897 г. рецензент работы И. И. Малышевский скончался и, не найдя в его бумагах следов отзыва, А. А. Дмитриевский 4 февраля того же года подал прошение на заседание Совета о назначении нового рецензента[231]. Между тем, еще на заседании Совета 15 июня 1895 г.[232] был инициирован пересмотр положения о премиях митрополита Макария, который был завершен, представлен Совету на его заседании 29 ноября

---

[225] Τυπικὸν τῆς Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίας. Διάταξις τῶν ἱερῶν ἀκολουθιῶν τῆς μεγάλης τῶν παθῶν ἑβδομάδος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, κατὰ τὸ ἀρχαῖον τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίαςἔθος, ἤτοι τὸ ἐν τῷ ναῷ τῆς Ἀναστάσεως. ἐκδίδοται δὲ κατὰ κώδικα τοῦ 1122-ου ἔτους // Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Ἀ. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τ. Β΄. Ἐν Πετρούπολει, 1894. Σ. 1–254.

[226] Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы… С. 1–60.

[227] *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. [2]+422+IV с., 2 илл.

[228] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 216 (письмо А. А. Дмитриевского от 18 июня 1895 г.).

[229] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 45.

[230] Там же. С. 46.

[231] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 98.

[232] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. С. 184–188. См. также: Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1895/1896 уч. г. Киев, 1897. С. 79–80.

1896 г. и отправлен на утверждение Святейшего Синода [233] . Поэтому, рассматривая прошение А. А. Дмитриевского о назначении нового рецензента, Совет вынужден был приостановить рассмотрение сочинения до утверждения новых правил[234].

Новое положение о премиях митрополита Макария было утверждено Синодом 7 февраля 1897 г.[235] и на заседании Совета КДА 19 марта того же года были заслушаны как сами положения, так и доклад секретаря о деле А. А. Дмитриевского. Поскольку новыми правилами изменялся порядок присуждения премии, в соответствии с которым она должна была предоставляться не на основании отзыва рецензента, а путем рекомендации специальной комиссии, представленная на соискание премии книга была возвращена ученому и дело прекращено[236].

Однако А. А. Дмитриевский не мог смириться со сложившимся положением вещей и подал 21 апреля 1897 г. повторное прошение с просьбой принять книгу к рассмотрению на соискание юбилейной премии митрополита Макария. На состоявшемся 24 апреля того же года заседании Совета книга была отдана на отзыв экстраординарному проф. К. Д. Попову[237]. Параллельно с рецензированием книги, Совет на заседании 19 декабря того же года назначил Комиссию для выбора на 1898 г. заслуживающих Макарьевскую премию сочинений преподавателей и студентов КДА в составе архим. Димитрия (Ковальницкого), А. А. Олесницкого и В. З. Завитневича[238].

5 марта 1898 г. ректор КДА архиеп. Сильвестр (Малеванский) был по прошению уволен со своего поста и на его место Синод назначил ректором архим. Димитрия (Ковальницкого) [239] , настроенного по отношению к А. А. Дмитриевскому весьма критически и скептически. Вопрос о рассмотрении монографии Алексея Афанасьевича «Русские на Афоне» долгое время не

[233] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 71–80.
[234] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 98–99.
[235] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 105–111.
[236] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 118–119.
[237] Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 131.
[238] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 учеб. год. Киев, 1898. С. 103–104.
[239] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 учеб. год. Киев, 1898. С. 125–126.

решался, но под конец года пришел в активную стадию. 2 декабря 1898 г. на заседании Совета заслушивался отзыв проф. К. Д. Попова, нашедшего в книге существенные недостатки и присуждавшего соискателю лишь половину премии [240]. Рецензент обвинил ученого в самовосхвалении [241] и излишней панегиристичности[242], а очерк счел компилятивным, неполным и неправдивым[243]. Громкие заявления рецензента произвели впечатление на Совет и после голосования из 10-ти принимавших в нем участие только 4 голоса были за присуждение А. А. Дмитриевскому премии, остальные же выступили против[244]. В итоге Совет постановил «в виду крупных недостатков» признать работу не соответствующей требованиям к сочинениям на Макарьевскую премию [245] и наградить подготовившего отзыв К. Д. Попова 300 руб.

С таким положением вещей А. А. Дмитриевский, конечно же, смириться не мог. Он 13 декабря того же года обратился к бывшему ректору епископу Каневскому Сильвестру (Малеванскому) с представлением[246], в котором назвал отзыв К. Д. Попова «крайне пристрастным и тенденциозным» [247]. В своей отповеди ученый указывал, что провел на Афоне в общей сложности 9 месяцев, благодаря чему смог достаточно ознакомиться с монашеской жизнью и бытом, чтобы на основании этих личных наблюдений написать свою книгу. Также ученый отметил, что К. Д. Попов транслирует неправильный взгляд на афонское монашество и имеет ошибочные представления о его исторической судьбе[248], а сам его отзыв «поверхностный и даже легкомысленный» [249]. В итоге владыка Сильвестр благословил повторно рассмотреть дело о присуждении премии за эту

---

[240] Отзыв экстраординарного профессора К. Попова о сочинении профессора А. Дмитриевского под заглавием: «Русские на Афоне» // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 12–38.
[241] Там же. С. 15.
[242] Там же. С. 24.
[243] Там же. С. 25.
[244] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 130.
[245] Там же. С. 39.
[246] Текст прошения или, как его называют в протоколах, «представления» см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 117–132.
[247] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 117.
[248] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 121–122.
[249] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 131.

книгу. Вопрос рассматривался на заседании Совета 6 сентября 1899 г. в отсутствии А. А. Дмитриевского по причине отпуска. За несколько дней до заседания ректор академии архим. Димитрий (Ковальницкий) предоставил всем членам Совета возможность ознакомиться с представлением А. А. Дмитриевского и во время рассмотрения вопроса К. Д. Попов озвучил в свою очередь пространные объяснения[250] по поводу критики А. А. Дмитриевским его отзыва. К. Д. Попов назвал выражения и суждения А. А. Дмитриевского по отношению к нему несправедливыми и крайне оскорбительными, и в завершение отметил, что из отповеди Алексея Афанасьевича еще более убедился в ненаучности его книги [251] . В завершение рассмотрения вопроса Совет принял решение о несоответствии книги А. А. Дмитриевского требованиям к сочинениям на Макарьевскую премию, а митрополит Киевский Иоанникий 25 сентября того же года утвердил журнал с этим постановлением[252].

Любопытно описание В. П. Рыбинским вопроса о присуждении А. А. Дмитриевскому Макарьевской премии за книгу «Русские на Афоне» [253] , которое блокировал ректор КДА епископ Димитрий (Ковальницкий). Как сообщает В. П. Рыбинский, владыка Димитрий испытывал к профессорам С. Т. Голубеву и А. А. Дмитриевскому особые антипатии, которые он не раз проявлял открыто. В виду особой важности этого фрагмента, приведем его здесь полностью: «Кажется, в 1900 году А. А. Дмитриевский представил на премию книгу об афонском монашестве. Премии в академии вообще присуждались снисходительно, и на них смотрели главным образом, как на пособие к не вполне достаточному содержанию профессоров. Книга Дмитриевского вообще стояла не ниже обычного уровня получающих премию работ. Димитрий, однако, не захотел дать ему премии. Для этого он отдал книгу на рецензию своему другу проф. Попову, у которого были

[250] *Попов К. Д.* Объяснение по поводу возражений на рецензию его проф. Дмитриевского // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 132–157.
[251] Там же. С. 157.
[252] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 218. См. также: Дело о выдаче премий преподавателям академии Рыбинскому В., Дмитриевскому А., Ястребову М. и другим. 6 октября — 31 декабря 1899 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8787. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[253] *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. [2]+422+IV с., 2 илл.

какие-то счеты с Дмитриевским. Попов зло раскритиковал книгу и написал такую рецензию, что премия не была присуждена. В защиту Дмитриевского выступил Голубев, а сам Дмитриевский подал жалобу митрополиту на пристрастное к нему отношение со стороны ректора. Митрополит, конечно, затребовал отзыв о деле от Димитрия, и Димитрий, подтвердив справедливость отказа Дмитриевскому в премии, попутно охарактеризовал его и особенно Голубева так, что дело совсем неожиданно окончилось выговором обоим протестующим…»[254].

4 марта 1900 г. А. А. Дмитриевский подает прошение об участии его новой книги об Арсении Елассонском[255] в конкурсе на соискание юбилейной премии митрополита Макария. На заседании Совета 15 марта того же года прошение рассмотрели и назначили рецензентом экстраординарного профессора В. З. Завитневича[256]. Уже на заседании Совета КДА 15 ноября того же года был заслушан пространный отзыв[257] на книгу А. А. Дмитриевского. Рецензент отмечал, что книга первоначально была сдана в печать слишком поспешно в одном виде, но в процессе печатания авторская концепция поменялась, и пришлось на ходу делать корректировки, отчего некоторые места книги напоминают черновики. Кроме того, В. З. Завитневич пожурил автора за то, что тот не издал полный греческий текст мемуаров Арсения и не снабдил его русским переводом. Рецензент отметил широкую источниковую базу исследования, которое он называл новым и самостоятельным. Главные же замечания были к той части работы, где А. А. Дмитриевский интерпретирует открытый им источник: он слепо доверяет мемуарам Арсения и, не будучи историком по специальности, допускает алогизмы, делает грубые ошибки, которые, впрочем, неспособны навредить науке. В итоге В. З. Завитневич признал определенную значимость работы А. А. Дмитриевского и ценность для науки открытого им памятника, но

[254] Архив МДА. Папка 283. Л. 112.
[255] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. 233 с. + 1 л. илл.
[256] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. Киев, 1901. С. 292.
[257] Экстраординарного профессора В. Завитневича о сочинении ординарного профессора Академии А. Дмитриевского под заглавием: «Архиепископ Арсений Елассонский» и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1900–1901 учебный год. Киев, 1902. С. 140–199.

историческая работа, за которую ученый взялся, по мнению рецензента, «оказалась для него непосильною» [258]. Подытоживая свой отзыв, Владимир Зенонович признал работу достойной половины юбилейной премии митрополита Макария. Однако Совет КДА, рассмотрев все отзывы, признал заслуживающими Макарьевской премии работы других соискателей[259].

А. А. Дмитриевский так и не довел этот проект до завершения. Он планировал второе издание книги, т. к. просил схимонаха Матфея (Ольшанского) проверить его переводы с греческого фрагментов мемуаров архиепископа Арсения[260]. Летом 1900 г. ученый планировал «обработать и отдать в печать» греческий текст мемуаров[261], для чего собирался воспользоваться исправлениями, сделанными о. Матфеем на протяжении 1898–1901 гг. [262] Однако в дореволюционное время он этого не успел сделать и в 1927 г., при составлении библиографии своих трудов, указывал, в частности, что мемуары Арсения намечаются ученым к изданию[263]. До логического завершения этот проект был доведен лишь в наше время, когда в 2007 г. Фотиос Димитракопулос осуществил editio princeps мемуаров Арсения в своей монографии[264], использовав для этого как раз копию из собрания А. А. Дмитриевского, т. к. оригинал в настоящее время утрачен.

В марте 1901 г. А. А. Дмитриевский представил в Совет КДА 1-й том «Описания» на соискание премии митрополита Макария. Однако, как сообщает Алексей Афанасьевич, против него инсинуировали ректор и профессора Киевской духовной академии К. Д. Попов и Н. И. Петров. Был назначен рецензент для этой книги А. И. Булгаков (отец будущего советского писателя М. А. Булгакова),

---

[258] Там же. С. 198.
[259] Там же. С. 200.
[260] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 236 (письмо А. А. Дмитриевского от 2 июня 1899 г.).
[261] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 241 (письмо А. А. Дмитриевского от 4 апреля 1900 г.).
[262] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 245–246 (письмо А. А. Дмитриевского от 7 сентября 1900 г.). Правку русского перевода фрагментов мемуаров см.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 173. 32 л.
[263] Библиографический список трудов печатных и находящихся в рукописях профессора А. А. Дмитриевского // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 108.
[264] Δημητρακόπουλος Φ. Ἀ. Ἀρσένιος Ἐλασσόνος (1550–1626). Βίος, ἔργο, ἀπομνημονεύματα: Συμβολή στὴ μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς. Ἀθῆναι, 2007. Σ. 287–364.

однако два последних профессора и Н. М. Дроздов подговорили Афанасия Ивановича и тот отказался от рецензирования. Однако на заседании Совета, состоявшемся 15 марта, по результатам рассмотрения рецензий на книгу, составленных в 1895 г. профессорами КазДА В. А. Нарбековым и архим. Антонием (Храповицким), было решено отказать А. А. Дмитриевскому в принятии книги на премию митрополита Макария. Как отмечает сам Алексей Афанасьевич, ректор чрезвычайно обозлился за выдвижение ученым своей книги на премию и «повел агитацию» не только против нее, но и против всей «ученолитературной деятельности» Дмитриевского[265].

7 января 1905 г. А. А. Дмитриевский подал в Совет прошение с просьбой принять его новую книгу «Ставленник: руководство для священно-церковнослужителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий» (Киев, 1904) на соискание первой юбилейной премии митрополита Макария. Эта книга представляла собой серию статей, опубликованных А. А. Дмитриевским в журнале «Руководство для сельских пастырей», в которых ученый замечательным образом применяет методы и аппарат критической литургики для решения различных возникающих в пастырской и приходской богослужебной практике частных вопросов. Книгу А. А. Дмитриевский стал создавать по просьбе викария Киевской митрополии, епископа Уманского Сергия (Ланина)[266]и при издании посвятил ее митрополиту Антонию (Вадковскому), потому как тот оказал ему помощь, прислав выдержки из дел Святейшего Синода по поводу различных версий архиерейской присяги[267].

Прошение А. А. Дмитриевского о приеме к рассмотрению книги было рассмотрено на заседании Совета 10 февраля 1905 г., который постановил дать исследование на отзыв экстраординарному профессору Н. К. Маккавейскому[268],

---

[265] Подробнее изложение обстоятельств см. в письме А. А. Дмитриевского от 26 марта 1901 г. (Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 250–251).
[266] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 55.
[267] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 56.
[268] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 228–229.

однако уже в июне последний по причине болезни отказался от рецензирования, поэтому для высказывания мнения о работе ее прочесть было поручено В. Ф. Певницкому[269]. На заседании Совета КДА 1 сентября 1905 г. был заслушан отзыв[270] В. Ф. Певницкого о исследовании А. А. Дмитриевского и М. Ф. Ястребова о сочинении конкурента и оппонента Алексея Афанасьевича К. Д. Попова. Обе книги были очень высоко оценены рецензентами, и каждый присуждал соискателю полную Макарьевскую премию. Совет счел обе книги достойными полной премии и в этой сложной ситуации решил ее разделить между соискателями поровну, выдав каждому по 400 руб.[271] Это исследование А. А. Дмитриевского доныне актуально как с практической, так и с научной точек зрения.

Неоднократно получал Макарьевские премии А. А. Дмитриевский за свои статьи, опубликованные в «Трудах Киевской духовной академии». Так, на заседании Совета КДА, состоявшемся 23 марта 1899 г., Комиссия из проф. А. В. Розова, Ф. Я. Покровского и Ф. С. Орнатского выдвинула на соискание Макарьевской премии (по предсмертному завещанию митрополита, для наставников в 250 руб.) кроме трудов других преподавателей КДА серию статей А. А. Дмитриевского, напечатанных в Трудах Киевской духовной академии и посвященных биографии и мемуарам архиепископа Елассонского Арсения[272]. Комиссия отметила, что ученый почти каждые летние каникулы предпринимает за свой счет заграничные поездки с научными целями и «завидно счастливый на открытие древних письменных памятников»[273]. Рецензенты отмечали ценность для русской истории открытого ученым памятника, охватывающего в хронологическом отношении время с Феодора Ивановича до восшествия на

---

[269] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 496.

[270] [Отзыв] заслуженного ординарного профессора В. Певницкого о сочинении профессора Академии А. Дмитриевского под заглавием «Ставленник» (Киев, 1904 г.) // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 54–78.

[271] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С.78–80.

[272] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений (Суздальский тож) и его вновь открытые исторические мемуары. I. Царствование благочестивейшего царя и великого князя Василия Шуйского храброго (τοῦ πολυάθλου). II. Критико-библиографические сведения о Сумелийской рукописи, содержащей в себе мемуары о жизнеописании Арсения, архиепископа Елассонского // ТКДА. 1898. № 1. С. 3–74; № 3. С. 345–372; № 4. с. 559–595; № 5. С. 88–129.

[273] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1898/9 учебный год. Киев, 1900. С. 122.

царский престол Михаила Федоровича, и указывали на умение А. А. Дмитриевского показать новизну приводимых мемуарами исторических данных [274] . В итоге Совет постановил удостоить А. А. Дмитриевского Макарьевской премии в 250 руб. [275] Вполне возможно, что именно поэтому Алексею Афанасьевичу было отказано в присуждении Макарьевской премии в следующем, 1900 г., когда эти статьи об Арсении вышли в виде книги и представлены повторно.

15 марта 1901 г. Комиссия из профессоров А. Розова, Н. Дроздова и доцента Н. Мухина представила на заседание Совета донесение о признании заслуживающим премии по предсмертному завещанию митрополита Макария в 250 руб. критико-библиографического этюда А. А. Дмитриевского «Древнейшие патриаршие Типиконы иерусалимский (святогробский) и константинопольский (Великой церкви)» и статьи «Новоизбранный патриарх Александрийский Фотий (Перологу)», опубликованные в 1900 г. в Трудах Киевской духовной академии[276]. Совет постановил удостоить работы А. А. Дмитриевского наставнической премии митрополита Макария. В 1907 г. на основе первой статьи и статей, вышедших в 1901–1907 гг. выйдет большая монография Алексея Афанасьевича «Древнейшие патриаршие Типиконы» [277] , которая, по сути, стала продолжением его же исследования иерусалимского Святогробского типикона и Константинопольского типикона Великой церкви. Она особенно ценна содержащимися в ней выписками из Дрезденского Апостола.

На заседании Совета 22 августа 1903 г. комиссия в составе профессоров С. Т. Голубева, А. И. Булгакова и доцента Н. Мухина представила донесение от 17 августа того же года о результатах рассмотрения учено-богословских трудов

---

[274] Там же. С. 123.
[275] Там же. С. 128.
[276] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1900–1901 учебный год. Киев, 1902. С. 252–253, 255. См. также: Выписка из журнала заседания правления академии о выдаче премий преподавателям: архимандриту Платону, Певницкому В., Петрову Н., Дмитриевскому и другим. 9 октября 1901 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8995. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.
[277] *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Киев, 1907. Также см. достаточно серьезную рецензию на исследование ученого: Рец. см.: *Соколов И. И.* [Рец. на: А. А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Критико-библиографическое исследование. Киев, 1907] // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1911. Ч. 34. С. 300–332.

наставников КДА, опубликованных в Трудах Киевской духовной академии в 1902 г. и признала заслуживающими премии митрополита Макария по предсмертному завещанию в 250 руб. следующие исследования А. А. Дмитриевского: «Книга “Требник” и ее значение в жизни православного христианина» и «Новые данные для истории Типикона Великой церкви Константинопольской». Постановлением Совета А. А. Дмитриевский был удостен наставнической премии митрополита Макария[278].

На заседании Совета КДА 19 сентября 1906 г. было заслушано донесение комиссии (в составе профессоров А. В. Розова, С. Т. Голубева и К. Д. Попова) от 6 сентября того же года о статьях преподавателей, опубликованных в Трудах КДА в 1905 г. А. А. Дмитриевскому была присуждена наставническая премия в 250 руб. за статьи о преосвященном Сергие (Ларине), Казанской иконе Божией Матери, Постной Триоди и Хиландарском синаксаре, имеющие «несомненные научные достоинства»[279].

На заседании Совета 4 и 6 сентября 1907 г. было заслушано донесение комиссии из прот. И. Н. Королькова, Н. Мухина и свящ. А. Глаголева от 27 августа того же года о рассмотрении работ преподавателей академии, опубликованных в ТКДА в 1906 г. После троекратного обсуждения в рамках комиссии, Алексею Афанасьевичу была присуждена вторая юбилейная премия имени митрополита Макария в 200 руб. за исследования о службе в честь Никифора Фоки и русских монахах-келлиотах[280].

---

[278] Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. Киев, 1904. С. 66–68.

[279] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. Киев, 1907. С. 182–187. См. также: Доклад секретаря правления академии о выдаче премии преподавателям академии Линицкому П., Певницкому В., Дмитриевскому А. и другим. 9 октября 1906 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9433. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело. Премии были удостоены следующие статьи: *Дмитриевский А. А.* Высокопреосвященный Сергий, архиепископ Ярославский и Ростовский, как викарий Киевской митрополии и председатель Киевского религиозно-просветительного общества: (Речь) // ТКДА. 1905. № 1. С. 49–105 (отд. отт.: Киев, 1905. 57 с.); *Его же.* В честь какой иконы Казанской Божией Матери установлен праздник 22 октября?: (Утешение и ободрение скорбящим об утрате святыни) // ТКДА. 1905. № 1–2. С. 188–219 (отд. отт.: Киев, 1905. [2]+32 с.); *Его же.* Триодь Постная — училище благочестия: (О покаянии и молитве) // ТКДА. 1905. № 3. С. 428–444 (отд. отт.: Киев, 1905. [2]+17 с.); *Его же.* Древнейший Хиландарский Синаксарь по уставу Иерусалимскому: (Ответ академику В. И. Ягичу) // ТКДА. 1905. № 7. С. 473–493.

[280] Извлечения из журналов совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Киев, 1908. С. 28; Дело о выдаче профессорам Петрову Н., Дмитриевскому А. премий имени митрополита Макария. 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9524. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело. Имеются в виду следующие статьи:

Последнее присуждение премии А. А. Дмитриевскому за опубликованные в ТКДА статьи состоялось на заседании совета 19 сентября 1908 г. На нем было заслушано донесение комиссии из профессоров Н. К. Маккавейского, Ф. И. Мищенко и доцента В. Д. Попова, которая предложила наградить статью А. А. Дмитриевского о русских учреждениях в Палестине и Сирии премией преосвященного Сильвестра, епископа Каневского в 117 руб. 80 коп.[281]

Один раз А. А. Дмитриевский получил и другую, существовавшую в КДА премию, — преосвященного Сильвестра. На заседании Совета 31 августа 1904 г. комиссия из профессоров С. Т. Голубева, В. Малинина и доцента С. Песоцкого представила донесение от 30 августа того же года о результатах рассмотрения исследований преподавателей, опубликованных в ТКДА в 1903 г. Комиссией были отмечены 2 работы А. А. Дмитриевского, за которые рекомендовалось дать премию преосвященного Сильвестра, епископа Каневского: о современном паломничестве в Св. Землю и о Служебнике. Совет с рекомендацией согласился и присудил ученому премию в 114 руб.[282]

Наличие в распоряжении А. А. Дмитриевского большого числа рукописных материалов, нуждающихся в систематическом изучении и введении в научный оборот, желание улучшить свое материальное положение, не могли не заставить его задуматься о получении докторской степени.

Летом 1895 г., когда А. А. Дмитриевский завершал печатать 1-й том своего «Описания литургических рукописей», к нему обратился его преподаватель по Казанской духовной академии проф. И. С. Бердников с вопросом, не планирует ли литургист подать свою книгу для получения степени доктора[283]. Этот вопрос был,

---

Дмитриевский А. А. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки // ТКДА. 1906. № 2. С. 237–252; *Его же.* Русские афонские монахи-келлиоты и их просительные о милостыне письма, рассылаемые по России // ТКДА. 1906. № 10. С. 67–107; № 11. С. 298–360. То же в: СИППО. 1907. Т. 18. Вып. 1–2. С. 71–98, 232–248 (отд. отт.: Киев, 1906. [2]+103 с.).

[281] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. Киев, 1909. С. 91–92, 94.

[282] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. Киев, 1905. С. 29–31. Речь идет о работах: *Дмитриевский А. А.* Современное русское паломничество в Св. Землю // ТКДА. 1903. № 6. С. 274–319; *Его же.* Служебник — книга таинственная: (По поводу суждений о ней в новейшей художественной литературе): Публичное чтение // ТКДА. 1903. № 10. С. 188–229. То же в: РдСП. 1903. № 30. С. 327–336; № 31. С. 351–359; № 32. С. 375–386 (отд. отт.: Киев, 1903. [2]+42 с.).

[283] Письмо А. А. Дмитриевского И. С. Бердникову от 19 февраля 1896 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1101. Л. 373.

вероятно, связан с ходившими в Казани слухами о планах А А. Дмитриевского; кроме того, эту информацию Илья Степанович мог получить от своего постоянного корреспондента Н. Ф. Красносельцева.

Алексей Афанасьевич ответил на вопрос отрицательно, но уже в следующем письме, от 19 февраля 1896 г., отметил, что «во все время печатания тома мысль о докторстве была чужда» ему[284] и искать степень в родной академии он стал случайно. Если бы он планировал изначально подавать это сочинение на соискание докторской степени, то он бы расширил предисловие до 15 а. л., но затраты на печатание книги были таковы (1 900 р.), что ему пришлось начать экономить для продолжения проекта [285] . После выхода в свет 1-го тома «Описания» некоторые благорасположенные профессора КДА решили возвести А. А. Дмитриевского в докторскую степень по совокупности заслуг. Однако Алексей Афанасьевич воспротивился этому, зная, что в КДА есть пускай и немногочисленные, но влиятельные в Совете его недоброжелатели, способные тормозить дело[286]. Поэтому он отговорил своих друзей выступить с инициативой по выдвижению его в степень doctor honoris causa, пообещав «начать дело естественным порядком, против которого уже нельзя возражать»[287]. Как отмечает сам Алексей Афанасьевич, «решившись искать ученой степени, я избрал судьею свою родную академию. В ней я воспитался и огласился в ученого (разумею pro venia legendi), в ней я крестился (магистерский диспут), пусть она теперь меня миропомажет и воцерковит, если я, по ее суду, достиг “меры возраста” духовного»[288].

По-видимому, ученый колебался в своих мыслях и хотел представить в качестве докторской диссертации самостоятельное и новое исследование. По-крайней мере, в письме схим. Матфею (Ольшанскому) от 5 декабря 1895 г. он сообщает, что принялся за написание докторской диссертации на тему

---

[284] Там же.
[285] Там же. Л. 373 об.
[286] Там же. Л. 374.
[287] Там же. Л. 374 об.
[288] Там же.

«Московский служебник 1655 года и его судьба до наших дней»[289]. Но, тем не менее, этот проект, по-видимому, был им отложен, т. к. 10 января 1896 г. А. А. Дмитриевский обратился в Совет родной для него Казанской духовной академии с прошением принять первый том его «Описания литургических рукописей» в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора церковной истории[290].

По уставу 1884 г. соискатели докторских ученых степеней в духовных академиях не проходили через процедуру публичной защиты, а для получения искомой степени достаточно было одобрения двух рецензентов, утверждения результатов Советом и Святейшим Синодом. Как свидетельствует сам А. А. Дмитриевский, довольно долгое время никто из членов профессорско-преподавательской корпорации по своей воле не решался взяться за рецензирование его труда и ученый пришел к мысли о том, что совершил ошибку, послушавшись совета своих друзей представить на соискание степени доктора «Описание рукописей»[291]. Сам ученый рассчитывал, что его работу будет читать проф. КазДА Ф. А. Курганов, как специалист по церковной и византийской истории, однако тот наотрез отказался, мотивировав свое нежелание выступить рецензентом тем, что книга представляет собой переписку со старой на новую бумагу труднодоступных рукописей, исторического материала и критики текста рукописей в ней совсем нет[292]. Алексей Афанасьевич, конечно, свое литературное детище воспринимал иначе, отмечая, что в книге очень много полезного для византийской истории материала, который уже был частично оценен видными русскими историками[293]. В том же письме А. А. Дмитриевский таким образом характеризует свою работу над книгой: он готовил ее 14 лет, проверял «каждую мысль, случайно брошенную кем-либо из русских или западных ученых», изучал на месте лично каждую рукопись, чтобы не быть заложником чужих ошибок[294].

---

[289] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 217.
[290] В Совет Казанской духовной академии доцента Киевской духовной академии Алексея Дмитриевского прошение от 10 января 1896 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511 (О соискании степени доктора церковной истории доцентом Киевской академии А. Дмитриевским). Л. 1.
[291] Письмо А. А. Дмитриевского И. С. Бердникову от 17 марта 1896 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1101. Л. 380 об.
[292] Там же.
[293] Там же. Л. 381.
[294] Там же. Л. 381 об.

Совет КазДА на своем заседании назначил для чтения рецензируемой книги ректора академии архим. Антония (Храповицкого) и доц. В. А. Нарбекова. Если В. А. Нарбеков, хотя и не занимался научной разработкой литургики, уже в течение 7 лет (с 1889–1890 уч. г.) преподавал ее студентам церковно-практического отделения, то архим. Антоний никакого отношения к литургике не имел, а в научном плане его интерес был сконцентрирован на богословии и религиозной философии. Рецензенты довольно высоко оценили[295] труд А. А. Дмитриевского и прежде публичного обсуждения отзывов пустили их «циркулировать» между членами Совета[296].

Доцент В. А. Нарбеков подготовил письменный вариант отзыва 29 мая 1896 г.[297] и при обсуждении обоих отзывов и самой книги А. А. Дмитриевского на заседании Совета КазДА, состоявшемся 31 мая 1896 г., возникли определенного рода проблемы, связанные со специфическим представлением отдельных членов корпорации о содержании и жанре докторской диссертации как таковой. Тем не менее, 27 июня того же года в Святейший Синод архиепископом Казанским и Свияжским Владимиром (Петровым) было отправлено представление-ходатайство об утверждении А. А. Дмитриевского в степени доктора церковной истории[298], в котором сообщалось, что «Совет единогласно признал означенное сочинение <…> заслуживающим степени доктора церковной истории»[299]. Вопрос

---

[295] Копии отзывов см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575 (Об утверждении доцента Киевской духовной академии Дмитриевского в степени доктора церковной истории). Л. 2–3 об. (отзыв архим. Антония), л. 4–21 об.. Эти отзывы были напечатаны: *Нарбеков В.* Отзыв о книге доцента Киевской духовной академии А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895», представленной на соискание ученой степени доктора церковной истории // Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1896 г. Казань, 1897. С. 263–297; *Антоний [Храповицкий], архим.* Отзыв о сочинении А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы» // Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1896 г. Казань, 1897. С. 297–300.

[296] РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575 (Об утверждении доцента Киевской духовной академии Дмитриевского в степени доктора церковной истории). Л. 1 об.

[297] Там же. Л. 21 об.

[298] Оригинал Представления Владимира, архиепископа Казанского и Свияжского Святейшему Правительствующему Синоду от 27 июня 1896 г. за № 906 см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575 (Об утверждении доцента Киевской духовной академии Дмитриевского в степени доктора церковной истории). Л. 1–1 об.; черновик документа см. в: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511 (О соискании степени доктора церковной истории доцентом Киевской академии А. Дмитриевским). Л. 2–3.

[299] Представление Владимира, архиепископа Казанского и Свияжского… // РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575. Л. 1 об.; Копия представления Святейшему Синоду // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511. Л. 2 об.

рассматривался на заседании Синода 31 июля 1896 г., никому из архиереев не поручили читать диссертацию[300], 10-го августа члены Синода подписали и «пропустили к исполнению» синодальное определение[301], а 12-го был подготовлен и отправлен преосвященному Владимиру указ об утверждении А. А. Дмитриевского в степени доктора церковной истории[302] — именно эта дата и указывается в формулярном списке А. А. Дмитриевского в качестве официального времени утверждения в степени. Поскольку была вакационная пора, оформление диплома немного затянулось и лишь 30 сентября того же года Совет КазДА подготовил бланк и отправил в Совет Киевской духовной академии докторский диплом А. А. Дмитриевского за № 1856[303].

2.3. Деятельность А. А. Дмитриевского в научных и просветительных обществах

На всем протяжении своей работы в Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский состоял членом различных обществ, находящихся в Киеве: Церковно-археологическом обществе при Киевской духовной академии, Историческом обществе Нестора Летописца, Религиозно-просветительном обществе и Киевском отделении Императорского православного палестинского общества. Кроме того, ученый состоял членом некоторых других обществ, располагавшихся в иных городах Российской империи. Участие в работе этих институций было наиболее заметным и значимым как для самого ученого, так и для самих обществ, что мы проиллюстрируем, охарактеризовав его деятельность в них.

---

[300] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 224 (письмо А. А. Дмитриевского от 15 декабря 1896 г.).
[301] Копия указа Святейшего Синода // РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575. Л. 22.
[302] Указ Его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511 (О соискании степени доктора церковной истории доцентом Киевской академии А. Дмитриевским). Л. 4–4 об.
[303] См.: Отношение Совета Киевской духовной академии от 18 октября 1896 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511. Л. 5; копию докторского диплома А. А. Дмитриевского см.: Там же. Л. 7; оригинал с академическими печатями и подписями: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 5. Л. 2. См. также: Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1896/97 учебный год. Киев, 1898. С. 58.

Деятельность А. А. Дмитриевского в Церковно-археологическом обществе при Киевской духовной академии. На всем протяжении своей работы в Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский состоял также членом различных обществ, базирующихся в Киеве. В скором времени после приезда в Киев Алексей Афанасьевич был избран 24 апреля 1884 г. в действительные члены Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии (далее — ЦАО)[304], в заседаниях которого он принимал самое активное участие, не только исправно их посещая, но и делая доклады. Заседания, носящие «домашний, даже халатный характер», проходили обычно кроме летнего времени ежемесячно на квартире у ректора КДА за чашкой чая. Докладчик располагался на стуле среди присутствующих словно «в монастырской трапезе», а облеченные саном слушатели позволяли себе перебивать его ремарками и подходящими анекдотами. Однако, когда в заседаниях принимал участие Киевский митрополит, тогда собрания были более упорядоченными и многолюдными[305].

По разным оценкам, А. А. Дмитриевский прочел на заседаниях Общества 26–27 докладов[306], уступая в их количестве лишь секретарю ЦАО Н. И. Петрову. Сплошное изучение отчетов и известий ЦАО позволило уточнить количество прочтенных А. А. Дмитриевским докладов (27), и по годам они распределяются следующим образом: 1884 — 3, 1886 — 1, 1887 — 2, 1888 — 1, 1889 — 1, 1890 — 1, 1891 — 1, 1892 — 4, 1893 — 2, 1894 — 2, 1895 — 3, 1896 — 3, 1898 — 3. Тематика выступлений охватывала как различные области интересов ученого, так и, по-видимому, учитывала результаты работы А. А. Дмитриевского в качестве члена ЦАО, которое могло давать исследовательские поручения по изучению как своих собраний, так и находящихся вне Киева.

---

[304] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 2, № 5. С. 126–127. Подробнее об истории и деятельности Общества см.: *Крайній К. К.* Київське Церковно-історичне і археологічне товариство: 1872–1920. Київ, 2001. (Лаврський альманах; вип. 4).

[305] *Петров М.* Скрижалі пам’яті / упоряд. В. Ульяновського, І. Карсим. Київ: Либідь, 2003. С. 131–132.

[306] 26 тем выступлений перечислены К. К. Крайним: *Крайній К. К.* Київське Церковно-історичне і археологічне товариство… С. 81–83; 27 тем докладов, правда, без указания точных дат произнесения, приводит В. И. Ульяновский: *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. Київ, 2003. С. 113.

К последней категории относятся несколько докладов[307], посвященных изучению «вышедших из церковного употребления рукописей и книг Нежинской греческой Михайловской церкви», над разбором которых ученый трудился в 1884–1885 гг.[308] и добился значительных результатов. Правда, не все наработки этого времени и материалы удалось ввести в научный оборот: ученый успел опубликовать лишь небольшую статью о дарах нежинских церквей в ЦАМ и 12 п. л. описания рукописей и печатных книг[309], но «по милости Н. И. Петрова, и нерасположению епископа Сильвестра» 2 уже напечатанных листа были «выброшены из журнала»[310], оставались в типографии и сгорели в пожаре[311]. А. А. Дмитриевский планировал обратиться в Совет с ходатайством о возобновлении издания, указывая, что остались неопубликованными «не более 8 печатных листов», но, видимо, передумал т. к. в протоколах Совета нет и следа от этого ходатайства[312].

Из опубликованных материалов следует, что ученый впервые оказался в Нежине в апреле 1884 г. с целью навести справку в одной из современных греческих богослужебных книг. А. А. Дмитриевский бегло ознакомился с

---

[307] 24 апреля 1884 г. А. А. Дмитриевский сделал в рамках этой тематики 1-й доклад на тему «О двух греческих рукописях библиотеки Нежинского греческого монастыря Михаила Архангела». Ученого привлекли каллиграфический почерк первой рукописи и состав второй, в котором им были выявлены некоторые неизвестные литургические последования (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 2, № 5. С. 126–127). На заседании ЦАО 8 октября того же года ученый сделал сообщение на тему «О рукописях и старопечатных книгах Нежинского греческого Михайловского монастыря, поступивших в Церковно-Археологический музей при Киевской духовной академии» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. октябрь 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 3, № 12. С. 597). Третий доклад в рамках этой тематики был сделан на заседании 12 ноября того же года на тему «Об иконах и других предметах Нежинского греческого Михайловского монастыря и об иконостасе Нежинской Богоявленской церкви» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. ноябрь 1884 г. // ТКДА. 1885. Т. 1. № 1. С. 176).

[308] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. май 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 2, № 7. С. 442. В целом, в 1884 г. А. А. Дмитриевский «несколько раз отправлялся в г. Нежин для осмотра тамошних церковных древностей и особенно древностей греческого Михайловского монастыря» (*Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1884 год // ТКДА. 1885. № 1. С. 429).

[309] *Дмитриевский А. А.* Греческие Нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии // Православное обозрение. 1885. Т. 1. Февр. С. 370–400 (отд. отт.: М., 1885. 32 с.); *Его же.* Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-археологический музей при Киевской духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви // Труды Киевской духовной академии. 1885. Прил. № 3–12. С. 1–160.

[310] Об этом А. А. Дмитриевский сообщил в письме прот. Н. И. Королькову от 20 ноября 1925 г.: А я по-прежнему пишу, не взирая на лица и злые времена…» (переписка Алексея Афанасьевича Дмитриевского и протопресвитера Иоанна Королькова (1904–1928 гг.)) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 30–31.

[311] Об этом сообщил сам ученый в письме к В. Э. Эйнгорну, а последний поделился в примечании к своей рецензии: *Эйнгорн В. [А.]* К истории иноземцев в Старой Малороссии. М., 1908. С. 8.

[312] В бумагах ученого сохранился неоконченный проект обращения: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 94. Л. 1.

городскими храмами Нежина, где осмотрел иконы, утварь, книги и рукописи Михайловского греческого монастыря, а также иконостас Богоявленской церкви. Особо уделял ученый внимание рукописям и старопечатным книгам. Поскольку нужной ему книги в церкви Михаила Архангела не оказалось, его отвели в ризницу этого храма, где и было ученым обнаружено настоящее сокровище. Алексей Афанасьевич взял для детального изучения 2 рукописи, привлекших каллиграфическим письмом и составом, в котором ученым были выявлены неизвестные литургические последования. Уже 24 апреля 1884 г. А. А. Дмитриевский сделал об этих раритетах доклад на тему «О двух греческих рукописях библиотеки Нежинского греческого монастыря Михаила Архангела»[313] и попросил Общество ходатайствовать перед нежинцами об уступке этих и других рукописей и книг ЦАМу. В начале мая того же года ученый поехал уже специально изучать рукописи и книги греческой Михайловской церкви Нежина с официальным запросом от Общества, выявил наиболее ценные и важные памятники, и после согласований с епархиальным начальством 12 сентября 1884 г. выбрал их и вывез в Киев, в ЦАМ[314]. Вероятно тогда же, либо несколько позже, в другие свои посещения Нежина, ученый сформировал собственную подборку источников по теме присутствия и служения греков в этом регионе[315]. Во всяком случае, А. А. Дмитриевский продолжал разрабатывать тему Греческого нежинского братства в течение своей жизни, собираясь написать его историю[316], и делился с некоторыми из своих корреспондентов материалами, давая указания и советы[317].

---

[313] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 2, № 5. С. 126–127.

[314] Подробнее см.: *Дмитриевский А. А.* Греческие Нежинские храмы и их капитальный вклад… С. 370–384; Его же. Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-археологический музей… С. 1–5.

[315] В обеих частях архивного фонда А. А. Дмитриевского отложился ряд документов как в оригиналах, так и рукописных и машинописных копиях: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 215–220, 222; СПбФ АРАН. Ф. 214. Д. 21–25.

[316] Об этом упоминает корреспондент А. А. Дмитриевского из Нежина проф. М. Н. Бережков в письме ученому от 3 января 1915 г.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 365. Л. 3.

[317] Например, в 1928–1929 г. А. А. Дмитриевский отправил некоторые материалы академику Украинской АН К. В. Харламповичу, на основе которых тот написал масштабное исследование о нежинских греках сперва в виде статьи, а позже расширил ее до монографии, опубликованной в недавнее время (*Харлампович К. В.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжені (XVII–XVIII ст.) // Записки історично-філологічного відділу. Кн. XXIV. У Київі, 1929. С. 109–205); *Его же.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжині (XVII—XVIII ст.). До історії національних меншостей в Україні. Ніжин, 2011. 379 с.; см. его письма Алексею Афанасьевичу: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 659.

Тематика остальных выступлений ученого на заседаниях ЦАО определялась преподаваемыми в КДА церковной археологией и литургикой, а также возникшим в 90-е гг. XX в. у него интересом к судьбе православия на Святой Земле и практике организации паломничеств в Палестину[318]. Следует отметить, что А. А. Дмитриевский, как правило, сразу после произнесения докладов дорабатывал их и отправлял в печать.

---

[318] 4) 13 января 1886 г.: «Об ученых заслугах преосвященного Порфирия (Успенского) и профессора Московской духовной академии И. Д. Мансветова» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. январь 1886 года // ТКДА. 1886. Т. 1. № 3. С. 457); 5) 9 февраля 1887 г.: «Описание современных Константинопольских и Афонских храмов и их украшений» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. февраль, март 1887 г. // ТКДА. 1887. Т. 2, № 6. С. 294); 6) 16 марта 1887 г.: «Живопись Афонская, ее характер и богослужебные принадлежности» ((Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. февраль, март, апрель 1887 г. // ТКДА. 1887. Т. 2, № 6. С. 299); 7) 17 ноября 1888 г.: «Духовное завещание Саввы Освященного (новооткрытый памятник)» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. ноябрь 1888 года // ТКДА. 1889. Т. 1, № 1. С. 197); 8) 13 марта 1889 г. «О Критско-Синайской школе иконописи» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март 1889 г. // ТКДА. 1889. Т. 2, № 6. С. 342); 9) 23 февраля 1890 г. совместно с В. З. Завитневичем «О занятиях VIII Археологического съезда в Москве и о бывшей при нем археологической выставке» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за февраль 1890 года // ТКДА. 1890. Т. 3, № 9. С. 156); 10) 1891 г.: «Кто был автором стихиры “Господи, иже во многия грехи впадшая жена”» (*Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1891 год // ТКДА. 1892. Т. 1, № 2. С. 351); 11) 10 февраля 1892 г.: «Сарапион, епископ Тмуитский, и его Евхологий» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии [январь, февраль 1892 г.] // ТКДА. 1892. Т. 1, № 4. С. 675); 12) 16 марта 1892 г.: «О книге Иоанна Сакеллиона Βιβλιοθήκη Πατμιακή, Афины, 1890 года» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март 1892 г. // ТКДА. 1892. Т. 2, № 5. С. 179); 13) 20 апреля 1892 г.: «По поводу римских празднеств в честь археолога G. B. Rossi» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель 1892 года // ТКДА. 1892. Т. 2, № 6. С. 363); 14) 14 декабря 1892 г.: «О памятниках иконографии, находящихся в Патмосском монастыре св. Иоанна Богослова» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за декабрь 1892 г. // ТКДА. 1893. Т. 1, № 2. С. 290); 15) 22 февраля 1893 г.: «Служебник Московский 1655 года и его последующая судьба (по неизданным материалам) (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за январь — апрель 1893 года // ТКДА. 1893. Т. 2, № 6. С. 343); 16) 18 октября 1893 г.: «Сохранились ли следы существования в Иерусалиме храма св. Софии, построенного Юстинианом» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за октябрь 1893 г. // ТКДА. 1893. Т. 3, № 12. С. 591); 17) 17 октября 1894 г.: «Из истории исправления Служебника при патриархе Никоне» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за август — октябрь 1894 г. // ТКДА. 1894. Т. 3, № 12. С. 661); 18) 22 ноября 1894 г.: «О пещном действе» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за ноябрь и декабрь 1894 г. // ТКДА. 1895. Т. 2, № 5. Приложение. С. 1); 19) 27 февраля 1895 г.: «Завещание Феодора Студита и его отношение к завещанию Афанасия Афонского» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за январь — март 1895 г. // ТКДА. 1895. Т. 2, № 6. Приложение. С. 8); 20) 17 апреля 1895 г.: «О византийских монастырях Пандократорском и Евергедитском» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель и май 1895 г. // ТКДА. 1895. Т. 2, № 7. Приложение. С. 1); 21) 18 сентября 1895 г.: «О Студийских или ктиторских типиконам в западных библиотеках» (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за сентябрь и октябрь 1895 г. // ТКДА. 1895. Т. 3, № 12. Приложение. С. 1); 22) 1896 г.: «Критические замечания на книгу Мейера — Главные документы для истории Афонского иночества» (Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1896 год // ТКДА. 1897. Т. 1, № 4. С. 647–648); 23) 1896 г.: «О Святынях иерусалимских во время господства крестоносцев» (Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1896 год // ТКДА. 1897. Т. 1, № 4. С. 648);
24) 1896 г.: «Православное русское паломничество на Запад (в Бари и в Рим)» (Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1896 год // ТКДА. 1897. Т. 1, № 4. С. 648)
25) 1898 г.: «Из мемуаров Арсения Елассонского о Димитрие Самозванце»; 26) 1898 г.: «О Сумелийском Трапезунтском монастыре»; 27) 1898 г.: «Поминки по профессоре Московского университета А. С. Павлове» (Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год // ТКДА. 1899. Т. 1, № 3. С. 502).

При ЦАО существовал Церковно-археологический музей (далее — ЦАМ), хранивший внушительное количество древних артефактов и памятников христианского искусства и довольно активно пополнявшийся благодаря дарам и покупкам. А. А. Дмитриевский со своей стороны неоднократно делал пожертвованиям в ЦАМ: в августе 1884 г. серебряную копейку царя Михаила Феодоровича, найденную в деревне Ершове Калужской губ., Тарусского уезда, и серебряный мордовский сустуг[319]; в октябре 1884 г. 2 серебряные монеты Петра I[320]; в январе 1885 г. буддийско-ламайское священное изображение бурхана, полученное от киргиза Астраханской губ., и 2 польских и турецких монеты[321]; в январе 1893 г. гравюру на восшествие Александра I на престол работы Фердинанда де-Мейс[322]; в апреле 1895 г. свою книгу «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме IX–X в.». Казань, 1894[323]; в мае 1895 г. найденную в Енотаевском уезде Астраханской губернии медную татарскую монету с изображением всадника[324]; в 1896 г. 3 серебряных монеты: 1 папы Бенедикта XIV с изображением св. Петрония Бенонского, 1746 г., и 2 итальянского короля Виктора Еммануила, 1860 г.[325]

Кроме собственных пожертвований в ЦАМ, А. А. Дмитриевский неоднократно выступал посредником, через которого жертвователи передавали свои дары. Вполне вероятно, что эти пожертвования были результатом специально направленной разъяснительной работы со стороны Алексея Афанасьевича. Ученый передавал в ЦАМ дары от бывшего ктитора храма

---

[319] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. август 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 3, № 10. С. 302.
[320] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. октябрь 1884 г. // ТКДА. 1884. № 10. С. 599.
[321] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. январь 1885 г. // ТКДА. 1885. Т. 1. № 4. С. 604.
[322] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за январь — апрель 1893 г. // ТКДА. 1893. Т. 2, № 6. С. 343.
[323] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель и май 1895 г. // ТКДА. 1895. Т. 2, № 7. Приложение. С. 1.
[324] Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель и май 1895 г. // ТКДА. 1895. Т. 2, № 7. Приложение. С. 5.
[325] Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1896 год // ТКДА. 1897. Т. 2, № 5. С. 641–642.

Нежинского греческого Михайловского монастыря А. Г. Кунелакиса [326], благочинного нежинских церквей свящ. Ф. Васютинского [327], законоучителя нежинской женской гимназии свящ. Евф. Кушакевича [328], из нежинской кладбищенской церкви [329], благочинного 2-го благочиннического округа Астраханского уезда свящ. Софонии Богомолова [330] и протоиерея Гостинно-Николаевской церкви Г. Г. Покровского[331].

Как член ЦАО А. А. Дмитриевский исполнял и другие поручения его руководства. Так, например, в 1886 г. ученый был включен в состав комиссии по осмотру крыши и куполов киевского Софийского собора, цель которого состояла в экспертной оценке возможности восстановления их первоначального облика[332]. В 1897 г. Алексея Афанасьевича включили в состав Киевского отделения

---

[326] В ЦАМ в апреле 1884 г. были переданы 2 греческие богослужебные книги (Евангелие печатное в лист 1687 г., Апостол печатный 1777 г.), бронзовая медаль, 7 греко-римских монет, 51 поздних китайских, японских, румынских, западноевропейских, польских и русских монет (Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1884 год // ТКДА. 1885. № 1. С. 418–419; Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. апрель // ТКДА. 1884. Т. 2, № 5. С. 129–130). В сентябре того же года из Нежинского греческого Михайловского монастыря «с разрешения Черниговского преосвященного Вениамина … и благочинного нежинских церквей свящ. Ф. Васютинского», переданы шелковая пелена, плащаница, иконы, календарь на досках, 27 греческих и славянских рукописей (из них 2 пергаменных греческих Евангелия X и XI–XII вв. и 2 славяно-румынских Евангелия XVI в., 27 греческих печатных церковно-богослужебных книг (полный список подаренного см.: Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. сентябрь 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 3, № 11. С. 447–448). В апреле 1885 г. переданы складень молдавский XVIII в., 17 монет русско-румынских, новогреческих и западноевропейских (Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1885 год // ТКДА. 1886. № 2. С. 274; Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. апрель 1885 г. // ТКДА. 1885. Т. 2. № 7. С. 485).

[327] Была передана икона Нерукотворенного Спаса XIX в., нотный рукописный Ирмологий XVIII в. (*Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1885 год // ТКДА. 1886. № 2. С. 273).

[328] Переданы в ЦАМ икона Пресвятой Троицы XVIII в., печатные Евангелия и Апостолы на греческом языке (Упсала, 1690-е гг.), печатная книга на латинском языке 1678 г. изд., медная трехсторонняя печать (*Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1885 год // ТКДА. 1886. Т. 1, № 2. С. 274). В октябре 1884 г. переданы жетон на союз трех императоров Александра I, Франца I и Фридриха Вильгельгма III 1813 г., шеляг польский Сигизмунда III 1615 г., шеляг Георга Вильгельма Пруского 1637 г., мордовский сустуг, полтина Петра I 1719 г., гривенник Елизаветы Петровны 1757 г. и русско-польский злотый Александра I (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. октябрь 1884 г. // ТКДА. 1884. Т. 3, № 12. С. 599).

[329] При содействии священников Ф. Васютинского и Евф. Кушакевича были пожертвованы «большая на полотне картина хождения души по мытарствам, начала нынешнего века» (*Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1885 год // ТКДА. 1886. № 2. С. 273).

[330] С А. А. Дмитриевским в мае 1887 г. была передана медная византийская монета императора Иустина, найденная в земле с татарскими монетами (Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. май 1887 г. // ТКДА. 1887. Т. 2, № 7. С. 457).

[331] О. Григорий в 1897 г. передал в ЦАМ рукописи: «История Русской Церкви», преподанная студентам Киевской дух. академии в 1841/2 учебном году и «О христианской вере апостольской Армянской церкви» (Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1897 год // ТКДА. 1898. Т. 1, № 3. Приложение. С. 15).

[332] Предполагаемое восстановление первоначального вида куполов на Киево-Софийском соборе // КЕВ. 1886. № 7 (1 апреля). Ч. неоф. С. 304–306.

Предварительного комитета Археологического съезда в Киеве, который планировалось провести в 1899 г.[333] На заседании ЦАО, состоявшемся 12 июня 1898 г., А. А. Дмитриевский вместе с П. А. Лашкаревым был избран устроить при Киевском университете церковно-археологический отдел выставки в рамках подготовки к съезду[334], однако, по-видимому, им обоим не удалось внести ощутимый вклад в ее устройство: хотя их имена и приводятся в личном составе депутатов съезда, но не упоминаются среди сотрудников Предварительного комитета[335]. Алексей Афанасьевич на лето и начало осени имел большие планы за границей, потому, вероятно, в съезде не принимал участия[336].

Кроме того, нежелание заниматься подготовкой выставки и принимать участие в работе Предварительного комитета могло быть обосновано и тем, что в конце 1898 г. А. А. Дмитриевский вышел из состава Церковно-археологического общества, вступив в открытый конфликт с его секретарем и директором ЦАМа при КДА Н. И. Петровым. События стали стремительно развиваться осенью 1898 г. после второй кражи из ЦАМа нескольких монет. На заседании ЦАО 5 октября обсуждались новые изменения Устава Общества, в соответствии с которыми вводилась новая должность помощника заведующего ЦАМом и делались намеки на бессрочную службу заведующего музеем. Между А. А. Дмитриевским и секретарем ЦАО и по совместительству заведующим ЦАМом проф. Н. И. Петровым разгорелась жаркая дискуссия по поводу задач, стоящих перед Обществом и музеем, результатом которой стало составленное А. А. Дмитриевским и приложенное к протоколу заседания особое мнение[337]. Однако ситуация, видимо, настолько задела А. А. Дмитриевского, что 28 октября того же

---

[333] Отчет Предварительного комитета // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. С. 53.

[334] *Петров Н. И.* Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год // ТКДА. 1899. Т. 1, № 3. С. 503.

[335] Личный состав съезда // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. С. 34; Состав Киевского отделения Предварительно комитета // Там же. С. 12.

[336] См. письма А. А. Дмитриевского от 2 июня и 24 декабря 1899 г.: *Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим.* Русская наука и Афон… С. 236–241; Личный состав съезда // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. С. 39.

[337] Записка Миколи Петрова в Раду КДА. 27 листопада 1898 р. // *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки. С. 125.

года он представил в Совет КДА очень любопытную докладную записку[338], в которой обвинял заведующего ЦАМом Н. И. Петрова в неспособности руководить таким сложным учреждением, как музей.

В записке А. А. Дмитриевский сформулировал несколько претензий к Н. И. Петрову и в целом к ЦАО, которые стали отчасти результатом недостаточно хорошего знания Алексеем Афанасьевичем истории Общества и накопившихся многолетних противоречий между учеными. Алексей Афанасьевич полагал, что музей должен подчиняться исключительно преподавателю церковной археологии и литургики, и функция его учебно-прикладная — дать студентам, изучающим указанные дисциплины, наглядный материал для лучшего освоения предмета. Между тем, практически с самого своего появления в 1872 г. ЦАМ представлял собой более научный, публичный музей, аккумулирующий в себе значительное число древностей, но неудобный в плане проведения в нем систематических занятий в лекционно-наглядном формате. А. А. Дмитриевский, как он сам свидетельствует, пытался проводить в ЦАМе занятия по церковной археологии в будние и иногда в воскресные дни, однако столкнулся с противодействием со стороны Н. И. Петрова и в результате получил от ректора запрет на проведение лекций в музее. Именно Н. И. Петров, по мнению А. А. Дмитриевского, уничтожил учебно-прикладную функцию ЦАМа. Вторая претензия А. А. Дмитриевского к Н. И. Петрову и ЦАО состояла в том, что за 14 лет службы в КДА ученый ни разу не был избран на какие-либо должности в Обществе, хотя работал на его благо с большим усердием и внес ощутимый вклад в пополнение его коллекций. В качестве третьей претензии ученым было поставлена на вид плохая разработанность концепции экспозиций ЦАМа, которая характеризовалась А. А. Дмитриевским как «декоративная», не позволяющая пользоваться им как полноценным педагогическим ресурсом, который мог бы играть большую роль в деле становления как преподавателей, так и воспитывать эстетический вкус у студентов.

---

[338] Записка Олексія Дмітрієвського в Раду КДА від 28 жовтня 1898 р. // *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки. С. 110–116.

9 ноября была образована Комиссия из прот. Кл. И. Фоменко, А. А. Дмитриевского и прот. И. Н. Королькова для инвентаризации музея[339]. Проф. Н. И. Петров очень обиделся на критику Алексея Афанасьевича и 27 ноября 1898 г. подал в Совет КДА собственную записку[340], в которой аргументировано ответил на критику Дмитриевского. Судя по всему, сложившаяся проблема рассматривалась на заседании Совета академии, хотя в протоколах Совета КДА этот журнал не стали публиковать. На заседании Совета ректор КДА высказал 2 важные мысли: 1) музей принадлежит не академии, а существующему при ней ЦАО и 2) преподаватель церковной археологии может создать свой учебно-вспомогательный музей и КДА для его организации готова запросить у Св. Синода 1000 руб.[341] По мнению Н. И. Петрова, А. А. Дмитриевский добивался отстранения его от должности заведующего ЦАМом, но если бы это произошло, то, по заявлению ректора КДА, Петров в тот же бы день лишился предоставленной ему Св. Синодом казенной квартиры[342], что лишило бы его крова над головой. В этой ситуации корпоративная этика, невозможность продолжения дискуссии и глубоко взволновавшая и повергнувшая в уныние поддержка ректором Н. И. Петрова заставили А. А. Дмитриевского написать 1-го декабря того же года прошение[343] о выходе из состава членов Церковно-археологического общества и сложении с себя обязанностей члена комиссии по ревизии имущества ЦАМа. На заседании ЦАО 2 декабря прошение Алексея Афанасьевича было удовлетворено, и вместо него в комиссию был назначен Ф. Я. Покровский. В том же году комиссия приступила к занятиям, но о результатах сообщила лишь в 1899 г.[344]

---

[339] Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год // ТКДА. 1899. Т. 1, № 3. С. 504–505.

[340] Записка Миколи Петрова в Раду КДА. 27 листопада 1898 р. // *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки. С. 116–126.

[341] Записка Олексія Дмітрієвського на ім’я обер-прокурора Св. Синоду Костянтина Побєдоносцева від 24 квітня 1901 р. // *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки. С. 127–128.

[342] *Петров М.* Скрижалі пам’яті. С. 140.

[343] Заява Олексія Дмітрієвського на імя голови ЦАТ єпископа Димитрія від 1 грудня 1898 р. // *Петров М.* Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки. С. 126–127.

[344] Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год // ТКДА. 1899. Т. 1, № 3. С. 483

Несмотря на то, что у этой полемики двух ученых не было сиюминутного результата, ее последствия в скором времени дали о себе знать. В 1901 г. был разработан и отправлен на утверждение Святейшего Синода новый Устав ЦАО, по одному из пунктов которого предполагалось вывести ЦАМ из подчинения Киевской духовной академии и закрепить его за Обществом. А. А. Дмитриевский, не желая, чтобы ЦАМ перестал быть достоянием КДА, 24 апреля 1901 г. обратился с письмом к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, прося «помешать осуществлению на деле упомянутого параграфа о музее» [345] . Оригинал[346] письма остался в Киеве, поэтому можно осторожно предположить, что оно не было отправлено А. А. Дмитриевским. Во всяком случае, устав ЦАО был утвержден Синодом 22 августа — 5 сентября 1901 г. в предложенном виде с переподчинением музея Обществу и преподавателям академии позволен было при согласовании с заведующим читать в ЦАМе лекции[347].

Деятельность А. А. Дмитриевского в Историческом Обществе Нестора Летописца. Проф. А. А. Дмитриевский состоял также действительным членом Исторического общества Нестора Летописца, функционировавшего при Киевском университете св. Владимира. Ученый был избран в действительные члены на заседании Общества 13 мая 1884 г. и состоял в нем даже после отъезда из Киева в Петербург, вплоть до его закрытия в 1917 г.[348] Хотя в Общество входили и его заседания посещали некоторые профессора Киевской духовной академии, все же это была другая, университетская среда. Как правило, состав Совета общества, которым курировалась вся его деятельность, обновлялся каждые 3 года. На заседании 27 ноября 1905 г. состоялись очередные выборы должностных лиц, в результате которых председателем Общества был выбран историк Н. П.

---

[345] Записка Олексія Дмітрієвського на ім'я обер-прокурора Св. Синоду Костянтина Побєдоносцева від 24 квітня 1901 р. // *Петров М.* Скрижалі пам'яті: коментарі та додатки. С. 127–128. Подробнее о конфликте А. А. Дмитриевского и Н. И. Петрова см.: Подробнее см.: Ульяновский В. И. Церковно-археологический музей при КДА: борьба идей — Петров и Дмитриевский // Проблемы славяноведения. Брянск, 2002. Вып. 4. С. 121–146.

[346] ИР НБУВ. Ф. XIII. Д. 4828. Л. 1–2 об.

[347] См.: Устав Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии // ТКДА. 1901. № 12. Приложение. С. 1–8.

[348] Сведения о заседаниях Исторического общества летописца Нестора в 1878–87 гг. // ЧИОНЛ. Кн. 2. Киев, 1888. Отд. 1. С. 239; Список членов Общества Нестора-летописца к 1-му января 1915 г. // ЧИОНЛ. Кн. 24. Вып. 2. Киев, 1914. Приложение. С. 5.

Дашкевич (1852–1908), а товарищем председателя — А. А. Дмитриевский[349]. В этом качестве ученый принимал на заседании Общества 16 апреля 1906 г. графиню П. С. Уварову (1840–1924), попросив ее на время заседания быть почетным председателем[350]. После прочтения А. А. Дмитриевским доклада, Прасковья Сергеевна сделала сообщение, в котором доложила элементы программы XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г., касающиеся религиозного и гражданского искусства. Алексей Афанасьевич и другие присутствующие сделали дополнения к этой программе. На том же заседании было образовано Киевское отделение Предварительного комитета по устройству съезда, в который был включен от Общества в т. ч. и Алексей Афанасьевич[351]. Наконец, на этом же заседании были определены и депутаты на III Областной историко-археологический съезд во Владимире, который должен был состояться в июне 1906 г. Изъявили желание поехать члены общества А. А. Дмитриевский, Г. Г. Павлуцкий, В. Т. Георгиевский и В. П. Каньшин[352]. Деятельность А. А. Дмитриевского в качестве товарища председателя была недолгой: уже на заседании Общества, состоявшемся 11 ноября 1907 г., ученый отказался от должности в связи с переездом в Петербург[353].

За время членства в Обществе ученым было сделано в период с 1888 по 1907 гг. 18 докладов на различные темы, отражающие его научные интересы и открытия. 6 сообщений ученый сделал в рамках своей основной специальности — литургики и церковной археологии, осветив вопросы истории богослужения Страстной седмицы и Пасхи в IX–X вв., чина пещного действа, и рассказав о новых источниках и открытии литургических памятников[354]. 2 доклада Алексей

---

[349] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го ноября 1905 г. по 19-е марта 1906 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 45–77.

[350] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 16-го апреля по 27-е октября 1906 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 79.

[351] Там же. С. 83.

[352] Там же.

[353] *Лобода А. М.* Отчет о состоянии и деятельности Исторического общества Нестора-летописца в 36-м году его существования, с 27 октября 1907 г. по 27 октября 1908 г. // ЧИОНЛ. Кн. 21, вып. 3. Киев, 1909. С. 88.

[354] 11 декабря 1888 г.: «Страстная седмица и Пасха в Иерусалиме в IX и X вв., по вновь открытому памятнику» (Сведения о заседаниях Исторического общества летописца Нестора в 1888 г. // ЧИОНЛ. Кн. 3. 1889. Отд. 1. С. 27–29); 26 февраля 1889 г.: «Критско-Синайская школа иконописи» (Сведения о заседаниях Исторического общества Летописца Нестора в 1889 году // ЧИОНЛ. Кн. 4. Киев, 1890. С. 4–5); 6 февраля 1894 г.: «О чине пещного действа»

Афанасьевич посвятил теме новооткрытых им источников, важных для истории России и греческого присутствия в нашей стране[355]. Несколько докладов А. А. Дмитриевский прочитал памяти выдающихся и видных ученых, с которыми он либо сам был знаком, либо это были члены Общества Нестора Летописца[356]. Новая исследовательская область — палестиноведение и русское присутствие в Святой Земле — была отмечена двумя выступлениями[357]. Наконец, среди выступлений А. А. Дмитриевского были и библиографические, цель которых состояла в ознакомлении слушателей с новыми важными исследованиями[358].

(Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. // ЧИОНЛ. Кн. 9. Киев, 1895. Отд. 1. С. 12–13); 1 мая 1894 г.: «Новые данные по исправлению богослужебных книг в Москве в XVII и XVIII вв.» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. // ЧИОНЛ. Кн. 9. Киев, 1895. Отд. 1. С. 30); 10 ноября 1902 г.: «Предполагаемые и действительные вновь открытые комментарии к “Обряднику” Константина Порфирогенета (De cerimoniis aulae Byzantinae)». Доклад вызвал дискуссию, в которой приняли участие члены Общества Ф. Я. Фортинский, профессора В. Н. Малинин и В. З. Завитневич (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за ноябрь и декабрь 1902 г. // ЧИОНЛ. Кн. 17. Киев, 1903. Отд. 1. С. 69–73); 6 мая 1903 г.: «Дрезденская рукопись как литургический памятник, в связи с памятниками древней русской письменности» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за апрель — октябрь 1903 года // ЧИОНЛ. Кн. 17. Киев, 1903. Отд. 1. С. 117–120); 28 ноября 1904 г.: «Хиландарский Синаксарь преп. Саввы Сербского». Доклад вызвал дискуссию со стороны Т. Д. Флоринского и М. В. Довнар-Запольского (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 10–11); 16 апреля 1906 г.: «Неизданная служба в честь византийского императора Никифора Фоки» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 16-го апреля по 27-е октября 1906 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 79–80);

[355] 10 декабря 1889 г.: «Нежинское греческое братство и его устав» (Сведения о заседаниях Исторического общества Летописца Нестора в 1889 году // ЧИОНЛ. Кн. 4. Киев, 1890. С. 15); 28 сентября и 12 октября 1897 г.: «Вновь открытые мемуары архиепископа Арсения Елассонского (Суздальского тоже) о смутном времени» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 года // ЧИОНЛ. Кн. 12. Киев, 1898. Отд. 1. С. 29).

[356] 16 февраля 1897 г.: «[Памяти И. И. Малышевского] (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 года // ЧИОНЛ. Кн. 12. Киев, 1898. Отд. 1. С. 14); 15 ноября 1898 г.: «Памяти умершего д. чл. Общества Нестора-летописца Н. Ф. Красносельцева» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1898 г. по 27-е октября 1899 г. // ЧИОНЛ. Кн. 13. Киев, 1899. Отд. 1. С. 143–145); 25 ноября 1898 г.: «Обзор научных трудов недавно почившего члена Общества Нестора-летописца А. С. Павлова» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1898 г. по 27-е октября 1899 г. // ЧИОНЛ. Кн. 13. Киев, 1899. Отд. 1. С. 149–152); 16 сентября 1907 г.: «Е. Н. Дверницкий и А. А. Кочубинский» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 69–70).

[357] 9 апреля 1907 г.: «К предстоящему 25-летнему юбилею Императорского православного палестинского общества». Доклад вызвал дискуссию, в рамках которой члены общества Д. В. Туткевич, П. П. Соколов и А. В. Стороженок высказали несколько замечаний (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 64); 1 октября 1907 г.: «О паломнических караванах в Назарет на праздник Благовещения». По поводу доклада членом Общества Г. Е. Афанасьевым были сделаны замечания (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 76–79).

[358] 15 мая 1889 г.: «Материалы для истории сношений Кавказа с Россией в XVI и XVII вв., изданные Белокуровым, М. 1889 г.» (Сведения о заседаниях Исторического общества Летописца Нестора в 1889 году // ЧИОНЛ. Кн. 4. Киев, 1890. С. 11); 11 апреля 1904 г.: «Критический анализ исследования проф. К. Попова “Блаженный Диадох и его творения”». По поводу выступления-рецензии А. А. Дмитриевского выступил С. Т. Голубев, отметивший и важность замеченных ученым недостатков, и серьезное значение для науки отрецензированного сочинения (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за январь — апрель 1904 года // ЧИОНЛ. Кн. 18. Киев, 1904. Отд. 1. С. 57–61).

Кроме сообщения результатов своей научной деятельности, А. А. Дмитриевский и сам принимал активное участие в дискуссиях по поводу тех или иных докладов самого широкого спектра тем, показывающих широту интересов ученого и его эрудицию. Вероятно, на ранних порах существования Общества в протоколах не всегда аккуратно отражались как сами дискуссии с содержанием их реплик, так и их участники. Безусловно, для нас важны сами факты[359] участия А. А. Дмитриевского в дискуссии по какому-либо докладу, но гораздо более важны и интересны те, которые передают суть выступлений ученого. Таковых не так много, как первых. 21 марта 1899 г. ученый выступил по поводу доклада председателя общества В. Б. Антоновича о полном русском переводе проф. А. Г. Муркоса «Описания архидиаконом Павлом Алеппским путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию в 1653 году». Алексей Афанасьевич указал на несколько «погрешностей и даже грубых ошибок в описании путешествия, объясняя их тем, что Павел Алеппский писал его, очевидно, не по

[359] Перечислим случаи, когда ученый принимал участие в дискуссиях, но содержания его выступлений протоколы не передают: 8 декабря 1891 г. при обсуждении доклада проф. В. З. Завитневича «К вопросу об имени “Русь”» (Сведения о заседаниях Исторического общества Летописца Нестора в 1891 году // ЧИОНЛ. Кн. 6. Киев, 1892. С. 20); 23 апреля 1900 г. А. А. Дмитриевский принимал участие в обсуждении доклада Ф. И. Титова, посвященного разбору 2-го тома истории Русской Церкви проф. Е. Е. Голубинского (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за апрель — октябрь 1900 г. // ЧИОНЛ. Кн. 14. Киев, 1900. Отд. 1. С. 63); 25 ноября 1901 г. ученый сделал дополнение к докладу Н. И. Петрова, посвященного археологической находке, хранящейся в коллекции Б. И. Ханенка «О княжеской диадеме и бармах» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с ноября 1901 г. по март 1902 г. включительно // ЧИОНЛ. Кн. 16. Киев, 1902. Отд. 1. С. 3); 16 декабря 1901 г. А. А. Дмитриевский в числе прочих участвовал в обсуждении доклада поч. чл. Общества Н. П. Дашкевича «Один из памятников полемической литературы XVI в. (послание прота Афонской горы 1534 г.)» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с ноября 1901 г. по март 1902 г. включительно // ЧИОНЛ. Кн. 16. Киев, 1902. Отд. 1. С. 5); 26 мая 1902 г. А. А. Дмитриевский сделал замечания по поводу доклада О. И. Левицкого на тему «О командировке в г. Полтаву и Миргородский уезд для осмотра старинных церквей» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с апреля по октябрь 1902 г. включительно // ЧИОНЛ. Кн. 17. Киев, 1903. Отд. 1. С. 8); 23 февраля 1903 г. А. А. Дмитриевский выступал в дискуссии по поводу доклада А. М. Лободы «К вопросу о древле-русской образованности в до-татарский период» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за январь — март 1903 года // ЧИОНЛ. Кн. 17. Киев, 1903. Отд. 1. С. 86); 30 ноября 1903 г. ученый выступал в дискуссии по поводу доклада Г. Г. Павлуцкого «Деревянная церковная архитектура в Юго-Западном крае в XVII и XVIII вв.» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за ноябрь и декабрь 1903 года // ЧИОНЛ. Кн. 18. Киев, 1904. Отд. 1. С. 23); 16 января 1904 г. А. А. Дмитриевский принимал участие в дискуссии по поводу двух докладов Г. Г. Павлуцкого: «О деревянных резных изображениях путтов в южно-русских церквах XVII–XVIII вв.» и «Наиболее ранние свидетельства литературных памятников о построении деревянных церквей» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за январь — апрель 1904 года // ЧИОНЛ. Кн. 18. Киев, 1904. Отд. 1. С. 40, 41); 24 сентября 1906 г. — по поводу доклада Г. Г. Павлуцкого «Памятники каменной церковной архитектуры стиля “empire”» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 16-го апреля по 27-е октября 1906 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 97); 11 марта 1907 г. — в обсуждении доклада Г. М. Барац «Еврейские источники для летописных сказаний о св. Владимире и Рогнеде» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца // ЧИОНЛ. Кн. 20. Киев, 1907. Отд. 1. С. 55); 16 сентября 1907 г. — по докладу Т. Д. Флоринского, сообщившего о своем труде «К вопросу о народности македонских славян» (Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 70).

дням во время путешествия, а позже, и притом неоднократно дополнял и исправлял свой труд»[360]. 26 сентября 1904 г. А. А. Дмитриевский выступал по докладу председателя Общества Ю. А. Кулаковского «Крестьянское землевладение в Византии (по поводу исследования г. Панченка)». К сведениям Юлиана Андреевича ученый «прибавил обстоятельное разъяснение того, как пользовался монастырскими земельными документам г. Панченко, обнаруживший <…> недостаточное применение критики и основавший свои выводы, между прочим, на подложных документах»[361]. 25 сентября 1905 г. Алексей Афанасьевич принимал участие в обсуждении зачитанного Ю. А. Кулаковским нового документа: «Основные положения, выработанные особой при Министерстве внутренних дел комиссией по пересмотру действующих постановлений об охранении древних памятников и зданий». Согласно резюме доклада, предполагалось создать Археологические округа, каждый из которых включает несколько губерний. Предполагалось создать и Киевский археологический округ с включением в него Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Могилевской, Черниговской и Полтавской губерний. Охрану памятников древности этих округов предполагалось передать одному из ученых обществ, например, Историческому обществу Нестора Летописца или другому в Киеве. А. А. Дмитриевский совместно с Ю. А. Кулаковским отметили, что среди всех памятников древности большое количество религиозных, входящих в компетенцию Киевского церковно-археологического общества, с которым необходимо считаться[362].

Деятельность А. А. Дмитриевского в Киевском православном религиозно-просветительном обществе. Наиболее интересной и разноплановой была деятельность А. А. Дмитриевского в Киевском религиозно-просветительном обществе, которому он отдавал много времени и сил и в котором, на наш взгляд,

---

[360] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1898 г. по 27-е октября 1899 г. // ЧИОНЛ. Кн. 13. Киев, 1899. Отд. 1. С. 163.
[361] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за сентябрь и октябрь 1904 г. // ЧИОНЛ. Кн. 18. Киев, 1904. Отд. 1. С. 72–73).
[362] Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 37–38).

находил для себя своего рода отдушину. Эта организация под названием «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» была открыта в конце 1893 г. для просвещения народа, осуществляя свою деятельность на разных площадках. Проф. А. А. Дмитриевского планировали привлечь к просветительской работе еще в начале 2-го проповеднического года: на заседании Совета Общества 2 октября 1895 г. постановили пригласить ученого прочесть лекцию 26 ноября того же года в старокиевской Сретенской церкви[363], бывшей «молитвенным центром Общества», где с особой торжественностью по воскресным и в некоторые праздничные дни проходили чтения[364]. Однако А. А. Дмитриевский, вероятно, из-за занятости в других обществах и в Академии отказался[365].

28 мая 1898 г. А. А. Дмитриевский, как член Общества, принял участие в заседании Совета[366], хотя в официальных списках членов этой организации его имени не значится. Из позднейшего отчета о деятельности общества можно заключить, что А. А. Дмитриевский начал в этом году принимать участие в богословских чтениях для образованных людей[367], однако нам представляется это маловероятным: чтения начались 13 декабря 1898 г. с доклада В. Ф. Певницкого и за время до конца года Алексей Афанасьевич вряд ли смог бы выступить с докладом, т. к. уезжал в Москву[368].

Впервые об А. А. Дмитриевском как докладчике на мероприятиях Общества мы слышим 18 марта 1901 г., когда ученый на общем собрании членов Общества

---

[363] Протокол Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, состоявшегося 2 октября 1895 года // КЕВ. 1895. № 21 (1 ноября). Ч. неоф. С. 1025–1027, здесь: с. 1026–1027.

[364] Отчет о деятельности Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1897 год. Киев, 1898. С. 20.

[365] В этот день в Сретенской церкви читал лекцию преподаватель Киевской семинарии Х. В. Корчинский (см.: Отчет о деятельности Киевского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1895 год // КЕВ. 1896. № 4 (16 февраля). Ч. неоф. С. 146–161, здесь: с. 152).

[366] Известия и заметки: журнал заседания Совета Киевского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви // КЕВ. 1898. № 17 (1 сентября). Ч. неоф. С. 761–765, здесь: с. 761.

[367] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. Киев, 1904. С. 11.

[368] *Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим.* Русская наука и Афон… С. 235 (письмо А. А. Дмитриевского от 15 марта 1899 г.).

и публики в зале Фундуклеевской женской гимназии[369] в рамках богословских чтений для образованных лиц произнес доклад о недостатках религиозного образования и их причинах[370]. С этого времени и вплоть до своего отъезда Алексей Афанасьевич будет регулярно выступать с троякого рода докладами: в рамках общих или годовых собраний членов Общества, на публичных богословских чтениях для образованного народа или интеллигенции, и на воскресных чтениях для простого народа. К чтениям первого рода относится 2 выступления А. А. Дмитриевского: 14 сентября 1904 г. на экстренном общем собрании в память почившего члена и бывшего председателя Общества преосвященного архиепископа Ярославского Сергия (Ланина), на котором Алексей Афанасьевич произнес «тепло и задушевно составленную подробную речь», посвященную его памяти и продолжавшуюся более 2-х часов[371]; выступление в общем собрании 9 февраля 1905 г., на котором А. А. Дмитриевский продолжил тему Постной Триоди, поднятую на одном из богословским чтений в 1904 г. Теперь докладчик коснулся триодных песнопений, содержащих идеи о покаянии и молитве[372].

К богословским чтениям для интеллигенции, на которые, как правило, вход был по платным билетам, относится уже упомянутое выступление, состоявшееся 18 марта 1901 г.; 3 февраля 1902 г. ученый там же, в Фундуклеевской гимназии, прочел доклад о значении Требника для православного христианина[373].

---

[369] Епархиальная хроника: Богословское чтение // КЕВ. 1901. № 8. Ч. неоф. С. 393–394; см. также: Отчет Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1901 год. Киев, 1902. С. 10–11.

[370] Доклад издан; см.: *Дмитриевский А. А.* О недостатках современного церковно-религиозного воспитания и о причинах их породивших // Киевские епархиальные ведомости. 1901. № 8. Ч. неоф. С. 361–392.

[371] Епархиальная хроника: Торжественные поминки преосвященного архиепископа Сергия (б. Ярославского) Киевские религиозно-просветительным обществом // КЕВ. 1904. № 38 (19 сентября). Ч. неоф. С. 927–928. Речь опубликована: *Дмитриевский А. А.* Высокопреосвященный Сергий, архиепископ Ярославский и Ростовский, как викарий Киевской митрополии и председатель Киевского религиозно-просветительного общества: (Речь) // ТКДА. 1905. № 1. С. 49–105 (отд. отт.: Киев, 1905. 57 с.)

[372] О самом чтении, присутствовавших, программу и резюме доклада см.: Епархиальная хроника: Богословское чтение // КЕВ. 1905. № 8–9 (20–27 февраля). Ч. неоф. С. 196. Доклад опубликован: *Дмитриевский А. А.* Триодь Постная — училище благочестия: (О покаянии и молитве) // ТКДА. 1905. № 3. С. 428–444 (отд. отт.: Киев, 1905. [2]+17 с.).

[373] Епархиальная хроника: Третье и четвертое богословские чтения // КЕВ. 1902. № 5 (1 марта). Ч. неоф. С. 198–200; Отчет о деятельности Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1902 год. Киев, 1903. С. 10. Доклад опубликован в: *Дмитриевский А. А.* Книга «Требник» и ее значение в жизни православного христианина. (По поводу новейших воззрений на эту книгу) // КЕВ. 1902. № 5 (1 марта). Ч. неоф. С. 181–188; № 13. Ч. неоф. С. 504–512; № 15. Ч. неоф. С. 561–567; № 16. Ч. неоф. С. 609–615;

Любопытно, что для усиления назидательного эффекта на чтениях раздавались брошюры, содержащие доклад предыдущего чтения[374]. 20 апреля 1903 г. в актовом зале реального училища А. А. Дмитриевский прочел доклад о литургической книге Служебник. Как сообщил очевидец, «талантливая лекция известного русского литургиста прослушана была с захватывающим интересом»[375]. 25 февраля 1904 г. прочитал большой доклад о Триоди Постной и практике поста[376] и вырученные от чтения средства пошли на военные нужды[377]. К чтениям этого рода относится и выше упомянутое чтение о Постной Триоди, состоявшееся в общем собрании членов Общества 9 февраля 1905 г. Последнее богословское чтение, предложенное А. А. Дмитриевским, состоялось в среду 21 марта 1907 г. на тему «Из истории исправления наших богослужебных книг»[378]. Идеи этого доклада были навеяны А. А. Дмитриевскому, вероятно, когда он работал в Предсоборном Присутствии осенью — зимой 1906 г.

Наиболее активно ученый принимал участие в воскресных чтениях, проходивших в здании Общества. С 1904 г. появляется выработанная особой комиссией программа, в соответствие с которой каждое воскресное чтение должно состоять из 2-х частей: «догматической с нравственным приложением и церковно-исторической, литургической или апологетико-полемической». При этом воскресные чтения проходили с января по апрель и с октября по декабрь. Чтение вероучительного блока должны были обеспечивать священнослужители епархии, а прочие разделы — светские лица из числа преподавателей академии и

№ 17. Ч. неоф. С. 660–665; *Дмитриевский А. А.* Книга «Требник» и ее значение в жизни православного христианина: (По поводу новейших воззрений на эту книгу): Публичное чтение // ТКДА. 1902. № 3. С. 383–421; см. также в: РдСП. 1902. № 10. С. 289–295; № 12. С. 325–338; № 13. С. 374–382; № 17. С. 495–500 (отд. отт.: Киев, 1902. 44 с.)

[374] Епархиальная хроника: Третье и четвертое богословские чтения // КЕВ. 1902. № 5 (1 марта). Ч. неоф. С. 199–200

[375] Епархиальная хроника: Богословские чтения // КЕВ. 1903. № 10 (11 мая). Ч. неоф. С. 351–353. Доклад опубликован: *Дмитриевский А. А.* Служебник — книга таинственная: (По поводу суждений о ней в новейшей художественной литературе): Публичное чтение // ТКДА. 1903. № 10. С. 188–229. То же в: РдСП. 1903. № 30. С. 327–336; № 31. С. 351–359; № 32. С. 375–386 (отд. отт.: Киев, 1903. [2]+42 с.)

[376] Резюме выступления см.: Епархиальная хроника: Богословское чтение // КЕВ. 1904. № 10 (7 марта). Ч. неоф. С. 229–231. Доклад издан: *Дмитриевский А. А.* Триодь Постная — училище благочестия: (О посте): Публичное чтение // ТКДА. 1904. № 5. С. 1–49 (отд. отт.: Киев, 1904. [2]+49 с.)

[377] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 9.

[378] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 8. В заметке в Киевских епархиальных ведомостях название доклада дано иначе: «Необходимо ли исправление церковно-богослужебных книг и церковной обрядности и в какой» (Из епархиальной жизни: Богословское чтение // КЕВ. 1907. № 13 (1 апреля). Ч. неоф. С. 303–304).

семинарии[379]. Открытие чтений по этой программе состоялось 4 января 1904 г. и на этом первом заседании А. А. Дмитриевский был третьим докладчиком, сделавшим сообщение о празднике Богоявления или Крещения Господня на реке Иордан. После каждого доклада хор пел какое-либо церковное песнопение[380]. В следующее воскресенье, 11 января, Алексей Афанасьевич также был докладчиком и сообщил слушателям «о преподобном Феодосии Великом — киновиархе Палестинском»[381]. 2 февраля ученый выступал вторым докладчиком с темой выступления «О св. Симеоне Богоприимце»[382] — по случаю празднующегося в этот день Православной Церковью праздника Сретения Господня. 18 апреля также в качестве второго докладчика ученый предложил тему «Вознесение Господне и Пятидесятница в Палестине»[383]. 25 апреля — «О мощах святителя Николая Чудотворца»[384]. 3 октября 1904 г. Обществом был открыт 12-й проповеднический год: сперва в храме Общества была отслужена вечерня с акафистом Господу Иисусу Христу, а потом в зале Общества прозвучало 2 доклада: свящ. И. Троицкого «Об основании церкви Господом нашим Иисусом Христом» и А. А. Дмитриевского «Св. Иоанн Богослов, в связи с его пребыванием на острове Патмосе»[385]. 12 декабря — «О монастыре Синайском и о мощах св. великомученицы Екатерины»[386]. 27 февраля 1905 г. ученый предложил доклад на тему «О прощеном дне»[387]. 9 октября 1905 г. при открытии нового проповеднического сезона, собравшем Киевского митрополита и полторы тысячи слушателей[388], А. А. Дмитриевский для доклада взял тему положения русских

---

[379] Епархиальная хроника: Воскресные вечерние чтения Киевского религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1904. № 3 (18 января). Ч. неоф. С. 63.
[380] Там же. С. 64.
[381] Там же.
[382] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 10.
[383] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 10.
[384] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 10.
[385] Епархиальная хроника: Торжественное открытие Киевским религиозно-просветительным обществом двенадцатого проповеднического 1904/5 года // КЕВ. 1904. № 41 (10 октября). Ч. неоф. С. 1000–1001.
[386] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 11.
[387] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 11.
[388] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 4 об. (письмо от 11–27 октября 1905 г.).

монахов-келлиотов на Афоне[389], за который позже будут очень критиковать ученого. 22 января 1906 г. ученый выступил с докладом «Мысли по поводу предстоящего исправления богослужебных книг»[390]. 19 февраля 1906 г. «Смысл анафематствования в Неделю Православия»[391]. 5 марта 1906 г. «Богослужебные обряды и обычаи в Иерусалиме во дни Вел. Поста»[392]. 29 октября 1906 г. «Чин поставления будущего всероссийского патриарха»[393]. По итогам этого проповеднического года Общество с особенной благодарностью отметило «выдающуюся ревность и редкое усердие» А. А. Дмитриевского к делу ведения воскресных бесед[394]. В 1907 г. А. А. Дмитриевский прочитал следующие доклады: 4 февраля «Работы Предсоборного Присутствия»[395]; 25 февраля «Церковно-литургическая сторона таинства Покаяния и Исповеди»[396]; при открытии нового проповеднического сезона 7 октября того же года «Два дня в молитве за царя»[397]; 18 ноября «Празднование Рождества Христова в Св. Земле» и 25 ноября А. А. Дмитриевским был прочтен последний доклад на тему «Празднование Богоявления в Св. Земле»[398], после которого были устроены официальные проводы его в Петербург: от Общества был поднесен адрес и иконы св. трех святителей, прот. Г. А. Прозоров и прот. И. Н. Корольков произнесли речи. В своем ответном выступлении А. А. Дмитриевский поблагодарил Общество и всех посетителей чтений за их любовь к нему и предложил принять от него в дар личную библиотеку. Председатель Общества прот. Г. Прозоров поблагодарил ученого за этот подарок, а присутствующие исполнили «Многая лета». В субботу

---

[389] Епархиальная хроника: Архиерейское богослужение в Иоанно-Златоустовской церкви Киевского религиозно-просветительного общества и открытие чтений Общества // КЕВ. 1905. № 42 (16 октября). Ч. неоф. С. 1056.
[390] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 7.
[391] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 7–8.
[392] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 8.
[393] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 9.
[394] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 10.
[395] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 8.
[396] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 9.
[397] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 9; Из епархиальной жизни: Открытие проповеднического года Киевского религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1907. № 41 (14 октября). Ч. неоф. С. 973.
[398] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 10.

31 ноября после всенощного бдения был совершен «напутственный молебен», звучали разные речи и поднесена А. А. Дмитриевскому икона свт. Николая. Общество «с искренним сожалением» расставалось «со своим беспримерно деятельным» членом и церковным старостой[399].

А. А. Дмитриевский принимал участие также в мероприятиях, устраивавшихся в здании Общества другими учреждениями. Так, 22 октября 1904 г. в его зале проходило заседание Киевского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, на котором А. А. Дмитриевский предложил «интересное чтение» о праздновании в честь Казанской иконы Божией Матери[400]. Присутствовавший на заседании ректор Киевской духовной академии епископ Чигиринский Платон (Рождественский) выразил Алексею Афанасьевичу благодарность от Общества памяти императора Александра.

В первое десятилетие своего существования Общество остро ощущало необходимость собственных помещений, поэтому 23 сентября 1901 г. состоялась закладка здания с домовым храмом во имя свт. Иоанна Златоуста[401]. В начале 1903 г. Общество было переименовано в «Киевское православное религиозно-просветительное общество»[402]. 30 января того же года после торжественного годового собрания Общества состоялось общее собрание его членов, на котором А. А. Дмитриевский был избран членом Совета Общества от мирян[403]. С этого времени начинается более плотная деятельность А. А. Дмитриевского в Обществе по разным направлениям: собственно богословским чтениям, работе старостой храма и в целом руководстве деятельностью всего Общества в рамках

---

[399] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 23–24.

[400] Епархиальная хроника: Собрание Киевского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // КЕВ. 1904. № 44 (31 октября). Ч. неоф. С. 1085. Доклад опубликован: *Дмитриевский А. А.* В честь какой иконы Казанской Божией Матери установлен праздник 22 октября?: (Утешение и ободрение скорбящим об утрате святыни) // ТКДА. 1905. № 1–2. С. 188–219 (отд. отт.: Киев, 1905. [2]+32 с.).

[401] Отчет Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1901 год. Киев, 1902. С. 12–13.

[402] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. Киев, 1904. С. 1.

[403] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. Киев, 1904. С. 20.

функционирования его Совета[404], в заседаниях которого Алексей Афанасьевич должен был принимать участие[405].

17 октября 1903 г. состоялось освящение храма во имя свт. Иоанна Златоуста и открытие чтений в новом доме Общества[406]. На совершенном накануне всенощном бдении А. А. Дмитриевский в качестве старосты новой церкви «с особым умилением» читал шестопсалмие[407]. Иконостас в храме Общества был деревянный, а иконы для него выбирались специальной комиссией, в состав которой вошли А. А. Дмитриевский, В. З. Завитневич и свящ. В. В. Богородицкий[408]. Настоятелем храма свящ. Н. Гроссу и А. А. Дмитриевским были заведены особые богослужебные порядки, сохранявшиеся на всем протяжении функционирования этого храма[409].

27 января 1904 г. состоялся престольный праздник храма свт. Иоанна Златоуста и годовое общее собрание членов Общества[410], на котором А. А. Дмитриевский «во внимание к его образцовому составлению и произнесению богословских чтений и примерно-ревностному исполнению обязанностей, как церковного старосты при храме Общества, равно и члена Совета его» был избран почетным членом Общества[411]. Отчет Общества за этот год дает чуть бóльшую характеристику А. А. Дмитриевского: он «с особенной любовью и усердием» трудился на благо Общества в качестве члена Совета, а в должности церковного старосты он заботился о благоукрашении храма Общества и «благолепии

---

[404] Абсолютно все дела общества координировал Совет (Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. Киев, 1904. С. 21).

[405] Напр., в 1903 г. состоялось 13 заседаний Совета и 3 общих собрания (Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. Киев, 1904. С. 21); в 1904 г. 2 общих собрания (27 января и 14 сентября) и 14 заседаний Совета (Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 3, 7)

[406] Епархиальная хроника: Торжество освящения храма во имя св. Иоанна Златоуста и открытие чтений в новом доме Киевского православного религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1903. № 34 (26 октября). Ч. неоф. С. 918–939.

[407] Там же. С. 919.

[408] Там же. С. 937–938.

[409] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1910 год. Киев, 1911. С. 14.

[410] Епархиальная хроника: Храмовой праздник и торжественное годичное собрание Киевского религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1904. № 6 (8 февраля). Ч. неоф. С. 133–136.

[411] Там же. С. 135–136.

служения в нем»[412]. 25 февраля того же года А. А. Дмитриевскому было поручено следить за изданием профессорских чтений[413]. Кроме того, Алексей Афанасьевич был назначен председателем Хозяйственного комитета Общества[414] и занимал эту должность до 25 апреля 1905 г., когда его сменил по постановлению Совета свящ. Н. Гроссу[415]. В 1906–1907 гг. Алексей Афанасьевич продолжал оставаться членом Хозяйственного комитета, в ведении которого находились «неотложные нужды дома Общества»[416]. 28 января 1906 г. состоялось общее собрание, на котором был избран и утвержден новый состав Совета Общества. А. А. Дмитриевского избрали кандидатом в члены Совета[417].

13 ноября 1907 г. праздновалось 1500-летие со дня кончины свт. Иоанна Златоуста. В КРПО решили широко отпраздновать эту дату и составили специальный проект, по которому 12 ноября планировалось отслужить всенощное бдение по Скитскому уставу. В службу предполагалось вставить в соответствующие места т. н. уставные чтения или слова: 1) о самом свт. Иоанне Златоусте — его должен был составить свящ. И. Троицкий; 2) слово из творений свт. Иоанна Златоуста, которое должен был скомпилировать А. А. Дмитриевский[418]. Проект удалось реализовать: 12 ноября всенощное бдение по скитскому уставу было совершено и на нем перед шестопсалмием Алексей Афанасьевич прочел на церковнославянском языке слово свт. Иоанна Златоуста о христианском пользовании богатством[419]. За литургией, на которой некоторые песнопения были исполнены на греческом языке, А. А. Дмитриевский прочитал по-гречески Символ веры[420].

---

[412] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 4.
[413] Там же. С. 7.
[414] Там же.
[415] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 9.
[416] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 6; Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 7.
[417] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 3, 5.
[418] Из епархиальной жизни: Проект празднования 1500-летней годовщины блаженной кончины св. Иоанна Златоустого, составленный советом Киевского религиозно-просветительного общества и утвержденный Его Высокопреосвященством митрополитом Флавианом // КЕВ. 1907. № 45 (11 ноября). Ч. неоф. С. 1077–1079.
[419] Из епархиальной жизни: Празднование в г. Киеве 1500-летия блаженной кончины св. Иоанна Златоуста // КЕВ. 1907. № 46 (18 ноября). Ч. неоф. С. 1101–1104.
[420] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 20.

Как староста храма во имя свт. Иоанна Златоуста А. А. Дмитриевский ежегодно в рамках торжественного собрания членов Общества выступал с докладами, из которых мы узнаем, что конкретно делалось Алексеем Афанасьевичем для этой церкви. Так, из отчета ученого за 1904 г., прочтенного на годовом собрании Общества 27 января 1905 г., мы узнаем, что в первый год существования храма благодаря щедрым пожертвованиям почетных членов Общества удалось приобрести церковную утварь (в т. ч. и из драгоценных металлов), священнические и алтарные облачения, богослужебные книги и аналойные иконы двунадесятых праздников. Тогда же были сформулированы и насущные потребности, осуществление которых называлось «заветной мечтой»: 1) плащаница Спасителя, на изготовление которой собрано 463 руб. из 600–700; 2) киоты для двух новых икон свт. Николая и князя Александра Невского на которые нужно 350 руб.; 3) организация постоянного и дисциплинированного хора. Собирались в храме во время богослужений и пожертвования на нужды третьих лиц и организаций: Голубого, Белого, Красного Креста, на бедных детей, на нужды ИППО, в пользу больных и раненых Русско-Японской войны, в дамский комитет[421].

В отчете за 1905 г., прочтенном также на годовом собрании Общества 27 или 28 января 1906 г.[422], А. А. Дмитриевский сообщал, что сразу после прочтения им предыдущего отчета к нему обратилось несколько человек с предложением пожертвовать на изготовление плащаницы средства. И сам ученый не остался в стороне, пожертвовав на этот проект 50 руб.[423] К июню для этой цели было уже

---

[421] Епархиальная хроника: Торжественное богослужение и годичное собрание Киевского православного религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1905. № 6. Ч. неоф. С. 136–138; Фрагмент отчета А. А. Дмитриевского без указания авторства см.: Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. Киев, 1905. С. 17–25. Информация о прочтении этого фрагмента заимствуется нами из: Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 5.

[422] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 18–27. Принадлежность фрагмента отчета А. А. Дмитриевскому устанавливается по: Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 3. Источники дают разные даты: отчет указывает 28 января, а Киевские епархиальные ведомости — 27-е (Епархиальная хроника: Годичное торжество Киевского религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1906. № 9 (5 марта). Ч. неоф. С. 298).

[423] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1910 год. Киев, 1911. С. 17.

1050 руб. 50 коп.[424] Заказали плащаницу талантливому молодому киевскому художнику Н. С. Шароватову и к январю месяцу 1906 г. она была «почти закончена». Не желая видеть шаблонной работы, к заказу подошли основательно и просили выполнить ее «не шаблонно по принятому на практике обычаю, а применительно к тексту евангельскому и древнееврейским погребальным обычаям»[425]. Скорее всего, именно А. А. Дмитриевский, как специалист в литургике и церковной археологии, разрабатывал проект этого «художественного произведения». Тому же художнику была заказана и малая плащаница для положения на престол, художественную композицию которой он должен был сам разработать. Вторую необходимость в изготовлении киотов на храмовые иконы удалось реализовать лишь частично, а третью — наем постоянного и дисциплинированного хора не удалось осуществить вовсе по причине нехватки средств. В связи с этим любопытно сообщение А. А. Дмитриевского о стоимости услуг имеющегося в Обществе хора — 50 руб. в месяц и эти затраты «составляют почти половину годичного бюджета» храма[426].

В отчете за 1906 г., прочтенном на общем собрании Общества 27 января 1907 г.[427], сообщается, что 31 января того же года в храме «от лопнувшей дымовой трубы под шейкой купола над алтарем» случился пожар, который довольно быстро заметили и вызвали пожарных, благодаря чему удалось избежать серьезных повреждений храма. В течение всего лета производился ремонт, и богослужения в храме были прекращены. Народ откликнулся на произошедшее несчастье и помогал, кто чем мог. В результате в храме появились новые иконы и для уже имеющихся изготовлены киоты, что сняло с повестки проблему, озвученную А. А. Дмитриевским в отчете 1904 г. Однако вопрос с изготовлением плащаницы так и не был решен из-за «крайней неаккуратности»

---

[424] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 18–20.
[425] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 20.
[426] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. Киев, 1906. С. 22.
[427] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 16–25. Авторство А. А. Дмитриевского установлено по: Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 3. См. также: Из епархиальной жизни: Годичное общее собрание Киевского религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1907. № 5 (4 февраля). Ч. неоф. С. 113–115, здесь: с. 114.

художника Шароватова. Вопрос со «строго дисциплинированным» хором также не был решен и на имеющийся тратилось ⅔ годового дохода храма. А. А. Дмитриевский пожертвовал 5 руб. и на организацию для обучающихся в церковной школе при храме детей рождественской елки[428].

Из отчета за 1907 г.[429] видно, что заказанная плащаница так и не была изготовлена[430], зато почетный член Общества архим. Троицкого монастыря Мелхиседек (Стеценко) пожертвовал храму «весьма ценную плащаницу для богослужебного ритуала и малую плащаницу на престол». Как позже выяснится, Н. С. Шароватый был человеком болезненным, изготовил лишь эскизы для плащаницы и написал малую плащаницу. Завершили изготовление плащаницы другие специалисты в декабре 1910 г.[431] Вопрос с хором находился в той же стадии[432] и лишь в 1910 г. удалось его решить[433]. Отчет А. А. Дмитриевского был прислан ученым из Петербурга и прочтен на годовом собрании Общества прот. И. Н. Корольковым[434].

А. А. Дмитриевский принимал участие и в деятельности проповеднического кружка студентов Киевской духовной академии, руководителем которого был и. д. доцента КДА свящ. Н. Гроссу. Кружок преследовал 2 цели: 1) проповедь с церковной кафедры; 2) разработка теоретических вопросов гомилетики. Если проповеди произносились в разных киевских храмах, то для реализации второй задачи устраивали общие собрания, на которых произносились рефераты и доклады. Алексей Афанасьевич за несколько дней до своего отъезда в Петербург

---

[428] Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. Киев, 1907. С. 23–24.
[429] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 14–23.
[430] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 21–23.
[431] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1910 год. Киев, 1911. С. 16–18.
[432] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 17–19.
[433] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1910 год. Киев, 1911. С. 14.
[434] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 23.

28 ноября 1907 г. прочел перед студентами реферат на тему «Проповедь на православном Востоке»[435].

После последнего воскресного чтения для простого народа, прочтенного А. А. Дмитриевским 25 ноября 1907 г., были устроены официальные проводы ученого в Петербург: от Общества был поднесен адрес и икона трех святителей, прот. Г. А. Прозоров и прот. И. Н. Корольков произнесли речи. В своем ответном слове А. А. Дмитриевский поблагодарил Общество и всех посетителей чтений за их любовь к нему и предложил принять от него в дар личную библиотеку. Председатель Общества прот. Г. Прозоров поблагодарил ученого за этот подарок, а присутствующие исполнили «Многая лета». В субботу 31 ноября после всенощного бдения был совершен «напутственный молебен», звучали разные речи и поднесена А. А. Дмитриевскому икона свт. Николая. Общество «с искренним сожалением» расставалось «со своим беспримерно деятельным» членом и церковным старостой[436].

С 1 января 1908 г. А. А. Дмитриевский сложил с себя полномочия члена Совета и церковного старосты[437]. Преемники А. А. Дмитриевского продолжали трудиться над благоукрашением храма. Так, уже в 1908 г. в память первых ктиторов были поставлены две иконы с киотами св. великомученика Пантелеимона и св. Алексия Человека Божия — небесных покровителей П. А. Красовского и А. А. Дмитриевского[438].

После отъезда А. А. Дмитриевского в Петербург, он в первые годы пристально наблюдал за делами в Обществе. Поскольку ученый уехал еще до конца календарного года, он попросил прот. И. Н. Королькова на традиционном годовом собрании, состоявшемся 27 января 1908 г., прочитать вместо себя отчет о

---

[435] Из епархиальной жизни: Четвертый год деятельности проповеднического кружка студентов Киевской духовной академии // КЕВ. 1908. № 17 (27 апреля). Ч. неоф. С. 426–428.
[436] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 23–24.
[437] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. Киев, 1908. С. 7.
[438] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1908 год. Киев, 1909. С. 17.

церковных суммах храма при Обществе[439]. Когда ученый бывал в Киеве, он обязательно посещал Общество и даже принимал участие в воскресных чтениях: так, например, 5 апреля 1909 г. он произнес доклад на тему «Замешательства на Иерусалимском патриаршем престоле»[440].

Деятельность А. А. Дмитриевского в Киевском отделе Императорского православного палестинского общества и других учреждениях. Отделение ИППО в Киеве было открыто 6 декабря 1902 г., однако ни в первоначальных списках членов, ни в 1903–1906 гг. имени А. А. Дмитриевского не значится[441]. Не состоя в рядах его членов, ученый принимал участие в деятельности этого общества в силу того, что оно устраивало свои мероприятия в здании КРПО.

Само сотрудничество А. А. Дмитриевского с Киевским отделом ИППО началось уже в первый год существования последнего. 30 марта 1903 г. на праздник Входа Господня в Иерусалим в зале Киевской городской думы состоялось общее собрание членов Киевского отделения ИППО, на котором А. А. Дмитриевский в течение 2-х часов делился со слушателями своими личными наблюдениями о типах русских паломников в Святую Землю[442]. С этого времени каждый год вплоть до отъезда в Петербург ученый делился своими наблюдениями и знаниями, почерпнутыми в Палестине. Так, 21 марта 1904 г. на праздник Входа Господня в Иерусалим состоялось торжественного годовое собрание Киевского отделения ИППО, на котором А. А. Дмитриевский произнес речь, посвятив ее начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину)[443]. Он был лично знаком с Антонином, от него ученому досталось несколько мешков переписки архимандрита и потому имел возможность

---

[439] Из епархиальной жизни: Торжественное годичное собрание Киевского православного религиозно-просветительного общества // КЕВ. 1908. № 5 (3 февраля). Ч. неоф. С. 120–122.

[440] Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1909 год. Киев, 1910. С. 8.

[441] Об этом см.: Епархиальная хроника: Открытие в г. Киеве местного епархиального отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1903. № 1 (1 января). Ч. неоф. С. 17–27.

[442] Об этом см.: Епархиальная хроника: Общее собрание членов Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1903. № 8 (15 апреля). Ч. неоф. С. 305–306. Доклад опубликован: *Дмитриевский А. А.* Современное русское паломничество в Св. Землю // ТКДА. 1903. № 6. С. 274–319 (см. № 214; отд. отт.: Киев , 1903. [2]+46 с.)

[443] Программу и резюме выступления см.: Епархиальная хроника: Собрания Киевского отдела Православного палестинского общества // КЕВ. 1904. № 13–14 (28 марта — 4 апреля). Ч. неоф. С. 326–327.

поделиться личными воспоминаниями. 5 марта 1905 г. от Киевского отделения ИППО А. А. Дмитриевский прочел доклад на тему «Богослужебные обряды, совершаемые в Иерусалиме в течение Великого поста в Святогробском храме»[444]. 10 апреля того же года на торжественном собрании Киевского отдела ИППО, проходившем в здании КРПО, А. А. Дмитриевский сделал доклад о преосвященном Порфирии (Успенском), как организаторе духовной миссии в Иерусалиме[445]. 26 марта 1906 г. на годовом собрании Киевского отделения ИППО А. А. Дмитриевский произнес речь о начальнике Русской духовной миссии в Иерусалиме архим. Леониде (Кавелине[446]). 15 апреля 1907 г. А. А. Дмитриевский должен был читать доклад «О русских учебно-воспитательных, благотворительных и странноприимных заведениях в Палестине и Сирии» на годовом собрании членов КО ИППО, однако выехал в Петербург и потому его прочел проф. В. П. Рыбинский[447].

Иногда заседания Киевского отделения ИППО сопровождались инцидентами. Так, например, на годовое собрание членов Общества, состоявшееся 26 марта 1906 г., не смогли явиться ни его председатель, ни вице-председатель, отправившие вместо себя возглавлять собрание третьего викария Киевской епархии епископа Уманского Агапита (Вишневского; 1867–1923). Однако и тот, «будучи грубым невеждою Волынского Полесья», опоздал на заседание на 45 минут и начали без него, чтобы собравшийся на мероприятие народ не разошелся. После заседания делавший на нем доклад А. А.

---

[444] Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1906. № 17 (30 апреля). Ч. неоф. С. 483.

[445] Епархиальная хроника: Собрание Киевского отдела Православного палестинского общества // КЕВ. 1905. № 16–17. Ч. неоф. С. 417–418. Сокращенный вариант речи был опубликован в: Епархиальная хроника: Речь профессора А. А. Дмитриевского, произнесенная в годичном торжественном собрании Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1905. № 19. Ч. неоф. С. 490–496. Этот доклад был ученым расширен и опубликован: *Дмитриевский А. А.* Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги в пользу православия и в деле изучения христианского Востока: (По поводу столетия со дня его рождения) // СИППО. 1905. Т. 16. Вып. 3. С. 329–361; вып. 4. С. 457–547 (отд. отт.: СПб., 1906. [1]+124 с.; М., 2006[Р]).

[446] Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1906. № 17 (30 апреля). Ч. неоф. С. 481–486, здесь: с. 481.

[447] *Д. И.* Из епархиальной жизни: Годичное собрание членов Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // КЕВ. 1907. № 16 (22 апреля). Ч. неоф. С. 384–387. Доклад опубликован: *Дмитриевский А. А.* Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные учреждения в Палестине и Сирии: (К 25-летнему юбилею Императорского православного Палестинского общества) // ТКДА. 1907. № 5. С. 89–120 (отд. отт.: Киев, 1907. [2]+37 с.)

Дмитриевский «весьма крупно поговорил с епископом и обозвал его невеждою»[448]. Видимо, ученый мог себе это позволить, т. к. перед ним был его бывший ученик по КДА.

В 1906 г. А. А. Дмитриевский был избран Киевским отделением ИППО в действительные пожизненные члены Общества[449]. С этого времени некоторые чтения сопровождались туманными картинами, благодаря высланному в отделение по ходатайству А. А. Дмитриевского проекционному фонарю[450]. Он же организовывал и чтения о Святой Земле в КРПО[451].

А. А. Дмитриевский произносил на похоронах известных киевлян надгробные речи. Так, 19 октября 1904 г. он принимал участие в похоронах наместника Киево-Братского монастыря архимандрита Антония Барвинского, бывшего также и духовником студентов Киевской духовной академии[452]. Перед его отпеванием Алексей Афанасьевич произнес речь. 9 сентября 1907 г. в церкви КПРО было совершено отпевание почетного члена Общества П. А. Красовского, во время которого А. А. Дмитриевский произнес речь[453].

Научная, общественная и просветительная деятельность А. А. Дмитриевского не ограничивалась одним лишь Киевом. Целый ряд российских и заграничных научных и общественных организаций принял ученого в свои ряды. Так, 19 мая 1894 г. Алексей Афанасьевич был выбран почетным членом Общества любителей просвещения на острове Патмос «Ἡ Ἀναγέννησις»[454]; с 1894 г. он же был избран действительным членом Константинопольского исторического

---

[448] Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. Л. 12 (письмо от 4 апреля 1906 г.).

[449] Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества за 1906 г. (с 1 марта 1906 по 1 марта 1907 г.) // КЕВ. 1907. № 27 (8 июля). Ч. неоф. С. 627–634, здесь: с. 628.

[450] Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества за 1906 г. (с 1 марта 1906 по 1 марта 1907 г.) // КЕВ. 1907. № 27 (8 июля). Ч. неоф. С. 629.

[451] Там же. С. 632.

[452] Архимандрит Антоний, наместник Киево-Братского Богоявленского монастыря // КЕВ. 1904. № 44 (31 октября). Ч. неоф. С. 1086–1088.

[453] Из епархиальной жизни: Погребение почетного члена Киевского религиозно-просветительного общества П. А. Красовского // КЕВ. 1907. № 37 (16 сентября). Ч. неоф. С. 877–878. Речь А. А. Дмитриевского опубликована: *Дмитриевский А. А.* Речь, произнесенная перед началом отпевания [П. А. Красовского] // Памяти почетного члена Киевского религиозно-просветительного общества и помощника старосты Пантелеимона Андреевича Красовского. Киев, 1907. С. 20–25; см. также: [*Дмитриевский А. А.*] Почетный член Киевского религиозного просветительного общества П. А. Красовский и его погребение: (Некролог) // Там же. С. 1–16.

[454] Отношение Общества, сообщающее об избрании, см.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 1.

общества «Μεσαιωνική ἑταιρεία»[455]; 26 марта 1898 г. существующий лишь второй год Смоленский церковно-археологический комитет, «ценя общепризнанные заслуги в области церковной археологии», просил Алексея Афанасьевича принять звание почетного члена Комитета и выражал надежду, что ученый не откажет «в своем просвещенном содействии скромным целям и задачам Комитета»[456]. Судя по всему, А. А. Дмитриевский принял приглашение Комитета, потому как его имя значится в числе почетных членов, начиная с отчета за второй год существования и, скорее всего, до ликвидации[457]. В 1897/1898 уч. г. ученого избрали действительным членом Русского Археологического института в Константинополе[458]; 5 апреля 1899 г. Совет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III избрал ученого в члены-сотрудники Общества[459]; 5 марта 1900 г. А. А. Дмитриевский был избран пожизненным членом Владимирской ученой архивной комиссии[460] и состоял таковым вплоть до ее ликвидации; 15 октября 1900 г. Петровское общество исследователей Астраханского края на общем собрании своих членов избрало А. А. Дмитриевского в действительные члены Общества и обратило внимание ученого на необходимость уплатить членский взнос[461]. Ученый принял приглашение стать членом общества, кроме членского взноса пожертвовал 5 руб. в фонд имени председателя Общества В. Н. Виноградского[462] и прочитал на

---

[455] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // ТКДА. 1894. № 11. С. 494.

[456] [Отношение Смоленского церковно-археологического комитета на имя А. А. Дмитриевского от 26 марта 1898 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 3.

[457] Отчет Смоленского Церковно-археологического комитета за второй год его существования, с 5 ноября 1897 г. по 5 ноября 1898 года // Смоленские епархиальные ведомости. 1899. № 1. Отд. оф. С. 2; Отчет о составе и деятельности Смоленского Церковно-археологического комитета за 1915–16 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. 1916. № 24. С. 794.

[458] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. 1898. № 10. Приложение. С. 36.

[459] [Отношение Общества любителей русского исторического просвещения в память императора Александра III на имя А. А. Дмитриевского от 8 апреля 1899 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 4.

[460] Состав Владимирской ученой архивной комиссии за 2-й год ее существования // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. III. Владимир, 1901. Приложение. С. 35; Состав Владимирской ученой архивной комиссии за 3-й год ее существования // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. IV. Владимир, 1902. Приложение. С. 28. Впервые информация о членстве А. А. Дмитриевского в этой комиссии указывается в Отчете КДА за 1903/1904 уч. г.: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год // ТКДА. 1904. № 12. С. 620–621.

[461] [Отношение Петровского общества исследователей Астраханского края на имя А. А. Дмитриевского от 31 октября 1900 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 5. Однако членство А. А. Дмитриевского в этом обществе фиксируется уже в 1897/1898 уч. г.: Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. 1898. № 10. Приложение. С. 36.

[462] Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1900 год. Астрахань, 1909. С. 6, 15.

заседании Историко-этнографической секции 21 мая 1903 г. доклад о пребывании в Астрахани в 1666 г. восточных патриархов, выслушанный присутствующими «с напряженным вниманием» и благодарностью[463]. В отчете КДА за 1903/1904 уч. г. указывается, что А. А. Дмитриевский состоял почетным членом никогда не существовавшей организации «Славянский церковно-археологический комитет»[464] — вероятнее всего, в отчет вкралась ошибка и правильнее читать не «славянский», а «Смоленский», о чем мы говорили выше.

6 марта 1904 г. в связи со 100-летним юбилеем Императорского общества истории и древностей при Московском университете А. А. Дмитриевский был предложен к избранию в действительные члены Общества и уже на следующем заседании, 13 марта, это избрание закрытой баллотировкой единогласно состоялось[465]. К юбилею Общества, состоявшемуся 18 марта 1904 г., Алексей Афанасьевич отправил поздравительное письмо[466]. Как показывает сплошной просмотр протоколов заседания ОИДР, вплоть до 1908 г. А. А. Дмитриевский не принимал участия в его работе за исключением одного сюжета. В связи с изданием в ЧОИДР исследования директора Московского археологического института А. И. Успенского о чинопоследовании таинства Елеосвящения Общество обратилось к Алексею Афанасьевичу с просьбой принять на себя контроль за печатанием этой работы. А. А. Дмитриевский просмотрел присланные ему уже отпечатанные листы и пришел к выводу, что автор «малограмотный и очень небрежный человек», а в методике его работы имеются

---

[463] Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 год. Астрахань, 1909. С. 9–10. Доклад на эту же тему Алексей Афанасьевич прочел 19 мая того же года на праздничном акте по случаю 300-летия Астраханской епархии в местной семинарии. Первую публикацию доклада см.: *Дмитриевский А. А.* Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и связанное с ним учреждение здесь митрополии // Юбилейный сборник: празднование в г. Астрахани 300-летнего юбилея Астраханской епархии, слова, поучения и речи, по сему случаю произнесенные / изд. Кирилло-Мефодиевского братства. Астрахань, 1903. С. 75–95; расширенный вариант доклада в виде статьи опубликован с тем же названием в: Труды Киевской духовной академии. 1904. № 3. С. 317–358.

[464] Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год // ТКДА. 1904. № 12. С. 620–621.

[465] Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских за 1903 и 1904 годы // ЧОИДР. 1905. Кн. 2. IV. Смесь. С. 21–23. А. А. Дмитриевский, судя по всему, избрание принял: по крайней мере, его имя указано в числе действительных членов ОИДР по состоянию на 1908 г.: Состав Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете к 1 апреля 1908 г. // ЧОИДР. 1908. Кн. 1 (224). IV. Смесь. С. [5].

[466] Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских за 1903 и 1904 годы // ЧОИДР. 1905. Кн. 2. IV. Смесь. С. 34.

существенные изъяны. О положении дел с исследованием А. И. Успенского сообщил Обществу С. А. Белокуров на заседании 29 сентября 1907 г., в результате чего было принято решение по причине существенных недостатков и ненаучных приемов работу не печатать на страницах ЧОИДР, а А. А. Дмитриевскому выразили «искреннюю благодарность … за внимательное отношение к поручению Общества» [467] . Критика А. А. Дмитриевского инициировала непродолжительную переписку[468] между ним и А. И. Успенским, который в итоге все же издал свое исследование.

2.4. А. А. Дмитриевский в пространстве научной коммуникации

Желали получить от А. А. Дмитриевского его экспертное мнение и другие, сторонние организации. Так, в 1887/1888 г. ученый по поручению Учебного комитета при Святейшем Синоде рецензировал монографию почившего в 1885 г. профессора МДА И. Д. Мансветова, посвященную истории Типикона[469]. Рецензия была достаточно критичной, но в ней ученый сделал важнейшие дополнения и исправления монографии И. Д. Мансветова.

Участие в проекте издания литургической хрестоматии. Смысл и понятность богослужения и вообще то, что происходит в храме, всегда волновали как средневековое христианское общество, так и русских людей XIX века; интерес к содержанию богослужения сохраняется и в наше время. И, если в Средние века или в византийское время смысл богослужения раскрывался в так называемых «толкованиях», то с появлением богословского образования в России стали возникать свои учебные пособия для изучения богослужения как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения структуры. В связи с этим обращает

---

[467] Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских за 1907 год // ЧОИДР. 1908. Кн. 1 (224). IV. Смесь. С. 16.

[468] Подробнее о сути конфликта между С. А. Белокуровым и А. И. Успенским см.: Успенский А. И. Письма А. А. Дмитриевскому. 1907 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 651. См. также 1 письмо А. А. Дмитриевского А. И. Успенскому: НИОР РГБ. Ф. 434. Картон 3. Д. 30.

[469] *Корольков И.* Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. 1889. № 1. С. 181. Рец. см.: *Дмитриевский А. А.* Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви». М., 1885 // ХЧ. 1888. № 9–10. С. 480–576.

на себя внимание один проект конца XIX века по изданию «Литургической хрестоматии», который так и не удалось реализовать.

Отрывочные сведения об этом проекте сохранились в личном фонде А. А. Дмитриевского, находящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 253), и представляют собой два письма, адресованные А. А. Дмитриевскому двумя различными корреспондентами: известным русским литургистом Н. Ф. Красносельцевым и преподавателем Московской духовной семинарии С. П. Никитским[470]; к анализу этих писем и обратимся.

История проекта издания литургической хрестоматии начинается в самом начале 1897 г. с несохранившегося письма С. П. Никитского к А. А. Дмитриевскому, содержание которого, равно как и ответ самого Алексея Афанасьевича, можно отчасти восстановить из двух других писем. Книготорговец в своем письме просит адресата принять участие в предполагаемом издании и излагает структуру хрестоматии, указывая, что она должна носить ярко выраженный назидательный характер[471]. Также заказчик в письме указал и круг примерных сотрудников для реализации проекта, в числе которых предполагались преподаватели семинарий и студенты академий. А. А. Дмитриевский, по замыслу С. П. Никитского, должен был стать редактором издания.

Судя по всему, Алексей Афанасьевич отказался от участия в этом проекте: его не устраивала структура хрестоматии, о чем он сообщил книготорговцу и предложил свой план издания, по которому оно превращалось в полноценное историко-археологическое исследование или даже в учебник по литургике. Вероятно, А. А. Дмитриевского возмутил и предполагаемый состав авторов хрестоматии, о чем он не преминул сообщить С. П. Никитскому в своем

---

[470] В нашей статье об этом сюжете мы невольно допустили ошибку в отождествлении корреспондента А. А. Дмитриевского с московским книготорговцем С. П. Никитским (подробнее см.: *Акишин С. Ю.* Об одном нереализованном проекте издания Литургической хрестоматии // Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. С. 19; в приложениях к этой статье на с. 21–28 см. публикацию обоих анализируемых здесь писем).

[471] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 545. Л. 1.

несохранившемся письме и указал несколько имен тех, кто мог бы написать соответствующие разделы книги. Вполне возможно, что он предложил по меньшей мере два имени на должность редактора издания — московского литургиста А. П. Голубцова и своего учителя в Казанской духовной академии проф. Н. Ф. Красносельцева.

Однако, несмотря на первоначальный отказ, А. А. Дмитриевский, по-видимому, все же рассматривал возможность своего участия в предполагаемом издании, о чем свидетельствуют его несохранившееся письмо к Н. Ф. Красносельцеву и ответ последнего. Николай Фомич как к плану хрестоматии, так и к самому проекту и степени своего участия в нем отнесся скептически. Алексей Афанасьевич предлагал своему учителю написать для хрестоматии два раздела: «Храм и его устройство» и «Литургия и ее толкования», однако ученый счел, что это уже половина литургики и, при желании и определенных усилиях, можно издать и собственное полноценное пособие. Для замещения должности редактора Николай Фомич назвал два имени — А. П. Голубцова и прот. С. Д. Муретова — однако московский книготорговец, по-видимому, относился к ним весьма специфически. Из этого письма мы также узнаем, что другой ученик Н. Ф. Красносельцева, А. И. Алмазов, на протяжении долгого времени занимался составлением аннотированной библиографии всех вышедших в России статей по литургике и церковной археологии, материал которой можно было бы использовать для хрестоматии.

Также в своем письме Николай Фомич говорит и о том, какой, по его мнению, должна быть Литургическая хрестоматия, которая была бы полезна студентам семинарий и академий: это мог бы быть сборник подлинных текстов в переводе, «относящихся к истории богослужения и расположенных в хронологическом порядке с <...> библиографическими и критическими замечаниями» по образцу немецких аналогов — хрестоматий Адольфа Кёстлина и Германа Геринга.

Несохранившийся план хрестоматии был скорректирован А. А. Дмитриевским и С. П. Никитский принял исправления в части структуры, о

чем мы узнаем из его письма. Правда, в результате «совмещения» обоих планов хрестоматия должна была стать «популярным» изданием, рассчитанным на духовенство и «вообще интересующихся духовно-нравственным чтением из средней публики». В каждом разделе хрестоматии должны были содержаться историко-археологическое исследование того или иного сюжета (например, «Храм и его устройство», «Литургия и ее толкования») с нравственным обоснованием или приложением. Торопить дело издания С. П. Никитский не хотел, потому давал А. А. Дмитриевскому сколько угодно времени для работы над хрестоматией. Книгопродавец в своем письме попытался несколько обосновать круг тех лиц, которых изначально предполагал привлечь для создания книги: преподаватели семинарии, способные к написанию текстов, и студенты академии, которым можно было бы давать семестровые сочинения с прицелом на дальнейшую их публикацию в хрестоматии.

Неизвестно, что ответил А. А. Дмитриевский на второе, сохранившееся в фонде ученого, письмо С. П. Никитского. Скорее всего, он отказался от участия в этом проекте, который литургист со спокойной совестью мог счесть нелепым. Ученые, которых он предполагал привлечь для написания хрестоматийных текстов, вряд ли бы согласились на участие в издании: адресат книги был не тот, к которому они привыкли обращаться с академической или университетской кафедры, да и квинтэссенция их исследований, оформленная в содержательно законченные эссе общего характера, соседствовала бы с материалом слишком банальным. Поэтому изначально это издание было обречено на провал. Если бы С. П. Никитский полностью согласился с планом, предложенным А. А. Дмитриевским, и не стал бы настаивать на сохранении назидательного элемента, мы бы вполне могли иметь учебник литургики, написанный первоклассными специалистами в своей области. Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения. Сам Алексей Афанасьевич был убежденным сторонником идеи, согласно которой в настоящий исторический момент слишком рано делать широкие историко-литургические обобщения, а нужно заниматься локальными темами, постепенно изучая, шаг за шагом, комплекс литургических

рукописей, позволяющих восстанавливать сюжет за сюжетом историю богослужения.

Участие А. А. Дмитриевского в работе Археологических съездов. Несмотря на то, что А. А. Дмитриевский был преподавателем церковной археологии, за время работы в КДА он принял участие в работе только одного Всероссийского Археологического съезда. 8–24 января в Москве состоялся VIII Археологический съезд, куда КДА избрала[472] А. А. Дмитриевского депутатом и где ученый должен был «прочесть один или два реферата»: «О Нежинском братстве и его архиве», и «О Служебнике 1655 г.»[473]. Уже в начале января 1890 г. А. А. Дмитриевский оказался в Москве, где 6 января 1890 г. принимал участие в заседании Совета съезда и был выбран секретарем VII отделения съезда, занимавшегося изучением памятников классической, византийской и западноевропейской древности[474]. Кроме чтения докладов или, как их называли в то время, «рефератов», А. А. Дмитриевский принимал участи в дискуссиях по докладам других ученых. Рассмотрим поэтапно его деятельность на этом Археологическом съезде.

На московском съезде Алексей Афанасьевич выступил с тремя докладами по темам, волновавшим его в то время: 1) 18 января 1890 г. ученый в рамках работы II-го отделения «Древности историко-географические и этнографические» выступил с докладом «Греческое Нежинское братство и его устав»[475]; 2) 22 января того же года на заседании VII отделения съезда «Древности славяно-византийские и классические» Алексей Афанасьевич прочел доклад на тему «Несколько замечаний о стихе новолетия по византийским источникам»[476]; 3) вечером того же дня ученый выступил с докладом в IX Отделении «Памятники археографические»

---

[472] Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1889/1890 учебный год. С. 60. Финансы на поездку были также выделены академией; см.: Выписка из журнала Правления академии о выдаче пособия доцентам Завитневичу В. и Дмитриевскому А., командированным на VIII Археологический съезд в Москву. 28 декабря 1889 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7609. Благодарим А. Ю. Никифорову за ссылку на это дело.

[473] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 182 (письмо от 23 декабря 1889 г.).

[474] Заседания Совета // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. IV / под ред. П. С. Уваровой. М., 1897. С. 20.

[475] Краткое резюме сообщения см.: Протоколы заседаний VIII Археологического съезда // Там же. С. 114.

[476] Резюме сообщения см.: Там же. С. 171.

на тему «Архив греческого Нежинского братства». Лишь последнее выступление вызвало некоторую реакцию слушателей. В этом сообщении А. А. Дмитриевский охарактеризовал содержание наиболее интересных с его точки зрения дел, и высказал просьбу к членам съезда принять меры по сохранению этого архивного собрания[477]. Именно этот вопрос, а также общий объем сохранившихся бумаг и обсуждался в рамках дискуссии.

А. А. Дмитриевский принимал довольно активное участие и в дискуссиях по поводу прочитанных на заседаниях разных отделений докладов. Так, 15 января на общем заседании депутат от Императорского Новороссийского университета В. И. Модестов прочел доклад «Об одной из мер к поднятию археологического образования в России», в котором выразил надежду о скором открытии в Риме русского Археологического института с филиалом в Афинах[478]. Как таковую идею докладчика поддержали многие из присутствовавших на заседании (напр., депутат от Императорского Московского университета И. В. Цветаев), правда не все соглашались с местом, где должно быть открыто это научное учреждение. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. В. Покровский, высказавшись за необходимость такого института в Риме, усомнился в правильности открытия института в Афинах и отметил плюсы Константинополя для реализации этого проекта. А. А. Дмитриевский не согласился с обоими докладчиками и указал на Афины как самое удобное место для открытия Археологического института: у России с Афинами крепкие связи благодаря живущей там «представительнице нашей России» «королевы эллинов»; здесь уже есть немецкий и французский институты по изучению древностей, издающие свои журналы; имеются богатые библиотеки; и, наконец, из Афин удобно добираться в другие места[479].

---

[477] Резюме сообщения и дискуссию см.: Там же. С. 178–179.

[478] Доклад опубликован полностью под названием: *Модестов В. [И.]* Об открытии русского Археологического института в Риме с отделением в Афинах // Труды восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. Т. 3 / под ред. П. С. Уваровой. М., 1897. С. 303–306; резюме доклада и развернувшуюся по нему дискуссию см.: Протоколы заседаний VIII Археологического съезда // Там же. Т. IV. С. 77 (резюме), 77–81 (дискуссия).

[479] Реплику А. А. Дмитриевского см.: Там же. Т. IV. С. 79–80. В источнике фамилия А. А. Дмитриевского передана неверно: «А. А. Дмитриев». В работе съезда принимал участие ученый с такой фамилией, но другими инициалами

Эта дискуссия продолжилась 18 января на заседании VII отделения съезда «Древности славяно-византийские и классические», на котором А. А. Дмитриевский как секретарь прочел доклад П. Б. Мансурова на тему «Византия, славянство и Россия: к вопросу об учреждении Русского ученого института в Константинополе»[480]. Цель доклада состояла в том, чтобы «выслушать замечания о том, в каком виде, с какими задачами мог бы быть основан подобный Русский институт на Востоке»[481]. По докладу выступали А. С. Павлов, Ф. И. Успенский, Ф. А. Бюллер, П. С. Уварова, А. С. Будилович, А. И. Кирпичников, В. К. Трутовский и А. А. Дмитриевский, отметивший, что суждения об учреждении Русского ученого института за границей при обсуждении ранее разошлись и предлагались разные варианты: Рим, Константинополь и Афины. В выступлении по этому докладу А. А. Дмитриевский более пространно и аргументировано повторил высказанные им ранее тезисы, указывая, что у нас с Афинами добрые отношения благодаря династическому союзу русской великой княжны Ольги Константиновны и греческого короля Георга I. Кроме того в Афинах жизнь не такая дорогая, как в Константинополе. Ученый настаивал на удобстве Афин для устройства в них института, но речь свою завершил спокойно: «Где бы институт не учредился, я первый приду в его двери, но я говорю о том, где большая возможность осуществления» [482] . Остальные участники дискуссии (кроме поддержавшего выступление А. А. Дмитриевского ректора Варшавского университета профессора А. С. Будиловича) [483] высказывались за Константинополь как предпочтительное место организации и открытия института. Профессор Московского университета А. С. Павлов дал присутствующим понять, что мысль об институте возникла именно у правительства и оно само указало Константинополь, поэтому нам остается только идти навстречу этому желанию, а не указывать, где лучше учредить этот

— С. В. Дмитриев. Поскольку эти же тезисы А. А. Дмитриевский повторит снова чуть позже, мы сочли справедливым приписать ему эту реплику.

[480] Там же. С. 123.

[481] Там же. С. 125. Слова А. С. Павлова.

[482] Большое выступление А. А. Дмитриевского по этому поводу см.: Там же. С. 125–127.

[483] Там же. С. 128–129.

институт. П. С. Уварова отметила еще более конкретнее и жестче: рассуждать о месте учреждения института «теперь даже смешно»[484]. В итоге собравшиеся постановили «просить Совет Съезда поддержать перед Правительством предложение <…> об учреждении в Константинополе Русского Археологического института»[485], а уже Совет съезда 23 января того же года принял решение ходатайствовать перед министром народного просвещения об «учреждении Археологического института в Константинополе»[486]. Как известно, институт был учрежден в 1894 г. в Константинополе и его бессменным директором стал Ф. И. Успенский[487].

Выступал А. А. Дмитриевский и по поводу чрезвычайно заинтересовавшего его доклада А. В. Селиванова на тему «О вновь открытых в Рязани памятниках»[488], прочтенного 16 января на заседании V-го отделения «Памятники церковные», на котором почетным председателем был Ф. И. Успенский, председателем отделения — Н. В. Покровский, а секретарем — Н. Ф. Красносельцев. Доклад вызвал у Алексея Афанасьевича некоторые замечания и вопросы[489], сводившиеся к частностям и обнаружившие разные подходы светских и церковных археологов, которых могут интересовать в одном и том же архитектурном памятнике разные детали.

Еще один важный опыт, которым А. А. Дмитриевский, судя по всему, дорожил, было его участие в III Областном археологическом съезде во Владимире. На этом съезде, проходившем 20–26 июня 1906 г., Алексей Афанасьевич представлял сразу 2 институции: Киевскую духовную академию и Историческое общество Нестора Летописца[490]. Ученым было сделано 2 доклада и

---

[484] Там же. С. 128.
[485] Там же. С. 129.
[486] Заседание Совета съезда // Там же. С. 197.
[487] Подробнее об институте см.: *Сусленков В. Е.* Археологический институт в Константинополе // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 503. См. также: *Шаманаев А. В.* Русский археологический институт в Константинополе и Всероссийские археологические съезды // Византийский временник. 2018. № 102. С. 326–334.
[488] Выжимки из доклада см.: Протоколы заседаний VIII Археологического съезда // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. IV. С. 90–91.
[489] Там же. С. 91–92.
[490] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. Киев, 1906. С. 358–359; Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 16-го апреля по 27-е октября 1906 г. // ЧИОНЛ. Кн. 19. Киев, 1906. Отд. 1. С. 79.

оба на заседании съезда 24 июня, на котором ученый был почетным председателем[491]. Первый доклад на тему «К истории христианской фресковой живописи XIV–XV вв. по афонским (святогорским) памятникам»[492] с показом фотографий был запланирован на 22 июня, однако по причине позднего времени заседания был перенесен на другой день[493]. По итогам выступления развернулась дискуссия, в которой приняли участие А. А. Павловский, В. Т. Георгиевский, Н. И. Троицкий и Н. В. Покровский, высказавшие ряд соображений и дополнений к докладу. Второй доклад был сделан на тему «Несколько слов о Требнике XVI в., хранящемся в Древлехранилище Братства св. вел. кн. Александра Невского во Владимире»[494]. В этом выступлении ученый рассмотрел состав Требника и выявил в нем несколько чинов, совершавшихся в константинопольской Великой церкви, среди которых есть и неизвестные науке. Следует отметить, что материал для второго доклада А. А. Дмитриевский обнаружил на выставке, проходившей во время съезда[495].

А. А. Дмитриевский реагировал и на доклады других ученых. Так, на заседании съезда 21 июня 1906 г. ученый выступал по поводу доклада известного филолога-слависта А. И. Соболевского на тему «Двуперстие, сугубая аллилуия и хождение посолонь с точки зрения исторической». Алексей Афанасьевич отрицал возможность влияния Антиохийской церкви на Константинопольскую и доказывал, «что спорные обряды существовали в греческой церкви гораздо раньше»[496]. По итогам съезда ученый в письме схимонаху Матфею (Ольшанскому) от 29 июня 1906 г. отмечал, что для него съезд прошел удачно и с успехом, но выдающимся А. А. Дмитриевский его не признал. Также ученый

---

[491] Протоколы заседаний съезда // Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 26.
[492] Резюме доклада см.: Там же. С. 73–74. Доклад был позднее напечатан: *Дмитриевский А. А.* Фрески Георгиевского параклиса 1423 г. в Свято-Павловском монастыре на Афоне и их значение в истории афоно-византийской и русской иконописи // СИППО. 1908. Т. 19. Вып. 4. С. 563–583.
[493] Протоколы заседаний съезда // Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 25.
[494] Резюме доклада см.: Там же. С. 76–78.
[495] Там же. С. 86.
[496] Там же. С. 52–53.

сообщил, что побывал с экскурсией в Суздале, где осмотрел ризницу Покровского женского монастыря, тюрьму и нашел его прелюбопытным[497].

Деятельность в Предсоборном Присутствии. Всероссийский император Николай II поставил перед Предсоборным Присутствием и, конкретнее, перед митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) особые цели и задачи: определить время созыва Поместного Собора Православной Российской Церкви и очертить круг тем для обсуждения на нем. Предсоборное Присутствие работало чуть менее года, с 14 января — дня своего создания, по 15 декабря 1906 г., когда состоялось последнее заседание и сворачивание его деятельности. Регулярно для обсуждения вопросов стали собираться с 14 марта, довольно интенсивно работая до 13 июня. Затем был продолжительный перерыв, и работа возобновилась 1 ноября и продолжилась до 15 декабря.

Состав Присутствия был достаточно обширен и в него были включены архиереи, клирики и миряне из числа профессоров духовных школ, а также другие ученые, занимающиеся историко-богословскими исследованиями. Список участников на протяжении всего года корректировался: кто-то не принял приглашения принять участие в работе Присутствия, кого-то приглашали дополнительно в качестве специалиста в той или иной области. Работа проходила в 7 отделах и общем собрании. Сперва, тот или иной вопрос обсуждался в отделах, там же проходило голосование, после чего рассмотрение вопроса выносилось на общее собрание, где после голосования сформированное мнение по тому или иному вопросу предназначалось для рассмотрения Поместным Собором.

Источниковая база для реконструкции истории Предсоборного Присутствия не так обширна. Кроме газетных публикаций того времени и некоторых воспоминаний участников, огромное значение для реконструкции его деятельности имеют, конечно, Протоколы заседаний. Заседания всех отделов

---

[497] Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон… С. 281. Ср.: Протоколы заседаний съезда // Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 86.

тщательным образом протоколировались со всеми докладами и даже незначительными выступлениями и издавались приложением к Церковным ведомостям. В 2014 г. Обществом любителей церковной истории совместно с Новоспасским монастырем этот важный источник был переиздан[498] (к слову сказать, с огромным количеством опечаток), благодаря чему эта библиографическая редкость вновь стала доступной исследователям. Второй источник — это неопубликованные письма А. А. Дмитриевского его жене Анастасии Ивановне Дмитриевской, хранящиеся в фонде ученого в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306). Алексей Афанасьевич иногда для писем особо важным для него людям избирал формат Дневника. Так, одно из этих писем, которое автор писал на протяжении всего времени участия в работе Присутствия, имеет сквозную нумерацию страниц и это письмо было важно и для самого ученого, о чем он написал в одном из своих писем жене: «Дорогая Тася, на сей раз отступаю от принятой мною формы дневника (пожалуйста, сохрани все письмо на память о моем пребывании в Питере, это, несомненно, исторический документ. Его я продолжу потом)»[499]. Таким образом, эти два источника позволяют довольно неплохо реконструировать работу А. А. Дмитриевского в Предсоборном Присутствии и определить его вклад в обсуждение некоторых вопросов. Здесь мы основной упор сделаем на изучении содержания писем А. А. Дмитриевского, поскольку они еще не привлекали внимания ученых, между тем этот источник позволяет добавить несколько характерных черт к истории Предсоборного Присутствия и обстановки, царившей на его заседаниях.

Как уже было отмечено, работа Присутствия была организована в два этапа или сессии: весной — летом и поздней осенью — начале зимы. 3 ноября — уже после официального начала работы сессии — государь император высочайше соизволил включить А. А. Дмитриевского в состав членов Предсоборного

[498] Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. М., [2]2014. Т. 1–4.
[499] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306 (Письма А. А. Дмитриевского А. И. Дмитриевской). Л. 72 (письмо от 16 декабря 1906 г.).

Присутствия, о чем ученый, видимо, узнал из телеграммы[500]. Впрочем, о планах его вызова ученый знал заранее: так, 23 октября он пишет В. Д. Юшманову письмо, в котором сообщает, что его могут вызвать к 1 ноября в Предсоборную комиссию[501]. Пóзднее приглашение Дмитриевского к работе в Присутствии , на наш взгляд, было связано вот с чем. Лето 1906 г. Алексей Афанасьевич провел в Петербурге, куда ездил поработать в архиве ИППО для подготовки монографии о его истории[502]. 15 августа того же куда умирает секретарь Общества Алексей Петрович Беляев и руководство ИППО вынуждено было начать поиски нового секретаря. Вероятно, тогда же созрел план представить кандидатуру А. А. Дмитриевского Великой княгине Елизавете Феодоровне в качестве потенциального секретаря Общества. В сентябре — начале октября вопрос предварительно пытались согласовать и, видимо, великая княгиня утвердила кандидатуру Дмитриевского на эту должность. А. А. Дмитриевский в уже упоминавшемся письме В. Д. Юшманову пишет, что их «мечты и праздные застольные гадания» скоро станут реальным фактом[503]. А. А. Дмитриевский должен был приехать в Петербург для того, чтобы познакомиться со спецификой секретарской работы, а легально это можно было сделать только под благовидным предлогом, ибо планы по переходу на службу в Общество он держал в тайне от коллег. Видимо это обстоятельство и послужило причиной того, что Алексей Афанасьевич был вызван к работе в Предсоборном Присутствии. По косвенным данным одного из писем, обер-прокурор Святейшего Синода П. П. Извольский лично говорил об этом с императором. Также в пользу этого предположения свидетельствует и некоторая поспешность вызова Дмитриевского в Петербург: работа должна была начаться 1-го ноября и, по

[500] Церковные ведомости. 1906. № 46 (18 ноября). С. 487.
[501] ИВР РАН. Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17 (Письма А. А. Дмитриевского В. Д. Юшманову). Письмо от 23 октября 1906 г.
[502] Работа была завершена к юбилею ИППО и издана: *Дмитриевский А. А.* Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. СПб., 1907; переизд. см.: Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / *вступ. ст. и послесл. Н. Н. Лисового*. М.: СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.
[503] ИВР РАН. Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17 (Письма А. А. Дмитриевского В. Д. Юшманову).

логике вещей, именно к этой дате и нужно было вызывать новых членов; однако, как уже отмечалось, его вызвали лишь 3-го ноября особым распоряжением.

Свое повествование о прибытии в Петербург и первых днях пребывания здесь А. А. Дмитриевский начинает с указания, как же дорого обходится деятельность Присутствия. Он пишет: «На вокзале встречать, как и следовало ожидать, секретарская вкупе с секретаршею: курьер для багажа (Чичиков сказал бы тысяча курьеров), карета для вновь прибывших знатных иностранцев и проч., проч. Чтобы понять, как было много шуму и треску из ничего, достаточно сказать, что 10[-ти] р[ублей] мне не хватило для первого дня на извозчиков и курьеров… Апартаменты для двух и одного договорены накануне в гостинице «Россия» на Мойке <…> Занял я в четвертом этаже скромный номер за 2 ½ р. в сутки»[504].

Алексей Афанасьевич принимал участие в работе V отдела, который «обсуждал вопрос о преобразовании духовно-учебных заведений»[505]. Всего состоялось 8 заседаний этого отдела[506], на всех он присутствовал и вносил свои реплики, однако, как он сам свидетельствовал в письме жене, эти заседания были скучны[507]. Правда, один раз заседание оказалось для А. А. Дмитриевского интересным, и он вступил в полемику со своим бывшим учеником по Киевской духовной академии епископом Псковским Арсением (Стадницким). Алексей Афанасьевич так пишет об этом: «Суббота 8 дек. <…> держал речь против Арсения Псковского, хваставшегося, что съезд летний преподавателей семинарий для выработки временных семинарских правил составился по его инициативе и принес громадную пользу. Я возражал в игривом виде, говоря, что, по откровенному признанию участников съезда, они здесь утратили веру в высшее начальство, которое искало у них авторитета и желало на них опереться… Мои возражения вызвали веселый смех и видимо сконфузили Арсения. Он выбранил говорившего меня и назвал лицемером и пьяницей»[508].

---

[504] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 42–42 об.
[505] *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. С. 222.
[506] Заседания прошли: 14, 16, 23, 28 ноября; 4, 9, 12, 14 декабря 1906 г.
[507] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 50.
[508] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 63 об.

Кроме того, А. А. Дмитриевский принял участие в 17 заседаниях общего собрания Присутствия [509], где имел возможность высказываться по более широкому спектру вопросов: о консистории, о секретаре, о епископах и их избрании и утверждении, о суде церковном. Эти реплики сам А. А. Афанасьевич называет весьма обширными[510] и именно описанию этих заседаний он и уделяет внимание в письмах.

Первое заседание, в котором принял участие А. А. Дмитриевский, было общее собрание Присутствия, состоявшееся 7 ноября 1906 г. На этом собрании разбирался вопрос о митрополичьих округах и А. А. Дмитриевский не преминул высказаться по этому вопросу. Начало своей речи, не вошедшее в протоколы, он начал со следующего пассажа: «Позвольте и мне произнести свое слабое слово в высокое почтенное собрание по затронутому вопросу, но при этом прошу быть снисходительным к моим недомолвкам, так как я являюсь перед лицом высокопочтенного собрания если не в дванадесятый час, то уже несомненно в единонадесятый настоящей Комиссии»[511]. Этими словами он намекал на две вещи: что дни деятельности Присутствия уже сочтены и что его вызвали принять участие в работе слишком поздно, под самый занавес.

Вопрос о митрополичьих округах продолжал обсуждаться и на общем собрании 9 ноября. «В четверг в 11 ч. было предсоборное заседание и бурное настолько, что наши академические советы самые разухабистые ничто в сравнении с этим заседанием.

Героями дня были митрополит Антоний и [архиеп.] Димитрий [(Ковальницкий)] Херсонский. Последний вел себя вызывающе дерзко, говорил такие глупости, что просто уши вяли. В газетах были отзывы об этом столкновении, но эти отзывы не передают и тени правдоподобия. Довольно <…> сказать, что митрополит Антоний прервал заседание и объявил перерыв не в урочное время. После перерыва архиепископ Димитрий хотя и успокоился, но нес

[509] Заседания прошли: 7, 9, 10, 16, 17, 20, 24, 28, 30 ноября, 1, 4, 7, 8, 11, 12, 14, 15 декабря 1906 г.
[510] Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 58.
[511] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 45 об.

прямо чепуху. Вот несколько перлов. “Заседания моего отдела авторитетнее заседаний отдела под председательством арх[иепископа] Виленского Никандра, ибо 15 голосов *против* митрополичьих округов и 5 лишь за округа”. А как же, спрашивает митрополит, в заседании арх[иепископа] Никандра решили за округа большинством, при чем 8 человек были те самые, которые находились потом и в вашем заседании. [Архиепископ Димитрий после вопроса митрополита начал заикаться и Дмитриевский не преминул красочно это передать:] Не-не-не знаю и не-не- не понимаю — процедил Димитрий. Очевидно, у арх. Никандра не достаточно вразумительно обсуждался вопрос, так как пришедшие оттуда не могли толково мне передать сущность его решения. По моему мнению, решение об округах в общем предсоборном заседании <…> никуда не годится и неправильно. Все равно это постановление не принесет пользы… В этом роде с анекдотами о пропойцах <…> его речь длилась часа 1 ½ и произвела на всех удручающее впечатление)»[512].

Довольно любопытно А. А. Дмитриевский описывает впечатления от своей речи о секретаре духовной консистории со стороны митрополита Антония: «Произнес речь о хартофилаксе и против обер-прокурора Синода, который находился на заседании. Речь сказана недурно, но, к удивлению многих, последовал на нее ответ неожиданный Антония, который сказал похвалу обер-прокурору и нашел, что в порядке вещей, чтобы секретари ездили верхом на архиереях и впредь, а посему он не прочь мириться с нынешним порядком в этом отношении. Присутствующие изумлены его речью и полагают, что он хотел подслужиться к обер-прокурору. После заседания я изловил его и выбранил, но он отделался смешками» [513] . Конечно, редко кому позволялось «выбранить» петербургского митрополита, но А. А. Дмитриевский мог себе это позволить без каких бы то ни было последствий. Это было возможно благодаря тому, что они были добрыми знакомыми и коллегами по Казанской духовной академии, а также состояли в переписке и имели общих друзей.

[512] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 46 об. – 47.
[513] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 54.

Не мог А. А. Дмитриевский не упомянуть и драматическое событие в жизни митрополита Антония и, шире, церковной жизни Петербурга. Речь идет о нашумевшем открытом письме Дубровина, изданном 5 декабря 1906 г. В четверг 7 декабря А. А. Дмитриевский пишет: «Заседание предсоборной комиссии началось необычным образом. Митрополит Антоний по болезни не явился в Синод и председательство передал митрополиту Московскому Владимиру. Когда пропели молитву, присяжный поверенный Кузнецов, член предсоборного присутствия, произнес горячее прочувствованное слово по поводу пасквильного открытого письма Дубровина <…> к митрополиту Антонию, который заброшен был грязью и гнусною клеветою. Все собрание единогласно постановило через митрополита Владимира выразить сочувствие митрополиту Антонию». Уже на следующий день состоялось очередное заседание Присутствия, на котором митр. Антоний благодарил членов присутствия за сочувствие и, как свидетельствует А. А. Дмитриевский, «выразился так, что настоящее тяжелое несчастье он переживает спокойно»[514].

Члены Предсоборного Присутствия кроме словесной, решили еще оказать и материальную поддержку митрополиту Антонию. Все время после 7 декабря и до закрытия Присутствия они, как выражается А. А. Дмитриевский, «решительно все», собирали деньги на икону; инициативу подписки «взял на себя [Н. Н.] Глубоковский»[515]. 13 декабря, после окончания заседания и отъезда митрополита, все члены остались в Синоде «и начали обсуждать вопрос, кто будет подносить икону и говорить речь. Оба митрополита (Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий)) отказались на том основании, что они председатели. Димитрий Херсонский на отрез и прямо отказался. Волынский Антоний не взялся потому, что и без того часто говорил всевозможные речи. Наконец, остановились на Выборгском и Финляндском архиепископе Сергие (будущий Патриарх Московский и всея Руси). Думается мне, что отрицания эти

[514] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 62 об.
[515] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 65.

были “страха ради”, но только не иудейска, а партии русского народа с Дубровиным во главе»[516].

Довольно подробно А. А. описывает последний день деятельности Предсоборного Присутствия и его закрытие. Сперва он повествует как обсуждался вопрос об имуществе прихода и кто им должен распоряжаться. После этого состоялось закрытие: прокурор от лица государя благодарил всех за труды, звучало пение членов Присутствия, благодарственные речи со стороны председателя, митрополита Антония, и архиепископа Сергия (Страгородского). Любопытно А. А. Дмитриевский характеризует речь архиепископа Сергия, которая «не была блестяща, но она чужда была [и] всяких намеков на события последних дней и имела в виду одно — оставить память митрополиту о днях этого Предсоборного Присутствия» [517] . Церемония закрытия продолжилась в синодальной церкви свв. апостолов благодарственным молебном, «который служили 3 митрополита и несколько священников Предсоборного Пристутствия. Прочие епископы стояли в алтаре, а члены миряне в храме. Пели синодальные певчие. Протодиакон после царской фамилии провозгласил многолетие членам «предвыборного» собрания вместо предсоборного. Приложившись ко кресту, мы в зале Синода распростились со всеми владыками»[518].

Результаты своей работы в Присутствии А. А. Дмитриевский описывает таким образом: «Устал я ужасно. В Присутствии принимал деятельное участие я один из киевлян. В[асилий] Ф[едорович] Певницкий и К[онстантин] Д[митриевич] Попов не сказали ни единого слова, Ф[едор] И[ванович] Титов один раз говорил, а больше работал в архивах и якобы болел, С[тепан] Т[имофеевич] Голубев говорил глупости в трех-четырех словах и держал себя, как мальчишка».

Кроме участия в заседаниях Предсоборного присутствия, А. А. Дмитриевский много занимался и в Палестинском обществе сперва как пользователь и читатель материалов архива, а потом как избранный на должность

[516] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 65.
[517] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 66.
[518] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. Л. 66 об.

секретарь. Также Алексей Афанасьевич по приглашению митрополита Антония принял участие в пастырском собрании в религиозно-просветительном обществе, где обсуждались разные церковно-бытовые и литургические вопросы[519]. Вечера и свободные минуты он посвящал либо визитам знакомым и друзьям, которых по случаю работы Присутствия в Петербурге было достаточно много, либо работе с корректурами статей и книги об истории Палестинского общества. Интересно, что несмотря на очень плотный график, он находил время и для посещения храма, где был не просто прихожанином, а читал на середине церкви Шестопсалмие и канон.

Подводя итог нашему очень беглому обзору участия А. А. Дмитриевского в работе Предсоборного присутствия отметим, что наиболее информативным источником об этом являются письма ученого жене А. И. Дмитриевской, причем сам же Алексей Афанасьевич в процессе создания этого источника считал его историческим документом. В дополнение к опубликованным в Протоколах текстам его выступлений, письма позволяют представить атмосферу предсоборных заседаний и четче проясняют позиции разных партий по тем или иным вопросам церковной жизни. Хотя для самого А. А. Дмитриевского работа в Присутствии носила случайный характер, тем не менее, он и к ней отнесся со всей ответственностью и выступал с речами по различным вопросам. Кроме того, за время пребывания в Петербурге ученому удалось ознакомиться с деятельностью канцелярии и ученого секретаря Императорского православного палестинского общества и это знание, конечно же, спустя год после описываемых в статье событий, оказало ему большую услугу при переходе на службу в Общество.

Подытоживая наше исследование научной и общественной деятельности А. А. Дмитриевского, отметим несколько принципиально важных моментов, без артикуляции которых невозможно составить выпуклое представление об этих сторонах активности ученого.

---

[519] На одном из этих пастырских собрания Алексей Афанасьевич предложил вниманию публики доклад «О Чаше жизни», вызвавший бурю протеста со стороны некоторых членов общества и оборвавшийся на полуслове (см.: Дмитриевский А. А. Личные воспоминания… С. 58–59).

Определяющее значение для научной деятельности А. А. Дмитриевского имели его командировки и многочисленные поездки за пределы Отечества, в рамках которых он достаточно скрупулезно изучал в книжных собраниях Востока и Запада рукописные литургические памятники и другие важные для истории документы. Ученый осознавал, что для широких научных обобщений по той или иной теме в распоряжении исследователей имеется ограниченный круг источников, потому он ставил перед собой цель куда более скромную: ввести найденные памятники в научный оборот либо посредством их публикации, либо через упоминание в своих многочисленных работах. А. А, Дмитриевским было опубликовано так много этих свидетельств исторического прошлого человечества, что уже при своей жизни он был признан выдающимся последователем французского ученого Жака Гоара и прозван «Русским Гоаром» за фундаментальный вклад в изучение истории богослужебной традиции Византийской и Русской Церквей.

Открытые ученым литературные памятники и архивные документы способствовали расширению исследовательского горизонта и его интересы не ограничивались одной литургикой и церковной археологией, но включали археографию, биографику, историю православного Востока и русского присутствия в Палестине и др. Результаты вдумчивой работы А. А. Дмитриевского и проведенный им анализ литературных памятников были по достоинству оценены современниками и корпорацией Киевской духовной академии, что выражалось в присуждении ему, хотя и далеко не за все исследования, различных премий.

Важная составляющая работы ученого — возможность обсудить основные выводы своих исследований с коллегами. В дореволюционной России и, конкретно, в Киеве, существовали многочисленные научные общества и собирались съезды, в рамках деятельности которых каждый их член мог выступать с соответствующими докладами, сообщениями и рефератами. Как показало исследование, А. А. Дмитриевский использовал эту возможность достаточно активно, выступая с многочисленными докладами по широкому

репертуару тем, интересовавших его в тот или иной исторический отрезок времени.

Особо значимой была общественная деятельность А. А. Дмитриевского по спасению культурного наследия — различного рода исторических памятников, рукописей, икон и целых архивных собраний. Не во всем и не всегда эта деятельность была удачной и приносила обильные плоды. Тем не менее, само наличие такого рода активности говорит как о принципиальном настрое ученого, так и о его связях и способностях добиваться значительных успехов.

А. А. Дмитриевский не замыкался исключительно на научной и общественной составляющих своей деятельности, но занимался просветительством и популяризацией научного знания, принимая участие в жизни различных просветительных обществ. Его пускай и не продолжительная, но достаточно плодотворная работа в Киевском просветительном обществе принесла определенные плоды, а само это время без преувеличения считается золотыми годами в жизни этой институции.

К профессиональному мнению А. А. Дмитриевского прислушивались многие, к ученому обращались за консультациями по тому или иному вопросу, приглашали принять участие в различных проектах как локального, так и общероссийского масштабов. Это свидетельствует о значимости личности А. А. Дмитриевского не только как ученого, но человека и гражданина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев разнообразную и разнонаправленную деятельность профессора А. А. Дмитриевского в киевский период его жизни, подведем некоторые итоги нашего исследования.

В периодизации жизни А. А. Дмитриевского его активность в киевский период биографии — достаточно продолжительный (в сравнении с другими периодами) отрезок в 23 года, с 1884 по 1907 гг. Это время наибольшей активности и результативности как для самого А. А. Дмитриевского как человека, так и для науки в целом. В это время ученый не только достиг достаточно высоких ступеней по табели о рангах и был отмечен многими наградами, но и вступил в брак, получил ученую степень доктора церковной истории и дослужился до звания заслуженного ординарного профессора академии.

Деятельность А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии была разноплановой и концентрировалась на исполнении поручений Совета, преподавании литургики и церковной археологии, руководстве написанием различного уровня студенческих работ — от семестровых сочинений, до кандидатских и магистерских диссертаций.

Степень вовлеченности А. А. Дмитриевского в повседневную жизнь Киевской духовной академии была достаточно высокой. Ученый по поручению Совета отзывался о программах преподавания в духовных семинариях и академиях, представлял учебное заведение в качестве докладчика на археологических съездах, принимал участие в работе различных комиссий (приемной, по изданию трудов преподавателей, ревизионной по деятельности библиотеки, премиальной и по выработке нового академического устава; и др.). Кроме того, хотя и достаточно редко, но Совет КДА обращался к ученому за экспертным мнением, поручая ему рецензирование магистерских сочинений с последующим оппонированием на защитах.

Нередко А. А. Дмитриевский и сам был инициатором вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Совета КДА: достаточно результативно выступал с

ходатайствами о включении в состав почетных членов известных российских ученых, рекомендовал для замещения академических кафедр тех или иных лиц. Эта деятельность была сопряжена не только с самим фактом выдвижения, но и необходимостью качественной характеристики заслуг того или иного лица — только это могло обеспечить и обеспечивало успех.

Достаточно результативной, на наш взгляд, была деятельность А. А. Дмитриевского, как преподавателя и организатора науки в КДА. С точки зрения программы преподавания и содержания курсов литургики и церковной археологии, Алексей Афанасьевич на первоначальном этапе ориентировался на многолетний опыт своего учителя по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева, что не было типичным в целом для эпохи. Однако курсы А. А. Дмитриевского не были статичными: с течением времени какие-то элементы из содержания преподавания уходили, другие, в особенности основанные на собственных научных изысканиях ученого, появлялись и получали свое логичное развитие.

Огромное значение А. А. Дмитриевский уделял работе со студентами КДА, что выражалось в требовательности и чрезвычайно ревностном отношении к качеству полученных знаний по обеим преподававшимся ученым дисциплинам. Хотя ученого и критиковали за строгое отношение, тем не менее, как свидетельствуют воспоминания различных лиц, это давало большой эффект и на экзаменах студенты показывали достаточно приличный уровень знаний.

Будучи сам верным последователем школы исторической литургики его учителя по Казанской духовной академии Н. Ф. Красносельцева, А. А. Дмитриевский прививал научную методологию и основные принципы работы с литургическими памятниками и своей аудитории. За время преподавания в КДА Алексей Афанасьевич прочитал свои курсы более чем 1 000 студентам и, по крайней мере, 47 студентов написали по данным ученым темам кандидатские диссертации. Как показало наше диссертационное исследование, А. А. Дмитриевский, как и его учитель Н. Ф. Красносельцев, тщательно руководил

процессом написания студенческих работ, а после окончания обучения общался со своими бывшими студентами посредством переписки.

В педагогической деятельности А. А. Дмитриевского научная школа Н. Ф. Красносельцева дала наиболее обильные результаты, благодаря чему мы можем с достаточной долей уверенности говорить о созданной Алексеем Афанасьевичем собственной школе, школе Русского Гоара. Этот, пускай и немногочисленный ряд, представлен именами крупных русских литургистов и педагогов, жизненный путь и наследие которых практически не изучены. Научные результаты этой школы были признаны российской и мировой наукой, исследователи постоянно на них ссылались и продолжают ссылаться до настоящего времени. Преемство научных поколений было реализовано в лице учеников Алексея Афанасьевича, но настоящее и подлинное свое развитие школа А. А. Дмитриевского не получила: в результате революции 1917 г. богословское образование постепенно прекратило свое существование, а сами исследуемые в рамках академической науки темы были запрещены для разработки. Хотя тематически, на уровне научных работ, школа в послереволюционное время не смогла обеспечить свое бытие на качественном уровне, тем не менее, на уровне общей методологии и соответствующих подходов она жива и доныне. Единственным человеком, проложившим мост между поколениями, которого Алексей Афанасьевич называл «мой Вениамин», был профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский (1900–1987). Именно благодаря ему обеспечилась некоторая преемственность и переход школы Дмитриевского в духовные академии советского времени.

С педагогической деятельностью А. А. Дмитриевского неразрывно связана и ею подпитывалась его научная работа. Ученый считал, что в текущий момент развития литургической науки следовало бы не писать обобщающие курсы и монографии, а издавать литургические памятники и потом, уже на основании достаточного количества источников, заниматься обобщающими исследованиями. И этой программы А. А. Дмитриевский достаточно последовательно придерживался: проработав все, наиболее значимые литургические рукописи,

хранящиеся в российских книжных собраниях, ученый пристальное внимание уделил поиску новых источников в заграничных библиотеках. За время с 1886 по 1903 гг. Алексей Афанасьевич побывал (как правило, по собственной инициативе и за личные средства) с научными целями во всех крупных центрах и менее значимых библиотеках, где хранятся греческие и славянские рукописи, обнаружению, систематизации и изучению которых ученый отдал достаточно много сил и времени. Только на Афоне Алексей Афанасьевич побывал 6 раз, дважды в Палестине, 4 раза в Риме и везде он скрупулезно просматривал все литургические памятники, делая их в разной степени полноты описания, и знакомился с христианской архитектурой и живописью. Иногда в этих поездках ученого сопровождали студенты КДА или наемные на местах люди, в задачу которых входило переписывать по заданию А. А. Дмитриевского выявленные им рукописные памятники. Именно благодаря этому подходу и стала возможной невероятная продуктивность ученого. Однако это нисколько не умаляет его личных заслуг по выявлению, определению ценности содержания того или иного памятника, его копированию и проч.

Итогом зарубежных поездок А. А. Дмитриевского стало создание и публикация нескольких монографических исследований и статей, общее число которых для киевского периода составляет 158 библиографических единиц. Результатом археографической работы ученого стало введение в научный оборот огромного числа литургических памятников, например, — издание монументального труда в трех томах «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока». Это издание представляет собой не вполне классическое описание, с указанием лишь традиционных формальных элементов. В нем ученый осуществил первую публикацию многих греко-язычных и славянских литургических памятников X–XIX вв.; именно благодаря этому труду Дмитриевский был прозван «русским Гоаром». Кроме того, обильный источниковый материал обеспечил на многие годы вперед не только исследования самого А. А. Дмитриевского, но его учеников и современных ученых. Значение этого труда еще и в том, что некоторые из

описанных Алексеем Афанасьевичем рукописей впоследствии были утрачены для науки.

Работа с различного рода источниками, знакомство с выдающимися людьми его времени чрезвычайно расширило исследовательские горизонты А. А. Дмитриевского. Его стали интересовать не только литургика и церковная археология, но и история российского присутствия на Афоне и в Святой Земле, биографика, астраханика, позднесредневековая русская история. Для работы в этих исследовательских областях Алексей Афанасьевич не ограничивался лишь опубликованными источниками, но занимался в архивах, позволивших открыть как новые документы, так и в некоторых случаях существенно дополнить существующие представления. В каждой из этих областей ученый оставил значительный след в виде статей и монографий, без обращения к которым немыслимо ни одно более-менее серьезное исследование.

Результатами своих научных изысканий А. А. Дмитриевский охотно делился, участвуя в деятельности различных научных и просветительных обществ дореволюционной России. Но его деятельность не ограничивалась исключительно научной составляющей: ученый предпринимал серьезные попытки по сохранению культурного наследия греческой монашеской общины Нежина, принимал участие в организации повседневной жизни Киевского религиозно-просветительного общества, которому отдал много сил и времени, а после отъезда из Киева передал личную библиотеку.

Киевский период жизни А. А. Дмитриевского можно рассматривать еще и как своего рода подготовительное время, когда ученый набирался разновекторного опыта, достиг пика своей карьеры, научился общению с людьми разных возрастов и положений. Эти умения и навыки оказали ему в последующее время, в Петербурге и Астрахани, большую услугу: ученый развернул свою деятельность не только в научном плане, но и общественном, церковно-политическом и даже политическом. Но эти периоды жизни Алексея Афанасьевича должны стать, безусловно, предметом изыскания будущих исследований.

Перспективы дальнейшей разработки темы в плане изучения биографии связаны с научным и комплексным исследованием жизни А. А. Дмитриевского на всем ее протяжении, в особенности — в последний период. Для этого изучения необходимо обращение в государственные архивы, в которых могут быть выявлены документы, проливающие свет на аресты А. А. Дмитриевского, его содержание под стражей и проводимые допросы. В плане изучения письменного наследия ученого важно ввести в полноценный научный оборот его неопубликованные работы (лекции по разным дисциплинам, читавшимся в различных учебных заведениях; доклады в научных и просветительских организациях; статьи и проч.). Также имеет значение системно изучить все научные работы, написанные под руководством ученого в Киевской духовной академии и на ленинградских Высших богословских курсах. Это необходимо для ответа на вопрос, удалось ли ученому создать собственную научную школу и как долго методами и исследовательскими подходами А. А. Дмитриевского руководствовались его ученики и их последователи. В целом проведенная системная работа позволит четче определить место А. А. Дмитриевского в научно-образовательном пространстве Российской империи и его вклад в развитие гуманитарной науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

АРПМА — Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

ВВ — Византийский временник.

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.

КаЗА — Казанская духовная академия.

КДА — Киевская духовная академия.

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновской гуманитарный университет.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

СИППО — Сообщения Императорского православного палестинского общества.

СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия.

ТКДА — Труды Киевской духовной академии.

ХЧ — Христианское чтение.

ЦАМ — Церковно-археологический музей.

ЦАО — Церковно-археологическое общество.

ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

OCP — Orientalia Christiana Periodica.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. 1. Опубликованные источники

1. «А я по-прежнему пишу, не взирая на лица и злые времена…» (переписка Алексея Афанасьевича Дмитриевского и протопресвитера Иоанна Королькова (1904–1928 гг.)) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2017. — № 4 (20). — С. 129–201.
2. Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / [сост. С. Ю. Акишин]. — СПб.: Аксион эстин, 2009. — (Великие русские ученые и богословы; вып. 1). — CD.
3. Алмазов А. И. Тайная исповедь в Православной восточной Церкви: Опыт внешней истории (Исследование преимущественно по рукописям) / А. И. Алмазов. — Одесса, 1894. — Т. 1: Общий устав совершения исповеди; — Т. 2: Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди; — Т. 3: Приложения.
4. Амфилохий, митр. Пелусийский. Письма схим. Матфею (Ольшанскому) / митр. Амфилохий // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. — Святая Гора Афон, 2015. — (Сер. «Русский Афон XIX–XX вв.»; кн. 11). — С. 657–854.
5. [Аноним]. Библиографическая заметка. Современное богослужение на православном востоке: Историко-археологическое исследование А. А. Дмитриевского. Выпуск первый (вступительный). 1891 // Христианское чтение. — 1891. — Ч. 2, № 7/8. — С. 141–147.
6. [Аноним]. Ответ на «Недоумение по поводу недоумений» // ХЧ. — 1892. — Ч. 2, № 7/8. — С. 213–216.

7. Антоний [Храповицкий], архим. Отзыв о сочинении А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы» / митр. Антоний (Храповицкий) // Протоколы заседаний совета Казанской духовной Академии за 1896 г. — Казань, 1897. — С. 297–300.
8. Архимандрит Антоний, наместник Киево-Братского Богоявленского монастыря // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 44 (31 октября). — Ч. неоф. — С. 1086–1088.
9. Вольфцун Л. Б. «Мнение» профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. / Л. Б. Вольфцун // Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. 30. — СПб., 2007. — С. 476–486.
10. Выработанный в собраниях Совета Киевской духовной академии 3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года проект устава православных богословских академий // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. — Киев, 1906. — С. 292–326.
11. Высочайше утвержденные Изменения действующего Устава Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. — СПб., 1913. — Т. 31: 1911. Отделение 1. — № 35704. — С. 868–870.
12. Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. — СПб., 1913. — Т. 30. Отделение 1. — № 33274. — С. 414–431.
13. Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий [20 апреля 1884 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. — СПб., 1887. — Т. IV. — № 2160. — С. 232–243.
14. Высочайше утвержденный Устав православных духовных академий [30 мая 1869 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. — СПб., 1873. — Т. XLIV. Отд. 1. — № 47154. — С. 545–556.

15. Высочайший приказ // Церковные ведомости. — 1897. — № 7 (15 февраля). — С. 56.
16. Гавриил (Чепур), еп. Академические воспоминания / еп. Гавриил (Чепур) // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. — Т. 3: Р–Я. — С. 449.
17. Д. И. Из епархиальной жизни: Годичное собрание членов Киевского отдела Императорского православного палестинского общества / Д. И. // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 16 (22 апреля). — Ч. неоф. — С. 384–387.
18. «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви и духовной науки…» (Письма протоиерея Николая Виноградова к А. А. Дмитриевскому) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2016. — № 1 (13). — С. 121–209.
19. Дмитриевский А. А. Ὁ ἅγιος φοῦρνος // Византийский временник. — 1923–1926. — Т. 24. — Ленинград, 1926. — Приложение. — С. 139–140.
20. Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений (Суздальский тож) и его вновь открытые исторические мемуары / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1898. — № 1. — С. 3–74; № 3. — С. 345–372; № 4. — С. 559–595; № 5. — С. 88–129; — 1899. — Т. 1, № 1. — С. 268–299, 616–638.
21. Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1899. — 233 с. + 1 л. илл.
22. Дмитриевский А. А. Архиерейские митры: (Археологический этюд) / А. А. Дмитриевский // СИППО. — 1916. — Т. 27. — С. 156–168.
23. Дмитриевский А. А. Афонская иконопись и ее характер / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 15. — С. 519–534.

24. Дмитриевский А. А. Богослужебные одежды священно-церковнослужителей / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1903. — № 22. — С. 122–131; № 23. — С. 145–156; № 24. — С. 165–174.
25. Дмитриевский А. А. Богослужебные принадлежности храмов Константинополя и Афона и костюм белого и черного духовенства на Востоке / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 17. — С. 595–605.
26. Дмитриевский А. А. Богослужебные принадлежности храмов Константинополя и Афона и костюм белого и черного духовенства на Востоке / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 17. — С. 595–605.
27. Дмитриевский А. А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме по уставу IX–X века / А. А. Дмитриевский. — Казань, 1894. — XVI+426+XVI с.
28. Дмитриевский А. А. В честь какой иконы Казанской Божией Матери установлен праздник 22 октября?: (Утешение и ободрение скорбящим об утрате святыни) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1905. — № 1–2. — С. 188–219 (отд. отт.: Киев, 1905. — [2]+32 с.).
29. Дмитриевский А. А. Вечерние светильничные молитвы / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1888. — № 33. — С. 494–507; № 36. — С. 20–32.
30. Дмитриевский А. А. Высокопреосвященный Сергий, архиепископ Ярославский и Ростовский, как викарий Киевской митрополии и председатель Киевского религиозно-просветительного общества: (Речь) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1905. — № 1. — С. 49–105 (отд. отт.: Киев, 1905. — 57 с.).
31. Дмитриевский А. А. Греческие Нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии / А. А.

Дмитриевский // Православное обозрение. — 1885. — Т. 1, февраль. — С. 370–400 (отд. отт.: М., 1885. — 32 с.).

32. Дмитриевский А. А. Греческий палеограф Иоанн Саккелион и его каталог патмосских рукописей / А. А. Дмитриевский // Библиографические записки. — 1892. — № 4. — С. 253–259.

33. Дмитриевский А. А. Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древне-христианскому храму и его богослужебным формам: (По поводу книги А. Никитина под заглавием «Синагоги иудейские как места общественного богослужения». Киев., 1891) / А. А. Дмитриевский // Православный собеседник. — 1893. — № 4. — С. 333–370; № 5. — С. 8–23 (отд. отт.: Казань, 1893. — 55 с.).

34. Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1907. — 347+XV с.

35. Дмитриевский А. А. Древнейший Хиландарский Синаксарь по уставу Иерусалимскому: (Ответ академику В. И. Ягичу) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1905. — № 7. — С. 473–493.

36. Дмитриевский А. А. Евхологион IV века Сарапиона, епископа Тмуитского / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1894. — № 2. — С. 242–274.

37. Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги в пользу православия и в деле изучения христианского Востока: (По поводу столетия со дня его рождения) / А. А. Дмитриевский // СИППО. — 1905. — Т. 16, вып. 3. — С. 329–361; — вып. 4. — С. 457–547 (отд. отт.: СПб., 1906. — [1]+124 с.).

38. Дмитриевский А. А. Записка секретаря ИППО А. А. Дмитриевского о научной деятельности [Православного палестинского] общества / А. А. Дмитриевский // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. — М., 2000. — Т. 1. — С. 350–356.

39. Дмитриевский А. А. Землетрясение на Синае и его последствия для Синайской обители / А. А. Дмитриевский // Церковные ведомости. — 1890. — Т. 1, № 25. — С. 836–841.
40. Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / А. А. Дмитриевский. — СПб., 1907. — [6]+VIII+332 с.
41. Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907 / вступ. ст. и послесл. Н. Н. Лисового. — М.: СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 448 с.
42. Дмитриевский А. А. Иоанно-Богословский монастырь на острове Патмосе по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами: (Из поездки на остров Патмос в 1891 г.) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1892. — № 11. — С. 326–492.
43. Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / подготовка текста и публикация А. Г. Кравецкого. — М., 2004. — 160 с.
44. Дмитриевский А. А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1902. — № 8. — С. 209–220; № 9. — С. 247–256.
45. Дмитриевский А. А. К истории Академии и скевофилакии Иоанно-Богословского монастыря на острове Патмосе. [Патмосские очерки] / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1894. — № 4. — С. 563–589.
46. Дмитриевский А. А. Киновиальные правила прп. Саввы Освященного, врученные им пред кончиной преемнику своему игумену Мелиту: (Вновь открытый памятник аскетической письменности 524 г.) / А. А. Дмитриевский // Труды Киевской духовной академии. — 1890. — № 1. — С. 170–192;
47. Дмитриевский А. А. Книга «Требник» и ее значение в жизни православного христианина. (По поводу новейших воззрений на эту книгу) / А. А.

Дмитриевский // Киевские епархиальные ведомости. — 1902. — № 5 (1 марта). — Ч. неоф. — С. 181–188; № 13. — Ч. неоф. — С. 504–512; № 15. — Ч. неоф. — С. 561–567; № 16. — Ч. неоф. — С. 609–615; № 17. — Ч. неоф. — С. 660–665.

48. Дмитриевский А. А. Книга «Требник» и ее значение в жизни православного христианина: (По поводу новейших воззрений на эту книгу): Публичное чтение / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1902. — № 3. — С. 383–421.

49. Дмитриевский А. А. Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде / предисл. Е. Поселянина. — Петроград, 1916. — 31 с.

50. Дмитриевский А. А. Критско-синайская школа иконописи, ее происхождение и характеристические особенности пошиба письма / А. А. Дмитриевский // Он же. Путешествие по Востоку и его научные результаты: отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. — Киев, 1890. — С. 92–116.

51. Дмитриевский А. А. Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. — Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. — 612 с.: цв. ил.

52. Дмитриевский А. А. Личные воспоминания о митрополите Петербургском Антонии, как учителе и сослуживце: [Речь, произнесенная в сокращении в публичном собрании Религиозно-нравственного общества в духе церкви православной 3 ноября 1915 г.] / А. А. Дмитриевский. — Петроград, 1916. — 79 с.

53. Дмитриевский А. А. Митра: (Историко-археологический очерк) / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1903. — № 11. — С. 297–310.

54. Дмитриевский А. А. Мои «незабудки» на могилу о. протоиерея Александра Петровича Попова / А. А. Дмитриевский // СИППО. — 1912. — Т. 23, вып. 3. — С. 394–414.

55. Дмитриевский А. А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / публ. с коммент. Ф. Б. Поляков, Б. Л. Фонкич // Byzantinorussica. — 1994. — Т. 1. — С. 165–197.
56. Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ анонимному рецензенту книги «Современное богослужение на Православном Востоке»). — Киев, 1891. — 28 с.
57. Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ второй и последний анонимному рецензенту) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1892. — № 9. — С. 163–178.
58. Дмитриевский А. А. Новгородские шапки — митры / А. А. Дмитриевский // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911. — Т. 1. — М., 1914. — С. 215–223.
59. Дмитриевский А. А. О недостатках современного церковно-религиозного воспитания и о причинах их породивших / А. А. Дмитриевский // Киевские епархиальные ведомости. — 1901. — № 8. — Ч. неоф. — С. 361–392.
60. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1895. — Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. — XX+CXLVII+912+XXV с.
61. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1901. — Т. 2: Εὐχολόγια. — XII+1058+XXVII+32 с.
62. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока / А. А. Дмитриевский. — Петроград, 1917. — Т. 3 (первая половина). Ч. 2: Τυπικά. — VIII+768+IV с.
63. Дмитриевский А. А. Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-археологический музей при Киевской духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1885. — Прил. к № 3–12. — С. 1–160.

64. Дмитриевский А. А. Отзыв о печатном сочинении смотрителя Каменецкого духовного училища кандидата богословия Афанасия Неселовского под заглавием: «Чины хиротесий и хиротоний», представленном на соискание магистерской степени / А. А. Дмитриевский // Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. — Киев, 1907. — С. 79–89.

65. Дмитриевский А. А. Отзыв о рукописном сочинении кандидата богословия протоиерея Корнилия Кекелидзе под заглавием: «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение», представленном на соискание степени магистра богословия / А. А. Дмитриевский // Извлечение из журналов совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. — Киев, 1907. — С. 472–479.

66. Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Ивана Церерина на тему: «Суждения и определение седьмого вселенского собора по вопросу об иконопочитании» / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1897/8 уч. г. — Киев, 1898. — С. 394–395.

67. Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Леонида Никольского на тему: «Афонская живопись: историко-археологический этюд» / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. — Киев, 1903. — С. 358–359.

68. Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Михаила Иваницкого на тему: «Типы Христа и Богоматери в древнехристианской и византийской живописи» / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1901–1902 учебный год. — Киев, 1902. — С. 291–292.

69. Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Николая Булгакова на тему: «Чинопоследование таинства Покаяния в Греческой Церкви (историко-археологический очерк)» / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 уч. г. — Киев, 1892. — С. 263–266.

70. Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении студента Сергея Новоселецкого на тему: «Богослужебные одежды (археологическое исследование)» / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1894/1895 уч. г. — Киев, 1895. — С. 259–261.
71. Дмитриевский А. А. Отзыв об отчете о научных занятиях в 1890/91 учебном году профессорского стипендиата Афанасия Неселовского / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. — Киев, 1892. — С. 369–371.
72. Дмитриевский А. А. Отзыв об отчете профессорского стипендиата Феодора Шевелева / А. А. Дмитриевский // Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1893/4 учебный год. — Киев, 1894. — С. 330–331.
73. Дмитриевский А. А. Отношение Канцелярии ИППО управляющему подворьями общества в Иерусалиме П. И. Ряжскому [23 декабря 1913 г.] / А. А. Дмитриевский // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. — М., 2000. — Т. 1. — С. 685–686.
74. Дмитриевский А. А. Отношение Совета ИППО к управляющему подворьями общества в Палестине П. И. Ряжскому [май 1913 г.] / А. А. Дмитриевский // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. — М., 2000. — Т. 1. — С. 680.
75. Дмитриевский А. А. Очерк жизни и деятельности архим. Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока / подгот. текста: архим. Иннокентий (Просвирнин), игум. Сергий (Данков), С. П. Аникина; Предисл.: Н. Н. Лисовой // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. — М., 2000. — Т. 2. — С. 379–543.
76. Дмитриевский А. А. Памяти заштатного диакона Афанасия Петровича Дмитриевского († 9 ноября 1912 г.) и его супруги Елены Феодоровны († 1 июля 1913 г.) / А. А. Дмитриевский // Астраханские епархиальные

ведомости. — 1913. — № 30. — С. 777–786 (отд. отт.: Астрахань, [1913]. — 10 с.).

77. Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: из поездки на остров Патмос летом 1891 года / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1894. — [4]+310+II с. с илл.
78. Дмитриевский А. А. [Патмосские очерки]. Важнейшие храмы на о. Патмосе, их украшение и богатства скевофилакий Иоанно-Богословского монастыря / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1893. — № 3. — С. 316–371.
79. Дмитриевский А. А. Патмосские очерки. Описание рукописей типикарницы Иоанно-Богословского монастыря / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1893. — № 6. — С. 205–225.
80. Дмитриевский А. А. Патмосские очерки. Нравы и обычаи патмосских обитателей / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1893. — № 12. — С. 516–554.
81. Дмитриевский А. А. Письмо В. К. Ернштедту от 29.03.1899 г. / публ. И. П. Медведева // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: тезисы XIII конференции. — М., 1994. — С. 75–76.
82. Дмитриевский А. А. Пожар в Симоно-Петрском монастыре на святой Афонской горе / А. А. Дмитриевский // Церковные ведомости. — 1891. — № 30. — С. 1020–1023.
83. [Дмитриевский А. А.] Почетный член Киевского религиозного просветительного общества П. А. Красовский и его погребение: (Некролог) / А. А. Дмитриевский // Памяти почетного члена Киевского религиозно-просветительного общества и помощника старосты Пантелеимона Андреевича Красовского. — Киев, 1907. — С. 1–16.
84. Дмитриевский А. А. Преподобный Савва Освященный и его духовное завещание монахам Лавры: (Вновь открытый памятник по рукописи Синайской библиотеки XII века № 1096) / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1889. — № 27. — С. 261–270; № 31. — С. 404–413; № 32. — С. 431–437; № 35. — С. 514–526.

85. Дмитриевский А. А. Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и связанное с ним учреждение здесь митрополии / А. А. Дмитриевский // Юбилейный сборник: празднование в г. Астрахани 300-летнего юбилея Астраханской епархии, слова, поучения и речи, по сему случаю произнесенные / изд. Кирилло-Мефодиевского братства. — Астрахань, 1903. — С. 75–95.
86. Дмитриевский А. А. Произвольное отождествление иерейской епитрахили с архиерейским омофором: (Ответ на вопрос в редакцию: сообразно ли канону русские священники носят епитрахиль при совершении богослужения?) / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 29. — С. 423–432.
87. Дмитриевский А. А. Путешествие по Востоку и его научные результаты: Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1890. — [4]+194+IV с.
88. Дмитриевский А. А. Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви». М., 1885 / А. А. Дмитриевский // Богословский библиографический листок. — 1885. № 11/12. — С. 425–445.
89. Дмитриевский А. А. Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви». М., 1885 / А. А. Дмитриевский // Христианское чтение. — 1888. — № 9–10. — С. 480–576.
90. Дмитриевский А. А. Речь, произнесенная перед началом отпевания [П. А. Красовского] / А. А. Дмитриевский // Памяти почетного члена Киевского религиозно-просветительного общества и помощника старосты Пантелеимона Андреевича Красовского. — Киев, 1907. — С. 20–25.
91. Дмитриевский А. А. Русская (Амбетевская) школа в Каире: (Из личных воспоминаний) / А. А. Дмитриевский // Церковно-приходская школа. — 1889. — Кн. 4. Ноябрь. — С. 228–241.

92. Дмитриевский А. А. Русские афонские монахи-келлиоты и их просительные о милостыне письма, рассылаемые по России / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1906. — № 10. — С. 67–107; № 11. — С. 298–360.

93. Дмитриевский А. А. Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина) / А. А. Дмитриевский. — СПб., 1895. — [2]+422+IV с., 2 илл.

94. Дмитриевский А. А. Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные учреждения в Палестине и Сирии: (К 25-летнему юбилею Императорского православного Палестинского общества) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1907. — № 5. — С. 89–120 (отд. отт.: Киев, 1907. — [2]+37 с.).

95. Дмитриевский А. А. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1906. — № 2. — С. 237–252.

96. Дмитриевский А. А. Служебник — книга таинственная: (По поводу суждений о ней в новейшей художественной литературе): Публичное чтение / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1903. — № 10. — С. 188–229 (отд. отт.: Киев, 1903. — [2]+42 с.).

97. Дмитриевский А. А. Современное богослужение на православном Востоке: Историко-археологическое исследование. Выпуск первый (вступительный) / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1891. — [3]+153 с.

98. Дмитриевский А. А. Современное русское паломничество в Св. Землю / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1903. — № 6. — С. 274–319 (отд. отт.: Киев , 1903. [2]+46 с.).

99. Дмитриевский А. А. Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности: Речь, произнесенная 11 декабря 1883 г. в открытом заседании Совета пред защитою магистерской диссертации «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке», ч. 1 / А. А. Дмитриевский // Православный собеседник. — 1884. — № 1. — С. 75–92.

100. Дмитриевский А. А. Ставленник: руководство для священно-церковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий / А. А. Дмитриевский. — Киев, 1904. — XIV+344 с.

101. Дмитриевский А. А. Триодь Постная — училище благочестия: (О покаянии и молитве) / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1905. — № 3. — С. 428–444 (отд. отт.: Киев, 1905. — [2]+17 с.).

102. Дмитриевский А. А. Триодь Постная — училище благочестия: (О посте): Публичное чтение / А. А. Дмитриевский // ТКДА. — 1904. — № 5. — С. 1–49 (отд. отт.: Киев, 1904. — [2]+49 с.).

103. Дмитриевский А. А. Устройство храмов в Константинополе и их украшения / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 11. — С. 384–392.

104. Дмитриевский А. А. Устройство храмов на Афоне и их украшения / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1887. — № 12. — С. 420–435.

105. Дмитриевский А. А. Утренние светильничные молитвы: (Историческая судьба их, содержание и положение, какое они занимали в древнецерковной практике и древнейших евхологиях) / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1886. — № 42. — С. 180–192.

106. Дмитриевский А. А. Фрески Георгиевского параклиса 1423 г. в Свято-Павловском монастыре на Афоне и их значение в истории афоно-византийской и русской иконописи / А. А. Дмитриевский // СИППО. — 1908. — Т. 19, вып. 4. — С. 563–583.

107. Дмитриевский А. А. Чин пещного действа: (Историко-археологический этюд) / А. А. Дмитриевский // Византийский временник. — 1894. — Т. 1. — С. 553–600.

108. Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и Афон. Письма. 1886–1911. — М.: Изд-во «Индрик», 2017. — 512 с.; ил.

109. Дмитриевский А. А. Что такое κανὼν τῆς ψαλμωδίας, так нередко упоминаемый в жизнеописании прп. Саввы Освященного? / А. А. Дмитриевский // Руководство для сельских пастырей. — 1889. — № 38. — С. 69–73.

110. Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная богословская энциклопедия. — Петроград, 1904. — Т. IV. — С. 1105–1108.

111. Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Русские писатели-богословы — исследователи богослужения и церковного искусства: библиографический указатель / сост. А. С. Чистякова, Н. С. Степанова, О. В. Курочкина. — М.: Пашков дом, 2004. — С. 30–46.

112. [Дмитровский Н. Г. Воспоминания о КДА] // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. — Т. 1: А–Й. — С. 448.

113. Доклад священника В. Д. Прилуцкого «О непорядках в современной богослужебной практике» // Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. — 1995. — Вып. 1. — С. 71–78.

114. Епархиальная хроника: Архиерейское богослужение в Иоанно-Златоустовской церкви Киевского религиозно-просветительного общества и открытие чтений Общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 42 (16 октября). — Ч. неоф. — С. 1056.

115. Епархиальная хроника: Богословские чтения // Киевские епархиальные ведомости. — 1903. — № 10 (11 мая). — Ч. неоф. — С. 351–353.

116. Епархиальная хроника: Богословское чтение // Киевские епархиальные ведомости. — 1901. — № 8. — Ч. неоф. — С. 393–394.

117. Епархиальная хроника: Богословское чтение // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 8–9 (20–27 февраля). — Ч. неоф. — С. 196.

118. Епархиальная хроника: Богословское чтение // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 10 (7 марта). — Ч. неоф. — С. 229–231.

119. Епархиальная хроника: Воскресные вечерние чтения Киевского религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 3 (18 января). — Ч. неоф. — С. 63.

120. Епархиальная хроника: Годичное торжество Киевского религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1906. — № 9 (5 марта). — Ч. неоф. — С. 298.

121. Епархиальная хроника: Общее собрание членов Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1903. — № 8 (15 апреля). — Ч. неоф. — С. 305–306.

122. Епархиальная хроника: Открытие в г. Киеве местного епархиального отдела Императорского православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1903. — № 1 (1 января). — Ч. неоф. — С. 17–27.

123. Епархиальная хроника: Речь профессора А. А. Дмитриевского, произнесенная в годичном торжественном собрании Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 19. — Ч. неоф. — С. 490–496.

124. Епархиальная хроника: Собрание Киевского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 44 (31 октября). — Ч. неоф. — С. 1085.

125. Епархиальная хроника: Собрание Киевского отдела Православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 16–17. — Ч. неоф. — С. 417–418.

126. Епархиальная хроника: Собрания Киевского отдела Православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 13–14 (28 марта — 4 апреля). — Ч. неоф. — С. 326–327.

127. Епархиальная хроника: Торжественное богослужение и годичное собрание Киевского православного религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 6. — Ч. неоф. — С. 136–138.

128. Епархиальная хроника: Торжественное открытие Киевским религиозно-просветительным обществом двенадцатого проповеднического 1904/5 года // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 41 (10 октября). — Ч. неоф. — С. 1000–1001.

129. Епархиальная хроника: Торжественные поминки преосвященного архиепископа Сергия (б. Ярославского) Киевские религиозно-просветительным обществом // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 38 (19 сентября). — Ч. неоф. — С. 927–928.

130. Епархиальная хроника: Торжество освящения храма во имя св. Иоанна Златоуста и открытие чтений в новом доме Киевского православного религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1903. — № 34 (26 октября). — Ч. неоф. — С. 918–939.

131. Епархиальная хроника: Третье и четвертое богословские чтения // Киевские епархиальные ведомости. — 1902. — № 5 (1 марта). — Ч. неоф. — С. 198–200.

132. Епархиальная хроника: Храмовой праздник и торжественное годичное собрание Киевского религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1904. — № 6 (8 февраля). — Ч. неоф. — С. 133–136.

133. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год. — СПб., 1913. — 408 с.

134. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. — М., [2]2014. — Т. 1–4.

135. Записка Миколи Петрова в Раду КДА. 27 листопада 1898 р. / М. Петров // Петров М. Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. — Київ, 2003. — С. 116–126.

136. Записка Олексія Дмітрієвського в Раду КДА від 28 жовтня 1898 р. / А. А. Дмитриевский // Петров М. Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. — Київ, 2003. — С. 110–116.

137. Записка Олексія Дмітрієвського на ім’я обер-прокурора Св. Синоду Костянтина Побєдоносцева від 24 квітня 1901 р. / А. А. Дмитриевский // Петров М. Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. — Київ, 2003. — С. 127–128.

138. Заява Олексія Дмітрієвського на імя голови ЦАТ єпископа Димитрія від 1 грудня 1898 р. / А. А. Дмитриевский // Петров М. Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. — Київ, 2003. — С. 126–127.

139. [Иванов Ф. Н.] Лучшая лекция / Ф. Н. Иванов // Вятские епархиальные ведомости. — 1908. — № 13. — Отд. неоф. — С. 371–374.

140. Из епархиальной жизни: Богословское чтение // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 13 (1 апреля). — Ч. неоф. — С. 303–304.

141. Из епархиальной жизни: Годичное общее собрание Киевского религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 5 (4 февраля). — Ч. неоф. — С. 113–115.

142. Из епархиальной жизни: Открытие проповеднического года Киевского религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 41 (14 октября). — Ч. неоф. — С. 973.

143. Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1906. — № 17 (30 апреля). — Ч. неоф. — С. 481–486.

144. Из епархиальной жизни: Отчет Киевского отдела Императорского православного палестинского общества за 1906 г. (с 1 марта 1906 по 1 марта 1907 г.) // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 27 (8 июля). — Ч. неоф. — С. 627–634.

145. Из епархиальной жизни: Погребение почетного члена Киевского религиозно-просветительного общества П. А. Красовского // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 37 (16 сентября). — Ч. неоф. — С. 877–878.

146. Из епархиальной жизни: Празднование в г. Киеве 1500-летия блаженной кончины св. Иоанна Златоуста // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 46 (18 ноября). — Ч. неоф. — С. 1101–1104.

147. Из епархиальной жизни: Проект празднования 1500-летней годовщины блаженной кончины св. Иоанна Златоустого, составленный советом Киевского религиозно-просветительного общества и утвержденный Его Высокопреосвященством митрополитом Флавианом // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 45 (11 ноября). — Ч. неоф. — С. 1077–1079.

148. Из епархиальной жизни: Торжественное годичное собрание Киевского православного религиозно-просветительного общества // Киевские епархиальные ведомости. — 1908. — № 5 (3 февраля). — Ч. неоф. — С. 120–122.

149. Из епархиальной жизни: Четвертый год деятельности проповеднического кружка студентов Киевской духовной академии // епархиальные ведомости. — 1908. — № 17 (27 апреля). — Ч. неоф. — С. 426–428.

150. Известия и заметки: журнал заседания Совета Киевского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе

Православной Церкви // Киевские епархиальные ведомости. — 1898. — № 17 (1 сентября). — Ч. неоф. — С. 761–765.

151. Известия и заметки: Макарьевская премия // Киевские епархиальные ведомости. — 1896. — № 10 (16 мая). — Ч. неоф. — С. 395.

152. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 2, № 5. — С. 124–130.

153. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. октябрь 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 3, № 12. — С. 597–600.

154. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. ноябрь 1884 г. // ТКДА. — 1885. — Т. 1, № 1. — С. 176–178.

155. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. май 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 2, № 7. — С. 442–444.

156. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 2, № 5. —. 124–130.

157. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. январь 1886 года // ТКДА. — 1886. — Т. 1, № 3. — С. 457–460.

158. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. февраль, март, апрель 1887 г. // ТКДА. — 1887. — Т. 2, № 6. — С. 294–306.

159. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. ноябрь 1888 года // ТКДА. — 1889. — Т. 1, № 1. — С. 197–203.

160. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март 1889 г. // ТКДА. — 1889. — Т. 2, № 6. — С. 342–348.

161. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за февраль, март 1890 года // ТКДА. — 1890. — Т. 3, № 9. — С. 156–160.

162. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии [январь, февраль 1892 г.] // ТКДА. — 1892. — Т. 1, № 4. — С. 671–676.

163. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март 1892 г. // ТКДА. — 1892. — Т. 2, № 5. — С. 179–180.

164. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель 1892 года // ТКДА. — 1892. — Т. 2, № 6. — С. 363–364.

165. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за декабрь 1892 г. // ТКДА. — 1893. — Т. 1, № 2. — С. 290–293.

166. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за январь — апрель 1893 г. // ТКДА. — 1893. — Т. 2, № 6. — С. 341–354.

167. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за октябрь 1893 г. // ТКДА. — 1893. — Т. 3, № 12. — С. 591–596.

168. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за август — октябрь [1894 г.] // ТКДА. — 1894. — Т. 4, № 12. — С. 653–666.

169. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за ноябрь и декабрь 1894 г. // ТКДА. — 1895. — Т. 2, № 5. Приложение. — С. 1–4.

170. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за январь — март 1895 г. // ТКДА. — 1895. — Т. 2, № 6. — Приложение. С. 1–12.

171. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за апрель и май 1895 г. // ТКДА. — 1895. — Т. 2, № 7. Приложение. — С. 1–6.

172. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за сентябрь и октябрь 1895 г. // ТКДА. — 1895. — Т. 4, № 12. Приложение. — С. 1–8.

173. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. август 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 3, № 10. — С. 301–304.

174. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. январь 1885 г. // ТКДА. — 1885. — Т. 1, № 4. — С. 603–606.

175. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. март и апрель [1884 г.] // ТКДА. — 1884. — Т. 2, № 5. — С. 124–130.

176. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. сентябрь 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 3, № 11. — С. 446–452.

177. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. апрель 1885 г. // ТКДА. — 1885. — Т. 2, № 7. — С. 483–488.

178. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. октябрь 1884 г. // ТКДА. — 1884. — Т. 3, № 12. — С. 597–600.

179. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за м. май 1887 г. // ТКДА. — 1887. — Т. 2, № 7. — С. 456–458.

180. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. — Киев, 1904. — 443 с.

181. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год. — Киев, 1905. — 515 с.

182. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. — Киев, 1906. — 558 с.

183. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1906–1907 учебный год. — Киев, 1907. — 553 с.

184. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год. — Киев, 1908. — 516 с.

185. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1908–1909 учебный год. — Киев, 1909. — 494 с.

186. Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1910–1911 учебный год. — Киев, 1911. — 774 с.

187. Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1912–13 учебный год. Киев, 1913. 694 с.

188. Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1913–14 учебный год. — Киев, 1914. — 707 с.

189. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1884/5 учебный год. — Киев, 1886. — 108 с.

190. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1885/6 учебный год. — Киев, 1886. — 272 с.

191. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1886/7 учебный год. — Киев, 1887. — 263, 6 с.

192. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1887/8 учебный год. — Киев, 1888. — 244 с.

193. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1888/9 учебный год. — Киев, 1889. — 343 с.

194. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1889/90 учебный год. — Киев, 1891. — 382 с.

195. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1891/92 учебный год. — Киев, 1893. — 301 с.

196. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1893/4 учебный год. — Киев, 1894. — 331 с.

197. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. — Киев, 1895. — 335 с.

198. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1895/6 учебный год. — Киев, 1896. — 312 с.

199. Извлечение из протоколов Совета Киевской дух. академии за 1896/7 учебный год. — иев, 1897. — 336 с.

200. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1898/9 учебный год. — Киев, 1899. — 364 с.

201. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год. — Киев, 1893. — 328 с.

202. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. — Киев, 1900. — 509 с.

203. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год. — Киев, 1892. — 383 с.

204. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1897/8 учеб. год. — Киев, 1898. — 19 с.

205. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1900–1901 учебный год. — Киев, 1901. — 442 с.

206. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1901/2 учебный год. — Киев, 1902. — 382 с.

207. Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1902–1903 учебный год. — Киев, 1903. — 464 с.

208. Исаев Ив. Отчет о состоянии Киевской духовной академии в 1882/1883 учебном году / Ив. Исаев // ТКДА. — 1883. — Т. 3. — С. 701–757.

209. Исаев Ив. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1883/4 учебный год / Ив. Исаев // ТКДА. — 1885. — Т. 1. — С. 118–175.

210. [Кибардин] Н. П. Е. В. Попова. (Некролог) / Н. П. Кибардин // Приложение к Вятским губернским ведомостям. — 1903. — № 71 (19 июня). — С. 3.

211. Георгиевский В. [Отчет киевского епархиального наблюдателя за церковно-приходскими школами] / В. Георгиевский // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 34. Прил. к оф. ч. — С. 105–120.

212. Клёнов И. П. Академические воспоминания / И. П. Кленов // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. — Т. 2: К–П. 2014. — С. 60.

213. Корольков И. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/8 учебный год // ТКДА. — 1889. — № 1. — С. 146–196.

214. Красносельцев Н. Ф. [Рец. на кн.: Дмитриевский А. А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в св. Иерусалиме по уставу IX–X века. Казань, 1894] / Н. Ф. Красносельцев // Византийский временник. — 1895. — Т. 2. С. 632–655.

215. Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике, читанные студентам Казанской духовной академии в 1880/1881 уч. г. / вступ. ст., публ. и прим.: С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2013. — № 2 (6). — С. 210–278.

216. Красносельцев Н. Ф. Письма схим. Матфею (Ольшанскому) / Н. Ф. Красносельцев // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. — Святая Гора Афон, 2015. — (Сер. «Русский Афон XIX–XX вв.»; кн. 11). — С. 267–320.

217. Красносельцев Н. Ф. [Рец. на диссертацию А. А. Дмитриевского «Богослужение в Русской Церкви в XVI в. (Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств)] / Н. Ф. Красносельцев //

Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1882 г. — Казань, 1882. — С. 334–338.

218. Красносельцев Н. Ф. Рец. на кн. А. А. Дмитриевского «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1» / Н. Ф. Красносельцев // Византийский временник. — 1897. — Т. IV, вып. 3–4. — С. 587–615.

219. Красносельцев Н. Ф. Рец. на кн. А. А. Дмитриевского «Патмосские очерки. Из поездки на о. Патмос летом 1891 года. Киев, 1894» / Н. Ф. Красносельцев // Византийский временник. — 1894. — Т. 1, вып. 3–4. — С. 723–732.

220. Красносельцев Н. Ф. Рец. на книгу А. А. Дмитриевского «Евхологион IV в. Серапиона, еп. Тмуитского. Киев, 1894» / Н. Ф. Красносельцев // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. — 1894. — Т. IV. — С. 127–128.

221. Левитский П. П., свящ. Академические воспоминания / П. П. Левитский // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. — Т. 2: К–П. 2014. — С. 195.

222. Летницкий Н. И. Новый член корреспондент Академии Наук, ординарный проф. Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский / Н. И. Летницкий // Астраханские епархиальные ведомости. —1904. —№ 24. — Отд. неоф. —С. 1129–1138 (отд. отт.: Астрахань, 1904).

223. Лобода А. М. Отчет о состоянии и деятельности Исторического общества Нестора-летописца в 36-м году его существования, с 27 октября 1907 г. по 27 октября 1908 г. / А. М. Лобода // ЧИОНЛ. — 1909. — Кн. 21, вып. 3. — С. 87–94.

224. «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней…» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А.

А. Дмитриевскому) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2013. — Вып. 5 (54). — С. 75–107; № 6 (55). — С. 87–110.

225. Магистерский коллоквиум // Киевские епархиальные ведомости. — 1885. — № 24. — Ч. неоф. — С. 1142.

226. Магистерский коллоквиум в Киевской духовной академии // Киевские епархиальные ведомости. — 1885. — № 9. — Ч. неоф. — С. 438–441.

227. Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви / И. Д. Мансветов. — М., 1885. — 4, 448 с.

228. Модестов В. [И.] Об открытии русского Археологического института в Риме с отделением в Афинах / В. И. Модестов // Труды восьмого Археологического съезда в Москве. 1890 / под ред. П. С. Уваровой. — М., 1897. — Т. 3. — С. 303–306.

229. «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии…» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.)) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2014. — № 2 (8). — С. 377–423.

230. «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А. А. Дмитриевского…» (письма киевлян к А. А. Дмитриевскому)) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2014. — № 1 (7). — С. 222–232.

231. Нарбеков В. [А.] Отзыв о книге доцента Киевской духовной академии А. Дмитриевского: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895», представленной на соискание ученой степени доктора церковной истории /

В. А. Нарбеков // Протоколы заседаний совета Казанской духовной Академии за 1896 г. — Казань, 1897. — С. 263–297.

232. Иоанникий, иеродиак. Дневник и описание нашего путешествия в Россию в 1888–1891 / иеродиак. Иоанникий // Дневники путешествия по России греческих монахов афонского монастыря Симонопетра игумена Неофита и иеродиакона Иоанникия. 1888–1892 / предисл. и комм. Л. А. Герд, пер. с греч. О. Е. Петрунина. — М.: «Индрик», 2014. — С. 41–89.

233. Несмеянов Д. Преосвященный Феодосий, епископ Оренбургский и Тургаевский // Оренбургские епархиальные ведомости. — 1914. — № 40–41. — Отд. неоф. — С. 687–709.

234. Никольский Л. Д. Афонские стенописцы. Их технические приемы и образцы работ // Иконописный сборник. — Вып. 2. — СПб., 1908. — С. 1–162.

235. Никольский Л. Д. Исторический очерк афонской стенной живописи // Иконописный сборник. — Вып. 1. — СПб., 1907. Приложение. — С. 1–122.

236. Описание личного архива К. С. Кекелидзе / сост. Р. Я. Кавиладзе. — Тбилиси: «Мецниереба», 1979. — 192 с.

237. [Особое мнение профессоров А. Дмитриевского, А. Булгакова и и. д. доцента Ф. Мищенко] // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. — Киев, 1906. — С. 270–275.

238. Отзыв заслуженного ординарн. проф. И. Малышевского о сочинении доцента А. Дмитриевского «Патмосские очерки», представленном на соискание Макарьевской премии // Извлечение из протоколов совета Киевской дух. академии за 1894/95 учебный год. — Киев, 1895. — С. 68–71.

239. [Отзыв] заслуженного ординарного профессора В. Певницкого о сочинении профессора Академии А. Дмитриевского под заглавием «Ставленник» (Киев, 1904 г.) // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год. — Киев, 1906. — С. 54–78.

240. Отзыв заслуженного экстраординарного профессора П. Лашкарева о сочинении доцента Академии А. Дмитриевского под заглавием:

«Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во св. Иерусалиме», представленном на соискание Макарьевской премии // Извлечение из протоколов совета Киевской духовной академии за 1895/1896 уч. г. — Киев, 1897. — С. 73–78.

241. [Отзыв] экстраординарного профессора В. Завитневича о сочинении ординарного профессора Академии А. Дмитриевского под заглавием: «Архиепископ Арсений Елассонский» и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1900–1901 учебный год. — Киев, 1902. — С. 140–199.

242. Отзыв экстраординарного профессора К. Попова о сочинении профессора А. Дмитриевского под заглавием: «Русские на Афоне» // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. — Киев, 1901. — С. 12–38.

243. Отчет Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1901 год. — Киев, 1902. — 21 с.

244. Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1903 год. — Киев, 1904. — [2], IV, 47 с.

245. Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1904 год. — Киев, 1905. — [2], 43 с.

246. Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1905 год. — Киев, 1906. — 43 с.

247. Отчет Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1906 год. — Киев, 1907. — 44 с.

248. Отчет о деятельности Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1897 год. — Киев, 1898. — [2], 37 с.

249. Отчет о деятельности Киевского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за

1895 год // Киевские епархиальные ведомости. — 1896. — № 4 (16 февраля). — Ч. неоф. — С. 146–161.

250. Отчет о деятельности Киевского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1902 год. — Киев, 1903. — 37 с.

251. Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1907 год. — Киев, 1908. — 41 с.

252. Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1910 год. — Киев, 1911. — 32 с.

253. Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1908 год. — Киев, 1909. — 36 с.

254. Отчет о деятельности Киевского православного религиозно-просветительного общества за 1909 год. — Киев, 1910. — 27 с.

255. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища за 1904–1905 год // Киевские епархиальные ведомости. — 1905. — № 49. — Ч. оф. — С. 545–551.

256. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища за 1905–1906 год // Киевские епархиальные ведомости. — 1907. — № 20. — Ч. оф. — С. 252–257.

257. Отчет о составе и деятельности Смоленского Церковно-археологического комитета за 1915–16 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. — 1916. — № 24. — Отд. оф. — С. 794–802.

258. Отчет о состоянии Богоявленского братства при Киевской духовной академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1893 год // ТКДА. — 1894. — Т. 1, № 2. — С. 290–312.

259. Отчет о состоянии Киевской духов. академии за 1901–1902 учеб. год // ТКДА. — 1903. — № 1. — С. 84–133.

260. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1885/6 учебный год // ТКДА. — 1887. — Т. 1, № 2. — С. 157–201.

261. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1886/7 учебный год // ТКДА. — 1887. — Т. 4, № 11. — С. 423–472.

262. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1888/9 учебный год // ТКДА. — 1890. — Т. 1, № 1. — С. 99–148.

263. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1889/90 учебный год // ТКДА. — 1890. — Т. 4, № 11. — С. 481–534.

264. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1890/91 учебный год // ТКДА. — 1891. — Т. 4, № 11. — С. 295–352.

265. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1892/93 учебный год // ТКДА. — 1893. — Т. 4, № 12. — С. 441–496.

266. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1893/94 учебный год // ТКДА. — 1894. — Т. 4, № 11. — С. 445–511.

267. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1894/95 учебный год // ТКДА. — 1895. — Т. 4, № 11. — С. 329–386.

268. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1895/96 учебный год // ТКДА. — 1896. — Т. 3, № 9. — С. 387–438.

269. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1897/8 учебный год // ТКДА. — 1898. — Т. 3, № 12. Приложение. — С. 1–46.

270. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год // ТКДА. — 1900. — № 9. — С. 361–413.

271. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год // ТКДА. — 1904. — № 12. — С. 579–633.

272. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1904–1905 учебный год // ТКДА. — 1905. — № 11. — С. 309–367.

273. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1905–1906 учебный год // ТКДА. — 1906. — № 12. — С. 578–611.

274. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1907–1908 учебный год // ТКДА. — 1908. — № 11. — С. 390–426.

275. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1900 год. — Астрахань, 1909. — 17 с.

276. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 год. — Астрахань, 1909. — 27 с.

277. Отчет Смоленского Церковно-археологического комитета за второй год его существования, с 5 ноября 1897 г. по 5 ноября 1898 года // Смоленские епархиальные ведомости. — 1899. — № 1. — Отд. оф. — С. 1–6.

278. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1896 год // ТКДА. — 1897. — Т. 1. — С. 632–660.

279. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год // ТКДА. — 1899. — Т. 1. — С. 482–517.

280. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1897 год // ТКДА. — 1898. — Т. 1. Приложение. — С. 1–31.

281. Павлов А. С. [Рец. на: Дмитриевский А. А. Евхологион IV века Сарапиона, епископа Тмуитского. Киев, 1894. [2]+33 с.)] / А. С. Павлов // Византийский временник. — 1894. — Т. 1. — С. 207–213.

282. Пестряков В. М., свящ. Академические воспоминания / В. М. Пестряков // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. — Т. 2: К–П. 2014. — С. 494.

283. Петров М. Скрижалі пам’яті / упоряд. В. Ульяновського, І. Карсим. — Київ: Либідь, 2003. — 336 с.

284. Петров М. Скрижалі пам’яті: коментарі та додатки / склав В. Ульяновський. — Київ, 2003. — 270 с.

285. Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1884 год / Н. И. Петров // ТКДА. — 1885. — № 1. — С. 413–439.

286. Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1891 год / Н. И. Петров // ТКДА. — 1892. — Т. 1, № 2. — С. 333–362.

287. Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1885 год / Н. И. Петров // ТКДА. — 1886. — № 2. — С. 271–298.

288. Петров Н. И. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1898 год / Н. И. Петров // ТКДА. — 1899. — Т. 1, № 3. — С. 482–517.

289. Письма Владимира Петровича Рыбинского к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // ТКДА. — 2016. — № 24. — С. 171–182.

290. Письма протоиерея Корнелия Кекелидзе к профессору А. А. Дмитриевскому / вступ. ст. Н. Ю. Суховой и В. В. Буреги; публ. и прим. Н. Ю. Суховой // ТКДА. — 2015. — № 22. — С. 131–173.

291. Попов К. Д. Объяснение по поводу возражений на рецензию его проф. Дмитриевского / К. Д. Попов // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год. — Киев, 1901. — С. 132–157.

292. Предполагаемое восстановление первоначального вида куполов на Киево-Софийском соборе // Киевские епархиальные ведомости. — 1886. — № 7 (1 апреля). — Ч. неоф. — С. 304–306.

293. Протокол Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, состоявшегося 2 октября 1895 года // Киевские епархиальные ведомости. — 1895. — № 21 (1 ноября). — Ч. неоф. — С. 1025–1027.

294. Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских за 1903 и 1904 годы // ЧОИДР. — 1905. — Кн. 2. IV. Смесь. — С. 1–57.

295. Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских за 1907 год // ЧОИДР. — 1908. — Кн. 1 (224). IV. Смесь. — С. 1–76.

296. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1882 год. — Казань, 1882. — 359 с.

297. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1883 год. — Казань, 1883. — 359 с.

298. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1884 год. — Казань, 1884. — 291 с.

299. Протоколы Совета Киевской духовной академии за 1883/4 учебный год. — Киев, 1884. — 436 с.

300. Рогозный П. Г. «Пред нашими взорами совершился суд над историей»: (Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.] / П. Г. Рогозный // Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. 30. — СПб., 2007. — С. 447–455.

301. Рыбинский В. П. Академические воспоминания / В. П. Рыбинский // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. — Т. 3: Р–Я. — С. 69–87.

302. Сведения о заседаниях Исторического общества летописца Нестора в 1878–87 гг. // ЧИОНЛ. — 1888. — Кн. 2. — Отд. 1. — С. 6–285.

303. Сведения о заседаниях Исторического общества летописца Нестора в 1888 г. // ЧИОНЛ. — 1889. — Кн. 3. — Отд. 1. — С. 1–31.

304. Сведения о заседаниях Исторического общества летописца Нестора в 1889 году // ЧИОНЛ. — 1890. — Кн. 4. — Отд. 1. — С. 1–16.

305. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора Летописца в 1891 г. // ЧИОНЛ. — 1892. — Кн. 6. — Отд. 1. — С. 1–23.

306. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за ноябрь и декабрь 1902 г. // ЧИОНЛ. — 1903. — Кн. 17. — Отд. 1. — С. 69–79.

307. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за апрель — октябрь 1903 года // ЧИОНЛ. — 1903. — Кн. 17. — Отд. 1. — С. 117–138.

308. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за январь — апрель 1904 года // ЧИОНЛ. — 1904. — Кн. 18. — Отд. 1. — С. 39–66.

309. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за апрель — октябрь 1900 г. // ЧИОНЛ. — 1900. — Кн. 14. — Отд. 1. — С. 63–87.

310. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за январь — март 1903 года // ЧИОНЛ. — 1903. — Кн. 17. — Отд. 1. — С. 81–116.

311. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за ноябрь и декабрь 1903 г. // ЧИОНЛ. — 1904. — Кн. 18. — Отд. 1. — С. 14–38.

312. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца за сентябрь и октябрь 1904 г. // ЧИОНЛ. — 1904. — Кн. 18. — Отд. 1. — С. 67–80.

313. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г. // ЧИОНЛ. — 1906. — Кн. 19. — Отд. 1. — С. 3–43.

314. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го ноября 1905 г. по 19-е марта 1906 г. // ЧИОНЛ. — 1906. — Кн. 19. — Отд. 1. — С. 45–77.

315. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 16-го апреля по 9-е октября 1906 года // ЧИОНЛ. — 1906. — Кн. 19. — Отд. 1. — С. 79–102.

316. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. // ЧИОНЛ. — 1895. — Кн. 9. — Отд. 1. — С. 3–45.

317. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1896 года по 27-е октября 1897 года // ЧИОНЛ. — 1898. — Кн. 12. — Отд. 1. — С. 3–31.

318. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с 27-го октября 1898 г. по 27-е октября 1899 г. // ЧИОНЛ. — 1899. — Кн. 13. — Отд. 1. — С. 143–170.

319. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с ноября 1901 г. по март 1902 г. включительно // ЧИОНЛ. — 1902. — Кн. 16. — Отд. 1. — С. 1–37.

320. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца с апреля по октябрь 1902 г. включительно // ЧИОНЛ. — 1903. — Кн. 17. — Отд. 1. — С. 1–56.

321. Сведения о заседаниях Исторического общества Нестора-летописца. Заседание 11-го марта 1907 г. // ЧИОНЛ. — 1907. — Кн. 20. — Отд. 1. — С. 53–55.

322. Соколов И. И. [Рец. на: А. А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой константинопольской церкви. Критико-библиографическое исследование. Киев, 1907] / И. И. Соколов // ЖМНП. — 1911. — Ч. 34. — С. 300–332.

323. Сольский С. М. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1884/5 учебный год / С. М. Сольский // ТКДА. — 1885. — Т. 3. № 12. — С. 675–718.

324. Состав Владимирской ученой архивной комиссии за 2-й год ее существования // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1901. — Кн. III. Приложение. — С. 33–40.

325. Состав Владимирской ученой архивной комиссии за 3-й год ее существования // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1902. — Кн. IV. Приложение. — С. 25–38.

326. Состав Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете к 1 апреля 1908 г. // ЧОИДР. — 1908. — Кн. 1 (224). IV. Смесь. — С. [1]–[8].

327. «Союзом боязни связуем…» (Письма протоиерея Василия Прилуцкого к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1908–1927 гг.)) / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2015. — № 1 (9). — С. 113–148.

328. Список лиц, вошедших в состав Богоявленского братства при Киевской дух. академии со времени открытия его 28 сентября 1882 года по 31 декабря 1885 года // Отчеты о состоянии и деятельности Богоявленского братства при Киевской дух. академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1883, 1884 и 1885 годы с приложением списка всех лиц, вошедших в состав Братства за эти годы. — Киев, 1886. — С. 36.

329. Список лиц, сделавших пожертвования или годичные взносы в кассу Богоявленского братства при Киевской дух. академии в 1886 и 1887 годах // Отчеты о состоянии и деятельности Богоявленского братства при Киевской дух. академии для вспомоществования нуждающимся студентам ее за 1886 и 1887 годы с приложением списка членов Братства, сделавших денежные взносы в кассу его за эти годы, и списка воспитанников Академии, получивших от него пособия в те же годы. — Киев, 1888. — С. 36.

330. Список членов Общества Нестора-летописца к 1-му января 1915 г. // ЧИОНЛ. — 1914. Кн. 24, вып. 2. — Приложение. — С. 1–8.

331. Стельмашенко М. Письмо Ф. И. Титову от 29 мая (1906 г.?) М. Стельмашенко // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев:

Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. — Т. 3: Р–Я. — С. 248–249.

332. Страхова О. Б. «Русский Гоар» А. А. Дмитриевский и его статья об исправлении Служебника в Москве в XVII и XVIII вв. / О. Б. Страхова // Palaeoslavica. — 2004. — Vol. XII/2. — С. 47–197.

333. Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 / под ред. П. С. Уваровой. — М., 1897. — Т. IV. — XII, 242 с.; 92 л. ил., карт.

334. Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. — М., 1902. — Т. II. — 99, 265, 177 с.; 28 л. ил.

335. Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. г. Владимире 20–26 июня 1906 года. — Владимир, 1909. — 657 с.

336. Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // Богословские труды. —1968. —Сб. 4. —С. 85–89.

337. Устав и штат духовных академий, высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. — СПб., 1869. — 46 с.

338. Устав православных духовных академий: утвержден 20 апреля 1884 года. — [Б. м.], [1884]. — 40, [7] с.

339. Устав Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии // ТКДА. — 1901. — № 12. Приложение. — С. 1–8.

340. Ученое паломничество // Киевские епархиальные ведомости. — 1886. — № 12 (15 июня). — Ч. неоф. — С. 560.

341. Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А. А. Дмитриевского и Н. Н. Пальмова / вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2015. — № 4 (12). — С. 164–241.

342. Церковные ведомости. — 1906. — № 46 (18 ноября). С. 487.

343. Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies / eds. G. Dagron, B. Flusin, D. Feissel. — Paris, 2020. (Corpus fontium historiae byzantinae 52/1-5).

344. Palmieri A. Le opera liturgiche del prof. Dmitrievsky / A. Palmieri // Rassegna Gregoriana. — 1907. — VI, № 11–12. — Col. 522–528.

345. Σακκελίων Ἰ. Πατμιακὴ βιβλιοθήκη ἤτοι ἀναγραφὴ τῶν ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς κατὰ νῆσον Πάτμον γεραρᾶς καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου τεθησαυρισμένων χειρογράφων τευχῶν / Ἰ. Σακκελίων. — Ἀθήνα, 1890. — 14, 340, 2 σ.

346. Τυπικὸν τῆς Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίας. Διάταξις τῶν ἱερῶν ἀκολουθιῶν τῆς μεγάλης τῶν παθῶν ἑβδομάδος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, κατὰ τὸ ἀρχαῖον τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίαςἔθος, ἤτοι τὸ ἐν τῷ ναῷ τῆς Ἀναστάσεως. ἐκδίδοται δὲ κατὰ κώδικα τοῦ 1122-ου ἔτους // Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Ἀ. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. — Ἐν Πετρούπολει, 1894. — Τ. Β΄. — Σ. 1–254.

1. 2. Неопубликованные источники

347. Аничков Н. М. Письма А. А. Дмитриевскому // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183.

348. Антонин (Капустин), архим. Дневник. Годы 1887, 1888 // Государственный музей истории религии. Библиотека.

349. Аттестат о службе секретаря Императорского православного палестинского общества, заслуженного профессора, сверхштатного члена Училищного совета при Святейшем Синоде, действительного статского советника в отставке Алексея Дмитриевского. 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1528. Л. 203 об. – 204.

350. Барвинок В. И. Письмо А. А. Дмитриевскому от 25.05.1911 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 355. 2 л.

351. Бердников И. С. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 364. 6 л.

352. Бердников И. С. Письма Н. Ф. Красносельцеву // НИОР РГБ. Ф. 178. Д. 3296. 329 л.

353. Бережков М. Н. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 365. 4 л.

354. Библиографический список трудов печатных и находящихся в рукописях профессора А. А. Дмитриевского // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 108. 64 л. Машинопись.

355. Выписка из журнала заседания Правления академии о выдаче премий преподавателям: архимандриту Платону, Певницкому В., Петрову Н., Дмитриевскому и другим. 9 октября 1901 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8995.

356. Выписка из журнала Правления академии о выдаче пособия доцентам Завитневичу В. и Дмитриевскому А., командированным на VIII Археологический съезд в Москву. 28 декабря 1889 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7609.

357. [Грамота императора Александра III за № 2895 о даровании А. А. Дмитриевскому императорского царского ордена св. Станислава 3 ст. Дана в Санкт-Петербурге 9 июня 1892 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 1.

358. [Грамота императора Николая II за № 1458 о даровании А. А. Дмитриевскому ордена князя Владимира 4-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 4 сентября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 5.

359. [Грамота императора Николая II за № 3552 о даровании А. А. Дмитриевскому ордена св. Анны 2-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 24 июня 1903 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 3.

360. [Грамота императора Николая II за № 5943 о даровании А. А. Дмитриевскому императорского ордена св. Анны 3-й ст. Дана в Санкт-Петербурге 13 ноября 1896 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 9. Л. 2.

361. Дела Нежинского греческого братства // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 215–220, 222.

362. Дела Нежинского греческого братства // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 214. Д. 21–25.

363. Дело о взыскании Киево-Печерской лаврой и Михайловским монастырем книг и рукописей, взятых преподавателями академии Малышевским И., Петровым Н., Голубевым С. и Дмитриевским А. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7725.

364. Дело о выдаче доценту Дмитриевскому А. денег для выезда за границу в командировку // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7404.

365. Дело о выдаче премий преподавателям академии Рыбинскому В., Дмитриевскому А., Ястребову М. и другим. 6 октября — 31 декабря 1899 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8787.

366. Дело о выдаче прогонных денег доценту академии Дмитриевскому А., перемещенному из Казанской духовной академии // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7144.

367. Дело о выдаче профессорам Петрову Н., Дмитриевскому А. премий имени митрополита Макария. 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9524.

368. Дело о денежном вознаграждении преподавателей академии Малышевского И. и Дмитриевского А. 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8397.

369. Дело о заключении с Корчак-Новицким договора на напечатание составленного доцентом академии Дмитриевским А. «Описание литургических рукописей восточных библиотек». 20 апреля — 17 июня 1892 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7963.

370. Дело о назначении % прибавки к содержанию поступившим в академию наставникам: Голубеву, Дмитриевскому, Царевскому, Покровскому, Ефремову, Орнатскому и Розову // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7145.

371. Дело о назначении пенсии профессорам академии Покровскому А., Дмитриевскому А., врачу Леплинскому К. и другим. 10 марта — 24 ноября 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9535.

372. Дело о назначении пенсии профессору академии Дмитриевскому А. 1908 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9611.

373. Дело о получении Волочисской таможней книг, адресованных на имя правления академии, но принадлежащих доценту Дмитриевскому А. Январь 1892 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8030.

374. Дело о получении из Синода денег для выдачи профессору академии Малышевскому И., доценту Дмитриевскому А. и профессору Линицкому П. за написанные ими рецензии. 6-7 июня 1888 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 71501.

375. Дело о получении из Хозяйственного управления Синода денег на содержание сверхштатного профессорского стипендиата Прилуцкого В. 1907 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9555.

376. Дело о предоставлении доценту академии Дмитриевскому заграничного отпуска. 20–22 мая 1893 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8104.

377. Дело о предоставлении доценту Дмитриевскому А. отпуска для поездки за границу и выдаче заграничного паспорта. 21 мая — 3 июня 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8403.

378. Дело о предоставлении отпуска для поездки за границу наставникам академии Олесницкому А., Дмитриевскому А. и Голубеву. 28 мая — 3 июня 1891 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д.7842.

379. Дело о предоставлении отпуска преподавателям академии Олесницкому А., Дмитриевскому А., студенту Иваницкому М. и другим для поездки за границу. 1 апреля — 23 июня 1899 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8791.

380. Дело о расходах денежных средств пна напечатание книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 20 марта 1895 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8363.

381. Дело о расходах денежных средств по печатанию книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 7 мая 1894 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8277.

382. Дело о расходах на издание «Описания литургических памятников восточных библиотек» Дмитриевского А. 13 января — 5 ноября 1901 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9052.

383. Дело о расходах на напечатание книги доцента Дмитриевского А. «Описание литургических памятников восточных библиотек». 1896 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8463.

384. Дело о расходе по напечатанию работы доцента Дмитриевского «Описание литургических памятников восточных библиотек». 15–20 декабря 1893 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8097.

385. Дело об издании Актов и документов по истории Киевской академии. 8 марта — 11 августа 1904 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9298.

386. Дело об издании доцентом академии Дмитриевским А. книги «Описание литургических рукописей восточных библиотек». 2 января — 14 декабря 1891 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 7850.

387. Диплом об избрании А. А. Дмитриевского членом-корреспондентом Императорской академии наук от 29.12.1903 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 6.

388. Дипломы на получение А. А. Дмитриевским звания магистра богословия и доктора церковной истории, выданные Казанской духовной академией // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 5. 2 л.

389. Дмитриевская (Воробьева) К. А. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 435. Л. 2.

390. Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Корректура // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 173. 32 л.

391. Дмитриевский А. А. Письма А. А. Дмитриевского схииеромонаху Агафадору (Буданову) // Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АПРМА). А-1750. Оп. 40. Д. 30, докум. 1750. 4 л.

392. Дмитриевский А. А. Письма 1888 и 1912 годов [афонским монахам] // Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АПРМА). А-1815. Оп. 41. Д. 775, докум. 1815. 25 л.

393. Дмитриевский А. А. Письма схимонаху Матфею (Ольшанскому) // Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АПРМА). Оп. 38. Д. 68, докум. А001576.

394. Дмитриевский А. А. «Наука о православном богослужении». Лекции // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 197. 59 л.

395. Дмитриевский А. А. «Наука о православном богослужении». Лекции по литургике, прочитанные им в Киевской духовной академии // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 196. 447 л.

396. Дмитриевский А. А. [Ответ Н. Ф. Красносельцеву в связи с критикой] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 192.

397. Дмитриевский А. А. Лекции по литургике // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. 160. Д. 550. 748 л.

398. Дмитриевский А. А. [Лекции по церковной археологии] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 113. 134 л.

399. Дмитриевский А. А. Лекции по церковной археологии // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. 160. Д. 1587. 494 л.

400. Дмитриевский А. А. Некролог Е. П. Подвысоцкой // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 195. 2 л.

401. Дмитриевский А. А. Письма А. И. Дмитриевской // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. 97 л.

402. Дмитриевский А. А. Письма В. Д. Юшманову // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 2. Д. 17. 28 л.

403. Дмитриевский А. А. Письма жене, А. И. Дмитриевской // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 306. 97 л.

404. Дмитриевский А. А. Письма Н. П. Кондакову // СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 130. 8 л.

405. Дмитриевский А. А. Письмо А. И. Успенскому // НИОР РГБ. Ф. 434. Картон 3. Д. 30.

406. Дмитриевский А. А. Письмо В. В. Латышеву от 06.05.1905 // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183. Л. 2–2 об.

407. Дмитриевский А. А. Письмо обер-прокурору К. П. Победоносцеву от 24 апреля 1901 г. // ИР НБУВ. Ф. XIII. Д. 4828. Л. 1–2 об.

408. Дмитриевский А. А. Программы лекций по литургике и церковной археологии // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 95. 10 л.

409. Дмитриевский А. А. Прошение в совет Киевской духовной академии о предоставлении ему возможности допечатать свою работу «Описание нежинских рукописей, поступивших в Церковно-археологический Музей при Киевской духовной академии» // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 94. 2 л.

410. Дмитриевская А. И. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 431.

411. Дмитриевская А. И. Прошение о разводе, 1915 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 760.

412. Дмитриевский А. П. Письма к А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 439.

413. Доклад секретаря правления академии о выдаче кандидату Кекелидзе премии митрополита Иосифа. 31 декабря 1904 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9305.

414. Доклад секретаря правления академии о выдаче премии преподавателям академии Линицкому П., Певницкому В., Дмитриевскому А. и другим. 9 октября 1906 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9433.

415. Жебелев С. А. Памяти проф. А. А. Дмитриевского // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 1. Д. 14. 8 л.

416. Кондаков Н. П. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 483. 5 л.

417. Копия диплома магистра богословия А. А. Дмитриевского // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7617.

418. Красносельцев Н. Ф. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491. 139 л.

419. Красносельцев Н. Ф. Письма к И. С. Бердникову // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101, 1103.

420. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по литургике для студентов III курса на 1878/79 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7272.

421. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по литургике для студентов I и III курсов церковно-практического отделения на 1880/1 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7613. Л. 17–18.

422. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по литургике, читанных студентам II курса церковно-практического отделения в 1877/8 году // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173.

423. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по церковной археологии для студентов I курса на 1878/9 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7272.

424. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по церковной археологии для студентов II курса на 1878/9 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7272.

425. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по церковной археологии для студентов второго курса ц.-практического отделения на 1879/80 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7400. Л. 13–13 об.

426. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по церковной археологии за 1882/3 год // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7713. Л. 177–178.

427. Красносельцев Н. Ф. Программа лекций по церковной археологии, читанных студентам II курса церковно-практического отделения в 1877/8 году // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173.

428. Красносельцев Н. Ф. Программа по литургике для студентов III курса 1877/78 г. // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173.

429. Красносельцев Н. Ф. Программа чтений по церковной археологии для студентов первого курса на 1877/78 год // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7173.

430. Латышев В. В. Письмо Н. М. Аничкову от 09.05.1905 // АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

431. Лашкарев П. А. Конспект лекций П. А. Лашкарева по церковной археологии // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 820. Л. 3–28.

432. Лашкарев П. А. О священном облачении. Отрывок из лекции по литургике. Автограф // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 826. 2 л.

433. Лашкарев П. А. Отчет об уроках по церковной археологии, преподанных студентам II и III курса церковно-практического отделения за 1883/1884 учебный год. Автограф // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 820. Л. 1–2.

434. Лисицын М. А. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 512. 4 л.

435. Неселовский А. З. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 542. 12 л.

436. Никитский С. Письмо А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 545. Л. 2 л.

437. Никонов С. И. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 551. 4 л.

438. О переходе приват-доцента А. Дмитриевского на должность доцента в Киевскую духовную академию // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. 5л.

439. О программах преподавания в духовных семинариях и училищах // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1885 г. Д. 29 а-л.

440. О службе кандидата Киевской академии 1904 г. прот. Корнилия Кекелидзе // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 2045.

441. О службе окончившего в 1890 г. курс кандидата Киевской дух. Академии Афанасия Неселовского // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 944.

442. О службе окончившего в 1897 г. курс кандидата Киевской дух. академии Николая Пальмова // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911. Д. 453. 6 л.

443. О соискании степени доктора церковной истории доцентом Киевской академии А. Дмитриевским // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9511. 7 л.

444. О составлении и рассмотрении семинарских программ преподавания // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840ф.

445. Об утверждении доцента Киевской духовной академии Дмитриевского в степени доктора церковной истории // РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 575. 22 л.

446. [Отношение Общества любителей русского исторического просвещения в память императора Александра III на имя А. А. Дмитриевского от 8 апреля 1899 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 4.

447. [Отношение Петровского общества исследователей Астраханского края на имя А. А. Дмитриевского от 31 октября 1900 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 5.

448. [Отношение Смоленского церковно-археологического комитета на имя А. А. Дмитриевского от 26 марта 1898 г.] // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 3.

449. Отношение Совета Киевской духовной академии от 17 февраля 1884 г. за № 168 // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7840о. Л. 3.

450. Параллельные программы учебных предметов в духовных академиях // РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 195.

451. Письмо Совета КДА А. А. Дмитриевскому от 8 августа 1887 г. за № 463 // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 6. Л. 2–2 об.

452. Подвысоцкие Е. П. и С. П. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 588.

453. Попова Е. В. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 597. 129 л.

454. Представление Киевскому митрополиту Иоанникию о предоставлении ординарному профессору Дмитриевскому А. отпуска для поездки за границу. 25–29 мая 1897 г. // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8520.

455. Программы по предметам академического образования, присланные для рецензий // НИОР РГБ. Ф. 172. Картон 37. Ед. хр. 18. Л. 2 об., 3–8.

456. Программы предметов, преподаваемых в духовных академиях // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 20.

457. Прошение ординарного профессора академии Дмитриевского А., профессорского стипендиата Глаголева А. и Орнатского Ф. о выдаче свидетельства на вступление в брак // ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 8792.

458. Рыбинский В. П. Воспоминания // Архив МДА. Папка 283. Машинопись.

459. Рыбинский В. П. Воспоминания // Архив МДА. Папка 284. Рукопись.

460. Саккелион И. Письмо А. А. Дмитриевскому от 9 февраля 1891 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 736. 2 л.

461. Свидетельство о браке А. А. Дмитриевского с Анастасией Ивановной Никоновой, выданное русской посольской церковью. 29 сентября 1899 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 12. 2 л.

462. Совет Киевской духовной академии. 20 июня 1887 г. № 387. Свидетельство // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 6. Л. 1–1 об.

463. Уведомления на имя А. А. Дмитриевского об избрании его членом различных обществ и академий с сопроводительным письмом при дипломе почетного члена Московской духовной академии // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 10. Л. 16 л.

464. Успенский А. И. Письма А. А. Дмитриевскому. 1907 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 651. 8 л.

465. Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской духовной академии, статского советника Алексея Афанасьевича Дмитриевского за 1905 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 163. Л. 17–21.

466. Харлампович К. В. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 659. 9 л.

2. Литература

467. Абибок Ю. Борьба за свято место: патриарху Филарету очень нужен офисный центр на святых развалинах / Ю. Абибок // Сайт «Остров». https://www.ostro.org/general/society/articles/430383/ (дата размещения: 06.11.2013; дата обращения: 16.10.2020).

468. Абулгазиева А. Г., Абрамцова А. А. Деятельность А.А. Дмитриевского по сохранению астраханских памятников церковной архитектуры в годы гражданской войны / А. Г. Абулгазиева, А. А. Абрамцова // Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» (г. Астрахань, 19 апреля 2018 г.) / отв. ред. и сост.: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, А. П. Глазков. — Астрахань: Астраханский государственный университет; Издательский дом «Астраханский университет», 2018. — С. 12–15.

469. Академическая премия митрополита Макария (1867–1919): Сборник документов / сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2018. 216 с. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»; вып. 11).

470. Акентьев К. К. Дрезденский список Типика константинопольской св. Софии (Cod. Dresden A 104). Реконструкция текста по материалам архива А. А. Дмитриевского (в печати) / К. К. Акентьев // Сайт «Византинороссика: Санкт-Петербургское общество византино-славянских исследований». URL: http://byzantinorossica.org.ru/opendjvu.html?sources+dmitrievskii+dresden104.djvu (дата обращения: 04.04.2015).

471. Акентьев К. К. Следы дрезденского списка (A 104) Типика константинопольской св. Софии в архиве А. А. Дмитриевского. 18 с. / К. К. Акентьев // Сайт «Византинороссика: Санкт-Петербургское общество византино-славянских исследований». URL: http://byzantinorossica.org.ru/sources/papers/dresden104.pdf (дата обращения: 04.04.2016).

472. Акентьев К. К. Типикон Великой церкви Cod. Dresden. A 104: реконструкция текста по материалам архива А. А. Дмитриевского / К. К. Акентьев. — СПб.: Византинороссика, 2009. — (Subsidia Byzantinorossica; 5). — 162 с.

473. Акишин С. Ю. Библиография трудов проф. А. А. Дмитриевского в порядке их публикации / С. Ю. Акишин // Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929). 259 электронных книг и статей в форматах pdf и djvu общим объемом 12600 страниц / сост. С. Ю. Акишин. — СПб.: Аксион эстин, 2009. — (Великие русские ученые и богословы; Вып. 1). — CD. — С. 1–23.

474. Акишин С. Ю. Деятельность профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) / С. Ю. Акишин // ТКДА. — 2014. — № 20. — С. 233–266.

475. Акишин С. Ю. Переписка проф. А. А. Дмитриевского с женой А. И. Дмитриевской как источник по истории Предсоборного Присутствия / С. Ю. Акишин // Вестник Оренбургской духовной семинарии. — 2017. — № 1 (7). — С. 41–50.

476. Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского / С. Ю. Акишин // ТКДА. — 2011. — № 15. — С. 249–267.

477. Акишин С. Ю. Преподавательская деятельность профессора А. А. Дмитриевского на Высших Богословских курсах Ленинграда / С. Ю. Акишин // ТКДА. — 2012. — № 17. — С. 251–278.

478. Акишин С. Ю. Профессор А. А. Дмитриевский как преподаватель литургики в Киевской духовной академии: источники, структура курса, отзывы студентов / С. Ю. Акишин // ТКДА. — 2020. — № 32. — С. 307–341.

479. Акишин С. Ю. Профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги П. П. Кудрявцева / С. Ю. Акишин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 3 (23). — С. 167–196.

480. Акишин С. Ю. Эпистолярные контакты профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского и схимонаха Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне Матфея (Ольшанского). Рецензия на кн.: Дмитриевский А. А., Матфей (Ольшанский), схим. Русская наука и

Афон. Письма 1886–1911. М.: Изд-во Индрик, 2017. 512 с. / С. Ю. Акишин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 2 (22). — С. 345–361.

481. Акишин С. Ю. «Это был человек глубоко преданный науке и прямо влюбленный в свою литургику»: профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский в воспоминаниях его коллеги В. П. Рыбинского / С. Ю. Акишин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2021. — № 34. — С. 264–286.

482. Акишин С. Ю., Бурега В. В. Дмитриєвський Олексій Афанасійович / С. Ю. Акишин, В. В. Бурега // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. — Т. 1. — С. 458–463.

483. Акишин С. Ю., Терехов М. А. История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А. А. Дмитриевского / С. Ю. Акишин, М. А. Терехов // Церковь. Богословие. История: мат-лы Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). — Екатеринбург: Информ.-изд. отд. ЕДС, 2014. — С. 15–20.

484. Акишин С. Ю., Терехов М. А. Об одном нереализованном проекте издания Литургической хрестоматии / С. Ю. Акишин // Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). — Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. — С. 18–28.

485. Алипов П. А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии / П. А. Алипов // Будущее нашего прошлого: материалы Всероссийской научной конференции (РГГУ, 15–16 июня 2011 г.). — М., 2011. — С. 7–20.

486. Арранц М. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия / пер. с фр. И. П. Медведев // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. — СПб., 1995. — С. 120–133.

487. Афонский Сергей Петрович, прот. // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. — Т. 1: А–Й. — С. 96–97.

488. Барвинок Владимир Иванович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. — Т. 1: А–Й. — С. 109–110.

489. Бовкало А. А. Литургика в Петрограде после 1918 г. / А. А. Бовкало // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2000 г. — М., 2000. — С. 393–400.

490. Бовкало А. А. Последний год существования Петроградского Богословского Института / А. А. Бовкало // Минувшее: Исторический альманах. — М.; СПб., 1998. — Вып. 24. — С. 484–549.

491. Боднарчук Д. В. Палеография в трудах А. А. Дмитриевского / Д. В. Боднарчук // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. Ч. 14. — С. 20–22.

492. Бурега В. В. Кекелідзе Корнелій Самсонович / В. В. Бурега // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. — Т. 1. — С. 677–683.

493. Герд Л. А. А. А. Дмитриевский как староста Николо-Александровской Барградской церкви в Петербурге / Л. А. Герд // Родное и вселенское: к 60-летию Н. Н. Лисового: [сб. статей]. — М., 2006. — С. 105–123.

494. Герд Л. А. А. А. Дмитриевский: между наукой и церковной политикой / Л. А. Герд // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. — СПб., 2008. — С. 190–202.

495. Герд Л. А. Дмитриевский А. А. / Л. А. Герд // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2007. — Т. 15. — С. 429–435.

496. Герд Л. А. Переписка В. Н. Хитрово в архивном фонде А. А. Дмитриевского / Л. А. Герд // Православный Палестинский сборник. — 2005. — Вып. 102. — С. 66–74.

497. Глазков А. П. Философское значение научного наследия А.А. Дмитриевского / А. П. Глазков // Свет Православия. — 2015. — № 5 (231). — С. 12–14.

498. Грушевой А. Г. Императорское православное палестинское общество в кризисные годы (1905–1910 гг.) (к вопросу об интерпретации «Доклада секретаря» 10 октября 1908 г.) / А. Г. Грушевой // Дмитриевские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани)» (г. Астрахань, 19 апреля 2018 г.) / отв. ред. и сост.: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, А. П. Глазков. — Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. — С. 55–73.

499. Грушевой А. Г. Императорское православное палестинское общество в кризисные годы: 1905–1910 гг. // Иерусалимский православный семинар. — М.: Индрик, 2018. — Вып. 8. — С. 108–122.

500. Желтов М. С. Рецензия на книгу: Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / подготовка текста и публикация А. Г. Кравецкого. М., 2004 // Вестник ПСТГУ I: Богословие и философия [Труды кафедры Литургического богословия]. — 2005. — Вып. 14. — С. 191–195.

501. Иванов Феодосий Николаевич // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. — Т. 1: А–Й. — С. 553–554.

502. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. — М., 2015. — 396 с.

503. Карпук Д. А. Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский / Д. А. Карпук // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2016. — Т. 42. — С. 487–502.

504. Кириченко Л. Улица Владимирская в Киеве: дома, где вырос Вертинский и пел Шаляпин / Л. Кириченко // Сайт «Киевский КОД: Клуб отличного досуга». URL: https://kiev-code.com.ua/site/page.php?lang=RU&id_article=282&id_part=705 (дата обращения: 16.10.2020).

505. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 2003. — 486 с.

506. Копировский А. М., Сягаева В. В. Концепция Н. В. Покровского о происхождении христианской базилики в контексте современных исследований / А. М. Копировский, В. В. Сягаева // Вестник Свято-Филаретовского института. — 2020. — Вып. 33. — С. 100–117.

507. Корогодина М. В. К истокам описания рукописей как науки (XVIII — начало XIX в.) / М. В. Корогодина // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / сост. и ред.: Ф. В. Панченко (отв. ред.), О. С. Сапожникова. — СПб.: БАН, 2020. — С. 708–727.

508. Крайній К. К. Київське Церковно-історичне і археологічне товариство: 1872–1920. — Київ, 2001. (Лаврський альманах; вип. 4). — 104 с.

509. Кудрявцев Петр Павлович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. — Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. — Т. 2: К–П. — С. 154–161.

510. Кузьміна С. Л. Лашкарьов Петро Олександрович / С. Л. Кузьміна // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 29–32.

511. Кузьміна С. Л. Неселовський Афанасій Захарович / С. Л. Кузьміна // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 261–263.

512. Лаптева Л. П. Несостоявшийся форум русских филологов-славистов 1904 г. / Л. П. Лаптева // Славянский мир: общность и многообразие: к 1150-летию славянской письменности: 20–21 мая 2013 г.: Международная научная конференция: тезисы. — М., 2013. — С. 61–64.

513. Лисовой Н. Н. А. А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины / Н. Н. Лисовой // Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. — С. 6–78.

514. Лисовой Н. Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) / Н. Н. Лисовой // Православный Палестинский сборник. — М., 2005. — Вып. 102. — С. 6–35.

515. Лисовой Н. Н. Люди Русской Палестины в изображении А. А. Дмитриевского / Н. Н. Лисовой // Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины / сост. Н. Н. Лисовой. — М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. — С. 5–18.

516. Лисовой Н. Н. Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода / Н. Н. Лисовой. — М.: Индрик, 2016. — С. 337–380.

517. Лобовикова К. И. А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна: Неск. штрихов к биографии ученого / К. И. Лобовикова // Мир русской византинистики: Материалы архивов С.-Петербурга / ред.: И. П. Медведев. — СПб., 2004. — С. 241–255.

518. Марков А. С. Жизнь и труды Алексея Дмитриевского / А. С. Марков. — Астрахань, 2016. — 196 с.; 2-е изд. — Астрахань, 2021. — 220 с.

519. Махно Л., свящ. Обзор литургических трудов профессора А. А. Дмитриевского: Стипендиатский отчет по кафедре литургики / Л. Махно; МДА. Загорск, 1967. Машинопись.

520. Махно Л., свящ. Список трудов проф. А. А. Дмитриевского в порядке их публикации / Л. Махно // Богословские труды. — 1968. — Сб. 4. — С. 95–108.

521. Медведев И. П. И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение / И. П. Медведев // Мир русской византинистики / под. ред. И. П. Медведева. — СПб., 2004. — С. 207–240.

522. Медведев И. П. Материалы к истории рукописных собраний Санкт-Петербурга / И. П. Медведев // Православный Палестинский сборник. — СПб., 1998. — Вып. 98. — С. 132–138.

523. Пастушенко Л. А. Кудрявцев Петро Павлович / Л. А. Пастушенко // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. — Т. 1. — С. 729–735.

524. Пастушенко Л. А. Пальмов Микола Миколайович / Л. А. Пастушенко // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 364–368.

525. Писцов В., диак. К истории послереволюционного периода жизни и деятельности проф. Дмитриевского В. Писцов // Сайт «Богослов.ru». URL: http://bogoslov.ru/text/293749.html (дата обращения: 01.06.2014).

526. Репина Л. П. Биографический подход в интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Философский век. Альманах. — 2006. — Вып. 32, ч. 2. — С. 101–108.

527. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с. — (Образы истории).

528. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях / Л. П. Репина // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. — М.: Квадрига, 2010. — С. 5–16.

529. Романцова Е. В. Философское осмысление историко-религиозных, политических и педагогических взглядов А. А. Дмитриевского / Е. В. Романцова // Астраханский меридиан: альманах. — Вып. 1. Духовная традиция: региональные исследования. — Астрахань, 2010. — С. 60–70.

530. Сове Б. И. Русский Гоар и его школа / Б. И. Сове // Богословские труды. — М., 1968. — Сб. 4. — С. 37–84.

531. Сусленков В. Е. Археологический институт в Константинополе / В. Е. Сусленков // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001. — Т. 3. — С. 503.

532. Сухова Н. Ю. «Ваш приезд всколыхнул наше духовное общество» (о последнем посещении А. А. Дмитриевским Киева в 1926 г.) / Н. Ю. Сухова // Церковь. Богословие. История. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.) — Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2014. — С. 238–243.

533. Сухова Н. Ю. «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир…» (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею

Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / Н. Ю. Сухова // ТКДА. — 2014. — № 20. — С. 188–231.

534. Сухова Н. Ю. А. А. Дмитриевский и ученики: проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX — начало XX в.) / Н. Ю. Сухова // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). — Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2015. — С. 583–595.

535. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.) / Н. Ю. Сухова. — М., 2012. — 658 с.

536. Сухова Н. Ю. Корпорация Киевской духовной академии в 1926–1929 гг. (по письмам членов корпорации А. А. Дмитриевскому) / Н. Ю. Сухова // ТКДА. — 2014. — № 21. — С. 105–119.

537. Сухова Н. Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX — начало XX в.) / Н. Ю. Сухова // Она же. Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. — М., 2007. — С. 172–216.

538. Сухова Н. Ю. Формирование литургики как академической дисциплины (1814–1869) / Н. Ю. Сухова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2017. — № 2 (18). — С. 88–116.

539. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века. История Императорских православных духовных академий / В. А. Тарасова. — М., 2005. — 568 с.

540. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. — Волгоград: Учитель, 2014. — 504 с.

541. Ткачук М. Л. Афонський Сергій Петрович / М. Л. Ткачук // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп.

ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. — Т. 1. — С. 193–195.

542. Ткачук М. Л. Діаковський Євфимфій Петрович / М. Л. Ткачук // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. — Т. 1. — С. 454–456.

543. Ткачук М. Л. Лисицин Михайло Олександрович / М. Л. Ткачук // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 71–75.

544. Ткачук М. Л. Трансформационные процессы в духовной школе начала XX века: опыт Киевской духовной академии / М. Л. Ткачук // Труди Київської духовної академії. — 2011. — № 14. — С. 121–129.

545. Ткачук М. Л. Христофор (Смирнов Федір Олексійович), епископ / М. Л. Ткачук // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 774–778.

546. Ткачук М. Л., Бурега В. В. Материалы к биографии профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева в Архиве Московской духовной академии: их предыстория и источниковедческий потенциал / М. Л. Ткачук, В. В. Бурега // ТКДА. —2017. — № 27. — С. 154–175.

547. Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А. Прилуцький Василь Дмитрович / М. Л. Ткачук, Л. А. Пастушенко // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: у двох томах / упор. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2016. — Т. 2. — С. 479–481.

548. Турилов А. А., Вах К. А., Слуцкий С. Российская наука и Святая Гора Афон / А. А. Турилов, К. А. Вах // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными

востоковедами России и других стран. — Святая Гора Афон, 2015. — (Сер. «Русский Афон XIX–XX вв.»; кн. 11). — С. 13–30.

549. Ульяновский В. И. Церковно-археологический музей при КДА: борьба идей — Петров и Дмитриевский / В. И. Ульяновский // Проблемы славяноведения. — Брянск, 2002. — Вып. 4. — С. 121–146.

550. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. — М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. — 624 с.

551. Харлампович К. В. Нариси з історії грецької колонії в Ніжені (XVII–XVIII ст.) / К. В. Харлампович // Записки історично-філологічного відділу. — У Київі, 1929. — Кн. XXIV. — С. 109–205.

552. Харлампович К. В. Нариси з історії грецької колонії в Ніжині (XVII–XVIII ст.). До історії національних меншостей в Україні / К. В. Харлампович. — Ніжин, 2011. — 379 с.

553. Шаманаев А. В. Русский археологический институт в Константинополе и Всероссийские археологические съезды / А. В. Шаманаев // Византийский временник. — 2018. — № 102. — С. 326–334.

554. Щепёткин А., диак. Лекции А. А. Дмитриевского по общей литургике (некоторые замечания к истории создания) / А. В. Щепёткин // Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). — Екатеринбург: Информационно-издательский отдел ЕДС, 2014. — С. 275–282.

555. Эйнгорн В. [А.] К истории иноземцев в Старой Малороссии / В. А. Эйнгорн. — М., 1908. — 53 с.

556. Эльмуратов Р. К. Научные командировки за границу профессора КДА А. А. Дмитриевского и их значение для российской литургической науки / Р. К. Эльмуратов// Сборник студенческих работ. 2009. — М.: ПСТГУ, 2009. — С. 57–68.

557. Aalst G., van. A. A. Dmitrievsky (1856–1929): Biographische gegevens en zijn liturgische leer vooral over het liturgisch typikon / G. van Aalst // Het

Christelijk Oosten. — Nijmegen,1955. — T. 7. — P. 29–37, 212–225; 1956. — T. 8. — P. 163–176.

558. Aalst G., van. Die Bibliographie des russischen Liturgisten A. A. Dmitrievsky / G. van Aalst // OCP. — 1960. — Vol. 26. — P. 108–140.

559. Arranz M. Les archives de Dmitrievsky dans la bibliothèque d'Etat de Leningrad / M. Arranz // OCP. — 1974. — Vol. 40. — P. 61–83.

560. Δημητρακόπουλος Φ. Ἀ. ᾽Αρσένιος Ἐλασσόνος (1550–1626). Βίος, ἔργο, ἀπομνημονεύματα: Συμβολή στὴ μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς / Φ. Ἀ. Δημητρακόπουλος. — Ἀθῆναι, 2007. — 475 σ.